

СМОН 2097

Балетин Курбайтов **ДОВОЙ**
Шарль Эсбротья **ЛУМЬИ**

ЗИМНИЙ
СПОРТ
И ТЕРМАЛЬНОЕ
ЛЕЧЕНИЕ

Зас приглашает
турфирма
"БОРМОС"

АВСТРИЯ

(Бад Клайнкирхейм)

ИТАЛИЯ

(Бормио)

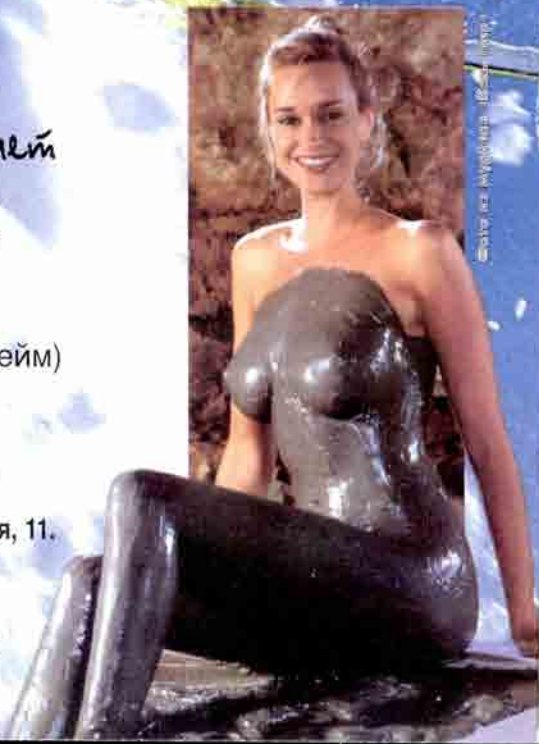
Москва,

Б. Коммунистическая, 11.

Тел.: (095) 912-73-60,

912-39-79, 149-90-24.

Читайте стр. 216-217

СМЕНА

ЕНЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

худ.-технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.11.96.
Подписано к печати 25.12.96.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр. отт. 17,64.
У-изд. л. 23,10.
Тираж 87000 экз.
Заказ № 1387

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

**Учредитель - коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

2 (1588) ФЕВРАЛЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 62** АНДРЕЙ ИЛЫИН
проза **ОБЕТ МОЛЧАНИЯ-3**
Остроконечный боевин
- 170** РОБЕРТ ДЭВИС
ЖЕНСКАЯ ПОРОДА
Рассказ
- 218** ШАРЛЬ ЭКСБРАЙЯ
ЛГУНЫИ
Детектив
- 32** ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ
поэзия
- 36** ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ
время и мы **НА БЕРЕГАХ ХОПРА**
- 48** МАЙЯ ОРЛОВА
**«МАРКИЗА»
ВЫХОДИТ НА
СВЯЗЬ**
- 144** СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ
**ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ
УМНИКИ**
- 198** ИГОРЬ ЦИКУНОВ
ЗАКОЛДОВАННЫЕ
- 8** ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ
история и культура **ДОМОВОЙ**
- 156** ИВАН ЗЮЗЮКИН
БРАТ МОЙ...
- 192** АЛЕКСАНДР ЗБРУЕВ:
**«ТЕАТР ПОКА
ДЕРЖИТСЯ, НО...»**

212 ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ
**НЕСУЕТЛИВЫЙ
ДЕМАРИН**

287 ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВ
**ВОСПОМИНАНИЕ
О ЛЕТЕ**

■
На 1-й обложке:
ледяная композиция
Фото МИХАИЛА ШАБАЛИНА.

А Н О З Н С

**МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК
НЕ ПЛАЧЬ,
МОЯ ЛЕДИ**

В центре романа современной американской писательницы - история двух сестер, двух голливудских звезд, старшая из которых погибает, упав с балкона небоскреба. Самоубийство или убийство? Следствие склоняется к версии убийства, и главным подозреваемым становится жених погибшей - мультимиллионер. Младшая сестра, безумно в него влюбленная, делает все возможное, чтобы узнать правду о трагедии. Таинственный убийца - рядом и старается замести следы, убирая с пути невольных свидетелей. Но чем изощреннее злодейство, тем эффективнее должна быть победа над ним, что лишний раз подтверждает Мэри Кларк хэппи-эндом романа.

**ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ.
АЛЕКСАНДР КУПРИН:
ДЕГОТЬ И ПАТОКА**

...После долгих лет эмиграции возвращается на родину замечательный русский писатель Александр Иванович Куприн. Знал ли он, что жить ему остается - считанные месяцы? Знал ли он, что сам факт его возвращения обернется политическим фарсом? О драматической судьбе большого таланта рассказывает автор очерка.

Дорогие друзья!

В июле прошлого года мы попросили вас ответить на вопросы, связанные с нашим журналом: что из публикуемого в «Смене» нравится вам, о чем бы хотелось прочесть в последующих номерах; что проскальзывает мимо глаз и души; каким видится вам журнал в будущем?..

Мнение постоянных читателей, подписчиков «Смены», безусловно, многое значит для нас – без живого читательского участия вряд ли журнал мог бы вот уже восьмой десяток лет быть одним из самых популярных в стране.

Искреннее спасибо всем, кто откликнулся на нашу просьбу. А таких, надо сказать, немало. Мы получили более двух тысяч заполненных анкет, где подробно разбираются достоинства и промахи «Смены». И плюс к анкетам – много писем.

Пристрастность, заинтересованность, глубокие рассуждения о журнале, душевная теплота, с которой вы обращаетесь к редакции, советуя, как сделать «Смену» лучше, интереснее, – самый важный результат проведенного опроса.

И тут я не могу не привести некоторые строки из ваших писем.

«...Мы всей семьей садились и думали, – пишет **Галина Семеновна Аскирова из Курска**, – что же важнее: подписка, туфли или же просто возможность дотянуть до зарплаты. И всегда побеждала «Смена».

Алла Гавриловна Просвиркина (Обнинск Калужской обл.) считает: «Главное, что журнал не идет на поводу у «чернухи» и «порнухи», хотя отражает все стороны нашей жизни...»

«...Выписываю «Смену» уже 26 лет. Все подписки храню, переплела...Журнал прочитываю от корки до корки, с нетерпением жду следующего номера». (**И.Клыкова, Челябинская обл.**).

«...Нахожу в журнале много интересного, иногда и ответы на вопросы, которые нынче ставит жизнь». (**И.Солоничин, Пермь**).

«С 1964 года не пропустил ни одного номера, – пишет **А.Петросов из Тульской области**. – И материалы из вашего журнала служили мне верой и правдой, подспорьем в жизни...»

В каждом письме, присланном вместе с заполненной анкетой, строк таких немало. Спасибо, дорогие друзья, за сердечное внимание к «Смене», за доброжелательность. Но не стоит думать, что в письмах читательских – сплошные «розы». Есть и «шипцы», а вернее, очень точные замечания, касающиеся и содержания, и формы. «...Совсем почти не стало фантастики, мало патриотических статей. Очень редко пишете о спорте и о проблемах безработицы среди молодежи», – сетует **З.Михина из Костромской обл.** А **Ю.Решетов из Амурской области** недоволен тем, что «...на изгибах журнал часто ломается. Плохое качество переплета». Хотя формат журнала он считает «самым оптимальным». «Хорошо бы к кроссвордам прибавить ребусы, шарады, загадки. – советует нам семья **Степановых из Москвы**. – Головой хочется поработать, да и детям нашим это интересно и полезно...»

Для чего же мы обратились к вам, дорогие читатели, с просьбой ответить на вопросы анкеты и прислать ваши замечания и пожелания? Почему письма ваши столь важны для журнала?

Любое издание – газета ли, журнал, книга – долговечно и «жизнестойко» лишь тогда, когда оно имеет **своего** читателя. Проще говоря, необходимо, чтобы пишущие и читающие работали как бы на одной волне. Нащупать, поймать эту волну (как при настройке радиоприемника) и помогает «обратная связь» – то есть ваше отношение к журналу.

Социологи Института молодежи (руководители – профессора В.Левичева и В.Луков), летом и осенью прошлого года проанализировав ваши ответы, выборочно опросив еще сотни читателей и распространителей «Смены», достаточно четко и убедительно «нарисовали» картину наших с вами взаимоотношений.

Главное: у «Смены» есть свой – верный, преданный читатель. Выписывающий журнал в течение многих лет.

Он, этот читатель, образован (80 процентов читающих «Смену» имеют высшее и среднее специальное образование); возраст его – от 25 лет и старше; он интеллигентен и представляет, как нынче принято говорить, «средний класс». То есть живет отнюдь не богато. Это – врачи, учителя, инженеры, библиотекари, военнослужащие, студенты... Те, кто не так просто «вписывается» в новые условия жизни и в то же время не хнычет, не кланчит, не митингует по поводу и без повода, а работает. Работает честно, много и увлеченно. Как и привык работать интеллигентный человек.

Для любого издателя, журналиста, писателя такой вот читатель – находка. И мы благодарны вам уже за то, что вы выкраиваете время в нынешней суматошной и трудной жизни читать «Смену». Дома, в недолгие часы отдыха; по дороге на работу и с работы – в трамвае, метро, автобусе, электричке... Выписывая журнал, покупая его в киосках, передавая из рук в руки, вы как бы тянете ниточку – от сердца к сердцу, от души к душе.

Вот эта незримая связь и объединяет всех нас в достаточно большую и дружную семью «сменовцев».

Что же больше всего затрагивает вас?

Это – остросюжетная проза; история нашей страны и судьбы ее лучших людей; очерки об Отечестве; рассказы о художниках, писателях и мастерах; статьи на медицинские темы (особенно – психологов и психотерапевтов); материалы о морали и нравственности; судебные очерки; «житейская экономика» и размышления о сегодняшнем экономическом положении страны, о том, как же нам жить стабильней, лучше...

Вы с удовольствием разгадываете кроссворды («они не очень-то легкие...») и решаете шахматные задачи; вас радуют юмористические рисунки и (правда, не всегда) фотопортреты. Вы вырезаете и храните цветные иллюстрации шедевров живописи и переплетаете понравившиеся вам новеллы и романы...

Но вас огорчает, что многие номера «Смены» плохо склеены. Что печать бывает серой и невыразительной, что маловато в журнале юмора и хороших статей, очерков о семье, о молодежи. Вам бы хотелось читать побольше фантастики и отечественных детективов и «ломать мозги» над ребусами и загадками...

Обложка журнала вам видится «более информационной, содержательной, броской, яркой...», а вот «безликое оформление», естественно, огорчает вас. Спорт, музыка, наука, жизнь российской провинции, мода и «стиль жизни», на ваш взгляд, также недостаточно присутствуют на страницах «Смены».

Когда семь лет тому назад мы (вынужденно!) меняли формат журнала, то, честно говоря, очень боялись: как отнесетесь вы, читатели, к «Смене»-толстушке? К тому же вместо ежегодных 24 номеров подписчик получал вдвое меньше. (Правда, объем журнала сохранился прежний...). К счастью, опасения наши оказались напрасными – **подавляющему большинству читателей новый формат «Смены» понравился даже больше прежнего!**

Мы искренне рады этому...

Что касается качества бумаги, печати, склейки – с нынешнего года, думаем, эти проблемы постепенно исчезнут. Во всяком случае, уже сейчас переплет журнала, бумага, обложка и цветные вкладки, изменились к лучшему.

Многие читают «Смену» всей семьей. Поэтому, планируя очередные номера журнала, мы стараемся, чтобы в них нашли нечто свое, по душе все – и родители, и дети, и внуки. «Демократичность» и «политическая нейтральность» журнала (что со знаком плюс отметило большинство читателей) в данном случае, как нам кажется, как раз и способствуют этому.

Литературно-художественному журналу вряд ли стоит тягаться с газетой или еженедельником по части «информационности и сенсационности». Не суетные, глубокие размышления о жизненных проблемах и явлениях, важные уму и сердцу житейские истории, беллетристика и высокая художественная словесность – вот путь «Смены» к читательскому интересу.

Но все это не исключает и утилитарно полезные советы – так сказать, для дома, для семьи.

Как быть здоровым; как строить семейный очаг и бюджет; как уберечься от штормовых волн нынешней «рыночной экономики»; как лучше организовать свой отдых, досуг; как наладить свое дело, войти в малый бизнес (а может, и в большой...); на что ориентироваться, выбирая жизненный путь, – и об этом расскажет вам «Смена».

Уже с первого номера мы открываем информационную рубрику о книжных новинках. Об этом, кстати, нас просили многие читатели. Ведь издательский бум может ошарашить даже искушенного книгочея. Без компаса в этом книжном море никак не обойтись...

Словом, «Смена»-97 постарается учесть ваши пожелания с максимальной пользой и для себя, и для вас.

Трудно живется сегодня и журналу, и читателю. Многое, происходящее нынче, тревожит и ум, и душу. Стыд, совесть, нравственность так же, как и бесстыдство, бессовестность и безнравственность обретают вполне материальную сущность.

Нехватка денег и душевных сил зачастую попросту загоняют человека в угол. Поэтому-то мы и не пишем о «светлом будущем». (Будущее – оно всегда одного цвета – цвета надежды...)

Дать читателю духовную опору в дне сегодняшнем и чуточку надежды на завтрашний день – вот чем озабочены мы.

Конечно, мы бы хотели, чтобы «Смену» читали «от Москвы до самых до окраин». Но, опять-таки, понимаем: не всем по карману подписаться на журнал (хотя, заметим, что цена на подписку – одна из самых низких; и подписаться можно и на квартал, и на месяц; а если в редакции, то выйдет куда дешевле...). Нет денег в местных бюджетах, чтобы оформить подписку на журнал для городских, районных, сельских библиотек. (Не говоря уже о библиотеках школьных и вузовских...)

И все же...

Можно подписаться на «Смену» вместе с соседями – по лестничной площадке, дачному участку. Можно покупать журнал вскладчину... В любом городке, поселке, конечно же, найдутся люди, богатые не только деньгами, но и душой – они могли бы помочь библиотекам выписать все, что нужно. К ним обращаемся: не поскупились, поделитесь с другими малым, вам аукнется по большому счету...

Ведь это очень важно, чтобы связка «Читатель-«Смена»-читатель» была не только журнальной рубрикой, а стала суцностью наших отношений.

И тогда – «...все, что происходит с нами, с нашей страной, может, вместе и одолеем», – написала нам из **Хабаровска**

Валентина Георгиевна Лаврух.

Вместе одолеем – лучше и не скажешь!

МИХАИЛ НИЗИЛОВ
главный редактор «Смены»

7

Итак, ваши конверты с адресами были разыграны в лотерее. Но, прежде чем назвать победителей, мы хотим извиниться перед вами. Публикуя анкету, мы обещали десять подписок на первое полугодие 97-го года. Поскольку исследование заняло больше времени, чем мы рассчитывали, да и анкеты все шли и шли, мы не успели объявить итоги лотереи осенью. Следовательно, выигравшие подписку будут получать «Смену» во втором полугодии.

А теперь называем победителей.

Главный приз – 500 тысяч рублей – выиграла читательница Т.А.Куйдина, Азов Ростовской области. Призы по 250 тысяч рублей достались Н.Д.Овсянкиной, Кудымкар Пермской области, и Ю.И.Решетову, с.Заренное Белогорского района Амурской области.

Подписку на 2-е полугодие выиграли и будут получать из редакции заказными бандеролями ежемесячно: семья Войчаль, Миасс Челябинской обл.; В.Г.Кайда, Пермь; Н.С.Клыкова, Озерск Челябинской обл., В.Г.Колодкина, Барнаул Алтайского края; В.Г.Лаврух, Хабаровск; З.Н.Михина, Шарья Костромской обл.; Ю.В.Одинцова, Клинды Брянской обл.; А.М.Петросов, Венев Тульской обл.; А.Г.Просвиркина, Обнинск Калужской обл.; З.Ф.Федорова, Новгород.

Примите наши поздравления и самые добрые пожелания. Благодарим всех, кто ответил на нашу анкету.

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

ДОМОВОЙ

Надо ли напоминать, кто был такой Семен Степанович Гейченко, даже самому далекому от культуры человеку не в одной Псковской земле, а и во всей России? С 1945 по 1993 год бессменный директор Пушкинского заповедника в Михайловском, первый среди музейных работников Герой Социалистического Труда, автор несколько раз переиздаваемой и все не могущей утолить спроса книги «У Лукоморья», драгоценного альбома «Пушкиногорье», учительной книги «Завет внуку», инициатор Всесоюзных, а потом Всероссийских Пушкинских праздников, настоящая музейная легенда, гордость русской культуры, душа пушкинского Михайловского, добрый «домовой», который подлинно полстолетия без двух лет хранил «селенье, лес и дикой садик» поэта, сделал Пушкинский заповедник одним из лучших, чтобы не сказать лучшим, литературных музеев страны.

Ветер шумит в кладбищенских березах Воронича так же свежо и весело, как в дубах Тригорского, елях Михайловского, липах Петровского, и бедный пепельно легкий деревянный крест на могиле С.С.Гейченко так непривычен в этой выси и дали под ветром, что ему не хочется верить. Неужели смерть могла остановить и эту летящую молодую ненасытную жизнь? Сам он не верил этому до смертного часа и поэтому трудная болезнь последних месяцев была невыносима, но естественна и закономерна. Он не мог умереть легко, потому что жил «всегда». История вошла в его кровь и снесла привычные границы возраста. Он часто вспоминал такие подробности жизни императорских дворов ХУШ и ХІХ веков, которые мог знать единственно очевидец.

И это было естественно и убедительно, потому что он и в воспоминаниях жил в осязательной полноте быта. Воспитанный в околдворцовом быте дореволюционного Петергофа, он после революции с дипломом Петроградского университета вошел в сами эти дворцы смотрителем, когда все еще было «теплым» после едва вышедших хозяев и успел узнать всех царских лакеев и выведать их особенное знание государева дома, а с легкой руки и по благоволению царского повара Ивана Петровича Семечкина смог оценить и тонкости императорской кухни.

10

Может быть, нынешнему чувствительному к тонкостям воспитания вкусу (откуда только тонкость-то и взялась?) покажется странно и смущающе, что дворцовый смотритель и за всеми столами посидел, и все мундиры перемерил, и царские парики и ордена поносил. Да и сам он, вероятно, тогда и помыслить не мог, как отзовется это «вещественное» зрение на склоне жизни, как ставшая кровью история будет бороться в нем со стареющей плотью. Но эта внешне странная и напрасная школа оказалась незаменима в формировании его музейного дара, которому без сомнения нет и похоже, уже не будет аналогов. Уже тут, несмотря на неприязнь современных специалистов к такому музееведению, его вела судьба и ясно и навсегда определившееся призвание.

Потом было все в соответствии с профессией и временем: Русский музей, Пушкинский Дом Академии наук, аспирантура Академии художеств, лагерь, Волховский фронт и, наконец, совершилось то, что должно было совершиться, к чему судьба определила и неуклонно вела его — в апреле 1945 года Семен Степанович Гейченко был назначен директором Пушкинского заповедника в Михайловском. Война оставила здесь пустыню, так что казалось, полной жизни уже не воскреснуть (Академия наук предполагала поэтому перевезти прах поэта в город Пушкин, построив ему приличествующий Пантеон, а здесь уберечь одни «пейзажные цитаты»). Только в Академии, кажется, плохо знали Семена Степановича, его силы, его честолюбие, наконец, его превосходный и на ту пору музейный опыт.

И вот за совсем без небольшого пятьдесят лет его михайловской жизни вернулось не только все бывшее, но как мни-

лось противникам (а их всегда было много, что первее и очевиднее всего говорило о живой силе и подлинности дела) много «лишнего», что сегодня исподволь выводится из Михайловского обихода, странным образом унося и тайну жизни этого единственного в своей свободе и убедительности музея. А тайна просто была в том, что он сам не хозяйствовал и не директорствовал тут, он тут жил и входил в пушкинский век опять по своему обыкновению не с одного книжного крыльца, а из всей полноты здешнего мира, находя и всякому облаку и дереву его «законное место» и выведывая у них, как быть равным им в подлинности и правде. Ну вот для примера хоть самое мелкое, невидное — он еще по Петергофу знал парковые законы и для чего надобны и как устроены куртины и рабатки, боскеты и лабиринты, а тут он постепенно открывал и какие из здешних цветов когда закрываются на ночь, цветут и умирают, чтобы их жизнь в саду была непрерывна, и не забывал даже и их невинную грамматику, уже неведомую нашему нецветущему веку, но, например, тригорским насельницам очень даже известную: они и во сне могли сказать, что пион означает стыд, астра — коварство, ландыш — кокетство, а герань — предпочтение. Сведущий человек по одному этому скоро разумеет, отчего одни цветы «селятся» в Тригорском и совсем другие в Петровском. И так все и во всем...

Сама по себе жизнь ему казалась дороже имитированной подлинности и именно потому, что он добивался жизни, он добивался и убедительности. Он поднимался во второй этаж совсем новенького ганнибалова дома в Петровском и морщился от этой новизны, пока лестница вдруг не закрипела: «А-а, слава Богу, матушка моя, скрипи, скрипи!» и еще прыгал на ней, порасшатывал, чтобы скорее «хозяйева» могли позабыть о новоселье и принять Пушкина в «старом» родовом гнезде. Ученный со своим вечным «почему» с первых его дней здесь неразрывно соседствовал в нем с хранителем и художником, спрашивающим при этом еще и «как», чтобы наука оборачивалась поэзией, без чего здесь все будет неправдой.

Я скажу вещь для пушкинистов сомнительную, но уж что чувствовал и видел, то и говорю — Михайловское было домом Пушкина именно потому, что оно было домом и Гейченко, своим домом, жильем, а не мемориалом, и хранитель был не слугой, а товарищем поэта, его «домовым», ангелом-хранителем. Не зря так часто люди, писавшие о Гейченко, утыкались в пушкинский завет ему (ему, ему!).

Храни селенье, лес и дикой садик мой.

...Ходи вокруг его заботливым дозором.

...Люби мой малый сад.

«...Храни, ходи, люби...» — то есть живи тут! Может быть, здесь жил теперь не тот Пушкин, но разве Пушкин один? Долгий опыт любой жизни говорит, что в каждом человеке сто человек, а уж в гении, верно, это «население» и того больше. Один из ста Пушкиных тут жил непременно и, не в укор будь сказано иным музеям, жил поздравнее, повеселее, посчастли-

вее, чем в Москве и Петербурге, Кишиневе и Болдине, потому что его принимали тут не как «ваше превосходительство», не как «национального гения» и «славу России», а как своего доброго хозяина и собеседника, который проезжал по России, помучился при дворе, поревновал и пострелялся, а теперь мог и отдохнуть в родовом гнезде, собрать душу под заботливым взглядом своего старого, угадывающего всякое желание с полуслова, «управляющего».

Как часто, бывало, приезжие пушкинисты, а иногда и свои потихоньку (а в последние годы, когда директор ослаб, и вслух) ворчали, что вот и того при Пушкине здесь не было, и это было не так, а люди все шли да ехали отовсюду и все было для них по-пушкински и как надо. Ну на это можно заметить: дураки, так чего. А только ответ будет не тут. Еще уж одну дикость позвольте: для остальных музеев, может, это и не годится, но здесь, при редком согласии хозяина и «домового», выходило как-то так, что все приживалось и ты поневоле думал: ну да, при Пушкине не было, потому что он был тогда молод и этого было не надо, а вот теперь, когда он совсем в Михайловское вернулся, очень даже надо. В том-то и дело, что директору нужна была не консервация, не восковая фигура невозвратного Михайловского, а живая усадьба с дьящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью, чтобы вороны как два века назад кланялись востоку с криком «аллах», ласточки щебетали «мир вам», аисты пели на заре жалостливое и приятное, кот Васька ходил по усадьбе в специально сшитых на цепкие лапы сапогах, чтобы не хватал птиц, мельница ждала урожая, бездомный гость мог найти приют в садовом флигеле, соседние усадьбы сверкали окнами и хрустели крахмалом скатертей на случай пушкинского порыва приехать. В них, в гении-обитателе и хранителе дома этого гения, неизбежно должно было явиться и много общих черт, особенно в том, что касалось веселых действий, домашнего театра. Пушкин шел на ярмарку цыганом, а к тригорским барышням мог примчатъ и монахом. Так и в семейных альбомах Гейченко можно найти его и царем Максимилианом, и «грузином», и деревенским гармонистом. Когда я прочитал в одной из его новелл, как Пушкин, воротясь из Тригорского, подошел к окну своего кабинета, окликнул негромко: «Пушкин, ты где?» и сам себе ответил: «Тут я!» — и прыгнул в окно, я тут же вспомнил другой дом — петергофский, где жил Семен Степанович до войны, в пору работы в музеях дворца. Мы ездили туда лет двадцать назад и, когда шли мимо этого дома, Гейченко грустно посмотрел на чужие теперь окна и позвал шепотом: «Се-еня! Семе-он!». Потом махнул рукой: «Дрыхнет, наверно, или к девкам пошел. Ну и черт с ним!». Шутка вышла невеселая и для меня иначе осветилось и пушкинское дурачество — хорошо бы застать себя молодым и счастливым. И каждая встреча с михайловским хранителем побуждала зорче глядеть на Пушкина и отчетливее видеть его сердце.

Это была пушкинская закваска, свойственная, вероятно, всем, кто входил в жизнь поэта надолго и кто сам ваддел

редким, оказывается, в человечестве искусством жить, которое дается не всякому, а лишь тем, кто умножает радость мира. Кстати, вспомнилось, как один из наших земляков писал о другом: Каверин о Тынянове, что тот обладал «редким даром перевоплощения и смеялся сам и смешил других, так что как живого вы видели перед собой любого из общих знакомых, а когда он стал романистом, любого героя». Если вспомнить, что Тынянов еще был мастером копировать подписи, то я уж и не знаю, не о Гейченко ли это написано. И это искусство импровизации, и дар перевоплощения, и это копирование. В этом последнем пункте только разница, что Гейченко не подписи копирует, а передразнивает документы. Долгие годы перед восстановлением Петровского занимаясь Ганнибалом и совершенно сжившись с ним, Семен Степанович однажды написал его утреннюю молитву о здравии крестного отца Петра I, и она долго вызывала почтительное замешательство «ганнибалистов», которые не знали у арапа этого документа и не знали, верить ли глазам, видя его «вживе» — полуистлевший лист, писанный уверенной рукой старинного каллиграфа, смущающий разве только уж очень откровенным подмигиванием преувеличений: «Священного Российского государства автократуру, злодеяний прогонителю... царства прибавителю, ордена святого апостола Андрея основателю и иных орденов кавалеру Преображенского полка верховному хилярху, обою войска Марсу, державному Нептуну на четырех морях, отцу моему во святом крещении всенижайший раб Аврам Петров и весь род его молебное молитвословие ко Господу приносит в доме всяк день до скончания века». А в «чайном храме» на веранде директорского дома, где толпилось сотни полторы самоваров, Аврам Петров подписывал рескрипт «о чайном питии повсеместно», а подтверждал сей «документ» «подканцелярист Семен Енчиков».

А те, кто сживал, бывало, в этом «чайном храме», часто оказывались свидетелями простого чуда рождения очередной истории, которую потом находили в очередном издании «У Лукоморья», книге, которая и посейчас не только прекрасный портрет деревенского Пушкина, но и автопортрет автора. Я прочитал как-то у югослава Меши Селимовича об одном из героев его известного у нас романа «Дервиш и смерть» слова, которое тотчас помимо воли перенесли меня туда, в «чайный храм» на краю усадьбы, в пору, когда хозяин был еще крепок и вьюга вдохновения несла его: «Знания текли из него рекой, заливали потоком, на тебя обрушивались имена, события, жуть охватывала при мысли о толпе, которая жила в этом человеке так, словно бы она существовала сейчас, словно бы это не были призраки и тени, но живые люди, которые непрестанно трудятся в какой-то ужасающей вечности бытия».

В этих беседах, в много отразившей чудной гейченковской книге, в его «Лукоморье» — отгадка Михайловского чуда, рецепт свободы и радости, счастливое доказательство

возможности быть в истории дома. И здесь же тайна этого чуда, потому что никак нельзя было понять, где он берет силы сохранять страстную взволнованность и молодое вдохновение при мелочности и вздорности «казенной» жизни, при пустословии высших и злой неприязни низших, при частой усталости от злого непонимания и последовательного сопротивления.

Последние два года его жизни были темны, усталость перевешивала, но душа все расходилась с возрастом, все вспыхивала и мучила молодостью и звала, звала к столу, потому что все казалось, что не записано самое главное, тогда как оно уже было в его письмах, в нашей памяти, в нашем новом понимании Пушкина и мира, явившемся благодаря ему, его великому труду. Если бы теперь все собрать и обдумать, эта прекрасная жизнь была бы дописана. Но, увы, нашего сердца и нашей памяти хватает ненадолго. Ни любовь, ни дружество, ни даже чувство утраты уже не проникают сердце насквозь — скорее отмечаются в нем будто в книге приезжих. Мы теперь скорее знаем чувства, чем переживаем их. Душа почти нарочито делается забывчива, будто защищается, чтобы полегче переносить слишком подвижную, нравственно нечистую жизнь. Учишься защищаться от зла, а теряешь память.

Похоже, что за эти годы мы потеряем из памяти больше великих людей, чем во всякое иное время. Прекрасные умы, блестящие таланты, редкие в человечестве люди уходят в небытие, порой даже кажется насильно сталкиваются в него однодневным современником, который таким способом надеется оправдать свою беспамятность.

Семен Степанович уходит на глазах. Наши клятвы оказались непрочны и обещания вполне в соответствии с временем ложны. Большому времени уже не до попыток осмысления великого явления.

Вначале еще думалось, что музейная наука спохватится, соберутся конференции, откроется в доме Семена Степановича методический центр с мемориальной частью, дающей хоть частичное представление о «технологии» этой живой всеобъемлющей мысли, о великом опыте несравненного музееведа. Но время уходит, а все не до того. «Быт заедает». Как бы самым устоять. Музейная наука меркнет и вянет, и Михайловское медленно съезживается до рядового пушкинского музея, уходит в провинцию культуры, забывает кипевшую в нем, как пчелы в цветах, жизнь.

Что я имею в виду, думаю, будет ясно по тем извлечениям, которые я сделал из сохранившихся у меня писем и записей — верандных бесед Семена Степановича разных лет. Смее думать, что уже и по этим крохам станет видно, что музееведение — это не наука, а способ жизни. Разумеется, не для всех — для единственных, для счастливо совпадающих со своим назначением людей. А такие совпадения редки, как редка в человечестве настоящая любовь. Я когда-то прочитал у Вяч. Иванова гневный укор человеку, осмелившемуся сказать, что

он «еще не любил» — «Это все равно, что сказать — я еще не был королем — как будто это дается каждому».

Вот и с музеем так, с видением прошлого, с чудом владения жизнью, чудом Воскресения прошлого. Семен Степанович специально не думал об этом, а только жил и пел, учась у Пушкина с дружеской свободой, с братским равенством, как это не покажется чрезмерно испуганным счетчикам запятых, которые, к сожалению, составляют основной «корпус» музейных работников и которые высушивают опекаемых гениев до гербарийной плоскости.

Мне хотелось в этих отрывках воскресить на мгновение чудо этой радостной свободы и хоть таким образом напомнить о несомненно великом человеке, которого щедрая судьба подарила России в напоминание о нерастраченной полноте и силе таящейся в ней жизни, а Пушкину — в братский оклик и утешение.

ПИСЬМА

Пушкинские-то деревенские письма помните? — непременно где-нибудь в уголке погода мелькнет. Это в городе ее можно просмотреть, домами загородить, а в деревне никуда не денешься, и Пушкин как сядет за письмо, так в окно и поглядит:

«.....А я наслаждаюсь душным запахом смолистых почек берез под кропильницею псковского неба и жду, чтоб Некто повернул сверху кран и золотые дожди остановились (золотые-то золотые, а через строку — «У нас холодно и грязно». — **В.К.**)

...у нас осень, дождик шумит, ветер шумит, лес шумит — шумно, а скучно.

...Ждем осени, однако у нас было еще несколько хороших дней и благодаря вас у меня на окне всегда цветы...»

В другие окна на те же пейзажи глядит через полтора столетия другой человек, и как эхо отзываются пушкинские «метеорологические» примечания. С них мы и уйдем в письма Семена Степановича, уж очень они в этом с Пушкиным переглядываются.

Но до писем — одна неизбежная оговорка. Я нарочно не выставляю в письмах даты, зная, как много влечет за собой это внешне бесстрастное числительное. Мне хотелось не научной публикации — тут законы иные, — а скорее «повести о жизни», чтобы все росло для читателя, как один длящийся день. Так лучше видно, что история идет своей дорогой и они, не всегда, прямо пересекаются с человеком. Для приблизительной ориентации читателя скажу, что они писались с 1968 по 1990-й год, хотя стоят здесь совсем не по хронологии, а по «сюжету жизни».

Итак, как Семен Степанович за письмо сядет, так следом за Пушкиным — глаза в окно.

...*Пятый день подряд в Михайловском «бура мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то запла-*

чет как дитя!..» Боже мой, Боже мой, до чего же фотографи-чен Пушкин в этом своем стихотворении!!! Действительно, в Михайловском все так, как в этих стихах! Ветер дует отовсюду: то с севера, то с запада, а то вдруг и с востока. Деревья трясутся, как люди в лихорадке. Кругом вся заснеженная земля покрылась кружевами из сучьев-паданцев, ветвей и целых малых деревьюшек! Иной раз ветер так дунет, что на крыльце срывается железо и начинает греть, как турецкий барабан в современной поп-музыке. Барограф кружится. Все вокруг вертится, как ломаное колесо в машине пьяного деревенского тракториста. Только за один сегодняшний день в михайловских рощах буря повалила несколько десятков елей и сосен. Пошел я в лес считать погибших, а ветрило как схватило меня за шиворот да как брякнет об землю, что я еле-еле дополз до усадьбы плача горько...

Тут я должен тебе, мой шедевр, напомнить, что за последние 20 лет бурелом и морозы погубили в наших краях, рощах и парках тысячи деревьев, не считая малолеток. И как древний летописец, я ведаю тебе «и не бывало лиха такого в иные годы жизни моя!..»

Сейчас Новогодье. Пока живем по-старому. В центре усадьбы поставил я «новогоднюю елочку-кокетку». Украсил, чем мог. Повесил на нее пряники, бублики, конфетки, кусочки колбасы... Птички этому очень рады. Ведь зимой, особенно этой, у них с продуктами питания плохо! Вот и кружатся они вокруг моей елочки — все эти воробьи, сойки, синицы, гаечки, свиристели и даже дятлы.

Сегодня 1 января 1984 года. Понаехало отовсюду куча экскурсий, особенно много ребят. Оно и понятно. Сейчас по всей стране проходит неделя «Музей и дети». Да и то я должен тебе заметить, что в группах экскурсий мужчин 0, а женщин 100%. Изредка мужчины мелькают, но чувствуюшь в них какую-то чокнутость или припадок бабувизма! Смотрю на всю эту публику и говорю себе: «Милые, а где же вы Новый год-то встречали? Неужто в поезде, автобусе, вокзале? Э... э...эх!»

Забегали в мой дом разные экскурсанты: кто взять автограф, кто пожать руку. Новый год я встретил во сне. Завалился в 12-м часу ночи и захрапел. Встал в 6 часов утра. Запряг лошадь, повесил бубенцы и запел «Сквозь волнистые туманы...». Кругом лесные сумерки, никаких следов зарянки еще не было. Вернулся домой. Затопил печку, поставил на плиту чаепитие.

Кот на лежанке.

Я за столом.

На часах 10 вечера.

Радио верещит, будто сильно простужено.

За окном темень, как во времена Стефана Батория...

Я только что воссоздал бильярд Пушкина. Его вам надобно посмотреть. Вещь неожиданная для теперешних бильярдеров.

Недавно узнал, что в Глубоком у Дондуковой-Корсаковой хранился сапог Петра Великого и два ящичка книг из Петровского. Вы ничего тамотко про это не слышали?

Ах, черт возьми, почему я не художник! Какой красивый пейзаж сегодня повсюду. А вы тоже шляпа. Почему не хотите приехать? Ведь через неделю «этого» не будет ничего, а будет обычное, красивое, но известное-преизвестное.

Я уже писал вам, что из Михайловского перевез в Святогорский монастырь колокола. Они прекрасно устроились на колокольне Успенского собора. Кра-а-а-сиво! Сегодня красивше, чем вчера. А звук! О, Боже! «Колокола, звените, глушите время, славьте небо!» (В.Вейдле).

Честь имею сообщить, что во вверенном мне сельце Михайловском все находится в благополучии, за исключением разных мелочей, как то:

1. Липестричество второй день не горит.

2. Посему и водопроводная система, извиняюсь за выражение, не функционирует.

3. Посему продукты питания, приобретенные нами законным, а также партикулярным образом пришли в негодное состояние. Вследствие чего в доме и у соседей наших сильно звучат скверно-матерные слова и разные обороты речи крайне фигуративного свойства. Что касается идейной, культурно-просветительной и научной работы, то она в обычной норме. Только вчера, в воскресенье пришло в дом Пушкина 87 экскурсий! Дом трещал, выл, стонал. А люди все валили и валили. Экскурсоводы стали как четки — трещат, торопятся и убегают. Им все равно, кто около них, для кого они, о чем должно звучать их слово...

...Только что закончил часовню в Михайловском. Сооружение ангельское. Ей-ей! Нужно на нее посмотреть обязательно. На душе моей зябко. Зиму жду, как кару небесную.

У нас черт знает что продолжается! Сороть, озера, пруды вышли из своих берегов. Водяные тучи крепко уселись на вершины ганнибаловских елей и лип, и поливают, и разливают, и наливают всюду через край... Я много думал, как спасти дом Пушкина от людей с их зонтиками, сапожищами, плащами и решил сделать вот как: пусть экскурсоводы сеют разумное только во дворе, а в доме Пушкина торжественно молчат и проходят только через прихожую, девичью и алле-оп — на выход! А остальное — зальце, кабинет, спальня родителей — через шнур. Вот так! Тишина. Мерси. Оревуар...

Из Михайловского удрали все птицы — дрозды, поползни, трясогузки и иные прочие. Остались только ласточки. Бедная пичуга. Окоченевшая, она садится на плечи, головы паломникам, а эти дураки думают, что... Что они думают-то? Птицу надо взять поскорее, положить за пазуху, отогреть, а они черт знает о чем думают. Только понять не могу, почему они не хотят отсюда улетать. Или они знают, что на всем пути их на юг стоит сейчас дождина и холодина?

Завтра древний русский праздник, который любили когда-то все цари, философы, Ломоносов, Державин, Пушкин, Чехов, Рахманинов. Любили мужики и бабы. Любили попы и начальники, ребятишки и старикашки. «Величаем Тя, Владычица наша». Завтра — Покров! Да спасет нас Владычица наша от бед и обид.

Сильно прихворнул. Развалился по дороге из Москвы в Псков. Весь в лекарствах. В Москве нервничал. Заседал. Гневался. Капризничал. Ругался. Умолял. Фигурировал. Читал лекции в МГУ. Был у министра культуры. Справлял именины. Было 20 московских прохиндеев и «диссидентов». Пили. Ели...

Дома куда лучше, чем в Москве. Там суета. Там лешие бродят, русалки повсюду. Полно невиданных зверей...

А меня вновь «Бог посетил...» В ночь с 10 на 11 мая в Пушкинском заповеднике началось светопреставление. Оно продолжалось целые сутки. Пришли египетская тьма, ветер и такой огромный снегопад, какого не видывал я доселе никогда, и никто мне про эдакое не рассказывал! Это было какое-то «чудище обло, озорно и стозевно». С неба падали снежинки весом по сто граммов каждая. Они падали и приклеивались на землю, на деревья, на кусты. Все сущее покрылось полуметровой толщиной снежным покрывалом. К концу светопреставления в Михайловских рощах лежали тысячи сломанных, вывороченных с корнем, поваленных молодых сосен и берез! Всюду лежали погибшие дрозды, скворцы, мухоловки и разная другая пичужка. И только вороны чувствовали себя ладно, хватили мертвых птичек и тащили к своим углам.

Я вначале завыл как собака, почуявшая покойника. Потом смирился и завертелся. Стал звать на помощь людей, терзать школьников, солдат. Многие пришли и начали уборку. Я накупил пил, ножовок, топоров. Сейчас навожу порядок в хорошем аллюре. Стараюсь навести порядок хотя бы там, где люди идут, где горе особенно круто бросается в глаза. Но скоро все не приберешь. Уж больно большого масштаба лихо. В лесу сильно поредело. Ландшафт кое-где переменялся неузнаваемо.

В Пскове я достал однотомник Клюева Н.А. с хорошей статьей Базанова — человека вполне нашего времени: под старость либерала и поклонника того, что в младые его годы было под запретом и с чем он боролся. Сборник мне понравился, я почувствовал в книге присутствие Николая Алексеевича, которого я знал довольно близко в 1926-1934 годах. Он часто приезжал в Петергоф, где жил его друг и приятель из Вытегры Николай Ильич Архипов.

До войны у меня в доме хранились многие стихи Клюева. Он передавал мне на память гранки своих книг, черновики, которые ему не нравились, и разную скоромность, до которой Н.А. был большой охотник. Как-то на день моего ангела он подарил мне чашку чайную и уверял, что это походная чашка Наполе-

она! Я верил и не верил, потому что близко наблюдал за его сочинительством и балагурством...

Извещаю вас, что в Михайловском возрождена фамильная часовня Пушкиных. Она прекрасно вписалась в «Поклонную горку», в Еловую аллею, в перспективу, открывающуюся с крыльца дома Пушкиных!

Последний месяц я жил здесь, как половой в трактире. Все гости, гости, гости... Чай, чаек, чаище, кофеище, жратва, болтовня, трепотня... Тьфу, тьфу!

Я по-прежнему весь в хлопотах. Кую. Тешу. Вбиваю. Собираю. Крашу. Жгу. Вывожу. Печатаю. Монтирую. Экспонирую. Пишу. Матерюсь. Принимаю. Угощаю. Встречаю. Провожая. Этцетера.

Только что закончил восстановление грота, ремонт разных домов, домишек, заборов, скамеек. Сделал несколько садовых седалищ, каких раньше не мог удумать. Напечатал новые памятки по музеям. Недавно приобрел в Питере хорошую пушкинского времени лампу. Около Палкино нашел карету. Хочу купить. Буду возить г.г. писателей, художников и малых сих. На сем ломаю перо и впадаю в безмолвие.

Только что возвратился из поездки в Москву и Ленинград, где самосильно трудился над решением различных ганнибаловских дел. Все возжусь с книгой, в обложке которой нашлось почти 30 писем Ибрагима! Среди них есть весьма и весьма любопытные! А в Питере у одной древней старушенщицы обрел два письма Венямина Ганнибалова и еще ково-чево доброго мне Бог послал!

...Хворал-то хворал, а дело свое делал — готовил заповедник к Празднику поэзии. Праздник-то ведь был круглый — X-й; да и Андроников просил, псковское начальство надеялось, да и мое классовое сознание требовало, и я старался! И все получилось, как в цирке: алле-оп! и я воскрес и в Петровское хоть к открытию, а приполз. Но когда увидел очи Павла Григорьевича Антокольского, растопыренные в мою сторону, я зарычал и пропел собравшимся гимн птенцу гнезда Петрова, начав свою речь с запева на мотив Тредиаковского — «кое странное пианство...»

Все было благо. Петровский зал мне самому понравился и я потом бегал по веранде и кричал: «Ну, Семен, ну сыр голландский! Молодца!» Всем понравилось: и Андроникову, и Рыбакову, и Козловскому, и Пиотровскому, а главное — понравилось мне самому. В благодарность за все сделанное мне прислали приглашение на VI съезд братьев писателей. И я там был, портфель подарков получил, жене духи купил, значок на грудь повесил. Прослушал 250 докладов и выступлений. Выпил и закусил, когда был зван на банкет в Кремлевском дворце. Кричал уррра! И с большим вдохновением возвратился к себе в деревню, понеже я вообще-то рожден не для житейского волнения и не для ко-

рысти, а для размышлений, созерцаний и лакировки действительности.

Милой! Я еле-еле доехал до Пскова. В дороге ругал себя, кричал всякие мерзкие слова и все же ехал, ехал, ехал... Приехал весь в мыле. И о чем говорил на чтениях, о чем вещал — один Бог только знает. Все было как во сне. Обратил домой приехал, как пьяной Петр Абрамович Ганнибал. Потребовал чаю, каплей, горчишников и опять все было как во сне. Ночью бредил, видел страшное. А через день приехал Марлен Хуциев. То же больной. И мы стали вместе выздоравливать. Он приехал делать свой фильм о Пушкине. Сценарий писал 15 лет. Интересно, сколько же лет он будет снимать сию картину? Задумка пришла к нему здесь, в Михайловском, в 1964 году. Потом все переехало в Питер. А теперь вернулось опять сюда. Марлен обветшал, стал похожим на библейского старца, живущего на покое в недрах Исаака и Иакова...

Новости жизни моя:

У меня произошла смена петухов. Достал нового с кирасирской каской на голове и при золотых шпорах. Добряк. Певец. Привык ко мне на третий день. А старого мы бульонировали...

... Я все думаю — хорошо бы найти кошелек с большими деньгами! Подарил бы вам на семейные нужды три тысячи, дочке своей на именины 1000, слепой моей сестрице Марье Степановне 1000. Жене своей 1000. Купил бы сто листов фанеры, сделал из нее космический корабль и улетел бы к... из этой самой деревеньки на Парнасе!

Вот уже третий день вижу я в Михайловском огромного, с рыжими пятнами пса. Добродушная морда, добрые глаза. Один раз увидел его в конце дня, возлежащим калачом у старого клена возле домика няни. Подошел, посвистел — вижу спит. Спросил его: «Ты случайно не пушкинский Руслан»? Пес поднял голову, посмотрел на меня рассеянным взглядом и вновь свернулся клубком. Сейчас стоят морозы. Ночью до 12 градусов. Кто он? Что с ним? Зачем сюда пришел? Мне кажется, что он стар. Уже оглох. И хозяин его какой-нибудь местный дядя, получивший в совхозе к празднику новую квартиру в четырехэтажном доме, изгнал его за ненадобностью.

Вчера прохожу вечером у дома Калашниковых, гляжу — у стенки на куче листьев лежит мой Руслан. Я позвал его — «Руслан!..» Он сразу не отозвался. Тогда я крикнул на всю усадьбу: «Руслан-ан!» Он повернул ко мне свою дряблую морду и спросил: «Ну, что, дед?» Я потрепал его по шее и побежал домой. Принес ему хлеба, сахару и свиную кость. Пес хлебал, чавкал, ползал губами по крошкам. А кость спрятал под листья.

Все это было в совершенном уединении. Никого! Кроме меня, пса, неба, теней деревьев и электрической лампочки, которая осветила мне событие сие, и я узрел оно.

А знаете ли вы, что я в Сибири видел живого Мандельштама, когда он совсем уже переродился, был нищим, убогим, запущенным попрошайкой ЗК?!

А знаете ли вы, что Зимний дворец, петергофские дворцы, царские парки всякие были открыты в те времена для посетителей, и даже были путеводители по этим местам? «Вахмистры» ставились на сих местах лишь тогда, когда приезжали из Европы короли, королевы, принцы. Не пускали только солдат, ибо согласно тогдашним правилам военицины солдат все 24 часа в сутки был на службе. Никого не пускали лишь туда, в те парки, где жили Его Императорское Величество и Их Императорские Высочества.

Я не хочу писать вам о своем самочувствии, житье-бытье. У меня его нетути. Я — Иов...

Вы жалуетесь на одиночество. Хе-хе, чудачина! Ведь человек и создан на свете для одиночества. Он одинок всегда и всюду, при Адаме, и при Юлии Цезаре, и при Сталине, и при Михалкове. Порою он так одинок, что уходит от людей, от всего людского совсем-совсем. Ему бы книга, тряпочка, собачка, кошечка, цветочек или 0,5 или просто ни-че-го!!! Люди по-настоящему не любят друг друга. Особенно творцы. Они боятся друг друга. Писатели. Художники. Музыканты. А книжечка, цветок, папиросочка — они вещи разные честные, не подведут. Одиночество — это благо!

С каждым днем я все больше хирею и кисну. Возле меня никого нетути, кто помогал бы мне жить словом и делом. Все бандитски ждут известия о моем «уходе в ночную тьму». Все живое, что было возле меня: пес, кот, утки, гуси, петухи и куры — все исчезло как дым. Остались за окном лишь воробушки и синички. Сейчас в заповеднике появилось много новых работников всех категорий, и всем им до меня как до керосиновой лампочки. Одна радость — письма. Они летят ко мне понемногу и отовсюду. Одни спрашивают о том, что было в моей жизни. Другие задают вопросы о Пушкине и легендах о нем. Многие посылают свои стихи, мне посвященные. Этаких стихов у меня великое множество. 30 мая начнется приезд гостей 25-го Праздника поэзии. А с 5 июня начнется период доброхотства паломников, которые обещают принять участие в уборке заповедника. Уже начались разговоры о подготовке к научной августовской конференции...

Но уже ни доброхотов, ни августовской конференции он приветствовать не мог: болезнь подкосила его тотчас после Праздника поэзии. Карусель остановилась. Музыка смолкла. Письма от нас еще летели к нему по инерции несколько месяцев, но все редели, редели, пока не сошли на нет. Без отклика нам писать трудно. Скоро умерла его терпеливая спутница и великий неслышный помощник Любовь Джалаловна, и одиночество обступило больного хранителя еще плотнее. Нет вино-

ватых, а будто и виноват и неотчетливая тоска щемит как заноза.

Нам такой жизнью уже не жить и таких писем уже не получать, потому что это была, кажется, последняя ветвь старинной коренной пушкинской переписки и жизни. Теперь из мертвого летоисчисления остается только благодарить судьбу за счастливый дар и, перебирая скоро стареющие листы, вспоминать, вспоминать ушедшую радость.

РАЗГОВОРЫ

Когда-то я любил их записывать. Иногда тотчас после встречи, иногда позже. Делалось это для друзей, чтобы не носить радость одному. Не пропускал я и мистификации и те странные сюжеты, которые нет-нет и смущали слушателей Семена Степановича, не решавшихся однако пускаться в разоблачение, потому что никак нельзя было угадать по интонации, дурачит ли хозяин гостей или действительно воображение занесло его дальше тесных границ реальности. Я не знаю, зачем вспыхивали в беседе, в особенности в последние годы, фразы вроде: «Вы, конечно, помните, как по приглашению Сталина в Ленинград приезжал великий князь Кирилл Владимирович, и в Маринке в его честь был дан концерт?..» — но я неизменно радовался этим чудесным осколкам какой-то «параллельной» истории, которая так естественно соседствовала у Семена Степановича с реальной. Я думаю, он как раз затем и вкраплял в вольный поток воспоминаний фальшивое стеклышко, чтобы тем чище сверкнул часто внешне более простой подлинный камень.

Долгая болезнь, утраты и усталость последних лет отняли у старого хранителя настоящие силы, но ум его до смертного часа смеялся над немощью плоти, и поредевшие гости некогда такого шумного дома нет-нет еще могли услышать как встарь: *«А вы знаете, что русская императрица Александра Федоровна, чтобы справиться с трудно дававшимся ей русским языком, взяла и выучила «Евгения Онегина» наизусть и часто читала его сестре Елизавете, и они обе в самом смутном сне не могли видеть, что обе станут русскими святыми...»*

Можно было только одни эти «а знаете...» и оставить и не возвращаться к обстоятельствам записи. Но зачем-то просилась порой в тетрадь и пейзаж. И просится сейчас, может быть, для того, чтобы осветить каждое слово хранителя живым светом минувшего дня и заставить поверить, что чудо возможно и день этот может вернуться весь как был.

Поначалу думал выстроить эти осколки бесед в живой порядок биографии — как мелькали детские годы, юношество, дни перед войной. Но скоро понял напрасность затеи — не биографию же в самом деле я думал писать, записывая и эти мимолетности, и не истории же в них искал, не однозначных свидетельств (действительность и у него часто корректировалась сюжетом и обстановкой, так что, случалось, я одну историю

слышал с совершенно разными концами, да и сам я при записи нет-нет что-то и «закруглял», огранивая сверкнувшую в громоздкой породе беседы отдельную мысль или историю). Разумнее, наверно, просто следовать тетради, в которой остались эти записи — как рождалось, так рождалось, потому что «даты» воспоминаний так же относительны, как даты писем. Разве что первые записи все-таки предпочту из «биографических», в них есть какая-то особенная яркость и чудная живость и любовь, с которыми обыкновенно вспоминается невозвратно ушедшее.

— Когда ко мне подступило смертное испытание, я вспомнил совсем позабытые вещи, которых будто и не было в памяти. Вспомнил, как мы с отцом ездили в Ораниенбаум, принадлежавший двоюродной тетке Николая II графине Карловой. Отец мой выезжал лошадей для императорской фамилии, в том числе вот и для графини, к которой мы ехали. И вот я помню, меня странно одели, причесали, и мы тронулись. Отец оставил меня где-то в парке и сказал: «Не трогайся с места. Замри тут!» и ушел. Потом появился с какой-то черной старухой и она через пенсне на рукоятке стала разглядывать меня. А потом сказала: «Ну что вы, Степан Иванович! Зачем ему гимназия? Вы жили и жить будете как всегда жили. Я обещаю устроить его в хорошее ремесленное училище и он будет краснодеревщиком или портным». И тут, помню, я дернул отца за руку и сказал: «Пошли отсюда!» И отец, извинившись: «Ну что ж, спасибо, Ваше императорское высочество, простите, что обеспокоил», отбыл со мной, придерживая саблю, чтобы не била по ноге. Это, оказывается, мы ездили просить на содержание меня в гимназии, ведь мы были бедные люди, а когда умер шеф полка, даривший к праздникам какие-то пустяки (все-таки нас в семье было семь девочек и я), стало совсем плохо. Но гимназию я все-таки кончил. Это дело взял на себя мой крестный — командир эскадрона, штаб-ротмистр, потом полковник Исарлов.

— В Петергофе стояли четыре полка — уланский, драгунский, лейб-гвардии конно-гренадерский (наш) и специальный сопроводительный. У нас в саду был курятник, и я с него видел, как государь выезжал на прогулку: казак впереди, казак сзади. Я выбегал и снимал шапку, государь делал под козырек. Я пробежал дворами и перехватывал его еще раз и опять снимал шапку и он, опять улыбаясь, брал под козырек.

А пол-улицы были евреи. Это уж когда Европа в войну укурила нас в антисемитизме и С.Ю.Витте взял на должность заместителя начальника штаба армии еврея. И у нас они поселились на Дворцовой — зубной врач Иосиф Абрамович Берлин, «Фуражки, шапки, шляпы» Шифман, «Ювелир. Починка часов» Клаузо, «Военный и статский портной» Спелинский... Дальше была синагога и балбесы Берлины, с которыми мы вместе учились в гимназии, звали нас на еврейскую пасху. Надо только было брать свистульки, барабаны, гармошки и

трещотки и в час радостного Исхода всем разом свистеть, бренчать, тренькать и барабанить. Зато потом они ходили к нашей Пасхе и на Христос Воскресе! вместе с нами орала Воистину Воскресе!.. Так улица и шла: дворец, дома министров, кавалерственные дома (кавалеров высших орденов), полки, а там евреи — все уживалось, как в России, на одной улице.

Услышала по радио, что «Даню» в Эрмитаже безумец обила кислотой.

— Раньше, когда Зимний открывали для посетителей, были осмотрительнее. В залах, где были Леонардо и Рембрандт, стоял смысленный лакей с хорошей психологической школой, чтобы вовремя изолировать лишнего. Орбели потом, шутя, учил нас, как по взгляду на полотно отличать здорового от психопата, и я потом долго тренировался и даже любил подходить к этой породе молодцов и выслушивать их затейливый бред о той или иной картине.

— Первая война началась классически: общим плачем, боевыми трубами, молебнами. Кони, сабли, выступления на вокзалах, задорные крики. Наш преподаватель в Петергофской гимназии немец Тилек выпрямился и стал носить голову выше прежнего. Он не боялся за свой фатерлянд, но немца никто всерьез не брал. «Жил-был толстый немец Тилек по прозванию «Бочка килек» — вот на какую монету разменяли его пафос петергофские мальчишки. Поляки Стефановичи заволновались, засобирались, запели «Еще Польша не згинела», мобилизовались и пропали. Француз Добровольский (француз, положим, русский, но все француз) тоже замурлыкал: «Алонс, анфан, а ла Патрия» и тоже наладился из Петергофа, но скоро воротился с Георгиевской лентой, о войне уже не заговаривал и скоро застрелился.

24
Так и революция. Преподаватель музыки Гинзбург явился в класс, сверкая глазами. Он провел бессонную ночь и принес гимн: «Это будет наш общий гимн. Слушайте: «Все мы братья, все мы братья! Мы один народ! Смело против самовластья мы пойдем вперед!» Ему не сиделось, надо было петь, идти вперед, звать к свободе. Он ушел и пропал в боевых днях без следа. Директор гимназии Михаил Иванович Шубин, генерал, ваше превосходительство, из тех, кто моему детскому воображению представлялся александрийским столпом, опорой мира, сидел у моего отца на кухне, опустившийся, почти мертвый, и спрашивал, не поднесет ли ему отец, и, торопясь, выпивал, проливая на грудь. А инспектором был у нас Михаил Михайлович Измайлов. Он был автором первого путеводителя по Петергофу, и, по улыбке судьбы, мы потом работали в петергофских дворцах в одной должности — младшего научного сотрудника.

— Когда я описывал после смерти А.А. Блока его квартиру, я в левом верхнем ящике сразу увидел карандашный набросок

«Двенадцати», а в нижнем валялись какие-то кредитные билеты или облигации — не помню. «Двенадцать» описали, а это приказали в печь. Я и говорю: можно мне это взять на память? — Валяй! — говорят. А оказалось, что эти облигации еще имеют хождение, и мы с приятелем пошли в банк и получили пятьсот рублей. Эх, и надрался я тогда за здоровье Александра Александровича!

— После революции весь Невский от Садовой до Дворцовой был вымощен плитами трех разоренных кладбищ, и под ногами кричало: «Помолись за меня, бедная Сашенька», «Упокой, Господи, душу раба Божия действительного статского ...» Пока не возопили сами люди, уставшие попирать родной прах. Об этом что-то все никто не пишет. Некогда нам покаяться, хотя без этого ни человеку, ни народу не жить.

— Ближе я увидел Сталина впервые в 1932 году. Вдруг в Петергофе все стали мыть и вылизывать. Говорили: едет Киров. Директор Николай Ильич Архипов потерял голову. Вдруг грянули моторы, явились американские машины с какими-то летящими никелями на капотах и вышел... Сталин, необычайно маленький в сравнении с подсказкой воображения. «Хто здэс хазяин?» Явился директор, заизвинялся за бедность, посетовал на нехватку денег. «А вон там, в углу, паутину убрать тоже денег не хватило?» Директор тут же умер — чертова паутина, так скоблили, а словно кто нарочно повесил. Сталин шел из залы в залу державным шагом: «Здесь што? — Спальня Екатерины. — Интэрэсна! — А здесь? — Кабинет Петра». Долго смотрел мундиры, мерил воображением. Подошел Киров: «Иосиф Виссарионович, время кончается, распорядок зовет. — Ужэ? А фонтаны?» Вышли к фонтанам. Внизу толкся разом все пронюхавший народ, и едва Сталин вышел к балюстраде, поехало: «Да здравствует ... вождь, учитель... А-а-а!» «Интэрэсна!» Явился распорядитель поездки. Налетел на меня: «Подарки приготовили?» Господи, какие подарки? Когда? «Ну хоть путеводители есть?» — Путеводители есть. «Немедленно в типографию, вот вам 12 минут, чтобы на титуле было напечатано: великому, любимому, ненаглядному...» И я полетел. Через 12 минут книжки были вручены. Колесницы загремели, сверкнули молнии, Юпитер исчез.

Ласточки играют перед домом. Вылетели из-за угла, чуть не наткнулись на нас, и с вскриком и смехом пропали вдали. Вкрадчиво, хищно, но с совершенным внешним равнодушием проходит по саду кот Василий (Васяся). Ему есть с чего быть равнодушным: утром он съел под окном белку, оставив только пушистую кисточку хвоста, и с ним никто не разговаривает. Молодые гости — сын Белашовой и дочь Фаворского — собираются пройтись по парку. Семен Степанович ограничивает:

— Только не надо ходить смотреть на цапель. Я думаю, что рано или поздно они отсюда улетят. Ведь цапля любит тишину, уединение, болото, где лягушки и змеи и куда, она знает,

человек не придет. А тут шум, толкотня, пальцами тычут, всех лягушек разогнали, приходится за ними чуть не к Пскову летать. На цаплю надо смотреть в воздухе, в полете... Лучше пойдите по мосткам за Сороть лугами к Зиморям, на холмы и там увидите, как небесная сфера прикрывает это святое место, как уединен этот дом на Парнасе, как стоят на лугах соборы и часовни стогов и кружит над ними крикливое облако галок.

Вечером заходит речь о памятнике Ганнибалу в Петровском, о материале — из чего делать.

— Я думаю, материал должен быть строгий, как памятник, и памятник строгий, как материал. Посмотрите на бронзу Растрелли. У него ведь памятники как будто пальцем грозят: сюда подойди, а дальше не смей! А то ведь есть памятники, которые просятся в объятия, и им непременно кто-нибудь помадой губы накрасит. А сами и виноваты.

— Каковы были главные русские музеи: в избе был домашний музей — красный угол, где хранились дорогие иконы, венчальные цветы, памятники рода. А в городе — церковь, куда каждый нес самое дорогое и перед кончиной вкладывал иконы, или посуду, или книги: «Помяни мя, Господи, егда придеши во Царствие Твое». А у царей — у каждого! — был свой сундук, где хранились их первые пеленки, первые цветы, первые бальные перчатки — все первое. И плюс то, что каждый оставлял первого России. У Елизаветы лежала печатка туалетного мыла, потому что до нее мыла в России не было — это благословила она. У Александра I — первая ученическая тетрадь, пошедшая потом по русским школам, и т.д.

Дождь такой, что кажется, дом поднимется и вот-вот всплывет.

И это ощущение всплывания так осязательно, что и тело уже не уверено — на земле ли? Ливень валит, нарастая, и это крещендо усиливает ужас. Надо закрыть окно. Дом сразу делается беззащитнее и уносится ливнем в грозное небо. Не оттого ли это неожиданное «мистическое» не то воспоминание, не то давно придуманное да не рассказанное сочинение:

— Я много рылся в архивах и умел это делать. Мне давали на дом — верите, нет? — дневники Николая II, и я до сих пор помню последнюю запись: «Неужели они опять начинают заигрывать с немцами?» Я перебрал все архивы гвардейских полков и однажды нашел там замечательный сюжет. Вы знаете, что Николай I каждую ночь обходил караулы. Их по очереди несли Семеновский, Преображенский, Измайловский полки. И каждую ночь влитый в мундир как перед приемом царь шел по покоям. И однажды случилось небывалое. В тронном зале, на его троне он увидел спящего пьяного капитана лейб-гвардии Семеновского полка, которым когда-то командовал Петр Великий. Царь толкнул преступника, тот открыл глаза и, ничего спянку не разобрав, пробормотал только: «Чего тебе? По-

шел отсюда!» Царь отпустил пьяного семеновца, завершил обход, и воротившись в кабинет, измыслил указ (Николай был человек не простой и тридцать лет в-о-о как держал страну!) о списании сего капитана лейб-гвардии Семеновского полка из жителей Российской империи. Он лишился состояния, имени, паспорта, семьи, даже примет. Его увезли за красный кабачок у последней питерской заставы и сказали: «Уйди!» И шел вчерашний дворянин, воспитанный в холе гвардии, в Сибирь, просил подаяния, ночевал по сараям и гумнам. Он ветшал, но шел и шел на восток, как было предуказано. Но из всех попадававшихся на его пути городов губернаторы должны были незамедлительно сообщать царю о состоянии преступника. И так миновал Кострому, леса Вятки, предгорья Урала. И однажды в 1840-м году генерал-губернатор Екатеринбург донес царю, что списанный из Отечества, безымянный человек умер в нищете под забором. Царь отдал распоряжение составить траурный corteж и доставить мертвого злодея в Петербург, ко двору. Здесь он призвал архитектора и скульптора и велел изваять ему мерзавца. Злодей был изваян. Царь долго думал об эпитафии и наконец написал: «Сердце мое чисто. Я прав перед тобой». Беспрецедентное преступление требовало беспрецедентного наказания — царь знал великий холод и метафизику власти.

— В доброе старое время существовали такие книги — они назывались «книги брачных обысков», и мне все время хотелось узнать, как в них вносится «правило первой ночи», которое присваивали себе русские деспоты вроде какого-нибудь князя Львова, построившего соседний с Михайловским Алтун. Этот молодец, родственник автора русского гимна, любивший потешные армии, с которыми хаживал на Опочку и Новоржев и требовал ключей от города, мог бы составить эту армию из своих незаконных детей. А знаете ли вы, что неподалеку от Михайловского есть деревня Арапово и почему она так называется? А потому, милостивый государь, что прадед наш, опора пушкинского рода — большой был мастер по женской части. Но двигало им не праздное сластолюбие, а этническое любопытство, когда-то увлекавшее и Стефана Батория, уведшего в Литву множество русских девушек (так что если увидите в Польше знакомые названия — Воронич или Дедовцы, — не удивляйтесь, значит, память у девок не вовсе отшибло). Вот и арап интересовался, какой народ он может произвести на свет и что за люди пойдут. Этим и воспитатель его, батюшка Петр Алексеевич не брезговал и крестнику уж и грешно было не усвоить батюшкиных уроков. Вот и появилось Арапово. И когда вас занесет в эту сторону, приглядитесь, — нет-нет да и найдет на вас чистый эфиоп. Об этом знал П.П.Кончаловский и ездил сюда рисовать этот народ, надеясь высмотреть тут корни пушкинского портрета. Где теперь эти этюды — Бог ведает.

— Разве из этой оперы унесешь на губах свет мелодии, как при выходе из храма, когда уголек долго идет с тобой, пока не начинает гаснуть, гаснуть и не исчезнет вовсе. Да и голоса-то — черт знает что за голоса! Раньше ведь они не только в концертных залах выверялись. Где, например, мерили голоса петербургские консерваторцы? — в Исаакии, у Николы Морского — и там видели, долетает голос до свода или его только до хоров хватает. Да и духовное наполнение голоса сразу как на ладони — тут не спрячешься.

Надо было обживать новый Ганнибалов дом в Петровском. Потихоньку съезжалась мебель. Никак нельзя было найти только фисгармонию для Вениамина Петровича. И вот она наконец, нашлась. Семен Степанович съездил к обладателю и воротился без фисгармонии.

— Была жизнь, были господа, живущие своими домами, и мебель жила в них обиходной домашней жизнью: перед туалетными столиками пудрили носы и прилепляли мушки, в бюро хранили бумаги, в секретерах — интимные пустяки и любовные записки. Но вот жизнь рухнула, и господа побежали, оставляя мебель в надежде, что это не может долго продолжаться, что они воротятся и найдут все в целости. Но все продолжалось и продолжалось. И из укромных щелей вылезли накопители как вороны на падаль, кинулись на мебель и растащили по гнездам. Надо сказать, мебель вначале яростно сопротивлялась, подставляла углы, дергала за полы, рвала чулки, старалась побольнее ударить. Тогда ее стали укрощать. В нее напустили клопов, развели древесных точильщиков, рассовали по секретерам банки с консервами, в туалетные столы сунули ржавые гвозди с отвертками. Мебель смирилась и начала распадаться и подлетать. Но тут оказалось, что на нее мода. Накопители переименовали себя в коллекционеров, освободили ящики от консервов и начали подольщаться к вещам. Те вылезли из темных углов, поотмылись и стали покрикивать: «А помнишь? А вот в наше время...», но воспоминания их уже успели стать лакейскими, так что человеку, вздумавшему вернуть их к жизни, надо годы потратить на их перевоспитание. Да ну ее к черту, эту фисгармонию!

28

День синел, сверкал, ликовал. Под проточенным льдом к Сороти торопились ручьи. Белые матовые монеты воздуха текли подо льдом в каком-то одушевленном порядке. Вороны атласно, тускло сверкая летели над полем, и когда пролетали над головой, воздух от крыльев был как вздох или как внезапный громкий неразличимый шепот. Вороны садились на тонкий лед и, пробив его, деловито пили, поглядывая по сторонам. Скворцы были черны, изумрудны, молоды — совсем не те запыленные, усталые, постаревшие, какими будут осенью. Уже готовился очередной Пушкинский праздник.

— Кого вы считаете сейчас настоящим поэтом? Я думаю, что, может быть, последним был Ярослав Васильевич Сме-

ляков. Это был большой поэт. Однажды мы с ним подрались. Да-да. Он пришел как-то во время Пушкинского праздника: «Дайте, — говорит, — попить или выпить — все равно чего». Я дал. Он хватил водки, и мы разговорились. И я говорю: «Как вам не стыдно! Что вы такое написали про Наталью Николаевну? Будь жив Пушкин, он бы давно вас застрелил, потому что обычный кодекс чести предполагал, чтобы твою жену не полоскали по ветру. — А что, разве не правда? — Не знаю, — говорю. — Правду знал один человек, которого Пушкин пригласил за день до смерти, чтобы исповедоваться перед переселением в неведомый мир, куда надо приходить чистым, но этот человек знал свои обязанности и унес эту правду в могилу. А что же, — говорю, — вы-то с поэтом так обращаетесь?» Ну, тут он завелся и толкнул меня. Тогда я ему сразу — бац! справа здоровой рукой. Хорошо, влетела жена. Потом появилось его стихотворение «Извинение перед Натали». Иногда пушкинисту нужны и такие аргументы.

— А однажды у нас обедал генерал генералов. Днем явился храбрый капитан и известил, что «они» желают осмотреть Михайловское, но чтобы нигде никого. И еще они желают отобедать в уединении. Капитан пошел размечать флажками таинственную площадку, освобождать кафе и водружать там единственный столик в крахмале, цветах, бутылках, яствах и питиях. Моя публика, знающая толк в гостях и умеющая классифицировать их с профессиональной цепкостью, пошла заглядывать, а один монстр явился и изъявил желание увидеть, как будет кушать генерал генералов. Я послал его... Тогда он сказал, что у него идея. «Никаких идей!» — заорал я, но он уже исчез.

Ровно в двадцать ноль-ноль затарахтел мотор, с неба пал на зафлаженную площадку вертолет, и явился «сам». «Где тут это?.. М-да...» Я припелся на ватных ногах: «Милости просим». «Ну давай тут показывай, только у меня времени тридцать минут». Я постарался умягчить генеральскую душу, убрать цветами его сердце, дать посмеяться и подумать и был за то зван к столу, от каковой чести должен был отказаться, поскольку давно не пил, а откажись-ка от генеральской чарки... «Ну хрен с тобой!» — пробурчали генерал генералов и отбыли вкушать своей «анисовой». И вот тут-то через поляну и зашагал мой монстр, ведя под уздцы мерина, как бы по крайней хозяйственной надобности, и, встав спротив генерала, возопил: «Здра...жсла, тарниц аршал Сов Суза!»

— Ну, здорово! Служил?

— Так точно!

— Где?

— Н-ской части, такого-то полка и звания, — хватил мой болван.

— Пьешь?

— Так точно!

— Ну, на!

И молодцу моему был налит стакан, который и был выпит во здравие генерала генералов. В этом и состояла идея — здоровая и удачная, как все идеи моих сослуживцев.

А нужен ли Пушкин генералам? Чтобы проверить, надо снять их фуражки, штаны с лампасами, и тогда они никакие не генералы, и можно говорить о Пушкине, и тут ты и сам себе генерал и Горюшкин-Сорокопудов...

— Ко мне часто приезжают пушкинисты показать очередную работу на тему великой реплики из «Бориса» «народ безмолвствует». Понятно, что они приезжают сюда — ведь Пушкин увидел и понял этот «безмолвный» народ здесь. А меня занимает там другая ремарка — «палач готовится». Палача-то откуда Пушкин взял? А отсюда же. У нас тут жил породистый кат (палач. — В.К.) в деревне, которая так и называлась Каты. И Пушкин был у него, встречался и говорил, чтобы понять психологию сословия, которое было призвано в соответствии с распоряжением начальства сделать вам чик! — и до свидания. Это уж Александр I создал комиссию для упразднения института палачества, и этой штатной единицы в губерниях не стало. А Пушкин застал...

Пауки перебрасывают через дорогу легкие нити, но добычей их становятся только машины, да изредка порвет эту незримую серебряную ленточку человек и долго снимает паутину с лица, будто умывается. Утка разнимает утят, как рефери на ринге, строго прикрикивая «брэк»! Зяблик еще с ночи не свистит, а рюмит, суля дождь. И скоро листва взъерошивается перед грозой, потом вздрагивают и трепещут кусты и наконец безмолвно вскипают травы...

— В 1939 году на Ворониче закрывали церковь. Я приехал от Пушкинского дома. Увез только регистрационные книги попа Шкоды, а в углу — никогда не забуду — битком до потолка поминания «во здравие» и «за упокой»: и кожаные, и тряпочные, и бумажные. С XVIII века, с суворовских походов. Сколько тут, в этих поминаниях, было павших, болящих, живых, стоявших здесь в Троицкую родительскую субботу. Это и был народ, и чувство народа, и ответ перед ним, и сознание непрерывности жизни.

— А однажды мы шли — еще так недавно — с одним из моих старых еще петергофских знакомых по Невскому, и он вдруг и говорит: «А ты знаешь, что вот тут живет священник нашей Знаменской церкви отец Константин Быстреевский, который тебя крестил. Зашел бы». «А чего, — говорю, — пойдем вместе». Зашли. Он долго не открывал. Глухой, живет один. «Батюшка, — говорю, — отец Константин, благословите. Гейченко я...» А он спокойно говорит: «Вижу. Гейченко». И мы рассказали друг другу, что с нами делала жизнь. Его ссылали три раза (последний в 1939 году). «И однажды, — говорит он, — меня вызвал начальник лагеря: «У меня умирает

дочь. Я все перепробовал. Ты тут ходишь про Бога бормочешь. Давай доказывай Его силу. Спасешь дочь — паспорт твой, денег тыщу, в Ленинграде на Невском пропишу. Нет — пойдешь в расход!» Бац дверью; ушел. А мне что — дальше смерти не пошлет. Я молился не потому, что шкуру жалко было. Чего она стоит в лагере, а все же человек живой. Проходит недели две — является. Веселый. «Ну, спасибо, отец!» Кричит в дверь: «Заходи». Является ординарец с подносом — паспорт, деньги, билет. Вот живу...»

— Я очень разочаровался в социализме. Так верил, так радовался, когда работал, придумывал. А человек остался вероломен, лжив, коварен, зол, как был. Ленин говорил, что для преобразования России нам нужно сто тысяч тракторов. Сейчас у нас их миллионы, а где же преобразование-то? Нет, можно всех накормить, одеть (хоть трудно, но можно) даже и в меха и брильянты, а вот тут (рукой в грудь) так быстро ничего не меняется. Тут даже наоборот — все к последним временам, всему пришел край...

— Если бы не Пушкин...

«...Если бы не Пушкин...»

Они теперь так и останутся для знавших Семена Степановича неразделимы. И не в одном Михайловском. И наше дело — понять загадку этого единства, чтобы памятью и пониманием продлить в заповеднике след этого животворящего согласия, взаимное окликание поэта и хранителя, хозяина и «домового».

Есть горькая справедливость в том, что они лежат неподалеку друг от друга — один на Святой горе, другой на Воронице, и один ветер шумит и шумит в кронах осеняющих их последний приют деревьев.

Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает; под каждой могильной плитой лежит всемирная история.

Г. Гейне.

По кромке Финского залива,
по твердо-мокрому песку
я продвигался торопливо,
и ветер ластился к виску.

Навстречу мне из сизой дымки
– воображения игра! –
шла по отливу невидимка
из невозвратного вчера.

С пустынной линии прибрежной
купальный уходил сезон.
А мы сближались неизбежно:
она и я – мечта и сон.

Дышала осенью округа,
а мы, как воздух, как вода –
вошли на скорости друг в друга
и разминулись навсегда.

НА «НЬ»

Крестьяне, аналитики,
шахтеры, прачки, критики –
от шишки до бамжа
толкуют о политике...
И лишь поэты-нытики
молчат: скорбит душа!

Поэт в пивнушке крошечной
присядет у окошечка
и цедит не спеша
пивко... И в пальцах ложечку
вращает понемножечку
без слов: скорбит душа.

А над промокшим городом –
сплетенье туч распоротых
лучом благой весны.
И солнце смотрит поровну
не на друзей и врагов, –
на нас! То бишь – на «ны».

ГОСТ

Дождь прошел – земля впитала
Брызги... Только и всего.
Вот и Бродского не стало,

как не станет – никого.
Он уехал – «Ах, куда вы?!»
К мисс Свободе под бочок.
Был он рыжий и картавый,
и невучий, как дьячок.
В Ленинграде возле церкви
проживал он, трезвый сплошь...
Был он ярким, был он цельным,
но... уехал – не вернешь.
Помню, в дни его отъезда
мне он выделил трояк,
потому что я – не бездарь,
да и Бродский – не дурак.
Я ж на тот трояк заветный
в наши дни – без твоей лжи –
тост слагаю безответный
за помин его души.

Мельчайший и медленный снег
вальсирует плавно над морем.
Двадцатый обугленный век
предсмертной мелодии вторит.

Куда вы, снежинки, куда?
Двадцатого века мгновенья?
...Проснулись в рабах – господа
от легкого дуновенья.

Колотятся волны о брег,
и, смутный, вот-вот и растает –
крадется сквозь снег человек,
а, может – душа пролетает.

Не счесть земных детей у Бога.
И все живут! Хотя бы – миг.
И я живу. Грешно, убого:
то – вбок, то – вкось... Не напрямик.

С утра смотрю в окно, где серый
сложил деревья зимний парк;
на голубой квадрат фанеры,
где пляшут буквы «Пиво-бар».

Затем спускаюсь вниз, на землю,
точней – на снег. Иду в кабак,
где размышляю. И – приемлю,
подав бармену тайный знак.

Потом воскресшими глазами
смотрю на дивный мир-музей
и восторгаюсь чудесами
всем существом и сутью всей!

Не раз пытался я как мних*
при этой жизни растреклятой
отгородиться от других
как бы кладбищенской оградой.

Сладчайшая из всех потреб –
сестра гордыни, рай хотенья:
уйти в себя, как будто в склеп
и возникнуть, как привиденье!

Что было поводом тому:
тщета и развращенность быта
или – желание видеть тьму
в себе, что от других – сокрыта?

НЕТ

Как огурчик, свеж и брит,
смотрит в окна – на рассвет.
«– Вы согласны?» – говорит.
Отвечаю кратко: «Нет».
Кулаком дубасит в стол.
За окном – клочок Невы.
Принимает валидол.
– «Вы согласны?» – «Нет, увы.»
Пропуск выписал молчком.
Протянул. Дает совет:
– «Не пытайтесь... дурачком,
соглашайтесь.» – «Нет и нет.»
На Литейный выхожу,
а затем иду к реке.
Я свободой дорожу.
Постою на ветерке.
...Это вовсе не секрет,
но весьма не ерунда,
что свобода – это «нет»,
а неволя – это «да».

Сквозь телесную гуцу
пробраться в вагон,

* сокращенно-усеченная форма от слова «мнительный» (прим. автора)

день вчерашний с грядущим
поставить на кон.
Проиграть машинально,
взирая в окно...
Там, в пространстве банальном,
стемнело давно.
Там, в пространстве родимом,
не видно ни зги.
Холод стал ощутимым,
остыли мозги.
...Тамбур. Курево. Спички.
Забуться весьма
и – сойти с электрички,
как будто – с ума.

СЛОВА

Слова, как дождь, слова, как сверла,
слова – невнятная труха.
Твои слова берут за горло,
мои – берут за потроха.

Слова с подвохом, с подковыркой,
слова – как бы напрасный труд.
Одни слова берут за шкуру,
другие – за душу берут.

Слова любви, сердечной муки,
слова – зеленая трава...
Но те и эти – только звуки.
То бишь – слова, слова, слова.

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

на берегах ХОШРА

В Новохоперске есть все.

В августе я покупал выращенные здесь арбузы величиной с мужской кулак по смешной цене 100 рз за килограмм.

В кабинете у директора местного музея приобрел себе джинсы. Мог бы обзавестись замечательным платком для жены...

Единственное, чего нет в Новохоперске, – это газет. Никаких. Ни центральных, ни областных. Все

киоски «Распечати» за ненадобностью закрыты.

Город, как, похоже, и вся российская провинция, отгородился от высокой политики и властных разборок и живет своей жизнью – спокойной и скромной.

Шерсти клок

– Платки для нас – как для других огороды, – услышал я от администраторши в гостинице.

Якорь для казака

Не тонкой пряжей привязан Новохоперск к российской истории – корабельными канатами Петра да казацкой упряжью...

В один из дней я ходил по старым улицам города вместе с Александром Яковлевичем Лаенко. С этими местами связан он сам и все его предки. Лаенко работал агрономом, потом долгие годы учительствовал, возглавлял школу. С давних лет увлечен историей родного края.

На одном из перекрестков он придержал меня и, показывая рукой вдоль улицы, полого спускавшейся к Хопру, сказал:

– Вот здесь проходила Ногайская сакма – дорога, хорошо известная в средние века как часть знаменитого «шелкового пути». Позже стали называть ее Астраханским шляхом.

На улице, живописно утопающей в зелени деревьев, сохранилось немало домов красной кирпичной кладки, построенных в прошлом и начале этого века. К тротуарам свешиваются отяжелевшие яблоневые ветви. По стенам многих домов вьются виноградные лозы.

А когда-то здесь, переправившись через Хопер по Татарскому броду (упоминаемому в летописях), шли торговые караваны в рискованную путь к восточным и южным странам.

Против кочевников выставлялись передовые заслоны. Об охране караванов, делавших остановки, заботились купцы. Напротив брода на правом берегу Хопра возникло сначала зимовье, потом, в конце XVI века, городок, названный Пристанским. Его население быстро росло за счет беглых крестьян и раскольников, прибывавших из русских и украинских земель. В массе своей это были люди крепкие, вольнолюбивые, владевшие различными ремеслами, умевшие и постоять за себя, и других подмять. Недаром это голутвенное (то есть бедное) назачество,

Вязание для жителей с берегов Хопра – важный промысел, приносящий ощутимую прибавку к семейному достатку. Стоят платки из козьего пуха от ста тысяч до полутора миллионов рублей. Цена зависит от качества и цвета исходного материала и, разумеется, величины изделия. Самые дорогие вяжут из белого горного пуха, который местные мастерицы прозвали «новылем». Его привозят сюда из Дагестана и Азербайджана.

Люди возят платки на продажу на соседнюю узловую станцию Паворино, где останавливаются многие поезда, идущие и в Воронеж, и в Москву, и в Петербург...

Елена Рудакова, работник районной администрации, а до недавнего времени учительница начальных классов, рассказала мне, что оренбургские платки ценятся за узор, а «наши – за то, что теплые и очень легкие». Еще узнала от нее, что многие исполнительницы русских народных песен летом поют в оренбургских платках, а зимой в новохоперских – теплее. Что прославленный уроженец этих мест Николай Сличенко одарил местными платками чуть ли не все цыганские хоры мира. Что Великая Нягиня Леонида Георгиевна чуть ли не в каждый свой приезд в Россию увозит новохоперский платок.

В прошлом году здесь на огородах не удалась картошка. (Впрочем, как и почти повсеместно в европейской части России.) Похоже, в Новохоперске будет увеличено производство пуховых платков. Жить-то надо.

А как вяжут! Залюбуешься! Не глядя на пряжу, вслепую... Очень любят совмещать работу с просмотром латиноамериканских телесериалов.

– Очень удобно, – с улыбкой сказала мне Елена Рудакова. – Думать не надо. И глаза при деле, и руки...

с одной стороны, было опорой государства, а с другой – пополняло резервы всех крестьянских бунтарей, потрясавших государство, – и Ивана Болотникова, и Степана Разина, и Кондратия Булавина, и Емельяна Пугачева...

– Умели драться хоперские казачки, умели! – явно гордясь поколениями своих предков, восклицает Лаенно. – А на море им вообще равных не было.

История подтверждает: хоперские казачки были незаурядными и отважными мореходами.

Вице-адмирал Корнелиус Крейс, состоявший на русской службе, оставил такую запись: «...казачки все почти морские хватки имеют». Их суда, ходящие по Хопру и Дону к Азовскому морю, по его описанию, «подобны неаполитанским фельогам и испанским барселонтам».

В июле 1623 года – обратите внимание, за семьдесят с лишним лет до рождения российского флота! – казачки численностью в шесть тысяч человек, пройдя двумя морями, подошли к столице Византии и овладели ее пригородами. В том же году они совершили поход на Керчь, Кафу (Феодосию), южное побережье Крыма.

И совсем уж поразительно, что еще за 60 лет до Петра, в 1637 году, казачки захватили крепость Азов и владели ею целых пять лет, успешно отбивая атаки турецкого флота и конно-пеших крымских орд.

Казачки неоднократно обращались к царю за помощью, но тот отказывал. Тогда они добровольно оставили Азов. А в качестве трофея перевезли городские ворота и городские весы в Черкасск, являвшийся казацкой столицей... Весы и сейчас находятся в станице Старочеркасской, что в Ростовской области...

Есть свой «трофей» и в Новохоперске – старинный кованый якорь.

Он выставлен у дверей здешнего краеведческого музея. Много лет назад его нашел краевед Лаенно в подмытом грунте берега Хопра.

Якорь иллюстрирует другую морскую историю, что началась здесь, в равнинной России.

В феврале 1696 года в Воронеж (он стоит неподалеку, выше по течению Хопра) приехал Петр I. Тогда под началом Франца Лефортова ускоренными темпами на верфях в Воронеже, Таврове, Рамони, Козлове и

здесь, на месте нынешнего Новохоперска, шло строительство кораблей для зарождающегося Российского флота. Мало кто знает, что эти места Петр выбрал не только потому, что Хопер связан через Дон с открытым морем и были тут большие запасы корабельного леса, но и оттого, что жившее на берегах Хопра казачество уже имело флотские навыки.

Для петровской эскадры на Хоперской верфи построили тогда 25

больших судов и более сотни стругов. Здесь же делались заготовки – обшивки, нили, мачты, весла, которые отправлялись на другие верфи. И еще – якоря. Кузнечными работами руководил знаменитый Козьма Жохов.

Нем-то из его подопечных был выкован якорь, найденный на берегу Хопра. Остается загадкой – почему он не пошел на оснастку корабля? Может, в чем-то не отвечал тогдашнему «ГОСТу»?

В том же году, что изготовили якорь – 1696-м, – поход Петра, начавшийся здесь, закончился взятием Азова.

Долина Нищих

Новохоперск, шутят его жители, роднит с Москвой то, что столица лежит на семи холмах, а этот город – на семи оврагах. Новохоперск действительно весь изрезан лощинами, которые делят его на своеобразные микрорайоны. За ними давно закрепились прозвища: есть Казачка и Вторая Казачка. В центре – Пролетарка – здесь обустраивался в давнюю пору рабочий люд. Есть Шелуховна – здесь с давних пор стоит маслобойный завод, с которого разлетается подсолнечная шелуха... С недавних пор в городскую топонимику вошла Долина Нищих – место, где строятся новохоперские «новые русские».

Озлобления против «новых» мне в Новохоперске заметить не довелось.

Был свидетелем того, как к одному из «новых» подошел на улице пенсионер и с достоинством, что называется, не ломая шапки, поблагодарил того за приобретение ему угля на зиму.

Со слов главы администрации города Галины Пыльевой знаю, что предприниматели помогли газифицировать несколько улиц.

Бизнесмены открыли автобусное сообщение с Москвой – обходится оно пассажирам дешевле, чем по железной дороге.

Когда-то в городе было около тысячи купцов и промышленников. Они так же, как чиновники, чьи жалованья были весьма высоки, давали деньги на школы и храмы... Судя по тому, какие величественные церкви стояли здесь, – деньги немалые.

Из храмов действует сейчас только один – Воскресенский собор.

Его не закрыли в тридцатые годы. Не был разорен и находящийся рядом с ним небольшой погост.

Среди могил настоятелей храма один памятник необычен – глыба черного гранита, изображающая морскую волну. На камне выбито: «Алексей Александрович Раевский, скончался 12 октября 1872 года на 65 году от рождения».

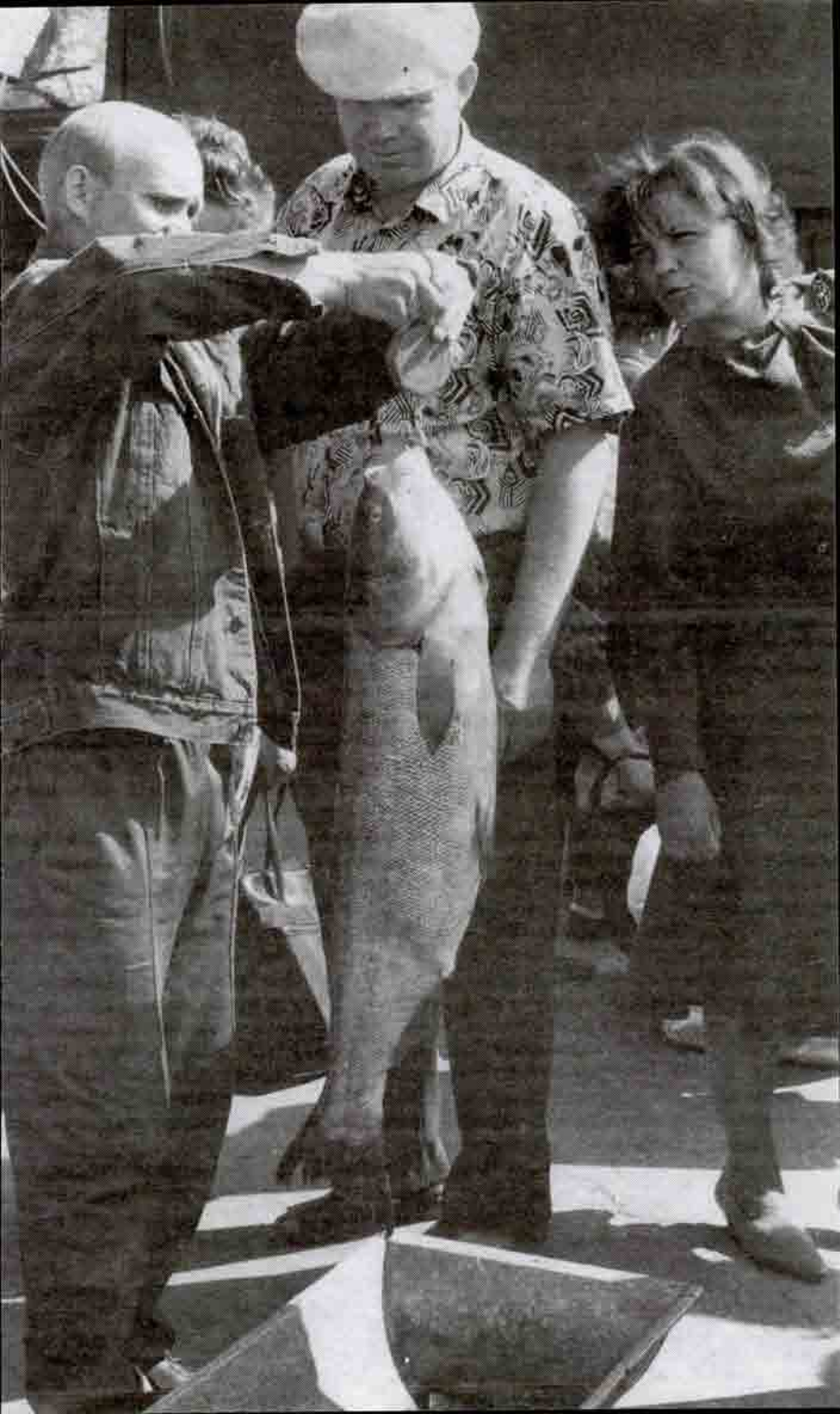
От отца Геннадия, настоятеля Воскресенского собора, узнал: волна – оттого, что этот представитель знаменитой фамилии был адмиралом. Выйдя в отставку, жил в родном Новохоперске. А похоронен в церковном приделе потому, что на средства адмирала был основан сей храм.

Отец Геннадий тоже связан с морем. (Вот ведь сколько морского духа в сугубо сухопутном Новохоперске!) До того, как поступить в Одесскую духовную семинарию, он отслужил срочную матросом – на базах Балтийского флота в Кронштадте и Таллинне. Ходил на учебном корабле «Смольный»...

Сейчас о.Геннадий ведет ремонт собора. В лесах надвратная колокольня. Обновлено покрытие куполов самого храма. Размах работ – по средствам. Трудится всего несколько человек, которым в свободную минуту помогает сам настоятель. Он высок, физически крепок. Мастеровит и привычен к труду.

Началась танке реконструкция Троицкой церкви, что стоит на – вот вам смешение времен и эпох! – площади Коммуны. Хуже обстоят дела с Преображенским собором, танке расположенном в центре города. Он, видимый издалека, отовсюду, представляет собой печальное зрелище. Штукатурка давно осыпалась. Оголившаяся краснокирпичная кладка выщерблена так, будто ее обглодали мыши. Со всех сторон собор оброс сорняками в человеческий рост...

В свое время с высокой главы собора не сумели снять золоченый крест. Он так и простоял, сияя на

солнце, многие десятилетия. А пропал совсем недавно... Где он, тот крест? На какие браслеты и перстни переплавлен?

Здесь купали Красного коня

В пятнадцати минутах езды от Новохоперска – село Красное. Красотой своей оно полностью отвечает названию. Поражает и величиной – здесь живет шесть тысяч человек (всего на две тысячи меньше, чем в райцентре). Есть уголки, напоминающие городские кварталы – с домами старой кирпичной кладки, с цветниками и палисадниками...

Многое построили здесь еще Раевские – сыновья и внуки знаменитого генерала, героя Отечественной войны 1812 года. Семья владела многими поместьями в нынешнем Новохоперском районе. Все они были рачительными хозяевами. Пеклись не только о прибыльности своих производств, но и о достатке тех, кто здесь жил, работал на полях, на малых (как теперь бы сказали) предприятиях, на двух винокурных заводах.

С Надеждой Прокофьевной Чаплиевой, преподающей литературу в местной школе, выходим на берег притока Хопра – речки Савала.

– Здесь были когда-то огромные пойменные луга, – говорит Чаплиева. – Раевские завели специальную бригаду, которая следила за чистотой русла, поддерживала гидрологический режим реки.

Сейчас река совсем заболочена.

Чаплиева показывает на раскидистое дерево, склонившееся уже не над водой – над подступившим камышом.

– Рядом с этой ветлой стоял небольшой домик, построенный Раевскими, Сергей Рахманинов, когда

приезжал к ним в гости, всегда в нем останавливался. Специально для него здесь стоял рояль. Три лета провел в этих местах. Удил рыбу... Именно здесь написал Второй концерт для фортепьяно с оркестром... А позже в этих местах, на Савале, Петров-Водкин написал знаменитую картину «Нупание красного коня»...

От рахманиновского домина ничего не осталось. Однажды приехал колхозный бульдозер, и...

Едва переезжаешь по мосту на левый берег Хопра, как начинается территория Хоперского государственного заповедника. До его центральной усадьбы, расположенной в поселке Варварино, двадцать километров по хорошей асфальтированной дороге.

Варварино, как и село Красное, старый поселок, и тоже связан с дворянским родом Раевских. В бывшем хозяйском имении, построенном более века назад посреди вековых деревьев, ныне размещается научный отдел заповедника.

В 1709 году здесь по велению Петра было отловлено десять зубров для только что созданного санкт-петербургского зоопарка.

– Наш заповедник в прошлом году отметил свое шестидесятилетие, – говорит заместитель директора по научной работе Николай Карпов, – он был создан, чтобы сохранить уникального пушного зверька – выхухоль. Таких, как она, млекопитающих, существующих десятки миллионов лет, на земле осталось считанное количество видов. К двадцатым годам нынешнего столетия в результате хищнического промысла выхухоль была почти повсеместно истреблена. Осталось несколько особей в самых труднодоступных местах.

«Резервацией» для выхухоли ученые выбрали пойму Хопра. Здесь множество больших и малых озер.

Многие урочища по сей день сохранили свой первобытный облик. Где, к примеру, еще найдешь черноольховые леса, стоящие на труднопроходимых топях, незамерзающих даже в холодные зимы? Основания стволов оплетены ежевикой и хмелем, крапива выше человеческого роста... Сюда даже волки опасаются забегать.

А выхухоль оказалась загадкой для биологов. Разведению в питомниках или на фермах она так и не

поддалась. Те пары, что жили в вивариях, ни разу не принесли потомства...

Воссоздать выхухоль не удалось. Не поймать здесь, как в петровские времена, бизонов... Но привычными стали лоси, пятнистые олени, носули, дикие кабаны. Облюбовали заповедник и пернатые. Среди них орлан-белохвост, подобно выхухоли занесенный в Красную книгу. Первую гнездящуюся пару этих больших птиц, которых орнитологи называют

«аристократами неба», обнаружили в тридцатых годах. Целых сорок лет их число не увеличивалось. В середине семидесятых поселилась еще одна супружеская пара. А сейчас на территории заповедника, вытянувшегося вдоль Хопра на 80 километров, проживает шесть оседлых пар...

Наждое лето заповедник горит. Чтобы тушить пожары, нет техники, нет людей, нет средств. В прошлом году под угрозой оказался сам поселок.

— Огонь приближался к Варварино с большой скоростью, — вспоминает Карпов. — Порывы ветра перебрасывали его по верхушкам деревьев. Заградительные полосы не спасали. Перед огнем отступали люди и техника... На окраине поселка уже сворачивалась от высокой температуры листва. Из домов вынесли самое необходимое. В Борисоглебске стояли наготове вертолеты для эвакуации жителей. Бежать — нелегко, кругом леса... Еще каких-нибудь полсотни метров, и началась бы эвакуация. Но природа нас пощадила. Ветер неожиданно изменил направление, встречным потоком пламя сбило самое себя...

Едешь по заповеднику — то и дело встречаешь следы огня: безжизненно застывшие обгоревшие стволы посреди пепелиц — словно злоешие памятники на каком-то языческом кладбище.

Ни огонь, ни безденежье не согнули тех, кто работает здесь. Люди не потеряли вкус к работе, к жизни, к родимой российской природе.

— Да что планаться? Не мужики мы, что ли? — говорил, стоя на

крыльце своего служебного дома на кордоне Серебрянка, лесник Александр Дерюгин. — Пустые магазины мы уже миновали. Осталось пройти пустые карманы...

В заповеднике Дерюгин работает недавно. До того служил прапорщиком в частях ПВО на Дальнем Востоке.

Когда его контракт подходил к концу, прапорщину предложили продление. Однако Александр Данилович (из-за такого сходства имени и отчества его повсюду нарекали Меньшиковым) ответил, что сейчас лес в России охранять важнее, чем воздух. С чем и отбыл в родной Новохоперск.

Жена Вера Арнадьевна подалась в коммерческую структуру. А он — в лесники.

Жена с детьми приезжает на кордон к мужу на выходные дни. Отдохнуть. Насладиться природой. Посмотреть, как в небе парят птицы, которых не увидишь в городе, да еще будучи трижды миллионером...

— Да не пишите вы всего этого, — прерывает меня Александр Данилович, — лучше напишите о Шацком, который служит на соседнем кордоне. Я — бывший «прапор». А он — подполковник.

Дерюгин разливает по кружкам чай с каким-то хитрым настоем лесных трав и продолжает:

— Напишите, значит, о Шацком следующее... Человек он умный... Потому что в начальники не лезет. Про любовь к России не кричит. Работает надежно и спойно. В себя верит и в Родину свою. Записали?

↓
Природа не знает никаких прав, ей известны только законы.

Джеймс Агамс.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ФИРМА

"АЛЕКО-ЭКСПОРТ"

предлагает морские круизы

по Средиземноморью

на суперлайнере

"Лев Толстой"

с большими сезонными скидками

с марта по декабрь 1997 года,

а также путешествия

в Венгрию, Скандинавию,

Англию и Эстонию.

Москва, Волгоградский пр-т, 42

Тел.: (095) 177-23-92, 177-92-00, 919-87-90

МАЙЯ ОРЛОВА

"МАРЖИЗД"

выходит на связь

48

Всем нам, нормальным людям, хочется, чтобы всегда рядом были друзья и знакомые, родные и близкие, а главное, хочется, чтобы была та самая «половинка», без которой жить просто плохо, если не сказать больше. Желание естественное, но осуществить его в возрасте, когда вам «за...», бывает трудно. Особенно собственными силами.

Попытка познакомиться по объявлению в газете практически провалилась. Эту горестную историю я рассказала в «Смене» № 9 за прошлый год. Но, будучи человеком упрямым, решила довести эксперимент до конца. Только на сей раз сделать его чистым: то есть не писать объявление от имени вымышленной прекрасной незнакомки и затем морочить людям голову по телефону, а лично попробовать познакомиться. Не на улице, естественно, а при помощи так называемого «брачного агентства». Благо подобных объявлений сейчас полно во

всех средствах массовой информации.

Известно, что «если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно». Иначе не плодились бы эти агентства как грибы после дождя. Первичный анализ ситуации показал: да, предложений много, одно другого заманчивее. Но в девяти случаях из десяти (если не в девяноста из ста) «агентство» представляет собой даму на телефоне с ручкой и блоннотом, в который она за определенную сумму готова занести ваши данные и пожелания, а затем представить список подходящих кандидатов. Значительно реже те же самые данные и пожелания заносятся в компьютер, что придает всем последующим операциям оттенок современности. Вероятность познакомиться с кем-то достаточно велика, но велика и вероятность того, что дама и кавалер друг другу не подойдут. «Заказав», допустим, высокого блондина без жилищных и ма-

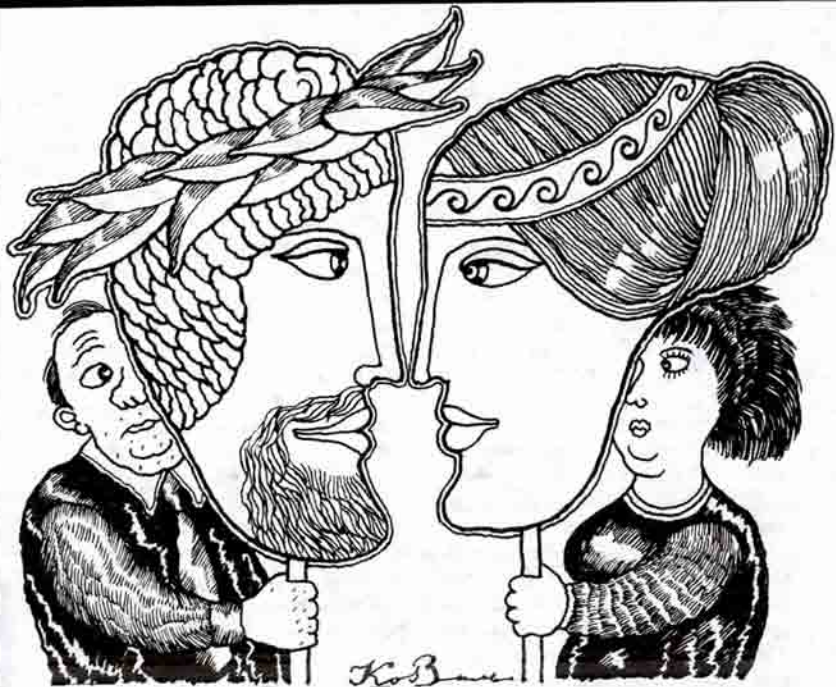

Рисунок ВИКТОРА НОВАК

териальных проблем, но с высшим гуманитарным образованием, дама вполне может получить белокурую жердь в толстых очках, которая работает библиотекарем и обитает в однокомнатной «хрущобе» у черта на рогах. Его зарплата его самого вполне устраивает, жилье тоже, поэтому в данных о себе он смело сообщает: «Без проблем!». Реакцию дамы можете себе представить сами.

Впрочем, и мужчинам в этой ситуации позавидовать трудно. Один мой знакомый, решив таким образом устроить свою личную жизнь, «заназал» очаровательницу в возрасте от 35 до 45 лет, сами понимаете, без проблем, с хорошей фигурой и высоким интеллектom. На кой ляд ему понадобилось последнее — не понимаю, да и не в этом суть. Он уплатил агентству сто тысяч, и на одной из станций метро юноша в надвинутой на глаза кепке сунул ему в руки листок бумаги и испарился. Листок представлял собой

список из двенадцати женщин: возраст, семейное положение, характер и телефон. Лично меня рубрика «характер» просто умилила: ну какая же женщина в здравом уме и твердой памяти признается, что у нее характер скверный, склочный или просто паршивый? Естественно, везде значилось: «мягкий», «нежный», «покладистый». И лишь одна созналась: властный у нее характер.

— Я бы на твоём месте именно ей и позвонила, — посоветовала я знакомому, когда он пришел ко мне со злосчастным списком и начал жаловаться на то, что за свои кровные сто тысяч не смог получить ничего путного.

— Могу себе представить! — фыркнул он. — Я тут позвонил одной, наиболее подходящей: разведена, двое детей, характер мягкий. Так она мне открытым текстом сказала, что готова со мной спать, если я ей за это буду платить. Нормально?

С моей точки зрения – более чем нормально. Каждый решает свои материальные проблемы как может, а дама с мягким характером сразу расставила все точки над «i». Не она будет кавалера привечать, угощать и ублажать, а он ей будет платить за сладкие минуты встреч. Чего же на правду обижаться?!

Но знакомый моего благодушествия не разделил. Оказалось, он добросовестно обзвонил всех обозначенных в списке дам, а с двумя даже встретился, но ничего путного из всего этого не вышло. Трое заявили, что желают выйти замуж, а всякие глупости в виде предварительных романтических отношений в их жизненные планы не входят. Две встречи с которыми состоялись, без затей пригласили к себе в гости «раздавить бутылочку» и вели себя при этом процессе так, что без дрожи не вспомнить. Остальные кандидатки отпали из-за низкого интеллектуального уровня или из-за возраста: дамы перевалили полувековой рубеж. В общем, полная непруха за свои же деньги.

Грешным делом, я решила, что мой знакомый слишком уж переборчив. Сам не мальчик, «полтинник» позади, интеллектуальный уровень более чем средний, материальные возможности достаточно ограничены. Желать при этом молодую, длинноногую, хорошо воспитанную и беспроблемную интеллектуалку... Ну, не знаю, не знаю.

Но этот случай окончательно укрепил меня в намерении довести начатое до конца и воспользоваться услугами этой самой «службы знакомств». А поскольку последние десять лет я стараюсь учиться на чужих ошибках, а не рисковать собственным лбом, то выбрала агентство посolidнее. Такое, чтобы туда можно было явиться лично, посмотреть на сотрудников, ознакомиться с процессом работы и уже потом, если все это внушит хотя бы минималь-

ное доверие, рискнуть. Хотя несколько представителей мелких агентств и пытались мне объяснить по телефону, что женщине в моем возрасте трудно найти себе подходящую кандидатуру, что мужчины предпочитают более молодой контингент и вообще вся эта затея устроить таким образом личную жизнь просто обречена, я уперлась. Желая сама попробовать – и все тут! Впоследствии я поняла, что определенная доля истины в их скепсисе присутствовала, но тогда была железно уверена: в желающих познакомиться именно со мной недостатка не будет.

Причина такой самоуверенности заключалась в том, что меня отчаянно избаловали мои же друзья и знакомые. Все они, надо не надо, старались меня уверить, что более очаровательной и умной женщины, да еще с творческой профессией, да еще со знанием языков, да еще с чрезвычайной начитанностью удастся встретить крайне редко, если вообще удастся. У меня как-то совершенно вылетело из головы, что замужней женщине обычно именно это и говорят, радуясь про себя, что она замужняя. А вот если такой энциклопедия оказывается свободным или – еще хуже – в поиске партнера, то все вышеперечисленные качества мгновенно превращаются из достоинств в недостатки. Ну какой нормальный мужчина будет терпеть около себя независимую и умную женщину? Только независимый и умный. А такие, по странному стечению обстоятельств, в службу знакомств не обращаются, решают эти проблемы самостоятельно.

Но все эти здравые мысли, напоминаю, посетили меня только тогда, когда я досыта наговорилась по телефону с возможными моими партнерами, а с некоторыми даже встретилась лично. Так что не буду забегать вперед, а попытаюсь максимально беспристрастно и объективно изложить все события по поряд-

ну. Возможно, и мои ошибки для кого-то послужат уроком. А кто-то получит новую информацию, которая, как известно, лишней не бывает.

Агентство, привередливо выбранное мною, называлось «Маркиза». С детских лет испытываю слабость к титулованной аристократии. Так что название меня подкупило. А еще больше понравилось то, что диспетчер, выслушав мои исходные данные и пожелания, не стала сетовать на то, что моя весна – увя! – давно осталась позади и что мужчины желают чего-то более... ну, ладно, а просто все записала и предложила посетить их офис в любой удобный для меня день. С понедельника до субботы – от 3-х до 7, а в воскресенье – от 12-ти до 3-х. Паспорт с собой брать не обязательно.

Позволю себе небольшое отступление. В свое время о широко рекламированной кампании «клубов знакомств», вечеров «кому за 30» и так далее не писал разве только очень ленивый журналист. Вот только не приходилось читать и слышать о тех, кто на этих мероприятиях обрел-таки личное счастье. А монументальный гвоздь в крышку гроба этой затеи вбил замечательный фильм «Москва слезам не верит», где героиня гордо отказывается от помощи подобного клуба, не соблазняясь даже блатным вариантом знакомства, и встречает своего Гошу – помните? – в электричке. После этого писать о знакомстве через каких-то посредников стало как бы дурным тоном и о кампании забыли.

Но ведь это вовсе не означало, что тем самым и проблему решили. Ее просто закрыли и предоставили людям самим о себе заботиться. Согласна, кто-то действительно может все это прекрасно делать самостоятельно. Но слишком многие совершают свой ежедневный привычный маршрут: дом – работа – дом, робко поглядывая на своих попутчиков, в привычном одиночестве смотрят по

вечерам телевизор (или вянут, раскладывают пасьянс, выгуливают собаку) и представить себе не могут, где, а главное, как познакомиться с представителями противоположного пола. Или с представительницей – мужчины находятся в ничуть не более благоприятном положении.

Теперь появились брачные агентства. Мы к таким вещам непривычные, для нас – это экзотика, причем пока еще малоприличная. Потому что считается: если ты уже вышла из того возраста, когда к тебе могут подойти на улице и попросить телефончик, значит – поезд ушел, рельсы разобрали и надо думать не о мирском, а о душе. Обратиться в агентство для нас значит – расписаться в собственной несостоятельности, неполноценности, ущербности, если угодно. В таком деликатном деле обращаться за помощью к посторонним, выставлять себя, словно на аукцион, да еще переживать: купят или не купят? Стыд-то какой!

Пишу об этом потому, что и меня, не слишком живо заинтересованную в итогах эксперимента для моей личной жизни, подобные сомнения посещали. Даже будучи по роду своей работы человеком достаточно общительным и где-то светским, я плохо представляла себе, о чем говорить при первой встрече с абсолютно незнакомым мужчиной. Ладно, назначить по телефону свидание большого ума не требуется, справлюсь. Но дальше... Дальше просматривались сплошные вопросительные знаки.

Для начала я просто не представляла себе, какие требования могу предъявить к потенциальному избраннику. В принципе, внешность мужчины для меня имеет мало значения. «Был бы человек хороший». Но не могу же я так вот прямо об этом заявить? Не поймут – и будут правы. Значит, придется конструировать некий абстрактный идеал, ман-

симально приближенный к действительности. Рост – от 180 сантиметров. Вес, соответственно, от 80 килограммов и далее (не бросайте в меня камень, предпочитаю крупных мужчин, наверное, потому что сама, скорее, миниатюрна). Брюнет, но можно с благородной сединой, впрочем, лысина тоже не помеха. Без проблем, вестимо. Не моложе – да, да, именно не не старше, а не моложе 45 лет. Быть по совместительству матерью-наставницей – увольте. Ну и желательно гуманитарий, в идеале – творческой профессии. Умный. Порядочный... Интересно, где это мне таного найдут?

Так, теперь о себе – тоже ведь придется заполнять что-то вроде анкеты. Возраст? Снажем так: выгляжу на 35, но на самом деле постарше. Рост – 160, вес – 58, шатенка с карими глазами. Без проблем. Профессия – журналист. Умная. Безусловно, порядочная. Характер, конечно, сложный, но ведь должны же быть у человека хоть какие-то недостатки!

Да, в подобной ситуации может спасти только обостренное чувство юмора. Я-то им точно обладаю, а вот в список требований к потенциальному партнеру это качество надо было бы внести. Иначе я просто обречена на одиночество: любой мужчина, настроившись воспринимать меня серьезно всегда и везде, как минимум заработает острое нервное расстройство, и ни о каких лирических отношениях говорить уже не придется. Знать бы еще, о чем вообще придется говорить?!

На какое-то мгновение мелькнула малодушная мысль: бросить всю эту затею к чертовой матери и не искать приключений на свою голову. Но почти сразу же ее заглушили профессиональная амбиция и самоуверенность: чтобы с такими достоинствами да не обрести парочку поклонников? Этого не может быть потому, что этого не может быть ниногда. Я ведь

уже говорила, что ужасно избалована своим ближайшим окружением.

Агентство «Маркиза» расположилось в одном из старомосковских переулков и пока еще не обзавелось солидной вывеской. С одной стороны, это должно было насторожить – если следовать мудрым советам средств массовой информации. Но мало ли было случаев, когда людей виртуозно надували в роскошных зданиях с тонированными стеклами и с вывеской-рекламой в полфасада? Так что этой мелочью я решила пренебречь. Зато внутри было уютно, тихо, на столе в приемной – живые цветы, а за столом – очаровательная, со вкусом одетая девушка, при взгляде на которую у меня сразу исчезли все ассоциации как со свахой из «Женитьбы Бальзамина», так и танцвальными-посиделками в районном ДК.

Впрочем, оказалось, что мыслила я не оригинально. Подавляющее большинство клиенток и клиентов «Маркизы» приходит сюда в первый раз с опасной: бояться вляпаться в ситуацию «для тех, кому за...» До чего же прочно вбитыми оказываются некоторые стереотипы! Но быстро расслабляются, начинают чувствовать себя не просителями, а желанными гостями и излагают свои пожелания практически без стеснения и без комплексов. А пожелания бывают – зазначаешься! Причем, чем меньше может предложить клиент, тем выше у него требования к потенциальной спутнице жизни. И вообще, по наблюдениям сотрудников агентства, мужчины куда более капризны, чем женщины. А ведь почему-то считается, что наоборот.

– Помню, пришел один клиент лет 45–50-ти, – смеется Оля, которая дежурила в день моего визита. – Извините за выражение, но, как говорится, ни рожи, ни кожи, ни денег, ни интересной профессии, ни какого-то хобби интересного – ничего! И начал копать в нашем ната-

логе невест, причем от того, в котором у нас хранятся данные на женщин старше сорока лет, отказался сразу и наотрез. Выбирал из 25–30-летних, искал красавицу с высшим образованием, без материальных и жилищных проблем. Найти-то он, конечно, нашел (у нас есть, из кого выбирать), только сомневаюсь, что он себе пару найдет. И вообще, я заметила: те, которые долго копаются в каталоге и привередничают, и сами из себя ничего не представляют, и личную жизнь никак не могут наладить.

Наличие каталогов меня заинтересовало: это не распечатка с именем, телефоном и определением характера. Здесь же были добротные альбомы с фотографиями и краткими сведениями – имя, иногда фамилия, возраст, профессия, семейное положение, знак Зодиака. И коротенько – требования к потенциальному партнеру. Открыв первый альбом, я просто оцепенела от изумления: на фотографиях были запечатлены сплошь, как мне показалось, красотищи, причем совсем молодые.

– Господи помилуй, – наконец обрела я дар речи, – а эти-то зачем к вам идут? У них на улице каждый второй мунин должен телефончик просить.

Оказалось, что я безнадежно отстала от жизни: телефончик случайному прохожему может дать либо законченная авантюристка, либо совсем уж малахольная дура. И на дискотеках знакомятся либо малолетки, которых жизнь еще ничему не научила, либо те же самые малахольные. Некоторых девушек в «Марнизу» привели заботливые мамы: дочурке двадцать с лишним, женихов взять неоткуда. И в отличие от женщин «бальзановского возраста», как правило, зашоренных и закомплексованных, девушки не испытывают никаких комплексов и приходят в брачное агентство как в ателье или салон красоты. Пора шить

новое пальто – пошла и заказала. Пора создавать семью – действия аналогичные. Если подумать, то ничего странного в этом нет, скорее, наоборот – серьезное и взвешенное отношение к собственной судьбе. А мы-то все твердим, что молодень у нас легкомысленная и безответственная.

Более того, выяснилось, что и молодые люди не склонны рисковать и искать прекрасную незнакомку на улице или дискотеке. Мунской каталог был, правда, поменьше, но и он начинался с двадцатилетних юношей приятной и более чем приятной наружности, совершенно четко знающих, какая спутница жизни им нужна. Интересно, находят?

– Молодые в наших каталогах долго не задерживаются, – развеяла мои сомнения Ольга. – Мы работаем с клиентами на протяжении года, так вот на моей памяти никто из молодых на такой срок в наших услугах не нуждался. Два-три месяца – и просят снять с обслуживания, нашли себе пару.

– И вас об этом информируют? – поразилась я. – Помнится, что в прежних доперестроечных службах знакомств клиенты всячески скрывали свою удачу, если уж она их постигала. Исчезали из поля зрения сотрудников службы навсегда, не сказав спасибо.

– Конечно! Мы же не просто даем телефон. Наши диспетчеры работают со своими «подопечными» очень активно, регулярно звонят сами, спрашивают, состоялась ли встреча, какое впечатление от нее осталось? Всякое ведь бывает: попадется какой-нибудь не вполне нормальный тип или женщина окажется совсем не той, за кого себя выдает. Тогда мы уже будем знать, о чем необходимо предупредить наших клиентов.

Оля рассказала недавний случай: пришел в «Марнизу» молодой, ухоженный мунчина, весь в золоте, и «заказал» стройную, привле-

нательную женщину до тридцати пяти лет, без детей и без проблем. Сам выбрал по каталогу несколько потенциальных невест. А потом, в разговоре диспетчера с одной из них, выяснилось, что «золотоносец» патологически жаден, груб и вообще ищет не столько жену, сколько эффективную домработницу. Причем – бесплатную. Проверили, все подтвердилось, и теперь телефон этого человека дают женщинам с необходимыми оговорками, и предупреждают тех, чьи данные он сам выбирает.

Это, так сказать, лирическое отступление. А согласно сухим статистическим данным за прошлый сентябрь при помощи «Марнизы» нашли друг друга 38 пар – больше половины тех, кто решил прибегнуть к ее услугам. И плата, надо сказать, божеская: «годовой абонемент» стоит 175 тысяч. Согласна, цифра выглядит внушительно, но вспомните: за один список из дюжины фамилий с моего знакомого содрали 100 тысяч и не собирались далее интересоваться его судьбой. Ничего не нашел – покупай следующий реестр и так далее до бесконечности. А тут целый год опени и полная ответственность за свои действия. Я лично убедилась впоследствии, что если не фокусничать, не капризничать, а главное – точно знать, что хочешь, то года хватит за глаза.

– У нас пока только одна явная неудача, – сказала Оля, – очень милая женщина, но без собственной жилплощади. И, как назло, попадают мужчины с той же проблемой. Женщина нравится им, они нравятся ей, но жить все равно негде. Тут уж мы бессильны, хотя все равно продолжаем искать.

Добило меня сообщение о том, что в самом ближайшем будущем «Марниза» начнет обслуживание инвалидов, причем – бесплатно. Не верится, но факты – вещь упрямая, с ними спорить не будешь. Позвоните в агентство и убедитесь сами.

Ну это, как говорится, прелюда. А вот теперь история о том, как я искала личное счастье с помощью посредников-профессионалов. Безусловно, это оказалось эффективнее, чем мои прежние кустарные изыскания. Но поскольку происходило как бы понарошку (замуж-то я не собиралась!), то и результаты оказались соответственными.

Несколько дней спустя мне позвонила «прикрепленная» ко мне диспетчер и огласила список из трех человек. Все – разведенные, все высокие, самостоятельные, умные, без проблем. С одним, правда, было не все просто: он желал познакомиться с женщиной не старше сорока лет. Но в агентстве, поглядев на меня, решили, что старше я не выгляжу, а дальше видно будет. Меня это тоже не слишком сильно смущало, поскольку предъявлять паспорт с датой рождения я не собиралась. И именно с этого кандидата – назовем его Константином – и решила начать.

Небольшое, но необходимое отступление. Все имена здесь – вымышленные. И возможное сходство моих персонажей с каким-то реальным лицом прошу считать случайным совпадением. Моя задача – описать ситуацию, а вовсе не конкретного человека.

Звонок от Константина раздался в тот же вечер. Судя по голосу, человеком он был решительным, откладывая важные дела не любил и по сему предложил встретиться на следующий же день после работы у метро. Предполагая, что в нашем возрасте по улицам шляться не будешь, да и октябрьские вечера таким прогулкам не благоприятствуют, я согласилась. Имея в виду посидеть где-нибудь в кафе и поболтать «за жизнь». О я, наивная!

Константин оказался высоким, плотным мужчиной, сначала не слишком разговорчивым. Меня осмотрел критически – как цыган на

ярмарке лошадь, но, по-видимому, был не слишком разочарованным. Я, правда, постаралась: накрасилась «под большое декольте», голову вымыла. При прочих равных условиях — не хуже других, а иных и получше.

Полтора часа мы гуляли по старым арбатским переулкам. По самому Арбату тоже успели пройтись. В ходе прогулки мне было предложено: пиво (терпеть не могу), сосиска в тесте, она же «хот-дог» (вот смехотато), и, наконец, банан. К банану я отнеслась благосклонно, чем откровенно порадовала своего спутника: он, бедняга, проголодался, а я от всего отказалась, имея в виду все-таки посидеть в кафе. Не на того напала!

Беседа была настолько банальна, что даже пересказывать ее не берусь. Так, основные сведения. Помимо всего прочего, узнала, что мой новый знакомый развелся несколько лет назад из-за того, что жена начала зарабатывать больше, чем он сам. Оклады инженеров на нынешних оборонных предприятиях мне известны: многие мои знакомые именно их и получают, но с женами из-за этого не разводятся. Заодно меня обогатили свежей мыслью о том, что женщина — всего лишь женщина и не имеет морального права стремиться занять положение выше, чем хозяин жизни — мужчина. Возможно, кто-то и разделяет подобную точку зрения, но я предпочитаю выслушать вместо нее любое нецензурное выражение. Так что исход нашей встречи решился как бы сам собой, и я искала только предлог, чтобы тактично закруглиться.

— А чем вы занимаетесь вечерами? — поинтересовался Константин уже почти у самого моего дома.

— Играю в компьютерные игры, — скромно сообщила я. — Недавно купила, теперь оторваться не могу.

Скольки стоит компьютер, мой спутник, конечно же, знал. И остат-

ки его интереса к моей персоне испарились прямо на глазах. Журналистка (об этом я ему еще по телефону сообщила), недешево одетая, да еще с компьютером... так что разлука оказалась без печали, хотя и сопровождалась взаимными обещаниями «созвониться». А еще я радовалась тому, что удалось перед сном погулять: за последний год это было со мной впервые.

Через два дня мне позвонила диспетчер. Я честно обрисовала ситуацию, ожидая упреков в капризности. Но, к моему глубокому изумлению, реакция оказалась такой, как если бы прописанное доктором лекарство не оказало нужного действия и нужно всего-навсего подобрать другое:

— Конечно, он вам не подходит. Ладно, найдем другого. Как вы, кстати, относитесь к военным?

Я подавила спонтанное желание плоско пошутить и сказать, что к военным вообще не отношусь, а исключительно — к штатским. От моего чувства юмора и так сплошные неприятности, причем в основном у меня самой. И честно ответила, что к военным отношусь просто замечательно, потому что люди они простые, понятные и, как правило, порядочные и неглупые, несмотря на массу пошлых анекдотов.

— Есть полковник в отставке, кандидат наук, хочет познакомиться с одинокой приятной женщиной до 50 лет. Ему — 57. Давать ваш телефон?

Видимых причин для отказа у меня не было.

Эта встреча тоже состоялась около метро — в этом плане фантазия у мужчин небогата. Правда, Валентин Степанович заметил, что у него есть машина, но если он намерен хоть чуть-чуть выпить, то за руль не садится. И спросил, доверяю ли я ему выбор кафе или у меня есть какие-то особые пожелания. Их, сами понимаете, не было: кафе я посе-

щаю еще реже, чем гуляю перед сном.

Сначала все было прекрасно и изумительно. Валентин Степанович оказался высоким и очень худым (увы, идеалов в жизни не бывает!) мужчиной с явно армейской выправкой и даже с приятным чувством юмора. Но после рюмки мартини его потянуло на откровенность и я выслушала душераздирающую историю о том, как в прошлом году он попал в реанимацию по поводу непроходимости кишечника, какую операцию ему сделали и какие процедуры производили. В мельчайших, замечу, подробностях. Ну разве что без результатов анализов.

— Представляете себе, Майя, насколько мне пришлось? А я ведь всю жизнь был спортсменом, занимался греблей, не пил, не курил. Теперь вот курю и выпить себе позволяю, все равно прежнего здоровья не вернешь.

Я слушала с вежливой улыбкой, а про себя кляла последними словами свое любопытство, как профессиональное, так и просто человеческое, «задвинутых» на своем здоровье мужиков и вообще все брачные игры на свете. Тем более что выяснилось: Валентин Степанович женат, разводиться не собирается, но хочет обрести нежную подругу «для души». Ну да я тоже не собиралась замуж, но перспектива проводить пару вечеров в неделю за обсуждением последних достижений гастроэнтерологии меня в восторг не приводила. А окончательное разочарование наступило тогда, когда мой спутник непринужденно спросил:

— Майя, а можно мне будет оставаться у вас ночевать? На машине к вам приезжать бессмысленно: нельзя выпить, а последний мой автобус уходит в половине одиннадцатого.

Вот это фокус! Не такая уж я любительница выпить, чтобы ради этого оставлять кого-то ночевать. И вообще, из гостей принято уходить ча-

сов в девять вечера. Нет, нет и еще раз нет, отчуждала я мысленно, а вслух сказала, что меня не надо топить и вообще — созвонимся.

Я не стала морочить приличному в общем-то мужину голову и при втором его звонке сказала, что уезжаю в длительную командировку и не могу его связывать ожиданием. Прощения просим-с. Надеюсь, он не очень на меня обиделся. Я же за Валентина Степановича совершенно спокойна: тысячи одиноких женщин с удовольствием провели бы с ним вечер за рюмкой вина и разговорами и с радостью оставили бы у себя ночевать, хоть на всю оставшуюся жизнь. Один он не останется.

Диспетчеру доложить о своем очередном разочаровании я не успела. Потому что тем же вечером получила еще один телефонный звонок, настолько меня потрясший, что все остальное просто вылетело из головы. Звонивший представился Андреем, сообщил что телефон взял из наталога и жандет встретится. Правда, он не вполне соответствует моим запросам, но надеется компенсировать это чем-то другим.

— Вы пишете, что хотели бы познакомиться с мужчиной от 45 лет, а мне еще нет тридцати... Но мне нравятся женщины старше меня...

Бывает. Более того, есть масса женщин, которые просто обожают мужчин моложе себя, и чем моложе, тем больше обожают. Но я в их число не вхожу и, надеюсь, никогда не войду. Дети они и есть дети, что с них взять.

Все это я в максимально деликатной форме попыталась донести до сознания моего собеседника, но понимания не встретила. Битый час этот самый Андрей уговаривал меня изменить привычки и заинтересоваться молодым мужчиной. Сулил при этом какие-то небывалые удовольствия и ощущения. Лет десять тому назад я бы, глядишь, и дрогнула, но сейчас к принципиально но-

вым ощущениям я была решительно не готова.

— Вы ведь меня даже не знаете! — попыталась я достучаться до его здравого смысла. — Я вас, кстати, тоже. Мы можем просто друг другу не понравиться.

— Мне уже нравится ваш голос, — отпарировал Андрей. — А все остальное для меня особого значения не имеет. Главное, чтобы вы согласились надеть чулки.

— Какие еще к дьяволу чулки? — окончательно ошалела я. — Вы что, думаете, что я осенью ношу обувь на босу ногу?

Выяснилось, что Андрей так не думает. Заодно выяснилось, что я вообще очень неопытная, если не сказать сенсуально неграмотная, женщина. Имелись в виду черные чулки, которые пристегиваются резинками к поясу. Со всеми вытекающими из этого обмундирования подробностями. Бестолковым, вроде меня, рекомендую посмотреть фильм «Интердевочка», там все изображено в подробностях.

После этого разговора, который я, каюсь, закончила достаточно резко и недвусмысленно, мне стало ясно, почему в «Марнизе» не записывают адреса клиентов, а только телефоны. Сенсуальный маньяк, если кто еще не понял, это не всегда безумного вида мунин в темном подъезде. Это может быть и скромный, даже вполне респектабельный молодой человек, не имеющий достаточно денег для оплаты услуг профессионалок (или просто расчетливый), норовящий реализовать свои фантазии через службу знакомств, пусть хоть по телефону. Больных людей, конечно, жалко, но... Не без моего участия этот самый Андрей был отлучен от каталога «Марнизы». Отныне ему предстояло знакомиться через диспетчера, а в обязанности последнего входит предупреждать потенциальных избраниц о причудах юноши.

В общем, похвастаться было нечем. Три звонка, две встречи, результат — нулевой. И не то, чтобы я уж очень напризничала, просто не везло, и все тут.

И очередной звонок не принес никаких приятных сюрпризов, впрочем, как и встреча. Опять инженер за пятьдесят, еще не разведенный, но уже к этому готовый, опять полуторачасовая прогулка по осенней Москве, причем даже банана мне не предложили. Зато я узнала массу полезных вещей: чем лучше всего отмывать линолеум в кухне, как замачивать белье, где выгоднее покупать продукты. Заодно обогатилась сведениями из детства, юности и молодости моего собеседника, узнала о всех женщинах, с которыми он имел дело на протяжении жизни. Мои робкие попытки перевести разговор на что-нибудь менее интимное успеха не имели, потому что упоминание о книгах, фильмах или о чем-то еще в этом роде вызывало только одну реакцию:

— Ох, как же мне повезло! Наконец-то я встретил женщину своего уровня! Мне как раз такая и нужна.

Этим, скажу по правде, заинтриговал он меня до предела. Мне иногда приходит в голову, что друзья и знакомые несколько завышают планку моего интеллента и выдают свое желаемое за мое действительное. Обычно это бывает, когда не удается статья, не вытанцовывается интервью или компьютер начинает вести себя не так, как мне нужно, а так, как ему хочется. Тогда я сильно сомневаюсь в своей умственной полноценности. Но мне никогда и в голову не приходило, какой уровень развития на самом деле является моим. Василий Иванович просто открыл мне глаза: мы оба принадлежали к категории одноклеточных. Инфузории-туфельки.

Раздавленная ощущением собственного ничтожества, я согласилась зайти на чашку чая, благо гуляли мы

неподалеку от дома Василия, а его супруга пребывала в гостях у мамы в деревне. Василий был прям и незамысловат как телеграфный столб и никакой опасности от него ожидать не приходилось.

Я не ошиблась, мы действительно пили чай. Происходило это в стерильно чистой кухне, причем я довольно быстро поняла, что чистоту здесь блюдет отнюдь не хозяйка: в ее адрес было отпущено немало язвительных замечаний. Я тоже люблю порядок, но, согласитесь, когда у гости из-под рук забирают пустую розетку и тут же эту розетку моют, вытирают и ставят на место в шкафчик – в этом есть что-то неуловимое. Любая упавшая на стол крошка немедленно сметалась в мусорное ведро, любая капля уничтожалась как классовый враг. Мне определенно везло на маньяков.

Повторив в двадцать пятый раз, что я – именно та женщина, которая полностью соответствует его запросам, Василий объявил, что нам надо пожениться. Чем скорее, тем лучше. У жены есть своя квартира, пусть в нее и выметается после развода, а мы с ним будем тут жить. Мою же квартиру – сдавать, потому что она ближе к центру, а значит – дороже. При умелом ведении хозяйства и здоровой экономии до пенсии можно сколотить капитал.

Я непрактична и не умею экономить. Я не хочу думать о пенсии – до нее еще надо дожить. Я не хочу сдавать свою квартиру ни при какой погоде и ни за какие деньги: она не блещет стерильностью, она маленькая, но в ней – частичка моей души, любовно вложенная за годы. И, наконец, я не могу жить в квартире, где нет ни единой книги, ни одной пластинки или магнитофонной кассеты, а главное место занимает телевизор. Господи, что это я? Я ведь и замуж не собираюсь...

Думаю, нет смысла подробно распространяться о том, почему и

это свидание не имело ни последствий, ни продолжения.

Звонить диспетчеру мне уже было совестно. Но она позвонила сама. И снова не отругала меня за привередливость, а предложила очередного кандидата. Александр. Сорок пять лет. Разведен. Бизнесмен.

Сказать, что последнее меня порадовало, не могу. Мнение о наших доморощенных бизнесменах у меня сложилось давно и прочно, причем не самое блестящее. А те, кто мог бы представлять для меня интерес в плане собеседника – Константин Боровой, например, или Владимир Брынцалов – в брачные агентства почему-то не обращаются. Но все остальное было вполне приемлемо, кроме того, что этот самый Александр позвонил где-то в половине двенадцатого ночи и сообщил мне на автоответчик, что я могу связаться с ним в любой день по такому-то телефону... с одиннадцати вечера до часу ночи. То есть тогда, когда я почти всегда уже сплю. Ну уж если не везет, то не везет во всем. Я, правда, не жаворонок, зато люблю поспать. И заваливаюсь в постель сразу после десяти вечера.

Так бы и не встретились мы с Александром, если бы не вмешался случай. Спустя несколько дней после звонка на автоответчик я имела глупость выпить в гостях пару чашек кофе – а дело было во второй половине дня. В половине двенадцатого, поняв, что заснуть удастся не скоро, я решила скрестить себе ожидание и позвонить этому самому бизнесмену.

Некоторая скованность, свойственная началу разговора двух совершенно незнакомых друг другу людей, была, как ни странно, довольно быстро преодолена. Обнаружилось, что мы с моим невидимым собеседником при старом режиме принадлежали к одной и той же категории людей, которых иногда называют просто и незамысловато – «кухонная

интеллигенция». Для тех, кто забыл, что это такое или просто не знает, поясню: не слишком высоко оплачиваемые и без всяких привилегий пролетарии умственного труда, которые отводили душу в бесконечном трепе на чьей-нибудь кухне. Говорили о последних литературных новинках, западных кинофильмах и мнениях относительно него. В результате образуется специфический и неистребимый менталитет, причем его носители определяют себе подобных мгновенно. Своего рода – печать кастовой принадлежности.

И вот эта самая печать обнаружилась у Александра, точнее, уже Саша. А бизнесмен... Некоторые представители «кухонной интеллигенции» умели не только молотить языком, а сверх того обладали и деловой смекалкой и соответствующей хваткой. Просто тогда оба этих качества было негде применить, не опасаясь вступить в конфликт с законом. Времена изменились – и бывший физик-теоретик стал достаточно удачливым бизнесменом, только и всего. Совладельцем небольшой частной фирмы, владельцем небольшой двухкомнатной квартиры и «Нигулей» последней модели. Так что возникший в моем воображении образ крутого мужика в малиновом пиджаке, с сотовым телефоном в нагрудном кармане и пудровой золотой цепью на шее бесследно исчез.

– Вы извините, что я обозначил такое позднее время для звонка, – сказал мне Саша, – но у меня сейчас болеет сын и я езжу к нему каждый вечер. Вообще-то после развода с женой я провожу с парнем один день в неделю, но при таких обстоятельствах... Сами понимаете.

Я-то понимала, но, честно говоря, первый раз столкнулась с таким явлением: разведенный молодой мужик бросает все дела и мчится каждый вечер посидеть пару часов с большим ребенком. Снимаю шляпу и воздерживаюсь от дальнейших ком-

ментариев, чтобы не сглазить это почти релинговое явление: порядочного человека.

Мы проболтали часа полтора – пустяк для людей, привыкших к много-часовому и преимущественно ночному трепу – и в результате решили, что в ближайшую пятницу, наименее напряженный для нас обоим день, Саша заедет за мной часов в пять, мы где-нибудь посидим и часок поболтаем, а потом он вернет меня, откуда взял, и поедет к сыну. Меня такая программа вполне устраивала.

Встречу назначили на углу возле моего дома. Посему Саша задал мне закономерный вопрос: а как он меня узнает? Почему-то я почувствовала, что мое чувство юмора в данной ситуации будет воспринято адекватно и заявила:

– Как только заметите стройную, элегантно и красивую женщину в черном берете – смело подходите, это могу быть только я.

Берет был мною добавлен исключительно с целью иметь хоть одну конкретную деталь для опознания моей персоны.

– Ну по таким приметам я вас сразу узнаю, – рассмеялся Саша. – Не так много в Москве женщин, одновременно стройных, элегантных и красивых, да еще в черном берете.

С юмором у мужика все было явно в порядке.

– Вы удивительно точно себя описали, Майя, – заметил он, когда я в назначенный день и час уселась рядом с ним на переднем сиденье белых «Нигулей». – Я бы вас сразу узнал даже без берета.

Берет мне, собственно говоря, был нужен только для страховки, потому что в Москве кипело бабье лето и никакие головные уборы не требовались. Поэтому я с удовольствием сунула свой опознавательный знак в карман плаща и почувствовала себя совсем комфортно.

На сей раз меня не спрашивали, какое кафе я предпочитаю. Саша

поехал в хорошо известный ему небольшой итальянский ресторанчик, где я первый раз в жизни попробовала настоящие спагетти и «почувствовала разницу» между ними и родными макаронами. Саша не пил — за рулем! — а мне заказал бокал белого легкого вина. И мы провели время совершенно замечательно, поскольку разговор ни разу не перешел ни на личные проблемы, ни на возможность кому-то у кого-то переночевать, ни на брачные сюжеты. Было полное впечатление того, что я встретила со своим однокурсником, с которым давно не виделась, а сегодня случайно столкнулась на улице и вот теперь сидим, балтаем, вспоминаем старые добрые времена.

Даже то, что при расставании мы вполне традиционно обещали «созвониться», настроение не испортило. Возможно, он и позвонит, буду только рада. Я же звонить не собиралась — не столько из суеверия или соображений девичьей гордости, сколько из приобретенного с годами фатализма: что будет, то и произойдет, не надо подталкивать судьбу в спину.

А потом жизнь закрутила, повседневные заботы достали, подвернулась интересная командировка, еще одна... Да и материала для очерка накопилось вполне достаточно, можно было сворачивать эксперимент и подводить итоги.

Могу сказать, что попытка устроить свою судьбу через посредников-профессионалов, а не собственными руками дилетанта, оказалась достаточно успешной. Если бы мне был нужен муж, я бы его обрела достаточно быстро. У большинства мужчин, с которыми я встречалась, было немало достоинств и они не виноваты в том, что нарвались на стерву-журналистку со сложным характером. Полагаю, что у солидных брачных агентств есть хорошие перспективы на будущее: люди все меньше

склонны знакомиться на улице, даже самые молодые предпочитают получить хоть какие-то гарантии порядочности будущего спутника или спутницы жизни. Предложение рождается в результате спроса, а спрос на «лучшую половинку» никогда не исчезнет, потому что семья переживет любой общественный строй и любые катаклизмы, она, семья, живуча до неприличия. Извините за банальность.

Если меня что-то и поразило, то это потрясающе высокие требования, которые предъявляют мужчины к потенциальной жене. И красавицей она должна быть, и умницей, и отменной хозяйкой, и секс-бомбой, и не старше строго определенного возраста. Хотеть, конечно, не вредно, вредно, как известно, не хотеть, но вертится на языке недвусмысленный вопрос: а сами-то что предложить можете, ребята? Дикая комплексы по той или иной причине разведенного мужчины? Лицо и фигуру, даление от мировых стандартов? Откровенное жлобство? Чувство благодетеля, снизошедшего до несчастной одинокой бабы? Нищенскую, извините, зарплату, приправленную очередным набором комплексов? А если попробовать быть скромнее? Нет, похоже, давняя и основательно всеми забытая история брака дочери миллиардера Онасиса с советским инженером без одной ноги прочно впечаталась в мозги нашим мужчинам. Только и там дело кончилось достаточно быстрым разводом.

Женщины менее суетны и более скромны. За редким исключением они трезво оценивают свои внешность и возможности и не претендуют на гибрид Алена Делона с Рокфеллером. В общем, предел мечтаний заключается в том, чтобы «не пил, не курил и цветы всегда дарил». А на практике дамы согласны на то, чтобы цветы дарил не всегда, а хоть два раза в год, чтобы пил —

черт с ним! – но знал меру, чтобы даже курил, только на балконе или на кухне. А в совсем-совсем реальной жизни можно только руками развести, глядя на то, как прекрасные и достойные лучшей участи женщины цепляются за полное ничтожество, потому что смертельно боятся одиночества, невостребованности.

Девочки, да все это, снажу я вам, полная фигня. Это нам внушают нам наши ненаглядные рыцари, потому что боятся нас потерять. Это во-первых. А во-вторых, потому, что самый простой и самый удобный способ возвыситься над своей партнершей – это ее унижить. И не надо делать карьеру, зарабатывать деньги и повышать свой культурный уровень. Даже бриться каждый день не обязательно, тем более – ботинки чистить. Достаточно регулярно напоминать своей спутнице жизни, что она уже не девочка (даже если ей нет еще тридцати), что ноги у нее короткие, а язык длинный (наоборот было бы приятнее), да уж куда ей, убогой. Что готовит она отвратительно, дом запущен, а спать с ней так же приятно, как с мертвой лошадью. Ну а о том, что она – набитая дура, любимый напоминает не регулярно, а несколько раз в день. Не спасает ни наличие докторской диссертации, ни двадцать восемь талантливо написанных книг, ни изобретение вечного двигателя, ни Нобелевская премия. Все равно все бабы – дуры, а те, которые умные – вообще круглые дуры. Дивная, неподражаемая, лично мной до дрожи обожаемая мужская логика. Но ведь клюют женщины на этот примитивный крючок-самолов, вот что интересно!

Я не хочу сказать, что так рассуждают все мужчины. Но – увы! Большинство, причем большинство активно подавляющее. Позволят же себе признать наличие у женщины ума, обаяния и других достоинств

может только умный, сильный, самодостаточный мужчина. Личность. Много таких в нашем окружении? То-то и оно.

Но кое в чем виноваты и сами женщины: неправильно относятся к мужчинам. Никто ведь не требует от стиральной машины, чтобы она запекала нуриные оморочка, а от компьютера, чтобы он пылесосил квартиру. Каждый может то, что он может, и достаточно наивными выглядят попытки добиться от одного данного конкретного индивидуума сочетания самых разнообразных способностей. Если перед вами – велосипед, то и относитесь к нему как к велосипеду и не ищите рычаг переключения скоростей или встроенную автомагнитолу. Если вам достался самолет, стоит сообразить, что эта штука предназначена для полетов в воздухе, а не для того, чтобы возить продукты на дачный участок по грунтовой дороге. Вот и все хитрости. Любим мы все-таки создавать себе трудности, чтобы потом доблестно их преодолевать. То ли климат такой, то ли страна, то ли менталитет...

Вы не поверите, но бизнесмен Александр позвонил мне ровно через месяц после нашей встречи. Извинился за то, что не смог сделать это раньше и предложил поужинать и поболтать где-нибудь в тихом месте, а там видно будет. Против такого варианта я совершенно ничего не имела, к тому же Саша мне понравился, если быть честной.

Пора звонить в «Маркизу». В ее банке данных, похоже, мне больше делать нечего. К тому же всегда можно вернуться: года-то еще не прошло.

От редакции:

Только для подписчиков «Смены» сообщаем телефон московского брачного агентства «Маркиза»:

(095)241-74-81

ОБЕТ

АНДРЕЙ ИЛЬИН

Глава девятнадцатая

Я попался по-глупому. Меня взяли на выходе из канализационного колодца.

— Это он, он, — что есть мочи орала благообразная бабулька, тыча в меня сухим крючковатым пальцем. — Я специально за ним из этого окошка смотрела! Он мне сразу не понравился.

Ох уж эти всевидящие и всеслышащие, подслеповато-глуховатые старушки. Сколько агентов по их вине сгорело до угольков! Сдается мне, что поболее, чем могут похвастать некоторые контрразведки со всем их сверхмощным аппаратом агентурной и электронной слежки.

— Бабуля, что вы такое говорите? Я же только крышку поправлял, чтобы ваш же внучок вниз не свалился. А вы в крик. Что может подумать наша доблестная милиция?

— Никакая я тебе не бабуля. А за тобой смотрела, еще когда ты туда спускался! И милиционеров я позвала. Уж они разберутся, зачем ты туда лазил.

Бежать было поздно. Бабушка действительно согнала к канализационному люку чуть не роту ОМОНа. Красноречивая, видно, старушка.

Омоновцы сграбастали меня, заломили чуть не до шеи руки и, учитывая серьезность подозрений, взрыв-то уже прозвучал, передали Безопасности. Эти действовали профессионально. К этим я претензий предъявить не могу. Очухаться, выспаться, от-

МОЛЧАНИЕ-3

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦОВОГО

дохнуть, собраться с мыслями не дали. Сразу потащили на допрос.

63

- Что вы делали в канализационном колодце?

- Да ничего я не делал. Не был я там.

- Частицы почвы на подошвах вашей обуви идентичны с канализационным грунтом.

- Ну не то чтобы совсем не был. Спустился на секундочку. Там пацан мячик уронил. Я достал. Разве это значит был?

- Куда делся мальчик? Где мяч? - Ну просто мертвой хваткой вцепились. В два голоса загоняют. Дуэтом.

- Тогда всю правду скажу. До того врал, потому что стыдно было. Теперь скажу. Лазил я в колодец. За кольцом. Золотое кольцо с изумрудом. Жена, раззява, мылась, кольцо сняла и на раковину положила. Я стал бриться и смахнул. Прямо в слив. У нас отстойного колена нет, оно сразу в канализацию и проскользнуло. А кольцо тещино. Любимое. Она за него три таких башки, как моя, на сторону свернет, не задумываясь. Жена в скандал. Я в дерьмо руками. Без кольца мне ходу обратно нет. Без кольца мне зарез. Хоть всю канализацию через сито просеивай...

- Фамилия, имя жены, тещи?

- Вы их приглашать будете?

- Обязательно.

- Тогда не скажу. Тогда лучше в каземат. Мало что кольцо, еще и милиция. Нет, лучше я у вас отсижусь. С годик. У вас спокойней...

— Адрес квартиры, где вы уронили в слив кольцо?

Железобетонные ребята. Ну просто без нервов. Как ни валяй я ваньку, как ни изгаляйся — голоса не прибавят, пальчиком не погрозят. А как было бы хорошо: разобиделись, прикрикнули, кулачком с досады по столу да по лицу постучали для остротки, я бы упал неудачно, сознание потерял и отправился прямиком в больницу для поправки здоровья. А это когда оно еще поправится. Я десять раз успел бы с той больнички утечь. Нет, милиция в этом смысле лучше. Те вначале бьют, а потом спрашивают. Или просто бьют и даже ни о чем не спрашивают. Милиция спецу в облегчение. А эти — вежливые, как парикмахеры.

— Повторяю вопрос. Адрес квартиры...

Ну достали!

— Нет у меня квартиры. И адреса. И жены. И тещи тоже. И кольца ейного. Ничего у меня нет. Сирота я. Как мячик, кругленький. И в колодец я не лазил. И как там оказался — убей, не помню. Упал, наверное. Пьяный был в дым. Иначе зачем бы меня туда потащило? Слышь, начальник, не виновен я. Отпусти меня, Христом Богом прошу, — заканючил, заныл, заскулил я, размазывая по щекам натуральные, вперемежку с соплями, слезы. Может, они хотя бы брезгливые?

— Медицинские исследования не выявили в вашей крови следов алкоголя. То есть в ближайшие три дня вы спиртных напитков не употребляли.

— А я спиртные и не употреблял. У меня на них денег нету. Я ацетон употреблял. На нюх. Полбутылки. Потому, наверное, так и развезло. Я же без закуски нюхал. Вот и не совладал. Иначе зачем бы я в канализацию полез? Чего я там не видел?

— Признаков наркотического опьянения также не обнаружено.

— Так я ж говорю — полбутылки было. Всего.

— Но свидетельница утверждает, что вы спускались в колодец и выходили из него в совершенно нормальном состоянии.

— Послушайте, ну зачем бы я в нормальном состоянии полез в дерьмо? С ацетона — понятно. Ну нюхнул лишнего, решил просветиться. Упал в колодец. Даже если упал, какой в том криминал? В чем вы меня обвиняете? В том, что я...

— Вы подозреваетесь в организации взрыва на пересечении улиц Рабочая и Парковая...

Я прямо чуть со стула не упал. И упал бы, если бы не был к нему наручниками пристегнут.

— Что? Я? Я?! Что вы такое говорите? За каким хреном мне сдалось взрывать это пересечение? Да я за всю свою жизнь ничего, кроме новогодних хлопушек, не взрывал. Я громких звуков боюсь. Я от громких звуков описываюсь. Я даже в армии не служил по причине оружейной непереносимости.

Нет, граждане начальники, шейте мне что угодно — бродяжничество, кражу, хоть даже изнасилование со взломом, но только не взрыв. Кто-то нахулиганил, а вы на меня списываете? Больше не на кого? Больше дураков не отыскалось? Нет, от взрыва я отказываюсь. Мамой своей клянусь. И вашей мамой. Не было взрыва. И не могло быть. Я пьян был. Лыка не вязал. Я гранату в глаза не видел. Меня от запаха пороха рвет...

Вообще-то я, конечно, комедию ломал. Вообще-то, если быть до конца честным, мину на пересечении улиц Рабочая и Парковая заложил я. И взорвал ее под президентской машиной тоже я.

Я. И никто другой.

Глава двадцатая

А что мне оставалось делать? Мне надо было остановить Президента на рубеже взрыва. За ним я ситуацией уже не владел. За ним могло случиться все что угодно. Более того, уверен – должно было случиться. Наверняка. Я не верю в случайные появления на сверхтщательно охраняемом плацу празднующегося прохожего.

С другой стороны, вряд ли заговорщик-инкогнито, всплывший в последний момент, проявит себя до основного взрыва. Скорее всего, он дождется результатов главного покушения и лишь потом, в случае неудачи, вступит в игру. Где вступит? Как? На эти вопросы я ответа не имел.

Отсюда единственная возможность спасти Президента – остановить его до входа в неподконтрольную мне зону.

Но каким образом?

Да все тем же. Взрывом! Точнее тем – да не тем! Мне его в отличие от заговорщиков не в клочки разнести требуется, а только слегка оглушить и ослепить. Так сказать, довести до состояния средней степени испуга. Это поможет убить и второго, столь необходимого мне зайца: завоевать высочайшее доверие и через это добиться аудиенции, которая раз и навсегда снимет проблему охоты уже за мной.

А здесь опять-таки без пиротехнических изысков не обойтись. Не моя вина, что в президентские двери тихими, вежливыми методами не достучаться.

Вот и получается – нельзя мне без взрыва. Без взрыва нет покушения, без покушения нет заговора, без заговора нет заговорщиков. Тихь да гладь, да политическая благодать. Ничего нет. Есть только один в стадии обострения маниакально-депрессивный шизо-параноик, страдающий бредом преследования по поводу всеобщего заговора и до кучи манией величия – подайте ему на пару слов лично Президента, и никого больше. Ну шизик, одним словом, что с него возьмешь.

А вот взрыв – это уже не паранойя. Это действие, от него так просто не отмахнешься. Это уже цепочка во всей красе – и заговор, и заговорщики, и главный, в моем лице, герой, не пощадивший живота своего для сохранения жизни горячо любимого Президента! Ура!

Но опять-таки незадача. Допустим, рвану я под президентской машиной бомбу. А дальше что?

А дальше пришедший в себя Президент, телохранители и весь эскорт сопровождения помчатся на всех газах к ближайшему надежному укрытию. И почти наверняка вперед, потому что быстро развернуться им в узком пространстве искореженной взрывом улицы затруднительно, а долго изображать неподвижную мишень – невозможно.

Вот там-то, впереди, их наверняка и будет поджидать дубль-покушение. Покушение, о котором я решительно ничего не знаю.

Вопрос старый – как остановить Президента? Сразу после взрыва броситься под колеса президентской машины и, заламывая руки, умолять его о немедленной аудиенции?

Раньше, чем я слово молвить успею, меня наспигуют свинцом президентские держиморды. В зоне работы телохранителей при возникновении нештатной ситуации лучше себя не проявлять. Лучше лежать, изображая опавшую листву. На любое шевеление они без предупреждения ответят выстрелом. Нет, с аудиенцией ничего не получится.

Тот же вопрос – как остановить Президента?

А если по-другому? Если его не останавливать? Пусть себе едет, куда едет. Что из этого получится?

Все то же самое – рано или поздно его маршрут выведет на засадку не известного мне исполнителя.

Это плохо?

Плохо.

Но и хорошо. Только в действии преступник может обнаружить себя. Только обнаружив себя, он даст возможность себя обезвредить.

То есть мне очень выгодно, чтобы Президент продолжил маршрут. И в то же время желательно, чтобы он остался в живых. Вот такие два противоречащие друг другу, если не взаимоисключающие, требования.

То есть Президенту следует ехать, при этом оставаясь на месте. Президенту надо раздвоиться, чтобы быть в двух местах одновременно! Президента должно быть два!

Ну-ка, подробней.

Перед правительственным кортежем взрывается минный заряд. Минутная, а лучше трех-пятиминутная задержка движения. В это время в полутора сотнях метров впереди колонны обьявляется еще одна президентская машина, которая на максимально возможной скорости устремляется по правительственному маршруту. Милиция и Безопасность ее, естественно, не останавливают, более того, обеспечивают зеленую дорогу. Догадаться, что это ДРУГАЯ машина, они не могут, им это просто в голову не придет. Они услышат взрыв, увидят дым и набирающий скорость искореженный «Зил». Что они могут подумать? Только одно – Президент уходит с места происшествия, уходит от возможной погони. Они скорее будут машины эскорта при-тормаживать, подозревая их в злых намерениях. Что очень хорошо. Что мне только на руку.

Да и не будет никаких других машин! Все они возле настоящей президентской осядут! Не могут они самостоятельность проявлять, даже во имя спасения. Не положено им. Они либо вместе должны спастись, либо вместе погибнуть.

Президентская охрана тоже среагировать не успеет. Не до того им будет, чтобы о каких-то дополнительных президентских машинах думать. Им бы с той, что поручена, разобраться. Только впоследствии, сверяясь с докладами трассовиков, они начнут что-то соображать. Но это когда еще будет.

Теперь о главном. Теперь о неизвестном исполнителе. Он тоже услышит взрыв или доклад о нем своих подчиненных и почти сразу же увидит идущий полным ходом президентский автомобиль. Успеть оценить его не вполне совпадающий с оригиналом внешний вид, отсутствие машин сопровождения и прочие мелкие несоответствия он не сможет по причине малого запаса времени. Ему надо будет действовать в секунды! Он выйдет на выстрел, взрыв или что там у него приготовлено и тем неизбежно обнаружит себя. Даже если я не успею его обезвредить, на повторное покушение времени у него не останется, ему бы, дай Бог, ноги унести. Следующий следом с отрывом в несколько минут Президент проедет по чистой трассе. Вот и все.

Возможно такое?

А почему бы и нет?

Проблемы?

Конечно, не без них. Где взять похожую на президентскую машину? Они все стоят на строгом учете и в магазинах не продаются. Как незаметно доставить ее и как до времени замаскировать вблизи места действия? Где отыскать дублеров Президента, охраны и других сопровождающих лиц. Наконец, как организовать сам взрыв? Сплошные проблемы.

И тем не менее это уже те семечки, которые разгрызть возможно. Это не первоначальный алмазный орех! Тут можно и попробовать.

Начал я с поиска типажей. Лжепрезидента должны были окружать узнаваемые, те, что его и окружают, люди. Я снова просмотрел все имеющиеся у меня видеоматериалы визитов и встреч на высшем уровне. Большинство приближенных к Президенту телохранителей и помощников были, как и положено, безлики, словно обои в типовом доме-новостройке. И лишь трое более или менее запомнились. Они и должны были обеспечить среду идентификации. Именно их физиономии должны были убедить окружающих в реальности происходящего.

С еще большей тщательностью я изучил президентский автомобиль. От бампера до бампера. Ему предстояло играть в задуманном мной спектакле главную роль. Президент в кадре должен был появиться только на секунды. Автомобилю предстояло царить на подиуме несколько минут. Я увеличил на экране фрагменты изображения и сделал фотографии каждого подфарника, каждого дворника, каждой ручки. Оставалось это все воплотить в жизнь, и я отправился на Мосфильм.

— Здравствуйте. Хочу просить вашей помощи. Я представляю интерес съемочной группы Парамондпикчерс. Из Голливуда. Слышали о такой? Ну конечно. Вот мои документы. На английском. На русском. Вот копия моего с ними контракта. Вот так они работают. Без правового обеспечения — ни шагу. Наши бы обошлись одним паспортом, а эти... Хотя, может быть, и правильно. Мало ли нынче нечистопаотных людей...

Так вот, о помощи. Для завершения фильма нам, то есть им, понадобилось отснять материал в России. Небольшой кусок, но важный для сюжета. Снять надо быстро. Даже очень быстро. Вы зна-

ете их темпы. Не скрою, из нескольких возможных претендентов, которые могли бы нам помочь, мы выбрали Мосфильм. Все-таки это фирма.

Нам надо: три машины «Волга» черного цвета, два «КамАЗа», бронетранспортер — один, представительскую машину типа «Зил» — одну, железнодорожный пассажирский вагон — один, форму камуфляж — пятьдесят комплектов, гражданских костюмов — сто, рабочих спецовок путевых рабочих — тридцать, статистов — человек двести... Не буду продолжать, вот полный список.

Понимаю, масштабы немаленькие. Но и картина не карликовая. Голливуд, одним словом. Скрести весь этот ширпотреб по ведомственным сусекам, соответственно, испрашивать разрешения, согласовывать и утрясать мы, точнее они, не имеем времени. Лучше, чтобы этим занималась одна организация, с которой бы мы и расплачивались. Например ваша.

Вся эта бутафория нужна... сегодня. Такие сроки. Но можно отложить. До завтра. Послезавтра наши, точнее ваши, услуги им, вернее нам, не понадобятся. Ситуация такая, что сроки важнее денег.

Понимаю, что деньги за такой срок одолеть банковские коридоры не успеют. Понимаю, что вы готовы начать работу без предоплаты, но не могу на это пойти. Они так не работают. У них так не принято. Поэтому предлагаю наличный расчет. В долларах. Но если вам удобнее в рублях, то в рублях. Сейчас.

Я небрежно бросил на стол дипломат.

— На предварительные расходы этой суммы, думаю, хватит. Если вас устроит подобная форма взаиморасчетов, прошу принять аванс. Естественно, под соответствующий документ. Сами понимаете — цивилизованный капитализм. У них без бумажки никуда. Даже в сортир.

Где бы в России нашелся дурак, отказывающийся от чемодана долларов. Наличных долларов!

Утечки информации я не опасался. В какие органы пойдут жаловаться начальники, с которыми я беседовал, если как минимум половина содержимого чемоданчика перекочет в их карманы. Тем более есть собственноручно написанная ими расписка — «Я...получил в качестве предоплаты...». Никуда они не пойдут. Или лет на шесть в Сибирь.

Кинематографическая машина закрутилась с голливудской скоростью. Двадцать четыре кадра в секунду.

— В принципе автомобиль меня устраивает, но вот сюда и сюда требуется поставить ручки другого вида. Например, вот эти, избраженные на фотографии. И еще тональность стекла. Лучше бы их сделать потемнее. Нам нужна достоверность. Нам не нужен русский тяп-ляп. Лучше мы заплатим лишнюю сотню долларов, чем позволим себе сесть в лужу...

Это фотографии всех состоящих в картотеке статистов? Других альбомов нет? А если запросить Ленфильм? Запросите. А пока я отбираю номер девятнадцать, сорок восемь, сто двадцать второй... — Девятнадцатый, сорок восьмой и сто двадцать второй очень напоминали облюбованных мной телохранителей Президента. — Мне нужен не просто взрыв. Мне нужен масштабный

взрыв. Такой, чтобы потрясал воображение. Чтобы все дрожало, пылало и летело. Но так, чтобы при этом никто не пострадал. Никто! Вы должны понимать, у них все по-другому. У них страховки, адвокаты, профсоюзы. За каждый обожженный палец на длани кинозвезды киностудия выплачивает миллионы. Она может разориться.

Но и халтуры быть не должно. Никаких там хилых вспышек и чахлых дымов. Зритель, их, западный зритель, не пойдет в кино, где вместо огненной катастрофы демонстрируют скаутский костер в момент его тушения скаутами. Студия может понести убытки. Поэтому обязательно шум, обязательно огонь, разлетающиеся куски асфальта и металла. Много асфальта и много металла. Согласен, они могут быть из папье-маше и поролона. Они могут быть из чего угодно. Это ваши пиротехнические проблемы. Но они должны быть достоверны! Они не должны быть отличимы от настоящих. Если я останусь доволен вашей работой, вы получите премию, десять тысяч долларов, лично от меня. О'кей?

Главного героя мне искать не пришлось. Его нашли без меня. На конкурсе двойников. Он далеко не идеально походил на того, на кого следовало походить. Но он был очень неплохой заготовкой. К нему нужно было только приложить руки и умение. В перерывах между нечастыми концертами и презентациями двойник Президента подвизался в людных местах, фотографируясь в обнимку с прохожими. Не за просто так. Значит, деньги он любил. Это меня устраивало.

Я застал его за очередным позированием и строго приказал, даже не вытащив удостоверение:

— Пройдете в машину!

Он прошел, что указывало на его многочисленные конфликты с представителями закона. Он был пуганым. Что мне тоже было на руку.

— Закройте дверь и перестаньте запихивать деньги в прорезь кармана. Я не собираюсь вас штрафовать. Я не участковый. Хочу привлечь вас к исполнению одного строго конфиденциального задания. Вы замените Президента во время одного визита, на котором он не может присутствовать...

— Но это опасно...

— Может быть. Но не опасней, чем болтаться по улицам в таком виде, приставая к прохожим. Кроме того, это не очень опасное позирование очень хорошо оплачивается.

— Я могу отказаться?

— Вы можете отказаться, но учтите, что здесь вам больше не стоять. И в других местах тоже. Боюсь, вам вообще не придется стоять. Боюсь, вам придется сидеть. По статье за хулиганство. Кстати, по очень легкой статье. За такое, — я обвел его абрис пальцем, — лично я пришел бы вам развратные действия с отягчающими обстоятельствами.

Он все еще сомневался.

— Это задаток, — бросил я на заднее сиденье пачку денег. — Если вы, конечно, согласны. Если нет, передайте мне деньги обратно.

Отдать такую сумму он не мог. Физически. Это были очень большие деньги. За них надо было стоять, обнимая периферийных сограждан в облике вождя, по меньшей мере пятилетку.

— Я готов исполнить долг гражданина и патриота...

— Ладно стараться. Все равно пятак не набросим. Мы платим за фактически исполненную работу, а не за красной патриотизм.

— Тогда говорите, что делать, — перешел на деловой тон «вождь», тихо шурша сзади купюрами.

— Это другой разговор...

Через два дня киногруппа выехала на натурные съемки.

Четыре автофуры везли в общем-то совершенно мне не нужный бутафорский скарб. Двести статистов оседали железнодорожный поезд, пересчитывая в полумраке верхних плацкартных полок рассованные по карманам суточные и прогонные. Две, полного состава, постановочные бригады разворачивали на местах свою аппаратуру. Три дюжины актеров лихорадочно зубрили не многие английские слова, которые им следовало сказать в кадре.

Через пару недель съемочного процесса должно было выясниться, что у американской стороны что-то не заладилось, кто-то из звезд заболел, съемки решили перенести куда-то в Бангладеш, но, что самое главное, выплаченных денег никто обратно изымать не собирается. И, значит, повода для скандала нет.

А пока весь этот шумный кинематографический десант вытаптывал поля в далеком провинциальном захолустье, я с отбранными мною статистами двигался навстречу единственно важному для меня спектаклю. Спектаклю, где невообразимое по своей масштабности действие предназначалось для глаз единственного зрителя — не знакомого мне любителя пешеходных моционов по голым бетонным плацам. Для глаз Убийцы Президента.

Правительственный «Зил» ехал в нестандартно объемном кузове-холодильнике автомобильного рефрижератора, перевозящем согласно безупречно изготовленным с печатями Министерства обороны и Безопасности документам трупы солдат срочной службы, погибших в результате несчастного случая на учениях. Это для того, чтобы отвести особо любопытных гаишников от осмотра груза.

Пиротехническая бомба, изготовленная в трех экземплярах, соответственно, транспортировалась в рефрижераторе, в невскрываемом контейнере-сейфе, находящемся в багажнике легкового автомобиля едущего в отпуск подполковника МВД и в автобусе, перевозящем двойников-статистов. Прием-передачу и страховку грузов обеспечивала хорошо оплачиваемая и потому не проявляющая опасного любопытства мафия. Не мелкая, не на уровне рыночных бойцов, а самая серьезная, на которую у меня, за время работы Резидентом, накопилось немало порочащих материалов.

Эти же криминально-невидимого фронта бойцы осуществляли охрану статистов. И мою. Потому что об истинной моей роли знали только двое их уголовных начальников, всегда находившихся рядом. Но даже они не знали истинного меня, а только мой безу-

пречный, сильно искажающий внешность грим-образ. Истинное мое лицо знал только я. Да и то уже забывать начал.

Президентский «Зил» и пиротехника прибыли в контрабандные тайники, о чем я получил соответствующее сообщение. Автобус со статистами до выяснения сроков президентского визита, завис в глухом, без окон и дверей, ангаре, на заброшенной, но теперь хорошо охраняемой бандитской братвой воинской части. Здесь статистам предстояло вживаться в образы и предлагаемые обстоятельства. По Станиславскому. И по старшине Поцуре, который когда-то, в первой учебке, тому же учил меня. По качеству достигнутого результата, на единицу затраченного на это времени, старшина был на голову плюс надетую на нее пилотку выше Станиславского и Немировича вместе взятых.

— Извиняюсь за мистификацию, — сказал я не подозревавшим, что их ждет, статистам. — Но съемки не будет. Я не сопродюсер и не режиссер, я — офицер Безопасности. Вот мои документы. Мы отобрали вас из сотни претендентов для выполнения особой миссии, о деталях которой я смогу сообщить вам только в последний момент. В целом скажу — работа связана с охраной Президента. Работа не безопасная, но риск будет оплачен соответствующим образом. После завершения операции, а это всего лишь несколько дней, каждый из вас получит квартиру в выбранном им городе или сумму эквивалентную ее цене. Плюс страховку, на случай получения возможных увечий. Плюс ежедневные суточные в размере вашей полугодовой зарплаты. Плюс такие, надеюсь, понятные вам стимулы, как чувство долга, патриотизм и любовь к Родине.

Сейчас вы напишете расписки о двадцатилетнем неразглашении тайны, где примете на себя ответственность за молчание вплоть до...высшей меры наказания. Такова суровая необходимость. Тайны, в которые вы будете посвящены, стоят подобных жестких мер, направленных на их сохранение. Это не моя и не ваша тайна. Это государственная тайна. Надеюсь, вы меня понимаете.

Статисты меня понимали. Подвизаясь на съемочных площадках в качестве актеров эпизодических ролей, они очень хорошо усвоили законы приключенческого киножанра, в строгом соответствии с которыми я разыгрывал Посвящение. Другого разговора от таинственно-могущественной Безопасности они и не ждали.

Я добавил еще патриотизма, еще лести, еще денег. И еще я добавил страха. Без страха никак нельзя. Страх тот цемент, который скрепляет воедино все прочие предпосылки абсолютного подчинения.

Ночью один из статистов попытался сбежать. Он сделал то, что должен был сделать. Для того я и брал его в эту компанию, чтобы он попытался решить свои проблемы бегством. В этом было его единственное предназначение. Я достаточно много общался с людьми, чтобы с большой вероятностью предполагать, кто и как поведет себя в той или иной ситуации. А уж предпосылки бегства создать было нетрудно.

Беглеца поймали уже через десяток минут. Поймали и примерно наказали. Так, что он с трудом стоял на ногах.

— Хочу, чтобы вы наконец поняли: мы играем не в казаки-разбойники. Стихийное расторжение нашего обоюдного контракта исключено. Дело идет о безопасности государства, ради чего мы готовы пожертвовать одним ее гражданином. Этот, — кивнул я на неудавшегося беглеца, — уже не получит ничего из обещанного, но не получит и свободы, которую он пытался таким глупым образом добыть. Теперь у нас нет другого выхода, как изолировать его на неопределенное время от общества. Если кто-то хочет повторить его путь, пусть сделает это не таким травмоопасным способом. Сообщаю, что охране базы отдан приказ останавливать всякого приблизившегося к периметру запретной зоны человека любым способом, вплоть до вооруженного.

Глупые попытки больше не повторялись. У статистов на это просто не было времени. Каждоминутно и беспрестанно они учились ходить, сидеть, двигаться и действовать, как их прототипы. Им даже понравилась эта игра. Наверное, впервые в жизни они чувствовали себя суперменами. Наверное, впервые они приблизились к ощущениям к киногероям своих любимых боевиков. Я не мешал им, а всячески поддерживал эти ощущения.

Последним, завершающим штрихом был грим. Через неделю, отсматривая снятый с десяти-, пятнадцати- и тридцатиметровым удалением видеоматериал, я не всегда мог отличить, кого наблюдаю — реальных персонажей или их двойников.

Люди и техника были подготовлены. Дело оставалось за Президентом. И еще за взрывом.

Я выехал на место будущего покушения.

Как обезвредить мину заговорщиков, я, хоть не без труда но придумал, как установить свою, я, не без подсказки заговорщиков, нашел. Если они использовали подземные коммуникации, отчего мне не воспользоваться ими же? Умный ход повторить не зазорно. Был бы результат.

К сожалению, всего, в том числе и чистых водотоков, на всех хватить не может, поэтому лично мне пришлось воспользоваться канализацией. Исползав, исплавав, исщупав канализационные коммуникации, я приготовил заряд, который при прохождении президентской машины должен был сорвать пару сливных решеток, пару крышек с люков и немного вспучить асфальт. Все прочее — не имеющая никаких трагических последствий мистификация. А большего мне и не требовалось. Больше накопали бы ищейки Президента после лжепокушения. Мне надо было только их на след навести. Мордой в асфальт ткнуть. Под которым спряталась та, настоящая мина-убийца.

Для транспортировки мины я использовал пластмассовый детский кораблик, к которому привязал полукилометровую леску, намотанную на обыкновенную спиннинговую катушку. Расстояние я вымерил до миллиметра, так что леска, распущенная на всю длину, должна была остановить сплавляющуюся по водотоку игрушку с пироминой ровнехонько под проезжей частью. И не ранее чем за пять минут до прохождения колонны. Подрыв мины в этом случае был возможен только вручную, посредством все той же ле-

ски. Сигналом должны были послужить радиопереговоры патрульных милиционеров и Безопасности, предупреждающих друг друга о прохождении Первого. Они и догадаться не могли, что участвуют в заговоре.

За сутки до визита Президента во дворе близкого к центру продуктового магазина остановился рефрижератор. Согласно документам он был под крышу загружен мороженым мясом. Внутри действительно лежали смерзшиеся в монолит туши, которые невозможно было расковырять даже с помощью лома. Туши занимали четверть кузова. Оставшиеся три четверти – загодя помятый и исцарапанный «ЗиЛ». Двойники находились в машине. Рядом с машиной расположились два охранника от мафии, в обязанности которых входило поддерживать режим тишины. Любыми методами. Вплоть до отъема жизни у нарушителей. Сам кузов с внутренней стороны и со стороны туш был выложен звукоизолярующим материалом.

Пикет милиции, случайно набредший на рефрижератор, сдвинуть его не смог по причине поломки двигателя. Они ограничились тщательной проверкой документов водителя, не поленившись, несмотря на протесты последнего, заглянуть внутрь кузова, где обнаружили стену мороженого мяса. То есть то, что и значилось в накладной. Милиционеры отступили, приказав водителю закрыть машину и не высовываться из гостиницы. Права и ключи у него на всякий случай изъяли. На большее у милиционеров не оставалось ни сил, ни времени.

В назначенное время я поставил на воду кораблик, уложил на него мину и размотал леску. В уши вставил плеерные наушники, подключенные к зафиксированному на милицейскую частоту радиопередатчику.

Под мышку зажал еще один, предназначенный для связи с рефрижератором. У него не было ни микрофона, ни наушников. По нему я должен был передать только один коротенький, не доступный для пеленгации сигнал. Сигнал начала операции.

Путь колонны я отслеживал по доносившимся до меня отголоскам радиопереговоров.

Десять кварталов.

Восемь.

Пять.

Четыре.

Абсолютного попадания мне не требовалось, ведь я устраивал не натуральное покушение, где важно рассчитать все до сантиметра, а только имитацию. Метром дальше, метром ближе – не суть важно. Главное, чтобы до прохода машины. Перед ее бампером.

Три квартала.

Два.

Пора.

Я прижал руку к корпусу, утопив в радиостанции кнопку передачи. За несколько сотен метров от меня в кузове рефрижератора зажглась сигнальная лампочка. Водитель потянулся к ключам зажигания. Сидящий с ним рядом Надсмотрщик согласно кивнул головой.

В «Зиле» было только два профессионала – водитель и Надсмотрщик. Надсмотрщик – профессиональный бандит. Причем не просто бандит, а бандит, проигравший самого себя в карты. Он уже неделю как должен был быть покойником. Но выпал счастливый шанс. При успехе операции ему обещали списать долг. Вернуть безвозвратно проигранную жизнь. За это он, не задумываясь, забрал бы десяток чужих.

Надсмотрщик отвечал за выполнение всеми прочими своих обязанностей. От первого до последнего мгновения. Его контроль исключал отказы, отклонения от маршрута, сомнения, бунты, попытки покинуть автомобиль и т.п. нежелательные эксцессы. Он являлся абсолютным гарантом реализации разработанного плана. У него не было другой возможности вернуться в жизнь, как исполнить порученное дело. Для этого ему и помогли проиграться. Именно ему.

Водитель повернул ключ. Надсмотрщик замкнул контакты. В задней части кузова рефрижератора, там, где лежали штабеля замороженного мяса, бухнул взрыв. Ледяные туши выбило наружу вместе с дверью и куском днища. Вслед за разлетающимися тушами из кузова вывалился «Зил». Он выскочил на полной скорости, впечатавшись колесами в асфальт. По-другому, без такого сумасшедшего разгона с места, он бы выбраться не смог. Он бы завис на срезе развороченного борта.

Один квартал.

Всего один квартал до цели. Шестьдесят четыре метра.

Скорость машины свыше ста двадцати километров в час. Примерно так она и должна была двигаться. Скорость я рассчитывал по миграции радиопереговоров в черте города.

Полквартала!

Взрыв!

Я резко дернул за леску. За несколько сотен метров от меня предохранительная чека выскочила из гнезда взрывателя. Чуть заметно дрогнула земля. Грохот и зловонный ветер ударили из трубы канализации. На мгновение я оглох.

Президентский «Зил» скрылся в огне, дыму и бутафорских осколках.

Президентский «Зил», сметая все на своем пути, выворачивал из переулка на центральную магистраль в трехстах метрах от места взрыва.

Обадедые милиционеры растерянно вертели головами, не в силах понять, что произошло. Они увидели и услышали взрыв и тут же, в двух шагах от себя, заметили вырulingающийся с перпендикулярной улицы президентский автомобиль. Как и когда он успел туда попасть?! Он что, способен скачками передвигаться?

«Зил» Президента, продолжая наращивать скорость, уходил по центральной магистрали.

«Зил» Президента бестолково тыкался по сторонам в непроницаемо черном клубке дыма и пыли.

Технолог загнал в ствол предназначенный Президенту патрон. Больше в этом колодце мне делать было нечего.

Я сбросил в резиновый мешок радиостанцию, спиннинговую катушку, другие небезопасные для меня вещи, добавил туда

самоликвидатор и зашвырнул все в темноту канализационной трубы. Через пару десятков метров свободного плавания этот мешок должен был с тихим хлопком разлететься в мелкие дребезги.

Через сто сорок секунд мне надлежало быть совсем в другом месте. Но мне не повезло. Я оказался в еще более другом месте. Я оказался в следственном изоляторе Безопасности. Я так и не узнал, чем завершилась столь тщательно распланированная мною операция.

— Итак, что вы делали в канализации?

Господи, ну когда им надоест задавать одни и те же вопросы?!

— В отстойниках канализационной сети нами обнаружены обрывки рыболовной лески и куски пластиковой детской игрушки «Кораблик». Они вам знакомы?

— А большой рыболовецкий сейнер вы не обнаружили? Я не знаю ни о каких детских корабликах. Я не знаю ни о какой леске. Я не рыболов. Я просто нужда справить зашел.

— Хорошо. Повторите ваш адрес.

— Мой адрес Советский Союз. Я уже говорил, я бомж. У меня нет ни места, ни жительства.

— Согласно запросу, полученному с места вашей последней прописки, по данному адресу ни вы, ни другие жильцы с похожей фамилией никогда не проживали.

— Я паспорт нашел.

— Когда? Где?

— На берегу реки. Точное место не помню. Когда, сказать затрудняюсь. Кажется, в прошлом году.

— Экспертиза утверждает, что фотография на паспорте была сделана не позднее, чем два месяца назад.

— Значит, два месяца...

Они все более сужают круги. Опасно сужают. Следующая экспертиза выявит микронесовпадения оттиска печати с оригиналом. Еще одна — отсутствие регистрации выдачи паспорта на всей территории страны. Еще — отсутствие среди ее населения человека с моей фамилией. Я никогда не рождался, никогда не регистрировался и не оставил в течение своей жизни никаких дополнительных, позволяющих подтвердить мою личность документов. Конечно, на все эти проверки уйдет масса времени, но рано или поздно истина восторжествует. Следователи подходят к опасному пределу — к выявлению моих во много раз превосходящих обычного преступника возможностей. Следователи выходят на Контур...

— Я устал. Можно на сегодня допрос прекратить?

— Хорошо, последний вопрос. Что вы делали в канализации...

И следователь не солгал. Это был его последний вопрос. И последний допрос. Что настораживало гораздо больше, чем даже угрозы пристрелить меня при попытке к бегству.

День меня не вызывали. На второй огласили безрадостный приговор.

— Ваше дело передается в ведение следственных органов МВД.

— Но почему? Ведь начали его вы.

— В ходе следствия не выявлено состава преступления, относящегося к нашей компетенции. Максимум — злостное хулиганство. Политический умысел не доказан. Пострадавших нет. Есть только материальный ущерб. Подобные дела проходят по ведомству Министрства внутренних дел. Соответственно, вас переводят в КПЗ горотдела милиции.

— Это решение окончательное?

— Странно. Другой бы на вашем месте радовался смене тяжелой статьи на легкую. А вы вроде как не удовлетворены.

— Вы, кажется, тоже от счастья не светитесь, — не выдержав, орызнулся я.

— Ничуть. Мы свою работу сделали. Хорошо сделали. В наш адрес замечаний нет. — Вдруг, резко наклонившись к самому моему уху, следователь добавил: — А от себя лично скажу, что, если бы у тебя, сука, не было таких высоких защитников, гнить бы тебе в тюрьме до скончания века!

Свершилось! Переброс сырого следственного материала из ведомства Безопасности в милицию может обозначать только одно — заговорщики вычислили меня. Вычислили и попытаются тихо убрать. Сделать это в общей камере КПЗ гораздо легче, чем в одиночке изолятора Безопасности. Ссора сокамерников, драка или просто мертвое тело, обнаруженное при утренней проверке. Такое там случается. Такое подозрений не вызывает.

С другой стороны, из-под опеки милиции уйти гораздо легче. Особенно при перевозке.

Что делать? Как долго я смогу сопротивляться в общей камере? День — точно. Днем они открыто нападать поостерегутся. Первую ночь — осилю. Да и они скорее всего будут еще только присматриваться. Чистильщикам тоже не резон подставляться под встречный удар и под лишнюю статью. Еще день? Без проблем. Еще ночь? Может быть. А дальше? Сколько можно не спать, непрерывно контролируя хаотичные перемещения полусотни потенциально опасных заключенных? Рано или поздно какой-нибудь изловчившийся незнакомец вонзит мне в спину заточку. Нет, в общей камере надолго сохранить свою жизнь не удастся. Одиночка в этом отношении куда предпочтительней. Правда, и одиночка гарантом жизни служить не может. Тот, кому очень нужно, и до одиночки дотянется. Нет, одиночка тоже всех проблем не решает. Но хотя бы дает выигрыш во времени. Так что же делать?

— Заключенный, на выход!

А уже ничего. Уже на выход. Вернее, если делать, то сейчас. В эту минуту. До того, как захлопнется дверь камеры.

— Я никуда не пойду.

— Мы будем вынуждены применить силу.

— Тогда я передумаю делать заявление, и вы останетесь крайними. Я требую следователя. Изменяю показания. Я замышляя теракт против главы государства. Я не хулиган...

Сделав признание, я одновременно объявил голодовку. Следователи опять ничего не поняли. Если подследственный добровольно во всем сознается, то по поводу чего он может протестовать? Ерунда какая-то. Морят себя голодом, когда противостоят следствию, а не когда ему помогают.

Следователи недоумевали, а я упорно отказывался от пищи. Несмотря на мою голодовку, допросы продолжались.

— Почему вы оказались в канализации?

— Хотел взорвать машину Президента.

— Каким образом?

— С помощью самодельной бомбы, уложенной на импровизированный плот.

— Что заставило вас пойти на преступление?

— Личные мотивы.

— Каким образом вы подорвали заряд?

— Это я могу показать только на месте...

Вот ради этой фразы я и остался в ведении Безопасности. Ради нее сыграл в «сознанку». Ради нее решил на продолжение допросов. Я ее сказал. И больше не произнесу ни слова. Хоть на решетки для часов меня изрежьте. Хотите узнать что-то еще, везите на место преступления. Не хотите — задавайте вопросы здесь.

Я не оставил следователям выхода. Если они желают довести дело до конца, они не могут не пойти на уступки. Продолжать показания я согласен только в форме следственного эксперимента. А если они на это не пойдут, мне что общая камера, что одиночка. Без разницы. Конец один.

— Как вы подорвали заряд?

— Где остатки взрывного механизма?

— Каким образом рассчитали время?..

С удовольствием отвечу на все вопросы. Но только не здесь. Только на месте. Устал я в душном пространстве камеры. Хочется мне свежим воздухом подышать... в канализации.

— Подозреваемый, вы привлекаетесь к участию в следственном эксперименте с целью установления...

Давно бы так.

Территорию возле канализационного люка прикрыли надежно: кроме работников Безопасности, еще две машины милиции. Похоже, меня после заявления зауважали. Похоже, кто-то сверлит дырки на погонах под следующую звезду.

— Где вы находились? Здесь? Здесь? Остановитесь. Куда двинулись потом? Идите...

Вблизи понятые, охрана. Рядом оператор, два следователя, кинолог с собакой и мой личный сопровождающий-телохранитель, к руке которого я пристегнут наручниками. Или это он ко мне пристегнут? Чтобы мне тяжелей было бежать стометровку, надумай я продемонстрировать свои спортивные навыки. С таким, под стол килограммов весом, багажом действительно далеко не ускачешь. Хоть с живым, хоть с мертвым.

— Куда пошли дальше? К колодцу? С какой стороны? Идите. Теперь встаньте...

Шансы на результативную беготню у меня дохлые. Метров сорок. Если воздерживаться от крайних мер. Если воздерживаться от убийства. А если нет? Следователя — костяшками правой руки, телохранителя — его же наручниками, оператора — ногой, впрочем, нет, его в последнюю очередь, вначале второго следователя. У него в запячной кобуре пистолет. Не взведенный. Это минус. Это лишние секунды...

Смотреть. Замечать. Запоминать. Сопоставлять. Анализировать. Думать. Постоянно думать о возможности побега. Не упустить ни единой возможности. Только так можно спастись – беспрерывным настроем на побег.

– Люк был открыт? Закрыт? Вы поднимали его сами? Поднимайте...

В люк, чертыхаясь и ворча себе под нос проклятия, спустился оператор, за ним один из оперативников.

Теперь внимание. Теперь ошибиться нельзя.

– Спускайтесь вниз.

– Как же я спущусь, у меня наручники!

Пристегнутый ко мне хранитель моего тела вопросительно потянулся к наружному карману пиджака. Значит, ключи у него там.

Это надо запомнить. Это информация не бесполезная. Очень даже нужная информация.

– Нет, наручники не снимать! – остановил его следователь. – Работать так.

Неуклюже топчась возле провала люка, я нащупывал правой ногой скобу. Телохранитель, чтобы не мешать, присел на корточки. Снизу ярким снопом бил свет электрического фонаря. Оператор снимал мои барахтающиеся в круглом проеме люка конечности.

Я кое-как погрузился в отверстие люка. Для того чтобы спуститься дальше, необходимо активное участие моего пристегнутого провожатого.

– Давай, давай, лезь, – приказал следователь, подгоняя замешкавшегося оперативника. – Хотя нет, погоди минутку. – Он наклонился и двумя пальцами выудил из кармана моего «багажа» ключи от наручников. – Еще выронишь ненароком. Потом ищи-свищи.

Ну, следователь! Ну, подарок! Он что, мои мысли читает? Или просто от природы такой вредно-пакостный? Ладно. Теперь пусть пеняет на себя. Теперь другого выхода, кроме как силового, у меня не осталось.

Я сделал еще шаг вниз и, поскользнувшись на мокрой скобе, сорвался вниз. Упал безвольным кулем и что было сил заорал:

– Ой! О-ей! О-е-ей!

– Ах ты, черт! – вскрикнул, заскрипел зубами оперативник.

Стальное кольцо наручников впилось ему в кожу руки. Могу представить, как ему было больно, потому что так же больно было мне.

– Ой, мамочки! Ой, больно! Ой, не могу! – верещал я, извиваясь на своем конце наручников. – Ой, оторвется рука совсем!

Я дергался так, что скоро почувствовал, как сверху закапала кровь. Точно так же кровь текла по моему изрезанному запястью.

– Все, мужики, не могу больше. Отцепите этого идиота! – не вытерпел наконец мой телохранитель.

– Отцепите меня! А то помру! Отцепи-и-ите!! – повторил я его просьбу, но на сотню децибелов громче.

Такого эмоционального напора следователь не вынес. Он быстро достал ключи и отстегнул браслеты. Я упал вниз. Упал уже практически свободным!

— Встать! — заорал забрызганный с ног до головы дерьмом оперативник, тыча мне под ребра пистолет.

Если бы он не так громко орал и не так больно тыкал, я, возможно, обошелся бы с ним мягче. Но он все никак не останавливался...

Я ударил его сжатыми костяшками пальцев в глаза. Он заорал еще громче, но тревожить пистолетом мой бок перестал. Ему повезло, он легко отделался. Очень легко — только болью и частичной слепотой. Я мог ударить и открытыми пальцами.

Оператор, судя по реакциям, был только оператором и реального представления о рукопашных поединках, тем более в канализации, не имел.

— Стой смирно и не отрывай глаз от люка, — приказал я, легонько, для остротки, ткнув ногой в шею. Повредить ему этот удар не мог, а вызвать легкий болевой шок — непременно. Вытянувшийся по стойке смирно, сжавший шею руками, оператор надежно прикрыл меня от своих коллег, пытающихся просунуть в люк пистолеты.

— Не с места! Стоять! Не двигаться!

Ну конечно. Встану и не сдвинусь. И когда мне снова браслеты на искалеченную руку пристегнут, дождусь. И правую щеку подставляю. И левой повернусь... Нет, мужики, извиняйте, второй раз из этого колодца я вам в руки не припальву. Одного за глаза довольно.

Бухнул выстрел.

Пора...

Я нырнул в канализационный поток. Неприятно, согласен. Но получить пулю еще более противно.

Оперативники за мною сразу, конечно, не прыгнули. Не решились. Трудно вот так мгновенно, без раздумья, бухнуться в гражданской одежде в дерьмо. Для этого особое воспитание требуется. Конторское. Правда, ближние, по ходу течения, и даже против течения колодцы они перекрыли. Наверное, понадеялись, что мне деваться будет некуда. Мне бы и не было, не изучи я, не исползай на пузе вдоль и поперек эти коммуникации загода.

Я не вынырнул в ближайшем колодце, а остановился возле боковой трубы и, ввинчиваясь в ее тесный объем, как болт в гайку, протиснулся под домами к соседней улице. Уверен, никто из преследователей после меня этот путь повторить не смог. Страх не позволил. Нет для неподготовленного человека большего кошмара, чем пробкой застрять в темной, зловонной, наполняющейся водой трубе. Так застрять — чтобы ни туда ни сюда. Если кто и сунулся, так не дальше, чем на полметра. А потом караул закричал и доложил начальству, что в это ответвление человеку протиснуться решительно нет никакой возможности...

Оказавшись в удаленном от места побега колодце, я смыл водой кровь с ободранных боков. Уж какой нашлась. Потом аккуратно приподняв крышку люка,

Бабушка с авоськой.

Не то.

Два подростка с портфелями.

Не подходит.

Старичок с палкой.

Мимо.

А вот то, что надо.

— Эй, мужик! — крикнул я. — Подойди сюда. Да подойди, не бойся. Тут дело такое. Ограбили меня, обобрали до нитки и в колодец бросили. Наверное, думали, что убили. А я полежал малость и очухался. Слышь, помоги. Я же голый весь. Неудобно так-то выходить. Принеси какую-нибудь обувь и одежду тоже. А то замерзаю. Только не задерживайся. Христом Богом прошу. Ты где живешь, в этом доме? А этаж? Ну тогда жду.

Если этот дом и этот этаж, то не больше пяти минут. Если больше, придется уходить как есть.

Мужчина пришел через четыре.

— Вот спасибочки. Просто спас. Просто с того света вернул. Да нет, мыться я не буду. До дому как-нибудь доберусь, а там жинка все устроит. Ну, спасибо тебе. Просто не знаю, как еще благодарить. — И только в самом конце полусшепотом: — Только ты, дядя, всем об этом не рассказывай. Ты, так получается, сбежавшему зэку помог. Добровольно, заметь. То есть без всякого давления и угроз. Ты теперь, дядя, зовешься соучастник. Конечно, можешь пойти в милицию, только они меня благодаря твоей помощи все равно уже не поймают, а статью тебе навесят. И не самую маленькую. А я, если поймают, непременно на тебя покажу. Мол, помог, как брат родной, хотя и знал, что делает. Так что ты подумай. А за одежду от всего сердца. Просто слов нет!

На следующей улице в первой же пустой вскрытой скрепкой квартире я привел себя в порядок, обновил гардероб и с помощью хозяйской косметики и бытовой химии малость подкорректировал внешность. Теперь бы меня и следователи в упор не разглядели. Они же ловят сбежавшего зэка, а тут перед ними вполне добропорядочный и даже щеголеватый гражданин.

Нет больше зэка. В природе нет. Утоп зэк. В канализации. Остался Резидент. Да не один остался. А с кучей нерешенных, не терпящих отлагательства проблем.

Тут я оказался прав. И не прав. Одновременно. Проблемы были, но совсем не те, о которых я предполагал. То были проблемы, истинных масштабов которых я не мог даже вообразить! Как полезно иногда недельку-другую посидеть в одиночестве в камере, чтобы, освободившись, и прошлое, и настоящее, и будущее свое увидеть совсем в ином свете. В диаметрально другом свете. Наверное, лучше бы мне было даже не покидать глухие стены следственного изолятора. Лучше было бы закончить свой век там. Спокойнее. И самому, и другим. А так, не успев даже передохнуть, не успев понежиться в образе героя-победителя, я оказался в начале нового подъема, крутизны до того не изведанной.

Ну что, Резидент, готов к новым ударам судьбы? Не испугаешься крутых поворотов сюжета?

Тогда подставляй другую щеку! Тогда не жалуйся, что родился на этот свет. Тогда с Богом!

Глава двадцать первая

Упущенную во время следствия информацию я восстанавливал по крупицам. И чем больше восстанавливал, тем в большее удивление впадал.

Все было настолько невероятно, что впору было подумать, что я сплю. Сплю и вижу кошмарный сон. Или наоборот, проснулся и отхожу от только что увиденного кошмара, с облегчением понимая, что на самом деле ничего не случилось. А может, действительно не случилось?

Оказывается, никакого покушения не было.

То есть совсем не было!

Оказывается, в столице небольшого провинциального региона обрушился только что построенный дом. Под обломками погиб один крановщик и несколько прохожих.

И еще был взрыв прохудившегося газопровода, пролегающего под одной из центральных улиц. Тут, к счастью, обошлось без жертв. Только слегка повредило машину проезжавшего поблизости главы местной администрации. Очень курьезный случай. Начальник пострадал от разгильдяйства собственных подчиненных. Всегда бы так. Может, быстрее тогда разрешались бы проблемы городского хозяйства.

Только и всего. Упал дом и взорвался газ.

Выходит, злонамеренного взрыва не было?

Не было!

То есть не было бомб, заговорщиков, заговора, моих ползаний по канализации, моего «ЗиЛа»? Решительно ничего не было?

Более того. Президента не было тоже! Он, оказывается, не приехал! В последний момент отменил визит в регион из-за срочных внешнеполитических дел!

Не было Президента!

Кого же я тогда подрывал?!

В кого стрелял Убийца?

Отчего погиб двойник, не имеющий оригинала?

Что здесь в конце концов произошло?!

И что происходит?

Что?!

А ничего особенного. Просто политические интриги. Тайная война. Со всеми не доступными простому человеку атрибутами. И с жертвами.

Одной из которых стал я.

Глава двадцать вторая

— Я думаю, работы пока следует приостановить, — сказала облеченное властью Лицо. — Обстановка в стране нормализуется, мы выходим на новые рубежи, которые должны способствовать необратимости стабилизации и улучшению уровня жизни населения. Думаю, мы пережили самые трудные времена. Теперь главное не снижать темпов переустройства. Возврата назад нет.

— Работы следует прекратить? — уточнил Координатор.

— Работы следует приостановить. До времени. И постараться избежать ненужного резонанса. И еще позаботьтесь о людях, принимавших во всем этом участие. Мы не должны быть неблагодарными по отношению к работникам низового аппарата. Мы должны помнить об их насущных проблемах.

Координатор вызвал Чистильщика.

— Работы консервируются. До особого распоряжения. Подготовьте свои соображения о выведении из оборота отработанных материально-технических ресурсов и информационном прикрытии операции.

— Эвакуация полная?

— Нет, щадящая. На уровне узловых фигур.

Через тридцать шесть часов на кухне начальника сценарного отдела взорвался газ. Сильно пострадали жена и малолетний ребенок, спавшие в комнате. Хозяин квартиры, оказавшийся вблизи плиты, погиб. Следствие обнаружило неисправность в газовой магистрали.

Прочие работники сценарного подразделения, разрабатывавшие отдельные, никак не связанные друг с другом и непонятные вне контекста с прочими эпизоды, были распущены по отпускам с казенной оплатой проезда и пансиона. Только один из них, водивший дружбу с начальником, случайно утонул во время отдыха. Остальные нагуляли вес, загар и хорошее настроение.

Скоропостижно скончались начальники еще двух подразделений. Один — от аллергических реакций, вызванных приемом незнакомого лекарственного препарата, выписанного участковым терапевтом. Другой — от сердечной недостаточности.

До того оба они отличались завидным здоровьем. Но, видно, внешний облик не всегда соответствует внутреннему содержанию.

Наибольшие потери понес финансовый отдел. Ключи от дверей, за которыми хранятся деньги, всегда считались самыми опасными ключами. Потому что самые уязвимые. Деньги, точнее их банковские передвижения, могли рассказать специалистам много больше, чем расчлененные на эпизоды сценарии акции. Ухватившись за финансовую ниточку, можно, умеючи, вытянуть весь клубок хитросплетенных взаимосвязей. Денежные концы всегда прячут с особой тщательностью.

Три чуть более других посвященных в теневые приходы-расходы бухгалтера с разрывом буквально в несколько часов свели счеты с жизнью. Скорее всего они испугались ответственности за творимые ими финансовые безобразия. Отыскать принадлежавшие государству деньги, которыми эти аферисты, судя по всему, очень эффективно и очень запутанно манипулировали в своих корыстных интересах, не удалось. Попавшая в руки ревизоров мелкая бухгалтерская сошка деньги видела, но куда и какие суммы разошлись, сказать не могла. Гигантские суммы списали на убытки. Начатое было уголовное дело закрыли.

Почти не тронули аналитиков. Их работа носила слишком теоретический характер, чтобы навести кого-то на реальную информацию. Но все же, страхуясь, команду чистых мыслителей по одному разослали по дальним командировкам в диаметрально про-

тивоположные концы страны, чтобы они, не дай Бог, случайно не состыковались и не свели разрозненную информацию в опасную цепь логических умозаключений.

На удивление мало пострадал исполнительский отдел. Такие обычно уходят полным составом, попадая в авиационные или автотатастрофы. Здесь же «случайно» потеряли жизнь только непосредственные исполнители Акции. Весь второй и третий состав были вывезены в дальние, больше похожие на колонии особо строгого режима учебные лагеря, где под присмотром инструкторов, охраны и друг друга совершенствовали боевую выучку и мастерство.

Умелой рукой сверхсложный механизм Большого Заговора был расчленен на отдельные составные части, части разобраны на мелкие детальки, детальки развинчены до шурупчиков, а шурупчики развезены по краям-весям и укрыты подалее от любопытствующих глаз. Механизма заговора не стало, и если бы кто-нибудь надумал его восстановить, то потерпел бы полный крах.

Механизма Заговора не стало! Но он не был утрачен! Каждая его часть, каждая деталька тщательно пронумерована, смазана, завернута в специально для нее предназначавшуюся бумажку и заложена на длительное хранение. В любое мгновение Главный Механик мог востребовать детали обратно, навинтить родные гайки на родные болты, состыковать идеально подходящие друг к другу узлы и получить то, что надо получить.

Механизм Совершенного Убийства.

Заговор не умер. Он был только законсервирован. До времени...

До времени X.

Глава двадцать третья

Может быть, мне просто не везет? Может, я невезучий человек? Патологически невезучий? Иначе чем объяснить такую концентрацию несчастий на один календарный месяц моей жизни? Иначе как объяснить, что, сделав так много, я не сделал ровным счетом ничего!

Я снова оказался отброшен к началу пути. Весь мой многодневный, на пределе сил, марафонский забег завершился тем, что вместо финишной ленточки я увидел перед своими глазами линию старта. Оказывается, я никуда не бежал, а стоял, бестолково топоча ногами, на месте.

Ничего не изменилось. Я все так же вне закона, все так же не имею выходов на Президента, все так же не могу убедительно доказать наличие заговора. Впрочем, нет, вру, изменилось – в худшую сторону. Своими чрезмерно активными действиями я еще больше засветился перед заговорщиками, еще больше стал им неугоден. Теперь уж точно на оправдательный приговор мне рассчитывать не приходится. И все так же единственная моя защита – Президент. Никуда мне от него не деться!

Получается, как ни крути, мне опять надо закатывать штанины, заворачивать рукава и выходить на старт уже однажды преодоленной дистанции. Бежать по истоптанному мною же пути. Бежать по нескончаемому кругу.

А на ходу, чтобы не было скучно, решать в принципе неразрешимую задачу – как доказать Первому, что его жизни угрожает опасность, если известно, что горячие заверения, ссылки на маму и прочих родственников, биение себя кулаком в грудь и разрывание надвое предметов верхнего и нижнего гардероба в качестве доказательств не принимаются. А других у меня нет.

Было одно – взрыв мины на пути правительственной делегации, и тот на поверку оказался вполне мирным разгильдяйством местного Горгаза. А настоящую бомбу, которая могла бы сгодиться в качестве вещественного доказательства, теперь поди сыщи. Ее заговорщики, даю свою бездарную башку на отсечение, уже давно из водовода выудили и куда подальше спрятали, пока я на тюремных нарах парился. И вообще все хвосты подчистили, все пылинки посдували, всем случайным свидетелям рты позатыкали. И превратилось преступление высшего порядка – террористический акт против главы государства – в просто цепочку никак не связанных друг с другом досадных производственно-бытовых происшествий и несчастных случаев. Там дом рухнул, там газ рванул, там колония взбунтовалась, там офицер безопасности в перестрелке с неизвестными преступниками погиб. Все по отдельности. Все по разным ведомствам. Не придерешься. И лишь только я да сами заговорщики знаем истинную цену этим разрозненным эпизодам.

И выходит, даже прорвавшись к Президенту, рассказать мне ему нечего, кроме разве чисто теоретических страшилок, цена которым – грош в базарный день. А коли нечего рассказывать, зачем, рискуя здоровьем и жизнью, прорываться? Замкнулся порочный круг. Ну что мне, в самом деле, новое покушение придумать и самому же исполнять?

Где раздобыть информацию, с которой не стыдно явиться пред высочайшие очи?

Только у противника.

Где отыскать этого противника? Сейчас, после провала покушения, они наверняка затаились, попрятались по щелям, но, уверен, от своих намерений не отказались. Либо законсервировались, либо параллельные варианты прорабатывают. В любом случае меня они на пушечный выстрел к себе не подпустят. Разве только в качестве мишени.

Как же их тогда найти?

А зачем их искать? Что за инерция мышления? Зачем? Зачем искать их, если они сами ищут меня!

Пусть зверь на ловца бежит! Ни к чему мне, высунув язык, из конца в конец страны носиться. Мне вообще ничего делать не надо – только раз вблизи объекта их интереса продефилировать. Физиономию свою, им небезынтересную, показать. Всех дел – на тридцать секунд. Ровно столько, сколько понадобится агентам наружки для того, чтобы радиостанцию к губам поднести.

Ох, и глупец же я. Такое простое решение так бездарно долго искать. В самом себе приваду не распознать!

На живца их ловить надо. То есть на себя самого! Такую жирную наживку они не пропустят. Клынут непременно!

Правда, и сожрать могут. Не подавятся. Конечно, риск немалый – самого себя на крючок насаживать и в воду забрасывать, чтобы зубастую рыбу словить. Огромный риск! Но другого выхода нет. Другие выходы кончились. Будем считать, что время хитрых комбинаций прошло. Начнем действовать лобово: вначале ввяжемся в бой, а там посмотрим. Может, и выкрутимся, если сразу не убьют. А если сразу, и выкручиваться не надо будет. Тогда еще проще.

На этот раз мне не надо было продумывать легенды, грим, отработывать походку и жестикуляцию. На этот раз мне не надо было прятаться. Мне позволялось оставаться самим собой. На то я и живец, чтобы выглядеть естественным образом. Никто же не станет во время рыбалки маскировать дождевого червя под ржавый гвоздь. Какой рыбе он тогда будет интересен?

Мне оставалось подобрать место, где забросить удочки. Рельеф и природное окружение – это не последнее из условий, обеспечивающих хороший улов. В моем случае – так просто первостепенное. Рекогносцировку местности я проводил в полном грим-облечении. Как индейский вождь, вышедший на тропу войны. Может, я такой стеснительный. Может, я не люблю, когда меня узнают раньше времени. Может, я оттого и мажусь сантиметровым слоем краски.

Спустя сутки я в своем не испорченном макияже виде вышагивал по улице, выходящей к дому одного из советников Президента. Я ожидал клева, Терпеливо. Как и положено рыболову. Они должны были караулить меня где-то здесь: за этим, тем или вон тем углом. Обязательно должны. Не могли они оставить без прикрытия столь опасное направление.

Первый, их – со мной, визуальный контакт я, конечно, пропущу. Вряд ли они дни напролет торчат на перекрестках улиц, изображая тротуарные фонари. Где им столько, чтобы не намозолить глаза прохожим, шпиков набрать? Более вероятно, что заговорщики понавтыкали на подходах к объектам моего вероятного интереса скрытые телекамеры или посадили наблюдателей в оборудованные мощной оптикой НП. Разбросанные по району наблюдательные пункты связали ниточками телефонной, радио- и проводной связи с центральной диспетчерской, вблизи которой для несения круглосуточной вахты посадили тревожную группу – разных там шпиков, опознавателей, а если дело совсем дрянь – ликвидаторов.

По этой простой – отсутствие уличной слежки – причине они меня заметят первыми. Это неизбежно. Но второй контакт, когда посадят мне на хвост топтуна, точнее нескольких, а если игра пойдет по-серьезному, то несколько десятков топтунов, я постараюсь не пропустить. Здесь мне маху дать невозможно.

Итак, где обнаружатся первые «глаза»? На чем лице они будут сидеть? Начинается детская игра в баш-баш. Кто кого первый заметит.

Начали?

Парень лет двадцати пяти. Внешний облик, походка, глаза, особенно глаза. Нет, не похож. Торопится. Целеустремленно торопится. Прошел мимо.

Мужчина под пятьдесят. Хороший возраст для «глаз». Идет спокойно, оглядывается. Читает объявления. Он? Или нет? Пожалуй, нет. Слишком медленно идет, слишком долго читает. Привлекает к себе внимание.

Молодой, лет шестнадцати, оболтус. Поведение подозрительное. Но молод. Слишком молод. Профессии толпуна надо несколько лет учиться. Нет, едва ли.

Женщина с детской коляской. Очень миловидная женщина. А почему, собственно, нет?..

Внимание! Группа из трех простоватого вида приятелей. Идут, разговаривают, а глазками, глазками-то по сторонам стреляют. Ищут что-то. Или кого-то? Чем не вариант? Три пары глаз – тройной обзор. А в группе всегда труднее соглядатаев распознать. Баш? Свернули в подворотню. Передача объекта, то есть меня в другие руки? Если так, то через секунду в моем обзоре объявятся еще одно или еще несколько лиц. Выходят. Застеживают на ходу щиринки. Тьфу! Что б вас! Оказывается, они укромное место искали. Дальше пошли. Опять глазами зыркают, теперь в сторону женских ножек.

Ножек...

Стоп. А почему та мамаша с коляской никуда, кроме как перед собой, не смотрела? Молодая интересная женщина, сиднем отсиженная в четырех стенах подле новорожденного ребенка чуть не год, и вдруг – никакого любопытства к прохожим. Даже к прохожим мужского пола! Даже к симпатичным прохожим мужского пола! Даже к симпатичным прохожим мужского пола, которые явно поглядывают на нее! Ой, не верится. Ей что, не интересно узнать, как она выглядит после родов? Какие вызывает реакции? Ей безразлична ее внешность? Нет, не сходится. Баш. Гарантированный баш!

Баш, ребятки!

И где теперь эта кормящая мама? Остановилась возле остановки. Автобус ждет. Наклеенные на столб объявления читает. Не дождалась. Обрато коляску покатила. Переехала через бордюр. Неаккуратно переехала. Грубовато. И даже взгляд в коляску не бросила. Задумалась очень. Ну-ну. Считайте, что проскочило. Считайте, что я ничего не заметил. Интересно, а вместо ребенка у нее кукла, или пистолет-пулемет, завернутый в пеленки?

Теперь, ухватившись за одно кольцо, мне и другие звенья цепочки будет вытянуть несложно.

Женщина ушла, а кто вместо нее объявился? Кто эстафетную палочку наблюдения принял? Вон тот скучающий дядя? Да, похоже, не один. Похоже, с ним в одной упряжке идет вон та миловидная парочка.

Облаживают меня. Со всех сторон облаживают. По высшим канонам науки отслеживания. Если дальше такими темпами пойдет, скоро на улице не останется посторонних прохожих. Надо мне успевать действовать, пока им новая подмога не подошла в лице сводного отряда скаутов городских средних школ. Тогда здесь вообще будет не протолкнуться. Тогда мне выполнить задуманное будет почти невозможно.

Итак, я вычислил около девяти шпииков, один из которых, судя по всему, вон тот пожилой мужчина, читающий на скамейке газету, координатор действий. Режиссер, заставляющий появляться на авансцене улицы одних и покидать ее других актеров. Дирижер массовки. За ним особый пригляд. За ним и за теми молодыми людыми со скучным взглядом. Эти, похоже, ликвидаторы. Эти, в случае побега, будут меня вычищать свинцовой, бесшумного боя, метлой.

Все, пора и честь знать. Пора подумать о целостности собственной шкуры. Пока ее не продырявили. Все, что здесь надо было узнать, я узнал. Теперь лишь бы ноги унести.

Ну что, граждане шпиики, готовы к неожиданным поворотам сюжета? Нет? На то и надежда!

Не увыстряя хода, не меняя выражения лица, никак не выдавая своего беспокойства, я повернулся на девяносто градусов и зашагал к ближайшему продуктовому магазину. На него у меня была вся ставка. Без него шанса выскочить живым и невредимым из-под такой плотной опеки у меня не было. На всех подходах топтуны, в ближних переулках, как же без него, резерв, назначенный для возможного, если объект вдруг надумает скрыться, прочесывания местности. Здесь если и можно выкрутиться, то только с помощью бронетехники или...ближайшего продуктового магазина. Точнее, его дверей.

Я сделал последние три шага и взялся за ручку. Двое из наблюдающих за мною шпииков придвинулись ближе. А женщина с коляской тоже решила сходить за продуктами. Видно, вспомнила, что молоко у нее дома прокисло и хлеб зачерствел.

Ну-ну. Окружайте меня. Тесните. Тяните свои служилые пальцы к моему беззащитному кадыку. Успевайте.

Если успеете.

Я потянул ручку на себя, шагнул внутрь, в полутемный тамбур между двумя, наружной и внутренней, дверями. Шагнул в миг, который решал все. Наружная дверь закрылась.

Мгновенно распахнув плащ я сбросил его со спины, одновременно вывернув на левую сторону рукава. На голову нацепил парик, на подбородок налепил жиденького вида бородадку. Глаза занавесил плюсовыми, расколотыми в одном месте очками.

- А поосторожнее нельзя? - ворчливо вскричал я, открывая дверь на... улицу. Ту самую, только что захлопнувшуюся, еще подрагивающую пружиной, еще гудящую от удара...

Только это мгновенное перевоплощение обещало мне (не гарантировало, только обещало!) спасение. Ровно пять секунд потребовалось, чтобы превратиться из среднего роста, среднего возраста, невнятного вида мужчины в ниже среднего, преклонных лет, характерного, а точнее характерного облика пенсионера. Чудо свершилось. Зашедший в проем дверей Резидент исчез. Испарился в мгновение ока, не оставив даже следа. Даже характерного запаха серы и паленого козлиного волоса.

Этого «мгновения ока» я и добивался во время многочасовых предварительных тренировок. Пауза свыше пяти секунд приравнивалась к провалу. Шестая секунда разделяла входение в дверь одного человека и выход из нее другого на два самостоя-

тельных события. Один зашел – захлопнул дверь, другой спустя некоторое время открыл – вышел. Последующее сопоставление очередности событий могло натолкнуть моих преследователей на ненужные мысли. Слишком рано натолкнуть. Опасно рано.

Нет, никаких «спустя некоторое время»! Только одновременно. Один зашел, когда другой вышел! У наблюдавших за дверью должно было создаться впечатление, что они, эти два (настаиваю, два!) прохожих, столкнулись в узком проеме входного тамбура. И один, что послабее, проиграл силовое единоборство, по поводу чего и возмущался, потирая ушибленное плечо на крыльце магазина. Наблюдатели, докладывая вверх, должны были побожиться, что видели одновременно двух человек: отброшенного к косяку старика и мелькнувшую в полумраке тамбура тень убегающего Резидента.

– Что же это за молодежь! – орал я, шаркая ногами от магазина и пытаюсь хватать шпиков за рукава, чтобы посетовать им на современные нравы. – Это как же так может быть? Здоровый лоб бежит, ни на кого не глядя, и чуть не топчет годящегося ему в деды инвалида. Зачем я каал за таких жизнь и здоровье на огневых и трудовых фронтах? Вот вы бы не спешили, а послушали, что вам скажет поживший на свете человек...

Но меня не слушали, отделяясь вежливыми по форме, но безразличными по содержанию отговорками, вроде «Бывает, дед. Извини, дед, не до тебя».

И слава Богу, что не слушали. И слава Богу, что не до меня. Интересный бы вышел конфуз, надумай торопящиеся к магазину топтуны посочувствовать зашибленному дверями дедушке.

А раз мое стариковское горе никого не затронуло, ни в ком не вызвало сострадания, мне пришлось шаркать дальше, к ближайшей арке, за которой был мой двор и мой подъезд...

В первом же подъезде я зашел в лифт и, отправив его на верхний, чтобы подольше ехать, этаж, второй раз сменил облик. Личину деда я сбросил. Оставаться в ней дольше было небезопасно. Еще десяток-другой минут, и спохватившиеся топтуны, не нашедшие растворившийся в воздухе объект, вспомнят о неприметном, буквально вывалившимся им под ноги старичке. Вспомнят и перероют все окрестности в его поиске. Пора старичку на покой.

Образ умер! Да здравствует образ!

Виляя бедрами в полутемном пространстве лифтовой кабины, я натягивал на ноги колготки. Женские. И еще надевал туфли. На высоком каблуке. А что же мне, на низком, как какой-нибудь беспородной Золушке-замарашке, ходить? Извините. В моем, не хочу вдаваться в излишние подробности, возрасте женщина должна следить за собой вдвое тщательнее, чем в молодости. В моем, без уточнения, возрасте в каких-нибудь там рваных кроссовках на голую ногу не походишь. Только каблуки, только первоклассная, индивидуального пошива, одежда. Никакой вульгарщины, никакого псевдомолодежного стиля. Вкус, изысканность, самоуважение, граничащее с самовалюбленностью. Такой должна быть моего, и хватит об этом, возраста женщина.

На улицу я вышел через пять минут после того, как в подъезде зашел навек в нем потерявшийся дедушка. Ровно покачивая ис-

кусственными выпуклостями, заинтересованно, но немножко от-
решенно поглядывая по сторонам, я вывернула из арки на улицу.
Мне не надо было по раздельности контролировать свои ноги,
плечи, губы, бюст. За меня это делало мое новое, поверившее в
преображение «я». У меня перестраивалась не мимика — психоло-
гия.

Сыщики суетились возле магазина. Очень профессионально
суетились. Без беготни и лишних телодвижений. Двое вышли из
парадных дверей, четверо со стороны запасных и хоздвора. Они
не смотрели друг на друга, не разговаривали, не жестикулирова-
ли, но тем не менее действовали слаженно и именно так, как сле-
довало действовать при внезапном исчезновении объекта из поля
зрения в замкнутом помещении. Разделившись на несколько бри-
гад, они разошлись в проходные дворы. Сейчас с помощью ре-
зервных сил закроют все близрасположенные улицы и проулки и
будут искать, постепенно расширяя подконтрольную зону, исче-
знувший объект, а потом, когда начальники проанализируют ситу-
ацию, стигнувшего дедушку. Одновременно навстречу им, начи-
ная с кварталов, до которых мог, воспользовавшись машиной, до-
браться беглец, двинется другая цепочка сыскарей. Так, двойной,
идушей друг на друга гребенкой они вычешут весь район. При не-
обходимости обыщут подъезды, подвалы, чердаки, под тем или
иным предлогом постучатся в подозрительные квартиры. Внима-
тельно осмотрят всех встретившихся на пути мужчин и стари-
ков. Не их вина, что ни мужчины, ни дедушки, которых они разы-
скивают, в подконтрольной зоне уже нет. Есть средних лет, не без
признаков былой красоты на лице женщина. Женщину они ис-
кать не будут. На это у них фантазии не хватит.

Теперь, когда я освободился от опеки, можно заняться главным
делом — отслеживанием ситуации. Только смотреть — кто и куда
пошел, кто возле кого остановился. Только смотреть, и ничего бо-
лее. Ради этих перемещений я и решился на рискованные пере-
одевания.

Уходящие в поиск рядовые шпики интереса для меня не пред-
ставляли. Меня волновали их командиры и командиры тех коман-
диров. Рано или поздно волны тревоги докатятся и до них. Вот по
этим колебаниям я их вычисляю.

Началось, началось броуновское перемещение десятков голов.
Закипели страсти, разбрасывая во все стороны фигуры-капли.

Женщина с коляской проехала мимо читающего на скамейке
газету мужчины. Приподнялись, выдвинулись бравые ребятки.
Ленивой походкой отправились гулять по улице. Но далеко гулять
не стали — разошлись по тротуарам и зависли на углах двух бли-
жайших перекрестков. Интересную картинку нарисовали. Прямо-
таки классическую. Страховка начальства при прохождении
транспортного средства. А кто начальник? Ну, конечно, как я и
предполагал.

Поднялся, свернул газету любитель чтения на свежем воздухе.
Подошел к остановке. Постоял пару минут. Взглянул на часы, что-
то сам про себя решил, отошел к обочине. Из ближайшего переул-
ка вывернул ничем не примечательный красный «жигуль». Муж-
чина задрал руку.

Ничего необычного. Пассажир, не дождавшийся транспорта, решил голоснуть частника, рассудив, что время важнее денег. Все совершенно естественно. Если, конечно, не замечать висящих на углах мордovorотов с руками, засунутыми за отвороты курток.

Кажется, пора и мне менять каблук на колеса.

Я подошел к оставленной здесь накануне легковушке. К своей легковушке, которая несколько дней числилась в угоне, но совершенно под другими номерами. Пропустив машину с Читателем, я, оставляя между нами несколько машин, пристроился в хвост красным «Жигулям». Задача усложнялась тем, что я не имел запасных «колес». Знать бы заранее, куда лежит их путь, угнал бы и расставил по переулкам еще пять или десять машин, которые мог бы менять по мере продвижения. Пришлось импровизировать на ходу.

Остановка – впритирку к борту хлебного фургона.

– Эй, мужчина, вы не желаете махнуть ваш грузовичок на мою легковушку? Не глядя.

– Ха-ха-ха.

Между прочим, зря «ха-ха». Я ведь не шутил.

Несильный, но так, чтобы он не мог разговаривать по меньшей мере полчаса, удар в солнечное сплетение, и водитель грузовичка пересаживается на сиденье «жигуленка». Соответственно я – на его место. Впрочем, он не сможет разговаривать гораздо дольше. От пережитого, в результате превращения миловидной женщины в хулиганку-угонщицу, потрясения.

Теперь главное – скорость. Теперь все зависит от нее. Вжимаю педаль газа в пол, свободной рукой сорвать парик, разорвать на две части, отбросить вместе с бюстом платье, открыв совершенно мужского вида тельняшку, смазать заранее приготовленной сафеткой косметику. Быстрее. Еще быстрее. Но соблюдая все правила дорожного движения. Мне только погони ГАИ не хватало.

Вон он, красный «жигуль». Хорошо, что они не спешат. Точнее спешат, но, памятуя старую русскую поговорку, медленно. Правильно, им привлекать к себе лишнее внимание не резон. Для них незаметность важнее скорости.

Притормозим. Сошьемся с потоком идущих сзади машин. Теперь до третьего поворота я ничем не рискую.

Первый. Второй.

Обгоняем «Жигули». Здесь им деваться некуда. Здесь дорога прямая.

Отсматриваем обочины. «Волга». Водитель крутит ручку. Не пойдет. «Москвич». Тоже не под парами. Отпадает. Мне запускать моторы некогда. Автобус с пассажирами. Конечно, покрытие идеальное, но могут и побить. «УАЗ» – слишком много людей рядом. «КамАЗ». Иномарка. Хорошо стоит иномарка, но в паре сотен метров от нее зависла машина гаишников. Конечно, шансов, что они что-то заметят не много, но рисковать мне не след. Снова «Волга». Снова «КамАЗ». А вот то, что надо.

Притормаживая, я слегка припечатываю бампером новый «москвичок». Разъяренный водитель подскакивает к моей кабине.

— Ты что делаешь? Ты что делаешь, гад? Да я же тебя сейчас...

— А что такое?

— Что?! А ты посмотри! Я же месяца не проезжал!

— Ну чего там? Ну и где?

— Да вот же, смотри. Вот! — наклоняется к своей машине водитель и тут же оседает на колени от удара ребром ладони по шее.

Извини, друг, тут дело такое, тут не до сантиментов. Через пять минут очухаешься, найдешь свой «москвичок». Если его к тому времени другие ухари не угонят.

Оттащить пострадавшего за грузовичок, чтобы не было видно с дороги. Сесть на водительское место, набросить на плечи его же пиджак, сунуть в зубы сигарету. Чем больше деталей, тем лучше. Я же не с любителями в казаки-разбойники играю.

Пропустить «жигуль», двинуться следом.

Сменить еще одну машину.

Еще.

Игра на грани фола. И все же очень расчетливая игра. Вряд ли пришедшие в себя водители успеют сообщить милиции о происшествии, и вряд ли милиция успеет что-либо предпринять до следующей смены транспорта. Дело идет на минуты, а наши благодетели так споро поворачиваться не научены. Главное, не нарваться на скандал во время смены машин.

Накаркал! Подле оглушенного мною водителя останавливается еще одна иномарка, из которой вываливаются трое не страдающих рахитом хлопчика. А, так это ваш приятель!

— Ты что сделал? Ты что сделал, падал?!

— Да вы чего, парни. Я только подошел. Гляжу, водила лежит. Может, думаю, плохо стало...

Сместиться, выбрать наиболее удобную позицию. Мне бы только раньше времени потасовку не начать.

— Ты чего, козел, гонишь? Мы же все видели.

А, так они еще и видели. Так у них еще и монтировки в руках. Это, конечно, не повезло. Мне. Но им еще больше. Здесь ударами в четверть силы не обойтись.

Главное, следить за дорогой. Главное, выдержать время.

— Ребята, ребята! Да пригрезилось вам. Ну куда мне с таким крепьшом совладать? Да у меня и рука сломана.

Показать, ткнуть в самые глаза руку. Человек в драке всегда концентрируется на ближнем к глазам предмете.

Есть «жигуленок». Проследовал.

Теперь можно и в драку.

— Только вы меня, ребятки, не трогайте. Только не надо. Вот рука. Правая. Вот смотрите...

На правую посмотрели. А левую просмотрели. И правую ногу тоже. Неопытные ребята.

Теперь ходу! Теперь наверстывать упущенные секунды.

Кто бы мне раньше сказал, каким образом придется подменять машины во время автопреследования, не поверил бы. Но кто бы сказал, что мне в одиночку надо будет отслеживать бригаду следящих за мною же шпиков, — вовсе бы на смех подняла. Не может заяц ловить бегущую за ним стаю волков!..

Не может!

А ловит! И, кажется, не без успеха. Потому что другого выхода нет! Всё, приехали. Поворот под кирпичный знак. Узкая лента асфальта среди вплотную подступающего леса. Дальше ехать нельзя, дальше только пешком. Аккуратно, леском, вдоль обочины, огибая открытые места. Вот где начальство начальников хоронится. Вот где их логово.

Трехметровый бетонный забор, КПП, шлагбаум и невинная вывеска «База отдыха УПР Ремстройтехники» или что-то в этом роде. Ну что ж, может быть, и отдыха. Может быть, и УПР. Я спорить не стану. А что за забором и за вывеской скрывается – проверю. Непременно проверю. Сил не пожалею. Здоровья не поберегу!

И не поберег.

Ночью я вспорол себе кожу на ноге. Нет, я не пытался сам себя, путем членовредительства, освободить от боевого задания. Как раз наоборот, с помощью мелких телесных повреждений собирался облегчить его исполнение.

Мне нужна была порочащая заговорщиков информация. Получить я ее мог только в прямом общении с первоисточником. Зафиксировать только с помощью микрофона. Ползать вдоль забора я охотки не имел. Ничего я там не увижу, кроме еще одного забора и каменных склепов корпусов. Мне нужна была живая речь заговорщиков. Мне нужно было их пусть не чистосердечное, но признание. Все другие способы я испробовал. Уж если они от покушения на Президента отмазались, то мне ничего другого не остается, как брать их за голосовые связки.

От идеи спрятать микрофон на одежде я отказался сразу. Не с дураками предстояло дело иметь. С профессионалами высшей пробы. Эти всего меня, всю одежду, обувь, ключи, ручки, монетки исцупают и на зубок испробуют. Эти одной только проверкой электронными детекторами не ограничатся.

Меня проверят, как положено, до последней ниточки, чтобы я не сбросил где-нибудь в укромном месте пару-тройку «жуков», но в теле ковыряться не станут, потому что это тело из своих горячих объятий уже не выпустят. На то и расчет.

Вот по этой причине и приходится мне резать собственный организм остро заточенным скальпелем. И эту рану, хоть и нанесенную собственной рукой, по собственной воле, я тоже запишу в актив своим недругам. И за нее, время придет, спрошу, как за телесное повреждение, полученное в ходе боевых действий. Один к трем спрошу. А хватит силенок, так и к десяти.

Обезболив место будущей операции, я надрезал кожу, зацепил, раздвинул, зафиксировал края ранки, осушил выступившую кровь. Далее предстояло самое неприятное – создание полости для микрофона. Не в пластине создание, не в гипсе – в собственной кровотокающей и дергающейся от боли плоти. Я углубил скальпель, поддел, приподнял одну из мышц, ниже нее нащупал другую, которую оттянул с помощью пинцета. Готово. На теле образовалась нужного размера, и что важно, не прилегающая к коже дырка. Небольшая, может быть, с три спичечных головки. Обильно полив рану заживляющим раствором, я из стерильной упаковки вытащил микрофон, вдавил его в мышцы и свел края раны, залепив кожу специальной, бактерицидной

действия, клейкой лентой. Я очень надеялся, что на коже не останется заметных следов. В противном случае придется повторять операцию в другом месте.

Микрофон, ставший частью моего организма, работал исправно, хотя и «болеет». Теперь мне оставалось доставить его к месту назначения. И как можно скорее.

Записывающий магнитофон, кстати, действительно внешним видом напоминающий своих бытовых собратьев, я установил в купленной машине. По-настоящему купленной. Без подвоха. Здесь довериться находящимся в розыске лошадиным силам я не мог. Здесь все должно было быть чисто.

К записывающему магнитофону я приставил одного, знать не знающего, что творит, лоха.

— Хочешь заработать? — спросил я его. — Хочешь заработать целую машину? Вот эту. За три недели? Тогда будешь ездить, куда укажет вот эта стрелка. Стрелка всегда должна быть приближена вот к этой риске. Понял? Если стрелка станет сваливаться сюда, разворачивайся в противоположную сторону, если сюда — притормаживай, если замрет — останавливайся и ты. Ясно?

Стрелка была присоединена к прибору, фиксирующему удаление приемника от микрофона. Микрофона, который был вшит в меня. Чрезмерное удаление или опасное приближение находило визуальное отображение на шкале. Все проще пареной репы. Для интеллекта двоечников.

Сигнал выдавался в эфир не часто, сверхкороткими импульсами и только в момент передвижений, для чего мне надо было только напрячь определенные, прилегающие к микрофону, группы мышц. Все это очень затрудняло, а если не знать, в какой момент будет происходить передача, делало невозможным радиоперехват.

— Вот тебе ключи, вот доверенность, вот деньги на бензин и прочие непредвиденные расходы. А вот удостоверение, чтобы ты знал, на кого работаешь и что с тобой станет, если надумаешь ударить или по пьяному делу сболтнуть лишнего. Осознал? Проникся? Тогда действуй.

К лоху в пару я поставил напарника — глухонемого, чтобы они не могли сговориться, уголовника, найденного по картотеке УВД с помощью первого подвернувшегося под руку участкового лейтенанта. Пара вышла неплохая. Один насупленно молчал, держась за ручку огромных размеров ножа, другой, периодически испуганно озираясь, крутил баранку. Отлучаться от машины я им запретил категорически, повязав круговой порукой. Если давал маху один, то не получали вознаграждения оба.

Пока они ездили, я, прилагая все возможные усилия к заживлению раны, спал. Сутки напролет. Не по легенде, для себя. Только во сне я мог по-настоящему уберечь рану от нагрузок. Только во сне я мог восстановить растроченные в бесплодной борьбе силы и хоть на какое-то время забыть о своих неразрешимых проблемах. Прочие реабилитационные меры мне были недоступны. Я даже не мог позволить себе, ради расслабления, напиться. Так, чтобы лыка не вязать, так, чтобы ни о чем не помнить, ни о чем не думать,

ничего не бояться. Очень бы не помешало. Но увы — спецы живут и умирают исключительно на трезвую голову.

Когда кончился сон, началось дело. Дело, которое ничего приятного мне не сулило.

Подъем. Приведение себя в порядок. Контроль обживших салон «Жигулей» помощников. Подъезд попутным транспортом, подход пешедралом к «базе отдыха».

Тук-тук. Открывайте ворота. Это я.

— Мужик, ты чего? — вылезла из-за двери КПП взлохмаченная голова.

— Я отдыхать. Если это база отдыха.

— Во дает, — расхохотался привратник. — Во чудит.

А глаза-то, между прочим, не смеются. Глаза хватко и сноровисто ощупывают мою фигуру, дорогу, ближние кусты. Не оттопыривается ли левое плечо, не видна ли поблизости «случайно» заглохшая машина. А уши слушают. Природу слушают. Птичек-галочек-ворон. Не волнуются ли они, не кричат ли громче обычного в кустах, потревоженные скрывающимися за листвою незнакомцами.

Нет? Левая рука, как ей положено согласно анатомии, прилежит к телу, машин не заметно, гапки молчат.

— Ты, видно, мужик адресом ошибся. У нас ведомственный са-наторий. Понял? Ведомственный. Сюда с улицы не попадают.

— А я не с улицы, я из леса.

Объявился второй «вахтер». Вышел на крыльцо. Потянулся. Зевнул. Осмотрелся по сторонам.

— Шел бы ты, мужик, откуда пришел. Не тревожил бы наш служилый покой.

— Может, точно, ошибся? Может, прочитал что не так? — согласился я и полез во внутренний карман за бумажкой с адресом.

И второй вахтер полез. А первый так вообще руку из карманов брюк не вынимает.

Критическая отметка. Рубикон. Последняя возможность мирного урегулирования конфликта. Или я читаю бумажку, досадливо хлопая себя ладонью по лбу и матерясь и проклиная почерк жены, ухожу. Или остаюсь. И тогда сюжет будет развиваться уже не в комическом ключе. Отступить, пока не поздно? Или переть буром дальше?

Думай, Резидент.

За забором послышался шум приближающейся машины. Но вахтеры к воротам не побежали, раскрывать их не поспешили. Странные какие-то вахтеры. Такие же, как база отдыха.

Все, как и должно быть. Подъехала поднятая сигналом тревожная группа. Эти в дело сразу не полезут. Отсидятся в машине, пока вахтеры выясняют, что да как. Эти рассчитаны на крупную потасовку.

Вперед или назад? На рожон или по домам?

— Ты, видно, мужик, чего-то не понимаешь. Ты, видно, на разъяснения набиваешься! — сменил тон с добродушного на угрожающий вставший за моей спиной охранник. — Ты, наверное, тугодум. Тебе же сказали — мотай отсюда, если неприятностей не хочешь огрести.

А я, может быть, именно за неприятностями сюда и пришел. Может, они мне как раз и нужны.

— Ребята, мне бы только главврача увидеть, только пару слов ему сказать, — уничтожительно, с подскуливанием, замямлил я, чем окончательно вывел охранников из себя. Злобные собаки громче всего гавкают на заведомо бессильные жертвы.

— Вали отсюда, пока тебе кости не переломали! — угрожающе прошипел охранник, захватским приемом пытаюсь завернуть мне руку.

Я не сопротивлялся. Позволил ему продемонстрировать нагую ладонь на казенных харчах силушку на моей безвольно провисшей правой конечности, а пока он целеустремленно, пыхтя и краснея, вертел ее в сторону, свободной рукой аккуратно вытянул из его запячной кобуры пистолет. С энтузиастами силовых борцовских упражнений такие номера обычно удаются легко.

— Ты бы не так сильно усердствовал. Больно ведь, — пожаловался я, демонстрируя ему его же пистолет. — Кстати, это не ты обронил?

Охранник ослабил хватку. Обалдело глядя в черную дырочку дула, залапала пальцами пустую кобуру. Я легонько ткнул его стволом под дых, подхватил враз ослабшее тело, развернул, прикрываясь от возможного нападения.

— Не балуй!

Ввинтил, вжал пистолет в незащищенный висок. Охранник замер, словно загипнотизированная фокусником курица.

Второй «вахтер», придя в себя, неудачно тыкал пальцы в потевшийся вдруг карман брюк.

Резко выбросив вперед левую ногу, я достал подошвой ботинка его горло, толкнул, припечатал, придавил к близкой стене. Охранник, забыв про оружие, ухватился за перекрывающую ему кислород подошву, захрипел, завертел во все стороны выпученными глазами.

— Я только хотел поговорить с главврачом. Но теперь мне этого мало. Теперь я хочу услышать ваши извинения.

Удерживаемый мною охранник лихорадочно затряс головой. Другой попытался придать посиневшим губам форму подобострастной улыбки, а хрипам — членораздельную форму.

— Извинения принимаются, — смилостивился я. — А теперь где здесь телефон?

Я играл супермена. Стопроцентного, как в дешевом американском вестерне. С соответствующими репликами и выражениями на лице. Не без удовольствия, между прочим, играл. Первый раз в жизни мне позволялось не прятать в записники свое умение. Первый раз позволялось делать то, что хотелось в эту минуту.

Из-за ворот по одиночке вываливались бойцы тревожной группы в касках, брониках, с короткоствольными автоматами наперевес. Эти были уже точно не прирабатывающей милицией. Эти действовали слаженно, по хорошо отработанной схеме. Только они немного опоздали.

Я укоризненно покачал головой и показал глазами на высверливающий чужой висок пистолет. Бойцы придержали целеустремленный бег.

— Я говорю, мне бы главврача вашего санатория, — кивнула я на липовую вывеску. — Скажите, его пациент добивается. Очень. Тот, который несколько дней назад отказался от процедур на улице...

Автоматчики обходили меня с флангов, забирая в безнадежно смертельное кольцо. Они не оценили моих фразеологических изысков. Похоже, на спецкурсах боевой подготовки, где они обучались, русская словесность не была профильным предметом. Похоже, лучше перейти на более понятный им язык.

— А ну, отставить, мать вашу! Кто здесь старший? Я буду говорить со старшим!

Для объяснений со старшим мне хватило трех фраз.

— Не вы мне, я нужен вашему командованию. Если сегодня вы меня... (идиоматическая вставка) ненароком пристрелите, не доложив по команде, то завтра вам... (еще вставка) придется пускать слюни перед начальством, которое вы видели только на портретах на политзанятиях. Ты... (очень длинная вставка) все поняла, старшой?

Старший понял все. Правда, автомат не опустил. Я же говорю — не милиция.

Далее все закрутилось по обычной схеме: плотная шерстяная шапочка, натянутая по самый подбородок, машина без окон, молчаливые конвоиры, тычки автоматов под ребра, обшаривающие тело руки, лестницы, коридоры, двери. И, наконец, голос.

— Вы хотели меня видеть?

— Вообще-то нет, но у меня нет другого выхода.

Не молодой — не старый, не низкий — не высокий, не красивый — не уродливый, типично никакой собеседник. Лицо открыто. Значит, либо надежно залегендированный легал, либо выпускать меня отсюда живым они не намерены.

— Я вас слушаю.

— Пришел торговаться.

— Торгуйтесь.

— Требуется жизнь. Что попросите взамен?

— О чем это вы?

— О жизни.

— Я вас не понимаю. Здесь база отдыха...

— А вы главврач, в бронежилетах медбрата, и в руках у них многозарядные автоматические кластеры. Это я уже знаю.

Молчание.

— Я так понимаю, вы не рядовой, но и не маршал. И над вами чьи-то погоны висят. Если вы меня сейчас так и не поймете и случайно уроните с козырька больничного корпуса или накормите сальмонеллезной колбасой, с вас спросят. Я завязан в игре, превышающей масштабы вашей компетенции. Мне необходим разговор со стоящими над вами людьми.

— Что вы от них хотите?

— Всего лишь дожить до глубокой старости. Готов платить в любой валюте. Рублях, долларах, франках, тугриках, битах. Вас интересуют биты? Самая ходовая валюта. Биты информации. Ну не валяйте дурака, доложите наверх мои предложения.

Молчание.

Кажется, он просто боится взять на себя лишнюю ответственность. Доложить наверно о моем визите, значит, признать прокол в работе. В том числе и его, командира, прокол. Мало что умудрился упустить опекаемого человечка из-под самого носа, несмотря на стократное превосходство в силах, но еще и прямоком вывел его на базу! Это больше чем скандал. Это несоответствие служебному положению. Должностная, если только должностная, смерть.

Может, проще списать незваного визитера в случайный расхоро? Дескать, наткнулся праздношатающийся гражданин на забор, перелез, оказался в запретной зоне, напоролся на сигнальную мину, колючку под напряжением или автомат охранника. Такое не часто, но случается. За такое спросят, но не так, как за умышленное проникновение на охраняемый объект. Несчастный случай. Только случай. Стихийное стечение обстоятельств. Тело сактировать, дело сдать в архив. Немалый соблазн.

Похоже, именно так думал мой неразговорчивый собеседник. И так же вслед за ним думал я.

— На случай, если вы надумаете замять дело, предупреждаю: информация идет по нескольким каналам. И где-то прорвется. Так что ваши необдуманные действия могут выйти за рамки простого халатности.

Пауза. Внимательное изучение моего лица.

Да не вру я. Не вру. Так и есть. И именно это у меня на лице и написано.

— Что мне следует передать по команде?

Давно бы так.

— Только одно. Человек, перекрывший воду, просит аудиенции.

— Больше ничего?

— Больше ничего. Они поймут.

Координатору доложили о ЧП. На одном из глубоко законспирированных опорных пунктов заговорщиков объявился незнакомец. Тот, который накануне ушел от наружки, охранявшей подходы к одному из помощников Президента. Объявился сам.

Незнакомец предупреждал о какой-то сантехнической неисправности.

— Что он сказал? Прошу передать дословно.

— Он сказал, что «человек, перекрывший воду, просит аудиенции».

Координатор затребовал Чистильщика.

— Как это понимать? — спросил Координатор.

Он был политиком и знал далеко не все приемы и методы ведения тайной войны. Ему и не надо было их знать. Каждый человек не может знать все. На это существует аппарат исполнителей.

Чистильщик задумался.

— Здесь может быть несколько вариантов. Или он капитулировал, или ведет какую-то свою игру, или является подставкой более серьезных сил, или... Я не готов ответить сразу.

— Что вы думаете предпринять?

— В первую очередь провести дознание, выяснить обстоятельства, с которыми связано его появление. Затем — лишить полно-

мочий Командира базы. Незамедлительно. В дальнейшем – вывести его из игры. На базе провести полную замену личного состава. Для ведения дознания и решения судьбы Командира прошу чрезвычайных полномочий.

Два, следующих один за другим, прокола вызывают подозрение. Без помощи со стороны опекаемый человек не мог уйти от замкнувшейся на нем слежки и тем более не мог выйти на известный строго ограниченному числу лиц объект. Один случай – случай. Два – закономерность. Закономерность – сигнал возможного провала. Плюс к тому проколы наружной охраны во время акции...

Я допускаю, что где-то в цепи, в ее верхних звеньях, происходит утечка информации. Командир базы – вне сферы моей компетенции. Я могу разрабатывать его только с вашего согласия.

– Считайте, согласие получено. Оберегая всех, мы не можем сохранять каждого.

Командир базы не зря раздумывал о том, чтобы уронить незваного гостя на колючую проволоку. Он не умел просчитывать ходы друзей и противников на полпартии вперед, потому и возглавлял только шпииков, а не аналитиков, но интуитивно понимал, что от происшествия лично ему ждать добра не приходится. Правда, масштабы последующего «недобра» он явно недооценил. После случившегося провала заговорщики нервничали и поэтому, принимая решения, особенно касающиеся самосохранения, перестраховывались.

– Следует ли кому-то из моих заместителей, согласно требованиям незнакомца, встречаться с ним?

– Нет. В этом нет необходимости. С этим я справлюсь сам.

– Прошу докладывать об изменениях в данном деле лично мне, не реже двух раз в сутки.

Глава двадцать четвертая

Вначале, как и положено, меня стали бить. Били почему-то непрофессионально и оттого травмоопасно. У них что, специалистов этого дела нет? У них что, одни костоломы остались?

Я перелетал с кулака на кулак, подобно мячику в волейбольной, через сетку, игре. Один мою голову вбрасывал, другой глушил, третий ставил блок. Я падал, но тот, что начал, поднимал меня сложенными лодочкой руками от пола. Второй глушил. Третий ставил блок...

– Перекур.

Голова упала на пол. До следующего вбрасывания.

Чего они добиваются? Запугивают? Но тогда лучше использовать хирургические и прочие известные специалистам инструменты вместо кулаков. Пытают? Но есть гораздо более эффективные и не столь грязные, в смысле вышибаемых из носа крови и соплей, методы. Хотят убить? Тогда почему не убивают? Тренируются? Но тогда явно не в боксе, а в каких-то неизвестных мне игровых видах спорта.

– Вставай!

Короткий удар ногой в пах. Я свернулся клубком, замычал от боли. Что же они делают? Что же они силу не соизмеряют? Так

ведь можно остаться и без... микрофона. Черт бы со всем прочим, что рядом с ним располагается.

От удара, от моих судорожно сжатых ног внедренный в тело «клоп», конечно, включился. Он же железный, ему же все равно, от каких нагрузок врубаться. Соответственно за полтора метра тысяч метров отсюда включился магнитофон, протаскивал через звукозаписывающую головку несколько миллиметров намагниченной проволоки, зафиксировал мои мычания, всхлипы и стенания.

– Вставай!

Да встаю, встаю. Не надо так беспокоиться. Я и сам на этом холодном полу залеживаться не желаю.

Вбрасывание. Глушение. Блок.

Команда юношей в рубашках с засученными рукавами продолжает вести в счете. Я бы тоже в эту игру поиграть не прочь. Их головами. Да жаль, руки и ноги связаны. А может, и к лучшему, что связаны. А то у этой команды пару очков отыграешь, тренеры замену объявят, новые партнеры понабегут, со свежими, нерастраченными в спортивной борьбе силенками.

– Вставай!

Новый удар ногой в согнувшуюся спину, в связанные и завернутые за нее руки. Хоть бы что спросили для разнообразия. А то бьют и бьют. Потом надумают вопрос задать, а я уже ответить не смогу.

Следующая технически безупречно исполненная серия.

Я теряю сознание. Натурально. Без симуляции.

Отяжелевшим, ни на что не реагирующим мячиком им играть скучно.

Перерыв.

Все-таки, похоже, меня просто забивают. Как случайно напавшего бездомного, которого некому защитить, пса. Тогда и возвращаться не буду. Лучше умру в отключке. По крайней мере это будет не так болезненно.

Но умереть в блаженстве беспамятства мне не дают. На голову выплескивается ведро ледяной воды, на палачей поток отборных ругательств.

– Кто приказал? Кто?.. Кто допустил?.. Как вы смели?.. Смирно!.. Мать вашу!.. Отвечать!.. Вашу мать!.. Ать... ать... ать... Кругом!.. Шагом марш! Арш... арш... арш... ать... мать...

Кто же это разливает такие сладкоречивые для меня речи? Кто, не боясь навлечь на себя опасность, одергивает зарвавшихся хулиганов? Откуда взялся этот ангел-хранитель? С небес? Или из находящейся за стенкой караулки? Боюсь, что из караулки. В добрых ангелов меня верить отучили. Жизнь отучила!

Палачи, топоча подошвами, покинули помещение. «Ангел» остался.

– Что же они с вами сотворили! А-я-яй! Ведь так можно убить... Больше вас бить не будут.

Сейчас, следуя сценарию, он должен добавить – «если вы ответите на несколько вопросов». В том смысле, что не вынуждайте нас на крайние меры.

Но «ангел» сказал не по сценарию.

- Бить не будут. Допрашивать тоже не будут. Вы напишете все, что посчитаете нужным, сами. Вот ручка, вот бумага. Я зайду через час.

А вот это уже в мои планы не входило. Не для того я из себя живца изображал, чтобы умирать молча. Я хотел говорить. Мне надо было говорить. Мне надо было заставить их задавать себе вопросы. Только так я мог вынудить своих противников проговориться. Я ставил на вопросы! Только в одном случае невозможно дознаться до правды - когда никто никого ни о чем не спрашивает. В том случае, с которым столкнулся я!

- Я не могу писать, у меня разбиты пальцы.

- Мы не торопим.

- Я отказываюсь писать! Мне трудно сосредоточиться.

- Хорошо, тогда писать буду я.

Говорит с ленцой, чуть не через зевоту.

И я начал говорить: длинно, путано, нарываясь на дополнительные вопросы, которых так и не последовало.

Диалога не получилось.

Получился монолог. Причем тупой монолог. Я нес всякую ахинею, он молча выслушивал ее.

- Все? - спрашивал собеседник, когда я замолкал более чем на две минуты.

- Нет, - отвечал я и снова, но чуть другими словами, повторяя то, что излагал ранее.

Он так же добросовестно прослушивал знакомую сказочку, делая пометки в лежащих на столе листах.

- Теперь все?

Далее тянуть волюнку было бессмысленно.

- Теперь все!

Я проиграл.

Собеседник собрал бумаги и вышел. Ничего не объясняя. За его молчаливым уходом могло последовать все что угодно: возвращение костоломов, слепой выстрел в голову из невидимой щели в стене, пожизненное заключение. Все, кроме освобождения.

Но последовало то, что я в своих предположениях даже не рассматривал.

Меня потревожили только через сутки. В помещение вошел свежий, которого я еще ни разу не видел, человек. Одно это уже было странно. Заговорщики не любят без крайней необходимости демонстрировать новые лица. Человек сел за стол, коротким жестом отослав всю охрану.

- Зачем вы явились к нам?

- Я уже говорил - предложить информацию.

- В обмен на что?

- На жизнь.

- Но оставаясь на свободе, вы ее имели изначально.

- Увы, нет. Я стал слишком опасен своим старым хозяевам.

Тому есть основания. Вопрос моей ликвидации - это вопрос времени. Системе может противостоять только система. Например, ваша. Защитить свою жизнь в одиночку я не могу. Кроме того, для безопасного ухода мне понадобятся деньги. Очень большие деньги. И очень большие связи. Вы понимаете - хирургическая

пластика, документы, визы, прикрытие, отвлекающие мероприятия. Я не желаю провести остаток жизни, прячась в глухой деревне, в чужом подполе, за кадушкой с квашеной капустой. Я хочу жить нормально. И даже хорошо. Так, как я это заслуживаю. Задачи подобных масштабов один человек решить не в состоянии.

— Допустим. Но где информация? Я прослушал ваши показания. Они очень многословны, очень многозначительны и эффективны на слух. И еще они очень бесполезны. Тупиково бесполезны. Вы не сказали ничего сверх того, о чем нам и так известно.

— Товар по деньгам.

— То есть?

— Мне не предложили реальной цены. Я просил жизнь, а не это, — я обвел пальцем собственную распухшую физиономию. — Дайте настоящую цену, тогда поговорим о товаре.

Незнакомец усмехнулся.

— Логично. Настолько, что вначале я подумал так же. Я подумал, что туповатый исполнитель ценой предательства пытается выторговать себе сытую жизнь. Не такая уж редкая ситуация. Наверное, это объяснение меня бы устроило. Раньше. Но не теперь, когда положение вещей изменилось. Что-то я не слышала, чтобы крысы стремились вскарабкаться на тонущий корабль. С тонущего на берег соскочить — это сколько угодно. Это нормально. Наоборот — редко. Только если это сошедшая с ума крыса. Или очень хитрая. Или знающая то, чего не знает даже сам капитан.

Оправдана в подобной ситуации подозрительность?

По-моему — вполне. К нам, после того как мы потерпели сокрушительный провал, переходит со стороны победившей стороны человек, чтобы просить защиты. Тут только дурак не задумается.

Я задумался. Очень задумался. И задумался не один, а привлек к сотрудничеству специалистов. Разных. От актеров и психологов до лингвистов. И знаете, что они мне поведали? Что этот человек, — указал он на бумагу, — говорит много меньше, чем хочет сказать, что речь его заранее составлена, заучена и срежиссирована и что режиссура эта сырая. Посредственная режиссура. Когда одной фразой говоривший говорит не то, что думает, а думает не то, что говорит.

Я привык доверять мнению специалистов.

Итак, первый вывод — вы не тот человек, за которого пытаетесь себя выдавать. Но какой?

Тогда я попытался ответить на вопрос, что ищет незванный визитер, забираясь по собственной воле волку в пасть? Спасения? Как мы уже выяснили — нет. Информацию? Зачем? Судя по провалу, ею противник располагает в достатке. И знаете, какой вывод я сделал? Парадоксальный. Он ищет сотрудничества! Да, да, сотрудничества! Причем ищет не по собственной инициативе. Одиночка, влекомый корыстью, не способен ставить на кон свою жизнь в игре, не обещающей стопроцентного выигрыша. Одиночка, подчиняющийся коллективу, — вполне. Визитер пришел не жизнь спасать — дело делать. Дело, масштабов которого он, возможно, даже не понимает.

Вы камикадзе. Камикадзе-парламентер.

У меня челюсть от подобного вывода чуть не отпала. И отпала бы, кабы не отекала от побоев. Это же надо до такого додуматься!

Впрочем, додуматься до другого, до того, что я действую на собственный страх и риск единственно с целью доказать наличие заговора, еще невозможнее! Мой противник был свято уверен, что ему противостоят сплоченные пропрезидентские силы. Допустить, что их план развалила игрок-одиночка, он не мог. И уж совсем не мог вообразить, что, одержав победу, тот победитель явится сдаваться на милость... побежденных.

— Угадал?

Я молчал. Он, конечно, не угадал. Попал точнехонько пальцем в небо. Но он дарил мне шанс. Шанс на спасение. Я давно уже подозревал, что живым мне из этой переделки не выбраться. Я сам себя переиграл, загнав в безнадежную ловушку. Шел менять свободу на информацию, а отдал только свободу. И вдруг такое везение. С обложанным волком-одиночкой церемониться не будут, а вот с представителем стаи — дело другое. Тут появляется поле для маневра. Главное, дать ему как следует увязнуть в собственных измышлениях. Главное, не пороть горячку.

— Похоже, к признаниям вы не склонны. Хорошо, поставим вопрос иначе — я тот самый «главврач», которого вы хотели видеть. Такая формулировка вас устраивает?

— Чем вы это можете доказать?

— Хотя бы обсуждением деталей прошедшей операции. Ведь вы были ее непосредственным участником? Я не ошибаюсь. Ведь это вы «перекрывали воду»?

Вот она, поклевка. Вот она! Аж удилище дугой загибает! О таком леще я и мечтать не мог.

— О деталях может судить любой непосредственный исполнитель.

— Не каждый исполнитель и не о всех деталях...

Дальнейшая беседа между им, мной и моим микрофоном протекала в непринужденной и дружеской обстановке. Стороны обменялись полезной информацией по ряду интересующих их вопросов, после чего отбыли...

А вот с «отбыли» как раз вышла заминка. Так просто отпустить меня никто не собирался.

— Считайте, что вы выполнили свою задачу. Навели мосты. Надеюсь, лица, пославшие вас сюда смогут по достоинству оценить нашу готовность к взаимовыгодному сотрудничеству.

Наивный, все лица располагались перед ним в единственном моем распухом лице.

— Лично от себя хочу добавить, что подчиненные мне подразделения на сегодняшний день способны выполнить любые поставленные перед ними задачи вне зависимости от их направленности. Действуя на принципах профессионализма, мы не берем на себя функцию выбора цели, а только ее поражения. Надеюсь, вы меня правильно поняли.

Я его понял более чем правильно!

Он не просто намекал на свою непричастность к политической стороне провалившегося покушения, он, глазом не моргнув, про-

давал свои услуги! По демпинговым, в связи со сложившимися обстоятельствами, ценам. Всего только за жизнь. Вот что значит профессионал! Предлагать партнерство на борцовском ковре, еще даже не выбравшись из-под туши только что вчистую разделавшего тебя соперника! Такое не каждому по силам! И не каждому по нутру! Похоже, ему действительно все равно, в какую сторону стрелять, лишь бы его умение соответствующим образом оплачивалось.

Ну что тут скажешь – профессионал. Столько раз продавался и перепродавался, что достиг в этой процедуре совершенства. С какого бока не зайдешь, не укусишь, а укусишь – подавишься.

– Надеюсь, вы сможете донести до своего начальства нашу беседу в максимально приближенном к оригиналу виде. Сами знаете, иногда даже неверно переданная интонация способна изменить смысл фразы...

Бойтся. За себя бойтся. За то, что из-за недостаточно красочного описания товара посредником сделка может сорваться. Великое же разочарование ждет его в будущем.

– Теперь о формах вашего ухода. Как я понимаю, доказательством, подтверждающим мою готовность к дальнейшим переговорам, должно служить ваше, в добром здравии, возвращение в родные пенаты? Вы достаточно много узнали, чтобы уйти отсюда живым в случае, если я веду двойную игру. Так?

– Справедливо.

– Что ж, лично я готов отпустить вас немедленно. Но не все в нашем аппарате разделяют мое мнение. Поэтому предлагаю компромиссный вариант. Вариант силового ухода. Так будет безопасней и вам, и мне... Отсюда сбежать сложно. Из того места, куда вас должны впоследствии перебросить, тем более. Единственная возможность – дорога. Я постараюсь разработать удобный для вас план побега, убрать лишнюю охрану, окружить своими людьми. Будем считать это моим вкладом в общее дело...

Ах, уже общее дело. Быстро он окраску меняет! Куда там хамелеону.

– Сопровождающие будут задействованы в плане?

– Будут. Но это ничего не значит. Действовать вы должны без бутафории, в полную силу. Иначе вам просто не сбежать. Предуprechдаю, никаких игр понарошку. Вы все поняли?

Все я понял. Трупы ему нужны. Свои ли, чужие – неважно. Главное, чтобы побольше. Трупы придадут происшествию достоверность. И еще, трупы не разговаривают. Не могут они рассказать, какие инструкции им давали накануне, о чем просили, что обещали. Молчат трупы. И тем удобны. Вали на них что не вздумается. Проверить все равно невозможно.

– В заключение небольшая просьба. Хочу я того или нет, но наша встреча должна принести определенный позитив. Слишком долго я с вами беседовал, чтобы не узнать ничего. Мне надо доложить наверх какой-то результат. Лучше положительный. Иначе вас выведут в тираж до того, как я смогу вам помочь.

Это называется – демонстрация заботы о ближнем. То есть обо мне.

– И еще, чисто по-человечески мне очень не хотелось, чтобы за вас снова взялись наши мордовороты-дознаватели. После бесед с ними свобода, боюсь, вам будет уже не в радость.

И под занавес – скрытая угроза. Как же без нее. Это чтобы я долго не раздумывал. Для того, похоже, и били. Для сговорчивости.

– Прошу не более того, что вы вправе рассказать. Но обязательно детали, имена, адреса. Без них достоверности не будет...

Ай да волкодав! Он мало что боится, он еще на три круга боится! Теперь не то что его начальство, даже я сам не могу с уверенностью сказать, что он в действительности делает – предает или хитрым приемом добывает информацию. Вон как все завертел!

– Ладно, будут фамилии. И адреса будут. Договорились.

Хорошо, что адреса и фамилии эти будут чистой воды липа. Потому что реальных у меня, даже надумай я их сдать, нет. Один я, как перст. Так сказать – агент-бомж. Только он об этом догадаться не должен. Поэтому адреса и персонажи мне надо придумывать такие, которые сразу проверить невозможно. Главное, время выиграть. Если, конечно, перевербовка и побег не фикция, назначенная для развязывания языка упорствующему агенту-перебежчику, а реальность. Но узнать это я смогу только в момент побега или... моей ликвидации. Очень бы хотелось надеяться на первое, но готовиться лучше, на всякий случай, ко второму...

– Тогда последняя просьба. Включите в контекст ваших признаний вот эти фразы, – мой собеседник показал и тут же сжег несколько написанных на бумаге предложений. – Вам это ничем не повредит, а мне крайне облегчит реализацию нашего плана.

Нашего с Вами плана. Уж будьте любезны.

Чистильщик подал наверх рапорт об имевшем место на спец-объекте происшествии.

Единственный экземпляр рапорта, заключенный в опломбированный, со взведенным в боевое положение пиропатроном-самоликвидатором мини-сейф, под охраной специального курьера доставили Координатору.

Координатор прошел в комнату спецсвязи, закрыл похожую на люк подводной лодки дверь и взломал пломбы.

Рапорт квалифицировал происшествие как серьезное. Гриф «особо серьезное», после проведения тщательного следствия, был снят. Если бы положение было квалифицировано как угрожающее, в засвеченных подразделениях началась бы поголовная чистка.

Кроме того, Чистильщик докладывал о предпосылках перевербовки агента-перебежчика, к чему прикладывал выдержки его показаний, касающихся недавней неудачно проведенной Акции.

Чистильщик, в том числе ссылаясь на вновь поступившую информацию, настаивал на углублении операции «Эвакуация», для чего просил расширить список лиц, подлежащих жесткой проверке вплоть до применения мер физического воздействия и специальных психотропных препаратов. Чистильщик продолжал подготавливать утечку информации через перевербованного или вне-

дренного в средний командный состав агента. Он не верил в случайный провал Акции.

Координатор отчеркнул три фамилии. Этих людей он знал очень хорошо. Но других знал еще лучше. Он не хотел зла ни тем, ни другим, но не мог нарушать правил игры, в которой он тоже был не более чем пешкой. Координатор отдал своих друзей, потому что иначе поступить не мог. Потому что, выкорчевывая лес, невозможно думать о судьбе каждой отлетевшей от лезвия топора щепки.

В другой бумаге он отчеркнул фамилию Чистильщика и поставил подле нее вопросительный знак.

Глава двадцать пятая

— Выходите!

Меня вытолкнули в полутемный коридор, предварительно пристегнув наручниками к здоровенному верзиле-охраннику, облаченному в бронезилет. Да, такого далеко на себе не утащишь. Если это и есть забота о моем спасении, то большое спасибо спасителю, что он не пристегнул меня к африканскому слону.

— Топаи!

С боков встало еще несколько, с недвусмысленно засунутыми в карманы руками, человек.

Поворот, еще поворот, темный тамбур, и сразу дверца машины. «Волга», правда, с бронированными стеклами и хитрыми замками, но в принципе самая обыкновенная легковуха.

Если не считать пристегнутого верзилы, транспортировка щадящая. Я бы на их месте перевозил подобный ценный кадр в связанном виде, в бронированном ящике, предварительно накачав каким-нибудь мощным наркотиком. А тут все цивилично, как в каком-нибудь УВД или Безопасности. Так культурненько возят разве только особо опасных рецидивистов или второсортных шпионов. Спецов обычно транспортируют по-другому. Хорошо, что они меня к подобной категории не причисляют. Или это работает план моего перевербованного сподвижника?

Поехали.

Согласно предложенному плану через пятнадцать километров в нас должен был врезаться груженный ГСМ «МАЗ». Вспыхнувшие от столкновения горюче-смазочные материалы гарантировали роскошную дымовую завесу. Все прочее — отключение охраны, освобождение от наручников, уход в дым и пламени — я должен был обеспечить собственными силами. В условленном месте сбежавшего меня поджидал автомобиль со вставленным в замок ключом зажигания. Да, чуть не забыл, под обивкой сиденья спрятана заточка. Обивка будет надорвана, вытащить заточку особого труда не составит.

Начало через пятнадцать километров.

Но ничего из предложенного я делать не собирался.

Не понравился мне план. Какой-то он был уж слишком эффектный. Со столкновениями, взрывами, дымом и полным отсутствием реальных гарантий. И разработчик его не понравился. Своей чрезмерной обо мне заботой. Черт его знает, что он задумал. Может, угробить меня при попытке к бегству, может, взы-

скать с кого за неудавшийся побег? Или что-нибудь еще более мудреное. Вписал же я в свои признания какие-то непонятные фразочки. А для чего вписал – как ни ломал голову, – не понял. Чужая душа потемки. А такая черная душа вдвойне! А того, чего я не понимаю, я не принимаю!

Не люблю быть бильярдным шаром в чужой партии. Все тебя колотят, толкают, стучат, в лузы роняют, а куш срывает тот, кто за кий держится.

Нет, не согласный я. Уж если и сбегать, то лучше по собственному сценарию и без этих кинематографических эффектов. Предпочитаю добровольный риск принудительной безопасности.

Сбегать я буду на четырнадцатом километре. Он сам указал это место, предложив начать отсчет времени побега с момента, когда машина проедет мост. А раз мост надо ПРОЕЗЖАТЬ, значит, он не маленький. И, значит, под ним будет не самая маленькая река. Дай Бог, чтобы и не мелкая.

С первого по тринадцатый километр я усыпляла бдительность охранников своим вяло-безразличным видом. В начале четырнадцатого, разминая затекшую спину, слегка подался вперед. Охранники меня даже не придержали. Кажется, я добился своего – их бдительность, успокоенная численным превосходством и смиренностью подопечного, задремала в мягких автомобильных креслах. Или это работает установка начальства?

В середине четырнадцатого километра я увидел мост. Самый обычный – в меру высокий, в меру ветхий.

Машина, не снижая скорости, влетела в первый пролет.

– Слушать всем! Шеф изменил план. Работаем сейчас! – уверенным тоном проговорил я.

Если охранники действительно назначены мне в помощь, то сейчас они смогут помочь мне лучше, чем потом. Хотя бы даже своей секундной растерянностью.

– Начали! – скомандовал я, краем глаза замечая удивленный поворот водителя.

Самым опасным для меня был охранник, сидящий справа. Начинать следовало с него. «Умение выделить из общей массы и обезвредить противников, представляющих наибольшую угрозу, отличает бой от драки», – объясняли мне когда-то в учебке. Я хорошо усвоил тот материал. Не потому, что получил за него зачет, потому что до сих пор еще жив.

Своего самого неудобного противника я ударил в открытую глазницу оттопыренным пальцем правой ладони. Его сомкнутая на моем локте рука помешать этому не могла. Рывком бросив корпус вперед, я впечатал костяшки кулака в висок водителя и сразу же, возвратным движением, локоть в шею охранника, сидящего на переднем сиденье. Последний удар получился слабым, но его хватило для решения главной задачи – охранник уже не мог перехватить руль. Он обжимал ладонями свою тривмированную шею.

Не обращая внимания на левого опекуна, дергающего меня за наручник, я резким движением завалил на бок потерявшего сознание водителя. Его не успевшие отпустить руль руки завернули баранку вправо. Мне почти не пришлось его подправлять. Машина по плавной дуге устремилась к бордюру.

— Это такой новый план! — успел я прокричать в обезумевшие глаза последнему сохранившему боеспособность охраннику, прежде чем машина, пробив парапет ограждения, рухнула вниз.

И еще я успел упасть за спинку переднего сиденья, на мгновение раньше, чем это сделал пристегнутый ко мне амбал. Его тело, облаченное в бронезилет и навалившееся сверху, должно было защитить меня от возможных повреждений.

Удар! Взрыв переливающихся на солнце брызг. Броски из стороны в сторону. Тычки. Удары.

Погружаемся.

Теперь надо успевать действовать.

— Где ключ от наручников? — заорал я в самые уши охраннику. Но он молчал, неестественно свернув голову в сторону. Возможно, потом он придет в себя. Но потом мне это уже будет не нужно.

Выворачиваясь в салоне «Волги», я обшарил его карманы. Ключа не было. Вероятно, он выпал, когда нас крутило в машине. Конечно, можно попытаться сделать отмычку из подручного материала. Но вряд ли это возможно в данный конкретный момент. Салон автомобиля, погружающегося на дно реки, не лучшее место для технических экспериментов.

Черт возьми. Ну что же делать?

Вода стремительно заливала салон, подступая к ветровому стеклу. А мне еще надо открывать перекосившиеся дверцы! Где на все найти время? Как бы мне не остаться на дне этой речонки, на радость представителям местной трупопитающейся фауны.

Так что же делать?

Пять секунд на размышление!

Судя по угасающей яркости света, машина погрузилась уже метра на два. Воздуха осталось от силы сантиметров пятьдесят. И с каждой секундой воздушная подушка будет убывать. А жабры я с собой, ах какая досада, не прихватил.

Так что же все-таки делать?

Я еще раз задрал вверх руку, наблюдая, как из воды поднимается блестящая цепь наручника, а за ней чужая рука. Рука, которая держит меня за глотку не хуже самой смерти. Собственно говоря, она и есть моя смерть. Рука — тянущая меня на самое дно, тянущая меня в вечность.

Проклятая рука!

Не думал я, что придется умереть от переизбытка влаги в дыхательных органах. Думал, от ножа. Или от пули.

От пули... Может, действительно от пули?

Распахнув пиджак ближнего ко мне охранника, я вытянул из запящной кобуры пистолет. Стечкин. Достойное оружие.

Задирая пистолет над водой, я взвел затвор, дослал патрон в ствол.

Рядом, страшно отдуваясь, вынырнул ошухавшийся охранник с переднего сиденья. Вынырнул, увидел дуло Стечкина перед самым носом и по-быстрому нырнул обратно. Чужак человек. Как будто до него мне сейчас.

Отыскав опору ногам, я выпрямился под потолок, вытянул наручники, как можно выше поднял руку, скрепленную с чужой рукой, развернул пистолет и нажал на спуск. Быстрая очередь грох-

нула в уши. Десяток пуль, раздирая и кроша плоть, прошли через руку. Через руку моего персонального охранника. Кровавая культя упала в воду, оторванная кисть свесилась в обруче уже не удерживающего меня браслета.

Я был свободен. Какой ценой — вопрос, о котором лучше поговорить после.

Глубоко провентилировав легкие уже перенасыщенным углекислым газом воздухом, я нырнул к левой дверце. Тщетно! Замок намертво заклинило.

Второй нырок.

Вторая неудача.

Мышеловка захлопнута, пойманную мышку топят в поганом ведре.

Еще.

Еще.

Во время очередного всплытия я столкнулся головой с выжившим охранником. Схватил его за воротник, вытянул на поверхность и, не обращая внимания на встречные удары, показал на дверь. Он понял меня и согласно кивнул головой.

Мы нырнули вдвоем и, впихивая в щель дуло пистолета и еще какой-то металлический хлам, выдавили дверь.

Все. Свобода.

В отличие от охранника, я не поплыл сразу к поверхности. Пересиливая свои страхи, снова занырнул в салон автомобиля. Снова туда, откуда только что выбрался!

Сильно оттолкнувшись, я поплыл под водой, над самым дном по течению реки. Нужно отплыть как можно дальше, чтобы меня нельзя было увидеть с моста.

Всплытие — вздох — нырок.

Всплытие — вздох — нырок.

Кажется, довольно.

Ближе к берегу, на мелководье, недалеко от забора какого-то местного заводика, я в кучах придонного мусора нашел обрывок проволоки, выгнул из него примитивную отмычку и освободился от наручников. Отплываю метров триста, осматриваюсь и, уже не таясь, отдуваясь и разбрызгивая воду, саженками, плыву к ближайшему импровизированному пляжу.

Я просто купаюсь. Я просто хороший пловец. Мне просто нечего делать.

Теперь выбраться на берег. Не спеша растереться чужим полотенцем, пока хозяин принимает водные процедуры. По кустам пройти до ближайших домов, заметить, где сушится выстиранное белье. Желательно, уже сухое. Собрать. Все собрать, а не одну только рубашу и брюки снять. Исчезновение единственного комплекта вызовет больше подозрений, чем воровство всего белья. И с соседней веревки прихватить. Вот так.

А теперь, в относительно приличном виде, к ближайшему магазину, где деньги косяками ходят подле витрин, за которыми костюмы развешаны. Очень это удобно, когда все в одном месте — и что купить, и то, на что купить.

Координатор перечитывал рапорты. Старые рапорты.

Ему не давало покоя недавнее происшествие с появлением возле режимного объекта постороннего лица. Оно не давало ему покоя с того самого момента, когда он узнал, что это лицо погибло при попытке совершения побега. Странного побега. Дающего не более одного шанса против десяти на спасение. Побега после переворобки, после добровольной сдачи.

Тело утопленника все еще не нашли, хотя агенты наружного наблюдения, бывшие на мосту в момент аварии, в голос утверждали, что на поверхность реки никто не всплывал. Осмотр обоих берегов и опрос жителей подтверждал их показания. На песчаных отмелях, на илистых мелководьях, на загрязненных берегах никаких следов не обнаружено. Никто не видел выбирающегося из воды полуодетого человека, никто не слышал о таком от соседей. Никто не раздевал прохожих и не воровал штанов и рубах на пляжах.

По всем признакам беглец со дна реки не всплыл. Единственный уцелевший, с трудом откаченный охранник, утверждал, что из машины они выбрались вместе. Но добрался до поверхности он один. Причем с легкими, наполовину заполненными водой. Задержись он хоть на секунду, и он бы утонул. Даже если представить, что беглец мог перекрыть его показатели вдвое, он и тогда не смог бы вынырнуть далее чем в десяти метрах. Река же просматривалась на добрые сто метров. Значит, он не доплыл.

И в то же время его тело не нашли.

Почему?

На этот вопрос было очень много ответов, от простейших – может, под корягу занесло утопленника, может, в омут затянуло – до многосложных. Координатор отдавал предпочтение последним.

Два происшествия с одним и тем же лицом в течение менее чем недели. Это много. Подозрительно много.

Координатор не мог сказать точно, какую угрозу эта цепочка случайностей несет делу и лично ему. Но интуитивно чувствовал, что опасность существует. И чем менее она понятна, тем более масштабной может оказаться на поверку.

И еще Координатор понимал, что людей, связанных с происшествием, надо выводить из игры. Даже если их явной вины не просматривается. Надеяться на лучшее можно, но исходить надо из худшего. Из того, что все эти приходы и побеги не случайны. Например, что тот перебежчик перебежал не к ним, а к кому-то, находящемуся среди них. Или, уже перебежав, узнал нечто такое, что заставило его предпринять обратную попытку.

Неясность истолковывается в сторону угрозы. В этом парном происшествии неясного было больше, чем очевидного.

Координатор принял решение.

В зоне происшествия ввести карантинный режим. Лучше раньше, чем позже. Пока возможная эпидемия не расплозлась. Потом, завершив расследование, можно будет решить – лечить больное место или ампутировать.

Всех людей, завязанных в происшествиях, отстранить от текущих дел.

Все детали происшествий восстановить по минутам. Кто куда пошел, с кем и сколько говорил, кого видел.

Поиск трупa либо улик, подтверждающих спасение беглеца, продолжать столько, сколько потребуется для установления истины.

Расследование обстоятельств побега поручить Чистильщику.
Параллельную проверку данного расследования поручить...

Глава двадцать шестая

— Ая-яй! — воскликнул водитель «звукозаписывающей» машины, когда я нагрянул к ним с проверкой. — Где же это вас так?

— С лестницы упал.

— Длинная, видать, была лестница... А у нас все хорошо. Все, как вы говорили. От стрелки глаз не отрывали. Из салона только по нужде.

Немой уголовник согласно кивнул.

— Так что мы свое дело сладили. В лучшем виде. Очередь за вами.

— Тогда все отлично, ребята. Все в силе. Мое слово крепче гороху, — успокоил я своих не в меру разволнованных работников, забираясь в салон. — Вы, я вижу, тут обжились. Термосы, одеяла, музыка.

— А как без этого? Без этого нельзя. Мы же здесь сутки напролет. Без чайка горячего да музыки уснешь. А мы же понимаем... — радостно делился изнывший от молчаливого общения с немим напарником водитель. — Я на второй день и термосок сюда, и примус, и магнитофон, и посуду, и...

— Какой магнитофон?

— Новый, японский, со стереофоническими колонками. Ваш-то почти не работал. Хрипел еле-еле.

— Где?

— Что где?

— Магнитофон где? — просипел я, чувствуя, как спина покрывается холодным потом.

— Не знаю. У меня пацан его посмотрел, говорит, дерьмо магнитофон. Ремонту не подлежит. Морально устаревшая модель.

— Ну?

— Чего ну?

— Магнитофон где?!

— В мусор, наверное, выкинул. Да вы не расстраивайтесь так. Я же не знал. Я же понимаю. Я вам могу вот этот новый отдать. Японский, стереофонический...

Сходили, конечно, мы к пацану, показал он нам мусорное ведро, в которое легла кассета ценой в пару миллиардов долларов, показал мусорный бак, на котором было впору мемориальную доску колотить «Здесь покоятся надежды нерадивого суперагента вкупе с несостоявшейся новой государственной политикой...»

И на свалку мы съездили.

— Что ты, — хором вздохнули мусорщики. — Тут столько грязи с тех пор понасыпали и столько раз ее бульдозерами перепахали, что будь даже твоя вещичка из чистого золота, искать ее мы не возьмемся. Пиши пропало!

Да, пропала кассета!

И для чего только меня по почкам колотили, и для чего только я в машине с моста падал?

Зря колотили. Зря падал.

Плюнул я себе под ноги и пошел восвояси.

— Слышь, мужик, а машина как же? — забеспокоился, закричал вдогонку водитель. — И деньги вот еще, — показал на напряженно мычащего немого.

— Под вашими задницами машина и деньги ваши. Под обшивкой сидений. И доверенности и справки. Вы на них неделю дырки вертели. Работнички...

Сутки я пребывал в печали. Я бы и больше пребывал, если бы ко мне мои недавние друзья-приятели не подбирались. Вряд ли они поверят в мою смерть, пока мой утопший труп собственными глазами не увидят и собственными руками не пощупают. Ошибку я совершил, на победную кассету надеюсь. Так бы глядишь, организовал им подходящего утопленника и ушел вместе с ним в небытие. Правда, не знаю, ушел ли бы от Конторы. Скорее всего, нет. Устал я нападать и убегать без перерыва на обед. Жить устал.

Так может, и не жить? Может, перестать?

Возможно, я и перестал бы себя жизнью мучить, если бы меня не заело. Если бы не понесло.

Для меня только одна форма самоубийства приемлема: вначале они — потом я! А если я сейчас в мир иной тихо отойду, кто им мои мучения припомнит? Кто спросит за все?

И дело уже не в спасении, не в Конторском приказе. Дело в принципе. Кто кого.

Они меня.

Или я их!

Глава двадцать седьмая

Я полез на рожон. Я уже знал туда дорогу. На хитроумные комбинации у меня не было ни сил, ни времени, ни желания. Это спецнад которым начальство висит, не может себе позволить неоправданного риска, а без роду и племени утопленник — сколько угодно. Утопленника Устав за руки не держит.

Два дня я пас место моего недавнего заточения и мост, с которого так неудачно, с точки зрения расследовавших ДТП гаишников и так удачно со своей, свалился несколько дней назад. Я искал знакомое мне лицо. Искал с помощью длиннофокусной оптики, издалека. В соревновании, кто в кого первый пальцем ткнет, выиграл я. Мне повезло больше.

Я отследил все подозрительные машины. Особенно с зашторенными окнами и матовыми стеклами. Не может же человек безвылазно в машине жить. Должен же он хоть изредка из нее выходить по надобности?

Должен.

Пятнадцать машин я отследил впустую. А вот шестнадцатая принесла мне удачу. Блеснули затемненные стекла, открылись бронированные дверцы и вышел на свет Божий, да-да, он, мой, допрашивавший меня, враг-спаситель. И пошел себе к обшарпанной двери подъезда.

Здравствуй, спаситель. Это ты меня с помощью багров и водозазов на дне реки искал? Так вот он, я. Поговорим?

— Живой, значит, — первое, что сказала мой вынужденный собеседник, придя в себя. — Выплыл!

— Такие ребята, как я, не тонут. Состав не тот.

— Похоже, — согласился он, ощупывая затылок. — Говори, что нужно?

— Пустяк. Имя и адрес твоего Куратора.

— А личной встречи с Господом Богом не требуется?

— В этом ты мне не помощник. Господь Бог не по вашему ведомству.

— Нет!

— Угрожать тебе пытками, смертью, здоровьем семьи, карами небесными, я так понимаю, бессмысленно?

Он только криво усмехнулся.

— А покупать?

— Сколько?

Я же говорю, профессионал.

— Все, что ты имеешь.

— Не понял.

— Посуди сам. Ваша игра проиграна. То, что вас не гонят из-за стола, объясняется не благородством победителя, а временной необходимостью. Не одни мы присели к тому столу. В отличие от вас, не у всех партнеров вместо тузов остались шестерки. И, значит, партию следует продолжать. Но как только она завершится, а это будет очень скоро, кое-кому придется покинуть игровое поле. Раз и навсегда. А навсегда это... навсегда.

Он согласно кивнул.

— Поехали дальше. Если кто-нибудь и сможет удержаться за колоду, то только тот, кто вовремя смекнет, кому надо карты сдавать. Неприятно, согласен. Но не надо было проигрывать. По мне — лучше некоторое время сильным игрокам колоду тасовать, чем с кладбищенскими червяками дружбу водить.

И чем раньше игроки проигравшей команды это сообразят, тем лучше для них. Цена услуг прямо пропорциональна времени их предложения. После партии козырными тузами не машут. Это я к тому, что кто не успел, тот опоздал.

И, наконец, еще один нюанс. Допустим, ты отказываешься от сотрудничества. Допустим, мы, проявив благородство, оставляем тебя в покое. Хотя какое благородство может быть в карточной игре на интерес? Но допустим. Чисто теоретически. Мы ушли. Ты остался.

И что? Ты сможешь жить так, как жил до того? В покое и благоденствии? После следующих один за другим провалов? После того, как начнется неизбежная охота на ведьм? Ты так наивен, что веришь в милосердие начальства, предпочитающего отдавать на заклание свои головы вместо чужих? Нет? Тогда о чем мы разговариваем?

Ты же прекрасно знаешь, что последует после того, как мое тело не найдут. Ты же профессионал. Готов поставить свою челюсть против твоей зубочистки, что под тебя уже запустили кротов. Не сегодня-завтра ты обнаружишь под своим ковром «клопов», а за

бампером служебной машины хорошо замаскированный хвост. А потом начнут один за другим пропадать твои люди. Заметь, не молча пропадать, а с очень подробными перед своей кончиной покаянными речами. А потом очередь дойдет до тебя. Потому что за неуспех работы кто-то должен отвечать. Кто-то должен быть с краю.

Нам даже не придется тебя убирать. Это сделают твои коллеги, возможно, даже твои подчиненные. Им ведь тоже надо набирать очки.

— Ладно, хватит витийствовать, — оборвал он меня. — Ваши предложения. Конкретные.

— Ты передаешь нам информацию, касающуюся структуры и управления вашей организации, оперативные планы...

— Взамен благодарности и обещания не забыть в будущем моих услуг? Эта валюта не подходит. Рисковать мне придется сейчас, а получать дивиденды завтра. Это не предложение. Это блеф.

Он крепко стоял на ногах, мой противник, даже лежа на диване со связанными за спиной руками.

— А ты бы хотел письменный с нотариальным заверением договор и благодарственное письмо в твою профсоюзную организацию?

Ладно. Давай конкретно. В розницу. Раз невозможно договориться оптом. Ты сдаешь нам своего Куратора. Мы начинаем его разработку. Эта величина, в отличие от тебя, нас интересует. Ты — слишком мелок. Ради тебя не стоило городить такой огород. Как ты ни значителен, ты все же не более чем исполнитель. Руки. Нас интересует голова. В крайнем случае спинной мозг.

Твой выигрыш — двойной. С одной стороны, ты подтверждаешь свое к нам доброе отношение действием, с другой — с нашей помощью убиваешь наиболее опасную для тебя фигуру. Если откуда-то против тебя и может исходить угроза, то только от Куратора. Замазав его, ты автоматически обеляешь себя. До разработки Куратора мы берем обязательства тебя не трогать. Дело против дела. Если мы понравимся друг другу, мы вернемся к этому разговору.

— Надо подумать.

— Девяносто секунд. Большого времени я предложить не могу.

— Тогда еще один вопрос. Не по теме.

— Валяй.

— Как ты ушел из упавшей в реку машины?

— А как ты думаешь?

— Думаю, вы просчитали все заранее. В том числе и уход. Почти наверняка кто-то из наших рядовых бойцов работал на вас. Вероятнее всего, кто-то из тех, кого ты навсегда оставил в машине. Ты заранее знал точку побега, знал, кто и чем тебе должен помочь, ты отрепетировал на тренажерах свои действия, на дне тебя ждали аквалангисты с запасным баллоном...

Люблю иметь дело с умными людьми. Они так все хорошо объясняют.

— И еще я думаю, что все это придумал не ты. Ты просто «мясо». Это последняя наша встреча. В следующий раз я буду разговари-

вать только с хозяевами или не буду разговаривать ни с кем. Это мое условие.

— Я не против. Передам твое условие. Но только после того, как ты назовешь имя.

Имя!

Осталось пять секунд!

И он сказал то, что не должен был говорить ни при каких обстоятельствах. Назвал имя Куратора.

Все-таки он был только профессионал. Не более того. Ставивший жизнь выше чести. Потому что, потеряв жизнь, он уже не смог бы предложить на продажу свои профессиональные навыки и получить свои тридцать, или тридцать тысяч, или тридцать миллионов, сребреников.

Глава двадцать восьмая

К Координатору я приближался постепенно. Вернее, если быть до конца честным, не приближался вообще. Без толку. Так, больше изображал суету подготовки, чем работал. Слишком высоко сидел мой новый клиент. Все подходы к нему были надежно заблокированы официальной, положенной по штату, и неофициальной, из рядов заговорщиков, охраной. Я мог только наблюдать издали за перемещениями его служебного автомобиля. Работой это назвать трудно. С таким же успехом я мог, не напрягая зрение, звонить его секретарям, чтобы узнать, куда и на сколько отъехал шеф.

Мой примитивно-лобовой план, столь успешно сработавший на его подчиненном, здесь приказал долго жить. Не мог я ухватить Координатора за лацканы пиджака и поколачивая натренированным лбом по лицу, справиться о его теневой деятельности. Потому что до лацканов дотянуться не мог.

Единственная возможность разжиться требуемой мне информацией — подвести к объекту «жука». Только для того, чтобы подвести, надо к нему приблизиться. А как? Клиенты подобного ранга в городском транспорте не ездят. Такси не вызывают. По вечерним улицам не бродят. Они вообще в одиночку не живут. У них даже возле постели горячо любимой супруги охранный пост оборудован.

А действительно, где объект бывает один? Где хватка телохранителей ослабевает?

Конечно, дома, в кругу семьи, на супружеском ложе. Наверное, в ванне и прилежащих помещениях. А еще? В гостях у престарелой мамыши? В кабинете вышестоящего начальника? В сауне? В больнице? На рыбалке? В объятиях любовницы?

Где еще?

Да где угодно.

Нет, так, методом тыка, действовать негоже. Необходима система. Я должен обложить объект со всех сторон. Только так я могу отыскать потайную щелку, ведущую к нему.

Я взял большой лист бумаги и стал вписывать в него места, где может бывать современный человек. Все, которые только приходили в голову. Раковина на кухне, крыльцо, почтовый ящик, салон автомобиля, кладбище, вестибюль родного учреждения, школа,

операционная, пляж, театр, купе поезда, бассейн, церковь, стадион... И еще по меньшей мере пять тысяч пунктов. До самых безумных. Я трудился целый рабочий день. Исписал лист с двух сторон и еще три таких же листа. Я даже не предполагал, что обыкновенный человек завязан на таком количестве помещений, и с ужасом смотрел на исписанные листы. А потом стал вычеркивать отдельные пункты.

Служба: крыльцо, вестибюль, коридор, кабинет, туалет... Мимо. Здесь его охраняют как нигде.

Дом.

Дорога.

Квартира любовницы.

Дома родственников и друзей.

Зрелищные и спортивные учреждения.

Вышестоящие кабинеты.

Сауны, бассейны, тренировочные залы, корты...

Профилактории, больницы.

Больницы...

Например, больницы.

На операционный стол его в сопровождении телохранителей, конечно, не потащут. В реанимацию тоже. В родильное отделение к жене в полном охранном составе не пустят.

Это уже ближе. Больница – учреждение стерильное. В больницу со своим уставом так просто не вломиться.

Вопрос, как угадать, когда он надумает в реанимацию лечиться? С помощью хиромантии? А если не так трагически? Если без тяжелых телесных повреждений? В какие еще кабинеты захаживают наши власти предержажшие? Терапевтические? Ухо-горло-нос? Кожно-венерологические? Стоматологические?

Стоматологические – точно! И чаще других. Вот ключ к решению проблемы!

В зубосвердильном кресле клиента брать надо! И нигде иначе!

Поликлинику, где практиковали подобных высокопоставленных больных, найти труда не составило. Не районная поликлиника. Посмотреть на карточку больного, не без помощи мужского обаяния и мелких, на крупную сумму, подарков, тоже удалось. Чуть сложнее дело обстояло с лечащими врачами. Всякий мне не подходил. Мне врач с положением нужен был. И с червоточинкой.

Пирамида положений определилась быстро. Всего-то надо было по коридорам пройтись. Заведующий отделением, первый заместитель, второй заместитель и пр. С червоточинкой предстояло повозиться. Пороки, в отличие от должностей, на табличках подле дверей не вывешивают.

Пришлось скоротечно влюбляться. Заводить романы с медсестринским составом поликлиники. Сестры немало чего интересно могут порассказать про своих старших коллег. Если, конечно, доверяют собеседнику.

От медсестер я перешел к замам по материально-техническому снабжению. Далее к бухгалтерам. Это только кажется, что чем элитарнее учреждение, тем оно благополучнее в смысле злоупотреблений. Как раз наоборот. Приближенность к высокому начальству, ощущение вседозволенности развращают. И потом, в этих

учреждениях, в отличие от обычных, назначенных для простых смертных, действительно есть что воровать.

Закончив со служебной деятельностью, я перешел к личной и околочной жизни. Тоже, кстати, небезытересной.

Потом к хобби, привычкам, привязанностям и другим порокам.

К ближним и дальним родственникам.

К тайным устремлениям.

Мелочиться я не стал и занялся сразу главврачом. Оно и понятно — чем выше сидишь, тем больше следишь. Пороки — это лишь продолжение возможностей.

Ссылаясь на больные зубы, полумифических знакомых и перегруженный чуждыми дензнаками кошелек, я быстро договорился о неофициальном приеме. В поликлинику я, конечно, не пошел. И в частный, оформленный на имя родственников жены, кабинет тоже. Мне этот стоматолог на моей территории нужен был. Мне кабинет на дом, точнее, на временно снятую квартиру доставили. За дополнительное вознаграждение, естественно. В комплекте. Кресло, бормашина, стерилизатор и медсестра с санитаркой.

Санитарку с медсестрой я отослал. А с главврачом пообщался.

Он меня в кресло усадил и попросил рот раскрыть. Я раскрыл. И минут сорок не закрывал, все ему про его жизнь рассказывая. Про то, что вкладыш у него в дипломе липовый, зато купленная по подложным документам трехкомнатная квартира в центре Москвы — натуральная. Что сынок его работает в одной мафиозной группировке, сбывающей в периферийные больницы бывшее в употреблении медицинское оборудование. Кстати, бывшее в больнице его многоуважаемого папаша. Что не далее как три года назад один пациент того доктора скончался от внесения инфекции в результате оказания ему скорой стоматологической помощи в домашних условиях, не соответствующих медицинским требованиям, условиям. Дело с трудом замаяли.

— Что вы хотите с меня получить?

— Единовременную дружескую помощь.

— Деньгами?

— Медицинскими услугами.

— Конкретней можно?

— Мне надо поставить пломбу.

— Вам?!

— Нет, одному вашему пациенту.

— Можно узнать, какому?

Я показал ему написанную на листе фамилию.

— Вы с ума сошли!

— Не более вас, когда вы продали новый импортный стоматологический кабинет на вес, по цене металлолома.

— Зачем вам пломба в чужом рту?

— Это наш с ним маленький секрет. Вы, конечно, можете отказаться, но тогда я не могу обещать, что не оброню листочки с пересказанной вам информацией, прогуливаясь где-нибудь возле городской прокуратуры. Я очень рассеянный человек. Всегда что-нибудь теряю.

С другой стороны, вы можете согласиться. И тогда получите еще одну квартиру в центре, но уже, скажем, Будапешта. С

перспективой вида на жительство. Зачем вам растрачивать свои таланты в стране, где их все равно не оценят по достоинству?

По-моему, вам предлагают очень выгодную сделку – временная пломба против постоянных свободы и процветания. Согласитесь, лучше работать зубным техником в Венгрии, чем лесорубом в Нарьян-Маре, причем в одной бригаде с собственным сыном. Ну как, мы договорились?

– Все-таки я никак не пойму, что вам дает эта пломба?

– Спокойствие за здоровье хорошего человека. Такое объяснение вас устраивает? Да успокойтесь, я не собираюсь отравлять его таким изысканно-романтическим способом. Для этого я бы нанимал не вас, а его повара, или официанта, или просто мужика с топором за пазухой.

– Допустим. Но как это сделать технически? Ждать, когда у него заболит зуб?

– Зачем? Наш врач, если ему не безразлично здоровье пациента, не должен плестись в хвосте болезни. Наш врач должен опережать ее. Нам с вами не безразлично здоровье нашего пациента? Тогда вызовите его на профилактический осмотр, найдите дырку и поставьте пломбу. А лучше пять пломб и среди них одну нужную.

– А неожиданный вызов не болеющего пациента в поликлинику не покажется странным?

– Вы быстро ухватываете суть. Кажется, я был не прав, предлагая вам квартиру в Будапеште. Вам надо покупать квартиру в Женеве, поближе к организации всемирного здравоохранения. Только там вы сможете проявить себя в полной мере. В паре с сыном.

– Перестаньте юродствовать! Говорите по делу.

– Вы не будете вызывать одного пациента в поликлинику. Вы будете вызывать всех пациентов. Тогда никто ничего не заподозрит. Вы что, не способны придумать подходящей причины для того, чтобы поковыряться у своих подопечных в зубах? У вас отшибло фантазию? В конце-концов скажите, что произошло чрезвычайное происшествие, что кому-то из высоких пациентов по ошибке вместо особо валютной импортной пломбы поставили цементную отечественную. Что по этой причине здоровью пациента угрожает смертельная опасность. Что местный цемент не совместим с номенклатурной должностью больного. Что вы в панике и вынуждены провести поголовный осмотр. Мне вас надо учить стоматологическим премудростям?

– Значит, если я соглашусь сегодня?..

– То завтра к вашему достатку прирастает три квадратных метра импортной жилплощади. Можно в долларовом эквиваленте. И так в арифметической прогрессии, вплоть до дня установки пломбы.

– Пломба, конечно, ваша?

– Конечно. И еще одно условие. Мне надо присутствовать при лечении. Лично. Например, в качестве медбрата. Мне надо посмотреть на пациента и быть уверенным, что вы не перепутаете пломбирочный материал.

Но, как я уже говорил выше, вы можете отказаться. У нас в стране свобода вероисповедания. И очень гуманный уголовный кодекс. Что для вас, возможно, даже более важно.

— Да ладно вам. Я согласен. Вынужденно согласен.

— Тогда разрешите откланяться.

— А зубы?

— Ах, зубы? Нет, спасибо. Не хочу, чтобы вы, случайно сверля зуб, просверлили мне голову. Навылет. Вы потом скажете, что ду-пла оказалось очень длинным. А мне придется сквозняком в мозгах мучиться. А я сквозняков боюсь...

Через три дня в зуб интересующего меня пациента была поставлена пломба. Моя пломба. Под моим личным присмотром.

Цена этой пломбы была велика даже по меркам этой закрытой поликлиники — пятилетняя зарплата всех работников поликлиники. Но цена соответствовала материалу. Пломба была «живая», подпитывалась энергией химических реакций, вызываемых соприкосновением ее оболочки со слюной, и передавала на приемник все, что говорил или даже шептал человек, в зубах которого она завязала.

Пломба была миниатюрным микрофоном. Единственный его недостаток — недостаточная мощность. Из-за этой технической недоработки в ближайшие дни мне предстояло, словно собачке, посаженной на поводок, следовать за своей пломбой, удаляясь не далее чем на девятьсот метров.

А стоматолог опасался, что я отравлю его пациента. Чудак. Он мне живой нужен. Мыслящий. Говорящий. Свидетельствующий.

Координатора вызвало облеченное властью Лицо. Четвертый раз за все время с начала разработки Акции.

— Все, — сказала облеченное властью Лицо. — Деятельность сворачиваем. Полностью. Что можно было сделать, вы сделали. Дальнейшее продолжение работ следует признать нецелесообразным. Оно принесет один лишь вред. Это не только мое мнение. Постарайтесь смягчить возможные последствия.

— Но в деле остались неясности, которые, боюсь...

— А вы не бойтесь. Вы свою работу сделали. Дело закрыто. Давайте к нему больше не возвращаться. Технические детали прошу решить самостоятельно. Сколько времени вам понадобится?

— Две недели.

— Хорошо. Две недели. Вы свободны.

— Спасибо.

На листе против шифроимен участников заговора Координатор расставил галочки.

Первая галочка встала против фамилии Чистильщика.

Координатор очень сожалел, что поспешил, что за понюшку табаку отдал нескольких своих друзей. Он поторопился всего на несколько дней. Но кто мог знать, что операция завершится так быстро. Так неожиданно. И так странно.

Координатор открыл календарь и наметил встречи со всеми участвовавшими в заговоре Руководителями. Первую встречу он назначил через час. Две недели были не таким большим сроком, чтобы откладывать дела на завтра.

Две недели Координатор, сам того не зная, давал показания. Он говорил много и часто. Такая у него работа. Из тысяч слетающих с его губ слов мне были полезны лишь отдельные. Они попадались не часто, как золотые самородки в сотнях тонн перемытой пустой породы. Но цена им была такая же. Золотая цена. Кроме того, что Координатор говорил, он еще и слушал. И вместе с ним слушал я. Слово к слову, предложение к предложению, собирался золотой запас информации.

Иногда голос Координатора пропадал. Совсем. Скорее всего, когда он заходил в экранированную спецкомнату. Там он вел самые свои конфиденциальные разговоры. Туда я своими электронными ушами пролезть не мог. Но даже того, что говорилось вне пределов защищенных помещений, хватало с избытком для доказательства существования заговора.

Возможно скрыть информацию при фрагментарном подслушивании, но при тотальном, ведущемся круглые сутки, — безнадежно. Правда все равно вылезет наружу.

Медленно, по волоконцу, я налепляла на скелет заговора столь недостававшее мне мясо — фамилии, адреса, события. Связочку к связочке. Мышцу к мышце. Хрящ к хрящу.

Заговор облакался в плоть.

Единственной гарантированной возможностью пресечь утечку информации — прекратить свою противоправную деятельность, залечь на дно — заговорщики воспользоваться не захотели. Или не смогли. Возможно, они просто не допускали, что кто-то сумеет дотянуться до таких верхов, и я, оторвавшись, оказался в «мертвой зоне». Возможно, руководившие заговором политики прокальвались на элементарном незнании основ конспирации. Ведь они не были профессиональными разведчиками и не владели искусством самоцензуры. Они не умели запоминать то, о чем, в каком контексте и какими словами говорили вчера, позавчера или неделю назад. А может быть, неудавшимся заговорщикам так поджарило пятки, что о стопроцентном соблюдении мер безопасности разговор уже не шел. Как говорится, не до жиру — быть бы живу.

В любом случае на мои микрокассеты шла информация, от которой всякая служба безопасности пришла бы в крайнюю степень возбуждения. И в состоянии повышенной боевой готовности. А если приплюсовать сюда все то, что я узнал ранее, да помножить на голоса, которые звучали на кассете, то бомбочка выходила сверхубойная. Мегатонная бомбочка! Термоядерная! Это уже не мои субъективные «измышления». Это личные, пусть и не добровольные, показания лиц самых высоких эшелонов власти. Их оспорить невозможно. И затереть невозможно на уровне среднего командного звена. Фигуры подобного масштаба выходят за пределы их компетенции. Решения по ним могут приниматься только с ведома Первого. Скрыть от него информацию, касающуюся заговорщиков, значит вместе с ними вступить в сговор, направленный на свержение ныне существующего законного правительства, на физическое устранение его главы. Дальше ехать некуда. Дальше

только открытый вооруженный мятеж. Если он до сих пор не произошел, выходит, остались какие-то силы, стоящие за Президентом. Выходит, ему, а следовательно, и мне, есть на кого опереться.

Все. Шаг до финиша. Окончательного финиша. Выше лезть некуда! Теперь или пан, или окончательный пропал.

Несколько дней я изгрызал кончик авторучки, пытаюсь привести добытые мною сведения в удобоваримый для непрофессионалов вид. Строго говоря, я писал два рапорта. Один, победнее, для Президентской Безопасности. Другой, побогаче, лично для Главы Государства. С помощью первого я намеревался, если не изобрету других способов, обеспечить себе высочайшую аудиенцию. Второй рапорт должен был все и вся поставить на свои места, а кое-кого и к стенке. Во втором я не скрывал ничего.

Все материалы я перегнал на микропапку, а сам доклад, с приложением оригиналов документов, магнитофонных записей и т.п. вещественных доказательств, укрыв в надежном месте. Их я постановил передать только Президенту и только после личной встречи. Из рук в руки. Только как это сделать?

Я снова обложился бумагой. Снова применил прием, использованный при поисках подходов к Координатору. Начал отмечать места, где предположительно может бывать Президент.

Спальня – ванна – кухня – туалет – машина...

А если расширительно? Спальня: кровать, тумбочка, зеркало, бра, выключатель, подушка...

Что еще есть в спальне?

И я начал составлять новые тысячекунктные списки. Дверь. На двери ручка. В ручке болт. На болту гайка. Но уже с другой стороны двери...

Каждый список я прорабатывал отдельно. Каждый пункт обдумывала самым тщательным образом.

Лампочка. Допустим, лампочка. Допустим, она перегорела. Кто ее меняет? Домашние? Едва ли. Скорее всего приглашенный электрик. А какой электрик? Специальный или ЖЭКа, обслуживающего дом? Ведь кто-то должен обслуживать дом, даже если он и правительственный. Наверное, все-таки специальный, получающий зарплату в Безопасности. Или у них весь ЖЭК специальный? От Безопасности? Наверное, так. Это мы узнаем. В любом случае, откуда берется лампочка, которую ставят взамен перегоревшей? Из магазина? Или из ЖЭКа? А откуда берет ЖЭК? Со склада? И где тот склад? И откуда на него поступают лампочки? С другого склада или с завода? И где находится этот завод?

Так по цепочке все ниже и ниже, туда, где контроль сил Безопасности ослаблен. Глядишь, и в спальне Президента вкручена лампочка с «жуком», который передает информацию, но не радиоимпульсом, который можно засечь, а, например, по проводу подходящей электросети. Возможно такое технически? Честно говоря, не знаю. Но почему бы и нет?

Зафиксируем, как черновую идею.

Или, допустим, батарея центрального отопления...

Что вы говорите? Что это безумная работа – обмозговывать каждый предмет, который находится в каждом из сотен помещений, где может оказаться (а может и не оказаться!) Прези-

дент? И я тоже самое говорю. Безумная. Только у нас вся работа такая.

А как, скажите, иначе можно отыскать подходы к человеку, опекаемому армией профессиональных ищеек? Они ведь тоже каждую вещь исцупают, на предмет его потенциальной угрозы. Тут кто большую усидчивость проявит, тот и выигрывает.

Поехали дальше. Зажим на гардине, удерживающей штору над окном...

После многочасовых выбраковок я сузил список до ста двадцати семи пунктов. Оконное стекло, домашняя кошка, телевизор...

Оконное стекло можно попытаться прострелить с помощью специальной, усиленного боя винтовки. Окно придется выбирать второстепенное, где бронезащита пожиже. В пулю вложить микросообщение на магнитной проволоке или другом динамически устойчивом носителе. Пулю, конечно, будут осматривать криминалисты из службы безопасности. Они обратят внимание на постороннее вложение, прочитают «информашку», передадут ее Хозяину...

Кошку можно выманить «на кавалера» куда-нибудь на дальний чердак, нашпиговать аппаратурой и живой и здоровой вернуть хозяевам. Глядишь, она однажды и заговорит человеческим голосом...

Телевизор...

Что, фантастические идеи? А мне другие и не нужны. Мне другие бесполезны. Реалистичные пути давно выявлены и перекрыты. На фантастику вся надежда. Пусть 99 процентов из них отпадут, как абсолютно нереальные. Пусть останется один процент. Мне его будет довольно. В него я вцеплюсь мертвой хваткой!

А что касается фантастичности предложенных черновых идей, это меня волнует меньше всего. Двести лет назад люди считали, что невозможно летать по воздуху, или видеть человека, находящегося за тысячи километров. Придумывали ковры-самолеты и волшебные яблочки, катающиеся по хрустальным блюдам. А другие помозговали и превратили мечты в реальные самолеты и телевизоры. Это я к тому, что фантастичность идеи не свидетельствует о ее технической невозможности. Вопрос только в мозгах и субсидиях. В первом – субсидиях – я, по известным причинам, не ограничен. Во втором – также. Потому что не ограничен в первом.

Например, телевизор...

На телевизоре я в конечном счете и остановился.

Телевизионный приемник есть в каждом доме. И уж, конечно, в президентском. Нашему Президенту без телевизора нельзя. Он, случается, через него только и узнает о событиях, происходящих в стране...

И почему бы мне на этот телевизионный приемник не ретранслировать свое сообщение? Скажем, в качестве добавки к информационной программе. Сразу после спортивных новостей.

Только как передать? Захватить на пару часов Останкинскую телебашню? Или точно такую же построить во дворе президентского дома? Правда, строить долго. Строить долго.

И не нужно. Мне массовое телевизионное вещание ни к чему. У меня зритель единственный. Отсюда соответствующие требования к средствам технического вещания. Не самые высокие требования.

Я сделал заказ специалистам.

— Направленное вещание. Примерно километра на четыре. Компактность. Максимально малый вес. Минимальные сроки изготовления.

— Ресурс работы?

— Что?

— На какую продолжительность вещания рассчитывать?

— На полчаса. Да ладно, ладно, шучу. На десять тысяч часов. А лучше — еще больше. Мини-телестанцию хочу соорудить. Чтобы из управления в поселок вещать. Удобней так. Нашего таежного работника можно только начальственным рыком с общежитских коек поднимать. Опять же поздравить по телевизору можно, сообщение передать. Техника. Без нее сейчас никак. И людям приятно.

— Может, кабельную связь провести?

— Кабельную я бы и без вас проложил. Нельзя кабельную. Топография у нас сложная. Болота. Оползни. Ураганы. Хулиганы. Сопрут кабель. Или птицы оборвут. Или зверье раскопает. Одним словом, хочу такую, какую хочу. И точка. Плачу наличными.

Телевизионный ретранслятор был готов в срок.

Направленную антенну я установил в пределах прямой видимости президентского дома. Смонтировав в снятой для этих целей квартире аппаратуру, я пошел... ловить воробьев.

Нет, умом я не тронулся. И в детство не впал. Я создавал предпосылки для встречи с Президентом. Для этого, в числе прочего, мне нужны были и воробьи. Обыкновенные. Городские.

Я выслеживал их несколько дней. Не всех. А именно тех, что питались с кормушки, установленной на подоконнике одного из окон президентской квартиры.

Работа эта оказалась мало сказать адова.

Вначале следовало выбрать места, с которых, через бинокль, просматривалась бы искомая кормушка. Причем, так выбрать, чтобы не вызвать подозрений. Пришлось мне переквалифицироваться в антенного мастера, чтобы иметь легальную возможность лазить по крышам и чердакам.

Потом выяснилось, что мощности бинокля не хватает. Я втащил на крышу телескоп. Обзор перекрыли ветки. Я перетащил телескоп в другое место. Угол обзора оказался недостаточным. Воробьи словно блохи скакали в окуляре, так что уследить за ними не было никакой возможности. Облюбованные мною дома обеспечивали безопасность, но не давали качества наблюдения. Они были слишком удалены от объекта. Героические ползанья по крышам пошли в брак.

Надо было начинать все с начала.

Я составил вертикальный план местности и выявил все точки, откуда можно было наблюдать кормушку. Более всего подошли три уличных фонаря. Но висеть на них, изображая лампочку, я не мог. Для этого надо как минимум уметь светиться в темноте.

Пришлось обращаться к помощи техники. На трех фонарях я установил три, с максимально мощным увеличением, видеокамеры. Камеры на сверхмалых скоростях снимали кормушку.

Заодно, чтобы не насторожить президентскую охрану, я отремонтировал все (!) уличные фонари в ближайшей округе.

У меня просто не было другого выхода. Если бы я работал только с избранными фонарями, меня бы стащили за ноги уже со второго. Другое дело масштабы – несколько подъемных, горсоветовских машин, ограждение, предупреждающие знаки, десяток самых натуральных, с документами (они же не скажут, что это всего навсего халтура), электриков. То есть прямо по учебнику, глава – «Обеспечение маскировочных мероприятий при выполнении работ в зоне предполагаемой слежки». Не обращает на себя внимание не то, что прячется, а то, что лезет в глаза.

Обошлась мне эта пернатая съемка как полнометражный художественный фильм. И все только для того, чтобы, отсматривая материал, схватиться за голову.

Все мои «актеры» были, если так можно сказать, на одно лицо. Все – воробьи. Отличить их один от другого было невозможно.

Я крутил пленки и так и этак. Замедлял изображение, стопорил кадры, отматывал их назад.

Воробьи!

Пришлось обращаться за помощью к орнитологам.

– О, это очень интересно. Действительно интересно. Вы не ошибаетесь, желая посвятить свой досуг изучению этих милых созданий природы. Могу заверить вас ждут удивительные открытия, – щебетала мне в ухо научная дама, сама внешне напоминающая предмет своих изысканий. Я вообще заметил, что люди, что-то долго изучающие, становятся на это «что-то» похожими. Честное слово! Я разговаривал с людьми, рассчитываемыми чугунные болванки. Дама-щебетунья занималась городскими птицами.

– Должна признаться, я удивлена, что в наше время находятся люди, которым небезинтересен пернатый мир, их окружающий...

– Мне бы о воробьях.

– Конечно, конечно. Городские воробьи – удивительные создания. Это только людям несведущим кажется, что все воробьи одинаковые.

Это она точно подметила.

– Нет. Решительно нет! Обыкновенный воробей имеет десятки подвидов. Один...Второй...Третий...Они отличаются формой...цветом...повадками...

– А вы, часом, не о попугаях?

– Нет, о воробьях. Конечно, о воробьях. Ни один попугай не может сравниться с нашим городским воробьем по...

Фьють-фьють. Чирик-чирик. Прыг-скок.

Угораздило же меня попасть на фаната своего дела.

– И все-таки, чем они отличаются? Если можно, поподробней.

Дама открыла атлас.

– Начнем с клюва. Видите? Здесь узкий, здесь более широкий, здесь загнутый книзу, здесь...

А еще были: перья на хохолке, лапки, хвостовое оперение, окраска крыльев, голос, манера взлетать и садиться и т.п. Полста

пунктов идентификации! Все, как у нас при опознании личности. Вот уж не думал-не гадал, что орнитология в чем-то сродни разведке.

Скоро стараниями научной дамы я стал большим специалистом в области пернатых. Не всех – только воробьев. При ближайшем рассмотрении, они оказались не так уж и похожи друг на друга. Как впрочем и китайцы.

Вооруженный научным опытом, я снова просмотрел видеоматериалы: те самые хохолки, клювы, лапки.

Немало воробьев прилетало на откорм к президентскому окну. Но не так уж и много. Стая охраняла свою кормушку, стараясь не допускать к ней чужаков. Все как у людей! Несколько воробьев навевывались в кормушку чаще других. Они-то мне и были нужны.

С помощью местного пацанья я устроила настоящую птичью охоту. Естественно, в местах, максимально удаленных от президентской резиденции. Мальчишкам я объяснил, что воробьев надо окольцевать, и пообещал за каждый отловленный экземпляр по одной шоколадке. Пацаны прониклись и с энтузиазмом принялись за дело. Я только указал им, в каких местах надо вести отлов, и обеспечил необходимым снаряжением. Раз в три-четыре часа я отсматривал улов, отсеивая заинтересовавшие меня экземпляры и тупо колюца остальных. Облюбованных воробьев я сравнивал с прыгающими на экране телевизора.

Идентифицированных воробьев я, предварительно пометив краской, отсадил в специальную клетку.

Операция была подготовлена.

Дело оставалось за Президентом.

Два дня он обитал на даче. День – в рабочей резиденции. Еще день – черт знает где. И только на выходные Глава Государства посетил с неофициальным визитом собственный дом. Установить это труда не составило. Достаточно понаблюдать за охранной службой его службы безопасности.

Я выпустил воробьев.

Оголодавшие птички напрямик устремились к кормушке. Распалкивая своих собратьев, они принялись клевать зерна.

Отсматривая в телескоп искомый подоконник, я вытасила микропередатчик.

Один воробей, насытившись, улетел. Остались два.

Я вдавил в корпус передатчика кнопку. Сигнал длился меньше секунды.

Бедные воробушки одновременно подпрыгнули и свалились на бочок. В желудках воробушков лопнули наполненные быстродействующим ядом, скормленные им накануне, радиоуправляемые «зернышки». Дохлые воробушки так и остались лежать в кормушке в окружении не съеденных ими хлебных крошек...

Вечером, сразу после окончания детской сказки, я включил телевизионный передатчик и загнал в видеомэгнитофон кассету.

– Дедушка, дедушка! Тебя в телевизор зовут! – прибежала к любимому деду его запыхавшаяся внучка. – Наверное, Хрюша со Степашей!

Я запустил кассету.

Вначале голос:

— Уважаемый Президент. Я не имею возможности обратиться к Вам иначе. Хочу сообщить Вам о действующем в высших эшелонах власти заговоре. В связи с чем прошу просмотреть данный ознакомительный видеоматериал.

Изображение.

Четыре минуты спрессованной и доказательной информации.

Я прекрасно понимал, что сейчас меня смотрит не только Президент. Меня смотрит охрана, Безопасность, заговорщики. Они ищут источник сигнала и, рано или поздно, найдут его. У меня очень немного времени, чтобы завершить переговоры с Президентом и успеть унести ноги.

Три пятьдесят девять. Все. Изображение ушло.

Теперь голос:

— Уважаемый Президент! Если данная информация заинтересовала Вас, прошу подойти к девятому от северного торца дома окну и достать из птичьей кормушки тело одной из лежащих там мертвых птиц. Я буду ожидать ваших действий в течение ста пятидесяти секунд.

Отключение транслятора.

Теперь ждать. Теперь надеяться. Надеяться на то, что телевизор, хотя бы один из нескольких, находящихся в доме, был включен, что Президента позвали к нему, что он выслушал сообщение и не расценил его как дурацкую шутку. Если услышал — думаю, не расценил. Уж больно концентрированную картинку я представил в этом рекламном ролике.

В любом случае, даже если телевизор был выключен. Ему перескажут содержание моей передачи. Дословно перескажут. Покадренно. Они не смогут скрыть такой вопиющий факт. Слишком много людей из слишком разных организаций это увидят.

Но в этом случае я лишусь главного — двусторонней связи.

Сто секунд.

Сто десять.

Сам воробья он, конечно, доставать не будет, хотя бы из опаски попасть под снайперский выстрел. Птицей займется кто-нибудь из телохранителей. Но приближенных телохранителей. Тот, кому он доверяет стопроцентно. Наверное, не зря доверяет. Будь у заговорщиков человек в его ближайшем охранном окружении, они бы не стали городить такие сложные конструкции покушений. Пока он вызовет охранника, пока тот доберется до кормушки, пока передаст воробья Хозяину... Не слишком ли мало я отвел на все это секунд? Не слишком ли поторопился?..

Сто двадцать.

Сто тридцать.

Сто сорок.

... сорок пять.

... сорок семь.

Хрустнул динамик. Воробья взяли в руки, потревожив спрятанный под его оперением микрофон. Теперь прерывать связь нельзя. Теперь надо ждать. Даже ценой риска.

Сто пятьдесят.

Сто шестьдесят.

Сто восемьдесят.
...восемьдесят пять.
- Вас слушают.

Голос Президента. Не дурак Президент. Понимает, зачем ему всучили в руки дохлую птицу.

Передачу на полную мощность.

- Внимание! Прошу подтвердить прием. Прошу сообщить, что вы слышите мой голос.

Должен услышать. Не может не услышать.

Услышит, приблизит воробья к уху. Возле уха можно разобрать каждое слово. Я сто раз опробовал эту технику.

- Прошу подтвердить...

- Я слышу вас. Кто со мной разговаривает?

Теперь самое главное - убедиться, что со мной разговаривает Президент, а не какой-нибудь речевой двойник. Я долго ломал голову над этой проблемой - как, не видя человека умудриться с абсолютной надежностью опознать его? С трудом, но решил эту задачку.

- Прошу ответить. Кто со мной разговаривает?

- С вами говорит работник учреждения ОХТ-323 дробь...

В том числе и такой аббревиатурой обозначалась до недавнего времени Контора. Возможно, шифр сменили, но вряд ли Президент мог успеть забыть старый. Если это Президент, он не может не знать о Конторе. Если это, конечно, Президент...

Ну, дай Бог!

- Хочу быть правильно понятым. Мне необходимо подтверждение вашей личности. Извините.

- Я понимаю. Можете не извиняться. Что для этого необходимо?

- Продолжить названный мною цифровой код.

Пауза.

Или не знает? Или пытается вспомнить? Если он будет раздумывать больше пятнадцати секунд - я прерываю связь.

- Дробь... 17.

ПРЕЗИДЕНТ!

- Вас заинтересовал представленный материал?

- Чрезвычайно.

- Готовы ли вы встретиться для получения полного объема документов?

- Да.

- Прошу Вас через два часа двигаться на автомашине по типовому маршруту, с обычной скоростью, в сторону Кремля. Прошу находиться в машине лично Вас. Ни с кем другим я вступать в контакт не буду.

- В каком месте мне остановиться?

- Нигде конкретно. Место я укажу световым сигналом: две точки, два тире, точка. Наблюдайте зеленый свет фонаря справа от проезжей части. По возможности обойдитесь минимальным числом охраны.

Молчание. Прикидывает степень потенциальной угрозы. Опасается, что его выманивают на запах жареного из берлоги, чтобы здесь же, возле берлоги, завалить.

— Возможна ли передача документов через доверенное лицо?

— Исключено.

— Хорошо. Я согласен.

Дело сделано. Президент согласился на встречу.

Через два часа я увижу Президента!

Уже через минуту в квартире меня не было. Еще спустя минуту запущенные мною ликвидаторы превратили в груды металлолома всю использованную в контакте аппаратуру.

Через час пятьдесят восемь я стоял в неосвещенной подворотне в двадцати шагах от проезжей части. Примерно через семь минут здесь должна была пройти президентская машина.

Это расстояние, разделяющее подворотню и обочину дороги, где должна была затормозить машина, было для меня самым опасным. Эти двадцать шагов запросто могли стоить жизни. Если заговорщики сумеют остановить меня, то только на подходах к Президенту. Блокировать маршрут на всем протяжении за два часа они не смогут при всем желании. Два часа — очень маленький срок. Единственно, что они реально способны сделать, это сопровождать машину Президента по всей трассе, надеясь раньше его увидеть и уничтожить человека с зеленым фонарем у правой обочины.

За тридцать секунд до расчетного времени я вышел на обочину, впритык к автобусной остановке, к ожидающей автобус толпе. Здесь, среди десятка людей, распознать меня даже после подачи сигнала было затруднительно.

Пора. Вдали показались фары «ЗиЛ». Я вытащил фонарь и, прикрываясь полой плаща, отбил условленный знак. Выждал несколько секунд и повторил сигнал. В толпе никто ничего не заметил. Изнывающим в ожидании пассажирам было наплевать на подобных им. Они высматривали приближающийся автобус.

Но остановился у остановки не автобус. Остановился правительственный «ЗиЛ»! Бедные пассажиры даже не успели удивиться. Скрип тормозов, и бронированная машина черного лимузина притерлась вплотную к тротуарному бордюру подле такого же, как все, занюханного пассажира.

— Во, блин, че на свете делается! Простой мужик, не дождавшись автобуса, членовоз тормознул! Как какое-нибудь задрипанное такси! Куда все едет, если правительственные водители лохматят, как обыкновенные частники?!

Вообще-то пассажиры увидели не совсем то, что впоследствии рассказывали своим родственникам и друзьям. Машина не останавливалась, только притормозила. Одновременно приоткрылась одна из дверей. Передняя справа. Я сделал три быстрых шага и нырнул в нее, как в ледяную воду. Как в омут.

Жесткие руки обхватили мои кисти. Другие споро ощупали карманы, рукава и штанины. Еще одни прошлись по одежде металлодетектором.

— Где Президент?

Включился свет. Я увидел Президента. Он сидел сзади, за бронированным стеклом, перегородившим салон от потолка до пола.

Все-таки они успели подготовиться к встрече. Все-таки не полезли на рожон.

— Вы хотели передать мне документы?

— У меня их нет с собой.

— ???

— У меня не было гарантии, что вы приедете на встречу лично. Я не мог рисковать. Документы находятся в «почтовом ящике». Здесь, по дороге. Я скажу, где надо остановиться.

Еще несколько минут мы ехали молча. Я — под неусыпным надзором телохранителей. Президент — в своем «аквариуме».

— Здесь.

«Зил» сбросил скорость.

— Документы под металлическим карнизом третьего от арки по ходу движения окна. Если вы не доверяете мне, можете послать туда кого-нибудь из телохранителей.

«Зил» проследовал мимо. На всякий случай. Выемку контейнера провела охрана сопровождения, следовавшая на машине сзади. Они все еще не исключали возможности покушения. Спустя несколько минут папка легла Президенту на колени.

Президент прочитал несколько страниц и кивнул в мою сторону, приглашая в салон.

Охранники остались снаружи. Там, за пуленепробиваемым стеклом, Президент демонстрировал мне свое полное доверие.

— Вы уверены в предоставленном материале?

— Абсолютно.

— Вы понимаете, что сейчас, до проверки документов на подлинность, я отпустить вас не могу?

— Вполне.

— Вы согласны до принятия решения остаться под охраной моей службы безопасности?

Я кивнул.

— Обещаю завтра утром дать заключение по представленным вами материалам. Пока могу только поблагодарить за честно исполненную службу.

И Президент крепко пожал мне руку.

Утром меня провели в президентский кабинет.

— Я внимательно ознакомился с вашими материалами. Они внушают доверие. По крайней мере та часть, которую мы успели проверить. Я не могу сейчас говорить о конкретных выводах, которые мы сделаем по итогам начатого вами расследования. Но что сделаем, я вам обещаю.

До окончательного завершения расследования я хотел бы, чтобы вы оставались здесь, так как можете понадобиться в любую минуту. Вы не против?

Рядовые агенты главам государств не отказывают.

Я согласился.

— По всем бытовым или иным вопросам будете обращаться к специально закрепленному за вами человеку. Квартиру, где вы будете находиться, вам покажут. Отдыхайте. Вы свою работу уже сделали. Теперь наша очередь. До встречи! — И он во второй раз за неполные сутки пожал мне руку.

Один из телохранителей сопроводил меня до машины, где из рук в руки передал своему коллеге. Машина тронулась с места и остановилась только по другую сторону города, подле небольшого то ли пансионата, то ли дома отдыха, то ли дачи.

— Проходите, — пригласили меня.

Хорошо живут власти предержажшие. Ковры под ногами. Приглушенного света бра. Цветочки. Как в вестибюле пред райскими вратами.

Хотел бы я пару месяцев отдохнуть в этом царстве неги и наслаждений. Честно говоря, я чертовски устал от слежек-погонялок. Честно говоря, хватило приключений. По горлышко! Теперь в самый раз поваляться на мягкой кровати, сытым пузом кверху. Что я, похоже, и буду делать и за что большое мерси Президенту, лично позаботившемуся о своем рядовом бойце.

— Направо, — подсказал сопровождающий. — Теперь прямо. Вот ваша комната. Душ — внутри, белье, одежда — в шкафу. Еда на первое время в холодильнике. Если что-то понадобится еще — вызовите по телефону дежурную. Счастливо отдыхать.

Приятный молодой человек. Во всех отношениях.

Сейчас ванна, какие-нибудь закуски из холодильника и спать. Спать. Спать. До тошноты. До чувства ненависти к подушке!

Я открыла дверь и шагнула внутрь. Навстречу райскому блаженству.

Но в комнату я не вошел. Не успел.

В глаза мне ударил слепящий свет, в лицо брызнула какая-то парализующая сознание туманная взвесь. Я еще успел нырнуть головой к полу, успел достать правой рукой что-то, в маске респиратора, лицо и больше не успел ничего. На мой затылок рухнула многотонная тяжесть профессионально исполненного оглушающего удара, и я упал на чьи-то услужливо подставленные руки.

— Здоровый, сучара! Я же предупреждал...

Рая не получилось.

Координатор доложил об окончательном решении вопроса.

— Осложнений не возникло?

— Нет, все прошло в плановом порядке.

— Хорошо, — сказала облеченное властью Лицо. — Будем считать, вы с честью справились со своей работой. К вам замечаний нет. Все документы по законсервированным сценариям, низовым работникам, по формам связи с ними оставьте у меня.

— Что делать дальше?

— Ничего. Ждать. Мы подберем вам соответствующую работу. Спасибо.

Когда Координатор вышел из кабинета, облеченное властью Лицо вызвало своего помощника.

— Обеспечьте круглосуточный контроль за указанным человеком. На него завязана очень серьезная информация. Мы не можем позволить себе риска ее разглашения. Предложения по мерам, обеспечивающим гарантированность сохранения информации, доложите не позднее, чем завтра.

«Указанным человеком» был Координатор.

Глава тридцатая

Я очень медленно приходил в себя. Не имело смысла спешить. Надо было выгадать время. В переходном, из беспомыслия — в сознание, состоянии я надеялся хоть как-то осмыслить то, что со мной произошло.

— Больной в сознании, — сообщил голос.

Ах, даже так. Медицину привлекали. Не дают собраться с мыслями. Вначале расколотили их в мелкие дребезги, шандарахнув чем-то тяжелым по голове, а теперь не позволяют склеить осколки.

— Как вы себя чувствуете?

— А как бы вы себя чувствовали на моем месте, доктор? Если вы, конечно, доктор. Я так же. Очень хорошо.

— Ну-с, мое вмешательство больше не требуется. Больной вполне адекватен. Я могу идти?

— Идите, доктор.

Помещение, кажется, другое. Оно и должно быть другим. Иначе зачем меня аэрозолями надо было травить и по затылку прикладывать?

Другое помещение. Вопрос — какое?

Окна без решеток, но с бронированными затемненными стеклами. Мебель обыкновенная, но не без изыска. Воздух свежий, без затхлости. На камеру не похоже. По крайней мере на обычную камеру.

Напротив — человек. По виду не следователь. Нормальный мужик. Глаза умные, морда ехидная.

— Вы можете отвечать на вопросы?

— Не хочу.

— А слушать?

— Слушать могу. Валяйте.

Так, поехали дальше. Дверь бронированная, хотя и отделана ореховым деревом. Замок с секретом. И еще наверняка задвижка с наружной стороны. За дверью полная неизвестность. То ли вторая дверь, то ли караулка со взводом отдыхающей охраны. В общем, глухая дверь. Просто так, без дополнительной информации, пытаться уходить этим путем бесполезно.

Что еще? Окно?..

А может, не играть в умные игры? Может, по-простому шарануть своего собеседника табуреткой по голове, пока они еще считают меня слабым, и, прикрываясь им как щитом, потребовать машину, оружие и зеленую дорогу?

Я попробовал пошевелиться.

Все понял. Не дурак. Не шарануть, не потребовать. И даже руки не приподнять. Чем же меня накачали, что каждый палец в пуд весом стал? Мало того, еще, на всякий случай, и наручники к правой руке и к спинке кровати пристегнули. Хорошие наручники. Необычные. Не ширпотреб. Я таких, честно говоря, еще и не видел. Эти гвоздем не расковыряешь.

Крепко засадили. Интересно, что за удалцы такие?

— Вы, я так понимаю, раздумываете, как бежать? — подал голос сидящий напротив человек. — Сразу скажу — без толку. И дело да-

же не в этом очень надежном помещении, не в наручниках, а в том, что вам просто некуда бежать. Откуда – да, есть. А вот куда... Вы таких дел успели наворотить, что принять вас никто не захочет. Опасны вы всем стали. Как холера. Разве только одни мы согласимся вам приют дать. Не бесплатно, конечно. За хорошее к нам отношение.

Ваша игра сыграна. Вы теперь – отходы производства. Зола. Раньше, когда в вас была вкраплена информация, цена ваша была поболее. Но информацию вы отдали. И цена вам стала бросовая. Никто теперь за вас воевать не будет. Смысла нет. Вы слишком мелки, чтобы ломать за вас копыя. Так что думайте.

– Что вам от меня надо?

– Вас. Вы оказались отменным специалистом. Разбрасываться такими – непростительная роскошь.

– А в качестве вступительного взноса, конечно, информация? Это я уже знаю. Это мы уже проходили.

– Нет. Вы ошибаетесь. Информация нам не нужна. Все, что нам надо знать, мы знаем. Мы знаем даже больше, чем вы.

Ну тогда я вообще уже ничего не понимаю. Ничегошеньки! Зачем они меня повязали, если им безразличны заключенные в моей голове знания? И зачем тогда оставили в живых? Это противоречит всякой здравой логике. Если человек не нужен – его оставляют в покое. Если хотят избавиться – убивают. Если оставляют в живых, но не оставляют на свободе, – хотят что-то узнать. Куда уж проще.

А здесь ни то, ни другое, ни третье.

Что-то четвертое?

Но что?

Представить невозможно!

Может, меня так по голове припечатали, что я способность здраво мыслить утратил? Но тогда тем более не понятно, к чему я им такой дефективный?

– Не ломайте голову. Я сказал правду. Нам нужны вы.

– Урожай, что ли, с полей убирать по разнарядке, чтобы более ценных работников с рабочих мест не срывать?

Он только вздохнул в ответ.

– Ладно, давайте вскрывать карты.

Дальше он мне рассказал такое, что у меня уши в трубочку сворачиваться стали в знак протеста. Он рассказал мне все!

Вначале о понятном. О заговоре. О планах покушения. Об учебном лагере. О неудавшейся Акции. Он знал такие детали, о каких я даже не ведал. Впрочем, это меня не удивило. На то он и заговорщик, чтобы знать о заговоре все.

Но он рассказал о том, о чем не мог знать в принципе!

Он рассказал о Конторе. А ведь о ней в стране были осведомлены всего несколько человек! Он рассказал о расслоении внутри Конторы, о чем не догадывался даже я – ее непосредственный сотрудник! Он рассказал о гибели в метро моего Куратора. И о Кураторе Куратора (!), вышедшем на меня впоследствии.

Боюсь, он мог рассказать и о самом главном начальнике Конторы, если бы я его попросил! Только я просить не стал. Страшно. Меньше знаешь – дольше живешь. Хоть даже лишний час.

Он действительно знал больше меня. Даже в той сфере, в которой я знал много больше других.

Он не лгал.

И я начал догадываться. Начал постигать истину, которую, если говорить честно, мне бы постигать не хотелось.

Я задал ему вопрос. Один. Но самый главный для меня.

Он на него ответил! Исчерпывающе.

На этот вопрос мог ответить только человек, который читал мой рапорт. И больше никто.

Он читал мой рапорт!

Он читал рапорт, который я из рук в руки вручил Президенту!

Дальше была безнадежность! Дальше я мог только капитулировать.

- Что я должен делать?

- Служить нам и вместе с нами.

- Как?

- Честно. Думайте. Я приду завтра.

Я думал всю ночь. И не придумал ничего. Они были сильнее по всем пунктам. Вокруговую. Я попал в положение хорошо натасканной собаки, которую судьба вывела вдруг против тигра. Да, я умел лаять, наскакивать, рвать глотки. Я умел много больше других собак. Но я не умел побеждать в схватке с тигром! У нас были разные весовые категории. Единственное, что я мог, это укунить полосатого великана за хвост и мгновенно погибнуть под ударом могучей лапы.

Лезть в подобную, не сулящую ни славы, ни победы, драку — себя не уважать. Я не сторонник колочения лбом по броне танка. Если, конечно, тот лоб не броневой. Я привык бросаться в драки, которые обещают хотя бы один шанс на победу из ста. Хотя бы полшанс. И еще я бросаюсь в драку, когда за моей спиной кто-то стоит. В этот раз за моей спиной была пустота.

Мне действительно некуда бежать.

Президент предал меня. Он получил то, что желал, и отдал переставшую ему быть нужной пешку. Я не прошел в ферзи. Хотя и дошел до последнего ряда клеток. Меня просто сбросили с доски щелчком пальца.

Идейная борьба кончена. Идейная борьба оказалась фикцией. Мне некому больше служить. Мне бы теперь только жизнь спасти. Если ее еще имеет смысл спасать.

- Вы предложили вскрыть карты? Давайте вскроем последнюю, — потребовал я в начале нашего следующего разговора. — Меня сдал Президент?

- Вам обязательно нужно это знать?

- Обязательно. Без этого дальнейший наш разговор не получится.

- Вы знаете пословицу про спящего льва, которого лучше не дергать за усы?

- Меня сдал Президент?

- Одумайтесь. Человеку не всегда полезно знать то, что он хочет знать. Ведь вы же не стали спрашивать меня о Руководителе своего Учреждения. На это у вас хватило разума.

- Меня сдал Президент?

– Вы все равно не сможете осознать правду, даже если узнаете ее...

– Президент? Я спрашиваю в последний раз и после этого замолкаю.

Тишина. Наверное, целую минуту. И ответ. О котором я догадывался заранее. Который я не хотел слышать.

– Да. В какой-то степени.

– Значит, сдал!

– Я предупреждал – вы все неправильно поймете...

– Сдал!

– У вас будут еще вопросы?

– Будут...

Теперь я не хотел молчать. Не для кого было молчать. И я задал давно мучивший меня вопрос.

– Президент был в машине? Тогда. Во время покушения.

Пауза на размышление.

– Был.

И вдруг я осознал всю двусмысленность своего вопроса и всю убийственную однозначность ответа на него. Я понял, что, сам того не желая, и его и себя загнал в ловушку.

– Откуда вы это знаете?!

– Потому что я планировала это покушение. По просьбе Президента.

Я не понял, что он сказал. Я не мог понять, что он сказал. Я не хотел понять, что он сказал.

– Покушения не было?!

– В том смысле, в каком понимаете вы, – нет!

Наверное, я действительно зря дергал за усы дремавшего льва. Наверное, он был прав, предупреждая меня о моей глупой затее.

ПОКУШЕНИЯ НЕ БЫЛО!

Президент подкладывал бомбу сам под себя! Президент разыгрывал какую-то хитрую комбинацию, в которой ему нужны были жертвы. Ему нужны были жертвы, чтобы развязать себе руки.

Президент поджигал Рейхстаг!

– Вы все правильно поняли, – сказал мой собеседник. – Президенту действительно нужны были жертвы. И еще ему нужны были враги. Безжалостные. Только они могли объяснить поворот к более жесткой политике. Только они могли удержать трон от раскочки. Конечно, он мог попытаться спровоцировать выступления реальных врагов, но тогда бы рисковал утратить контроль над ситуацией. Не всякого джина, выпущенного на волю, можно запихнуть обратно в кувшин. Он предпочел тех, которые делают только то, что нужно.

И такие были найдены.

Естественно, об истинной цене заговора не знал никто. Все делалось по-настоящему. Без дураков.

Сбой должен был произойти в последний момент. Мина, которую вы обезвредили, должна была взорваться, но взорваться лишь в десятую часть своей мощности, и принести жертвы. Многочисленные жертвы. Но не причинить вреда Президенту.

Радикальные политические изменения всегда мешаются на крови. Иначе не бывает. Нам нужна была немалая кровь, чтобы с ее помощью избежать еще большей. Жертвуя десятками, мы спасли миллионы. Это не самая высокая плата. Это нормальная для Большой политики плата. Стандартная. Не мы придумали правила игры. Не нам их отменять.

Потом должно было быть следствие. И введение чрезвычайного положения.

На скамью подсудимых сели бы совсем не те люди, что приду- мывали этот теракт. На скамью подсудимых должны были сесть люди, которым надлежало туда сесть.

Но в дело вмешался случай. В дело вмешались вы.

Мы не сумели в должной степени оценить исходящей от вас угрозы. Вы появились случайно, но вы устраивали нас, прекрасно вписывались в сценарий. Вы должны были изображать противодействующую преступникам сторону. Героя, который ценой своей жизни спасает Президента. И прекрасно справились со своей задачей. Пытаясь отыскать ходы к Президенту, вы сами того не подозревая, подставили очень многих людей. Вы предупреждали о покушении, но вас не хотели слушать. Почему? Потому что предупреждали людей, которые сами являлись участниками покушения! Такое объяснение вполне устроило бы обывателя.

Вы сделали свою работу. Но сделали ее слишком хорошо.

Вы действительно спасли Президента.

Взрыв был. Но когда дым рассеялся, выяснилось, что не было жертв. Ни одной!

Взрыв, который должен был в клочья разнести десятки людей, разрушить жилые здания, оказался не опасней новогоднего фейерверка. В такое покушение никто бы не поверил. Папье-маше не убивает. Папье-маше смешит.

— Но ведь снайпер был настоящий! Он по-настоящему убил моего человека!

— Да, снайпер настоящий. Это еще одна наша недоработка. Но снайпер был потом. Потом, когда изменить уже ничего нельзя было.

Настоящий Президент уехал в другую сторону.

Настоящий Президент вообще не приезжал в тот город. Так, спустя уже несколько минут после проваленной Акции, решили представить дело мы. Вынужденно представить. Покушения, которые не приносят жертв, не могут служить поводом для немедленного введения чрезвычайного положения.

Но могут служить поводом для расследования!

Вместо того, чтобы выбить почву из под ног врагов, мы сунули им в руки козырную карту. Начав следствие, они неизбежно докопались бы до истины. До истины, которая была бы опасна Президенту много больше, чем дюжина настоящих бомб.

У нас не было другого выхода, как отработать ход назад.

Выстрел прозвучал после.

Вашего человека мы списали на несчастный случай.

Дело, с грехом пополам, замаяли.

Возможно, мы допустили ошибку. Возможно, не использовали представившийся шанс. Но в политике противопоказана импро-

визация. Политика – наука точного расчета. Чем бы закончилась комбинация с вашим двойником – представить было невозможно. Невозможно даже сейчас, когда известно все.

– Но ведь Президент мог погибнуть, если бы машина поехала не туда. Действительно погибнуть! По-настоящему.

– Мог. И нами предусматривался подобный исход. Кроме расчета, политика еще и наука предположений. Он мог погибнуть. Но не мог своей смертью навредить делу.

– То есть, вы хотите сказать...

– Я ничего не хочу сказать.

– Нет уж, давайте до конца. До доньшка. Вы хотите сказать, что Президент – истина не в последней инстанции? Что он в этой игре такая же фигура, как и я. Только чуть покрупнее. Может быть, даже очень крупная. Но не король! Вы это хотите сказать?

– Я ничего не хочу сказать. Но я не хочу и опровергать вас.

– С какой целью вы мне все это говорите? – повторил я уже много раз звучавший вопрос. – Чего вы добиваетесь?

– Сотрудничества.

– Скажите честно, мне это нужно знать для принятия решения. Игра продолжается?

– Если это надо для принятия решения, то да. Игра продолжается.

Теперь я понял все. Я им действительно был нужен. Они не блефовали. Я был нужен им до такой степени, что они отдавали информацию, которую ни в каком другом случае отдать бы не решились.

Я был им нужен, чтобы заменить какую-то фигуру. Фигуру, которая не оправдала их надежд.

Почему именно я?

Наверное, потому, что я доказал свою квалификацию практикой. Потому, что они подбирали человека под конкретное дело, для чего требовались конкретные навыки, конкретный стиль мышления и действия. И еще потому, что я уже вошел в дело. Только с противоположной стороны.

Скорее всего, когда я справлюсь с поставленной задачей, меня спишут со счетов, как и моего предшественника. А с задачей я, наверное, справлюсь. И...И, значит, меня спишут неизбежно.

Так стоит ли идти на предложенный контакт? Стоит ли идти против своей совести и желания?

А может, все проще? Может, я опять завязан в какой-нибудь сценарий, который без меня продолжаться не будет? Может, кто-то должен меня увидеть? Именно меня, и никого другого. Может, я должен что-то кому-то сказать?

Но тогда, показав себя или сказав, что требуется, я снова стану ненужен. Я снова... уйду в тираж.

Замкнутый круг с единственным выходом.

Так что мне делать? Согласиться, чтобы впоследствии умереть? Или умереть, чтобы не согласиться?

Меня одолевала сумбур предположений. Нужно было остановиться. Нужно было подумать. Мне необходима была пауза, разделяющая раунды.

– Можно ли окончательный ответ дать завтра?

– Можно. Даже послезавтра. Мы не торопим. Нам важно не время. Нам важен результат. Думайте!

Глава тридцать первая

Завтра я уже знал ответы на все их предложения. Следовало отвечать только «нет».

– Нет!

Я говорил «нет», но не собирался умирать! Среди выходов, гарантировавших смерть, я нашел еще один, обещающий жизнь. Только обещающий, в пропорции – один к десяти, или к ста. Но я выбрал его. Потому что это был мой выбор. Потому что в этом случае я делал то, что хотел я, а не то, что мне навязывала чужая воля.

Я хотел жить или, если придется, умереть так, как этого желал я!

– Нет!

– Вы осознаете, что у нас нет другого выхода, как уничтожить вас? Вы узнали то, с чем человек не может, не имеет права жить. Из этой комнаты нет другого выхода, кроме как к нам. Другой выход – смерть!

– Нет!

– Это упрямство? Или детский романтизм? Решили поиграть в героя? Но ваших патриотических порывов никто не оценит. С вами общаются только я. А я в романтизм не верю. Разве только в глупость. На что вы рассчитываете?

– На ваш здравый рассудок.

Я не лгал. Спасать меня было некому. Эту битву я начал в единственном числе и проиграл в одиночестве. Бежать – некуда. И невозможно. Растворенные в моей крови наркотики держали меня надежней, чем полк отборных головорезов-охранников. Даже когда меня придут убивать, я смогу только закрыть глаза. И еще сказать напоследок, не выбирая выражений, что я думаю о своих убийцах. Это максимум из возможного для меня сопротивления.

Хотя, наверное, я даже не замечу, как умру. Мне просто прибавят дозу наркотика.

Единственную надежду обещала торговля. Торговля, которая начиналась со слова «нет».

– Нет!

– Мой здравый рассудок начинает сомневаться в здравости вашего. Может, вы умом тронулись от пережитого стресса? Вы хотите торговаться? Но чем? Торговаться может человек, имеющий либо товар, либо средства. Вы не имеете ни того, ни другого. Вы банкрот. Условия нашей с вами сделки я до вашего сведения довел. Других не будет. Либо вы соглашаетесь, либо вы отказываетесь. И умираете. Мой здравый рассудок вам не поможет.

– И тем не менее.

– Хватит интриговать. Выкладывайте, чего вы добиваетесь?

– Вашего спасения.

– Моего?!

– Да, вашего. Именно вашего.

Кажется, он действительно подумал, что я сошел с ума. Спеленутый по рукам и ногам узник предлагает помощь своему тюремщику! Как такое может быть?

Никак! Реально не может. Реально у меня нет ни одного шанса на спасение, кроме как пойти на службу к новым хозяевам. Да и это не спасение. Только отсрочка исполнения приговора.

Реально — нет.

А если на грани реальности?

Есть же еще такое понятие, как везение. Не всегда же выигрывает тот, кто имеет на руках все козыри. Иногда выигрывает тот, кому везет. Тот, кто не боится блефовать. Я не боюсь. Я уже ничего не боюсь. Ухудшить свое положение я не могу. Хуже не бывает! Только лучше.

Если для достижения своих целей мне надо блефовать, изображать страшилу, я буду изображать страшилу. Я буду пугать! Я сам себя испугаю, лишь бы мне поверили.

Только они, вера и страх, могут выгнать меня отсюда! Вера в мои возможности и страх перед последствиями, которые могут иметь место, если я ими воспользуюсь.

Ну что, попробуем? Запустим пробный шар?

— Как вы думаете, как воспримет страна неоднозначное, мягко говоря, участие Президента в покушении на самого себя? И что станет с вами, если кто-то, допустим, тот же Президент, узнает содержание наших разговоров? Что сделает он, поняв, что он не король? Что кое-кто его таковым не считает?

Мой собеседник расхохотался.

— Кто может Ему поведать о том, о чем никто не знает. Кроме меня, нескольких не заинтересованных в разглашении тайны лиц и вас, фактически покойника? Или вы настолько наивны, что надеетесь, сыграв с нами в согласие и получив свободу, использовать ее для очередной встречи с Ним или с прессой? Так смею вас заверить, этого не будет. Ни встречи, ни разговоров, ни интервью. Во-первых, вы не сможете ни с кем встретиться чисто физически. Уж об этом мы позаботимся. Во-вторых, вы, менее чем кто-либо, будете в подобных контактах заинтересованы. Вы станете одним из нас. Пройдете крещение делом. Только так сможете выйти из этой комнаты. Вы же знаете, как это делается. Вы — профессионал.

Я знаю, как это делается. Представляю, что они сотворят со мной, согласись я на сотрудничество. Я действительно к Президенту ближе, чем на версту, не подойду.

Тут он прав. Этого они добиться смогут.

Но дело в том, что мне не надо подходить к Президенту. Мой голос здесь ничего не решает.

— А если свидетельствовать буду не я? Если свидетельствовать будете вы? Вам Президент поверит?

— Мне?! Вы все больше меня удивляете, «романтический юноша». Допускаете, что я способен свидетельствовать против себя? Я похож на мазохиста? На человека, который получает удовольствие от того, что его жилы мотают на вертел? И, как вы понимаете, дело даже не в Президенте. Президент готов скушать и не такую пилюлю. Президенту деваться некуда, как есть такие пилюли

пачками. Ему нужна опора. Хоть какая-нибудь. Хоть такая, как мы, раз другой нет. Президент не услышит то, что ему скажут. Даже то, что скажу ему я. Просто не услышит!

Это политика. В политике дружат не с теми, кому доверяют, а с теми, с кем выгодно в данный конкретный момент. В политике вообще не дружат.

Дело не в Президенте. Дело в единомышленниках. В тех, кто стоит за моей спиной. Здесь вы правы. В случае разглашения информации пощады не будет. Закусаят до смерти. Самые кровожадные псы всегда обитают в родной стае.

Но что меня заставит подставиться под удар своих же друзей? Вы? Это каким же образом вы умудритесь убедить меня взойти на эшафот? Обещанием вечного загробного блаженства? Тут я, возможно, и соглашусь. Все-таки вечное. Но только если вы подтвердите свои полномочия. Докажете, что прибыли личным полпредом Господа Бога. Явите чудо! Или представьте верительные грамоты. Нет грамот? Значит, нет и разговора. На других условиях я идти на сотрудничество с вами, идти на разговор с Президентом не согласен.

— А вам не надо идти. Не надо говорить. За вас скажут другие.

— За меня могу сказать только я.

— Или ваши показания.

На мгновение он задумался.

— Ты знаешь что-то такое, чего не знаю я. Только это может объяснить твою наглость. Ты скажешь это «что-то». Неизбежно. Лучше говори сейчас.

Мы перешли на «ты»? У меня появился еще один высокопоставленный приятель? Тогда, надеюсь, он не очень обидится на мой следующий ход.

— В таком случае считайте, я располагаю стенограммой нашего разговора. От первого до последнего слова.

Он замер. Глаза покраснели. Но очень быстро взял себя в руки.

— Если ты хотел меня удивить, то достиг желаемого. Стенограмма разговора — это удар под дых. Только я не помню, чтобы расписывался на листах. И не заметил, чтобы ты водил ручкой по бумаге. Я вообще не заметил, чтобы ты поднимал руки.

— А мне не надо водить карандашом по бумаге. За меня пишет техника. За меня стенографирует микрофон.

— Нечто подобное я и ожидал услышать. Страдаем манией величия? Или держим за дураков противника? Думаешь, мы не исцупали тебя с ног до головы, когда ты находился в бессознательном состоянии? Ты чист, как слеза младенца.

— Вы проверяли только одежду. В лучшем случае, меня снаружи. Но вы не проверяли меня внутри. Если сомневаетесь, вызовите медиков, я покажу им место, где спрятан микрофон.

— Шутишь?

— Ничуть.

— Тогда мы обойдемся без медиков. Нам ни к чему лишние свидетели. Наше дело касается только нас. Тебя и меня.

Микрофон вытаскивал один из охранников. Без обезболивания. С помощью простого ножа. Сантименты кончились.

Я терпел молча, моля судьбу только об одном – нет, не о скорейшем завершении «операции», о том, чтобы техника не подвела. О том, чтобы микрофон был в рабочем состоянии. В просто зашитую в мышцы железку никто не поверит.

– Ну как? – Зачем я спрашивал? Я ответ на лице видел.

– Это действительно микрофон.

– Имитацией не пользуемся.

– А где в таком случае приемник?

– Приемник курсирует, точнее курсировал в полутора километрах от микрофона. Сейчас кассеты с записью лежат в надежном месте. Пока лежат, но в любой момент им можно приделать ноги. Надеюсь, вы не предполагаете, что я вшил микрофон просто так, забавы ради. Я бы мог найти себе менее болезненные и менее затратные развлечения.

– Ты блефуешь!

– Может быть, и блефую. А если нет? Хотите проверить? Хотите рискнуть? Могу поспособствовать...

Он не верил в зафиксировавший его откровения микрофон. Слишком рассудочен был для этого. Но он не мог подтвердить своего неверия. Микрофон был представлен. И представлен в рабочем состоянии. Узнать, передавал он информацию или просто находился в теле, было невозможно. Собственно говоря, это было и не важно. Важно, что он МОГ передавать информацию! В данном случае возможность равна событию.

Исходя из постулата – считай случившимся то, что могло случиться, он должен принять мою информацию на веру. Он не мог поступить иначе.

И он принял ее.

Блеф состоялся. Шестерка била покер!

Я выиграл жизнь.

Послесловие

Звезду Героя мне вручал лично Президент.

После всех.

Вначале Президент вручал правительственные награды официальным кавалерам – военным, милиции и пр. Потом – таким, как я. Героям в упор невидимого фронта.

Я сидел в одиночестве в небольшой приемной, слыша краем уха торжественную церемонию вручения официальных правительственных наград. Торжественную, значит с музыкой, газетчиками, телевидением и последующим фуршетом.

Нам так орденов не вручают. Нам вручают – как кур воруют: без свидетелей, заводя и выводя по одному через специальные двери. Такая специфика.

Нас награждают и тут же изымают награды на ответственное хранение. У меня уже хранится несколько орденов где-то в недрах начальственных сейфов, но я не знаю, где именно. Для нас знаки отличия имеют чисто теоретическое значение. У меня есть награды, но я даже не знаю, на какую фамилию они выписаны. Какую выбрало начальство, как базовую? Петров? Иванов? Сидоров?

У меня есть награды, но у меня нет меня. Эти ордена не на кого навешивать.

Я жду своей очереди для получения знака высшей доблести. И ничего не чувствую, кроме того, что у меня затекли ноги.

За что мне дали Звезду, я так и не понял.

За раскрытие заговора, которого не было? За предотвращение покушения на Главу Государства, которое он сам же и заказал? За аферы с изъятием денежных сумм из банков? За похищенный на Мосфильме «ЗИЛ»? Или за молчание?

Скорее всего, за молчание. По калькуляции. Исходя из расценок, закрепленных в давней пословице: молчание – золото.

Мое молчание потянуло тяжело – на Звезду Героя.

Я, может, и не молчал бы. Я, может, и растворил бы уста, только сказать мне о том, что знаю, некому. Да и слушать никто не станет.

Что политика грязное дело – всем и так известно. Что Президент не хорош? А где лучшего взять? Что заслужили. По Сенькам и шапка! Даже если она и Мономаха.

Расказать про несостоявшееся покушение? Так ведь оно не состоявшееся. На нем дивидендов не заработаешь и тираж не поднимешь. Кабы оно удалось, кабы жертв побольше...

Всем жертвы нужны. И тем, кто за них, и тем, кто против них. Время такое. Политический капитал зарабатывается на крови.

Не интересна моя информация никому. Прошло ее время. Смыло свежими кровавыми потоками.

Вот я и молчу. Чтобы зануду, пересказывающего всем известный анекдот, не напоминать. В тряпочку молчу. В Звездочку.

Сломался я. В огне, в воде, в канализационных трубах выжил. А в высоких кабинетах сдох. Не моя это среда. Не по зубам. Все у них шиворот-навыворот. Говорят одно, думают другое, делают третье, а подразумевают нечто совершенно противоположное. И, главное, чувствуют себя во всей этой мешанине недомолвок и полупафосов очень уютно. Я так не умею. За что и расплачиваюсь. Нет у меня политического чутья. Чего нет, того не оказалось. Сколько не приюхивался, бродя по высоким кабинетам, не внюхался. Запах политики не слышу – хоть убей. Профнепригоден.

Ну и черт с ним. Я не жалею. Лучше ко дну пойду. Меня на поверхности качественный состав окружения не устраивает. Не всегда по верху лучше плавать...

– Приготовьтесь, пожалуйста. Сейчас вам будет вручена награда.

Приготовиться – это в смысле застегнуться на все пуговицы и выпучить глаза в радостном нетерпении?

– Пройдите сюда, пожалуйста. Ждите. У вас три минуты. Распахнулась дверь. Затворилась бесшумно.

Президент.

– Разрешите вручить вам знак высочайшей воинской доблести...

Тянет руку с коробочкой. В коробочке – подушечка. На подушечке – Звезда.

Не узнает он меня, что ли? Или делает вид, что не узнает?

— Отвечайте, — шипит за спиной услужливый референт. — Что вы молчите?

А что отвечать? Служу Отчеству? Так я не военный. Спасибо? Как-то глупо. И за что?

— Надеюсь, что и впредь вы с честью будете исполнять свой долг по...

Все говорит и говорит. Засыпает словами паузу.

Наверное, я виноват. Застыла истуканом. Слова в ответ не скажу, руки за наградой не протяну.

— Что с ним? — суетится кто-то сзади. — Толкните его.

Толкают.

— Не надо, — останавливает Президент разволнованных референтов.

Выковыривает из коробочки звезду, разворачивает, собственноручно пристегивает к лацкану моего пиджака. Прихлопывает сверху ладонью.

Вокруг кто-то жидко и подобострастно начинает подхлывать. Шептать.

— Смотрите-ка, Герой, а в присутствии Самого растерялся. В форменный столбняк впал...

— Развернитесь, пожалуйста, в мою сторону.

Они еще и ведомственного фотографа притащили? Для истории. Я у них что, в Конторе — первый Герой?

Вспышка. Еще вспышка.

— Ну, разреши еще раз, по-простому...

Президент шестой части суши придвинулся и, презрев протокол, крепко обнял своего нового Героя.

Его лицо приблизилось к моему. Я почувствовал его дыхание, тонкий запах дорогого одеколона. Почувствовал, как он постукивает меня по спине.

И еще я увидел возле своих губ его ухо. И снова услышал удивленное шипение.

Я увидел его ухо и сказал то, что считал нужным сказать в данный момент. То, что сказать потом мне не представит-ся возможным.

— Сука ты! Президент.

Он не отшатнулся, не закричал, не затопал ногами. Он еще крепче прижал меня к себе. Еще шире улыбнулся. И так же тихо ответил:

— А ты дурак. Не суди о делах, в которых ни черта не смыслишь. И не будешь судим. Гер-рой! Твою мать!

На том мы и разошлись.

Он — Государством править.

Я — жить в нем.

А через полгода случилась большая кровь. Я не знаю, кто в ней оказался прав, кто виноват. Но знаю, кому она была выгодна.

Она была выгодна всем!

Они все-таки добились своего...

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ

СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ

ХИМНИКИ

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ СТАЛА ПЕРВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ДЕРЖАВОЙ

Несколько десятилетий назад Россия стояла на пороге создания собственных персональных компьютеров и калькуляторов – задолго до того, как они появились в США, Японии и других развитых странах.

В это трудно поверить, но тому подтверждение – сохранившиеся документы.

И люди, которые стояли у истоков новой отрасли.

Началась история давно и очень далеко от России – в США. В годы второй мировой войны американцы создали и успешно испытали новое оружие – атомную бомбу. Они наивно полагали, что сделали это в тайне от русских. (Они вообще были наивны: издали закон, согласно которому агенты иностранных держав, ведущие разведывательную работу на территории США, обязаны официально регистрироваться.)

Несколько столь же наивных немецких шпионов добровольно прошли регистрацию, но множество агентов, в том числе и СССР, продолжали тайно трудиться под «крышами» посольств, консульств, Амторга, Закупочной Комиссии, и, конечно, компартии США (по поводу компартии в Америке шутили, что половина ее членов – советские агенты, а вторая половина – агенты ЦРУ).

Стал членом американской компартии и студент Нью-Йоркского городского инженерного колледжа Иосиф Берг. Этому невольно способствовал его отец – выходец из России. Ему нелегко было содержать большую семью и, хотя у них был редкий по тем временам детекторный радиоприемник, граммофон и автомобиль, но время от времени семью выселяли за неуплату аренды квартиры.

Отец говорил, что в СССР живут гораздо лучше, чем в США, и в доказательство читал цитаты из коммунистических газет и трудов Маркса, Ленина, Горького. Иосиф и старший брат спорили с ним, но капля долбит и камень – в трудах классиков социализм выглядел очень привлекательно.

По еврейской традиции старшего брата готовили в музыканты, приходил учитель и занимался с ним ненавистой музыкой. Но младший брат, Иосиф, жадно впи-

тывал азы музыкальной грамоты и освоил пианино гораздо успешнее старшего. Однако стал не музыкантом, а поступил в колледж, где принялся изучать электротехнику.

Вместе с Бергом в колледже учился Юлиус Розенберг – тот самый Розенберг, которого впоследствии вместе с женой казнят на электрическом стуле за шпионскую деятельность в пользу СССР.

Способностями Розенберг не блистал, учился плохо, зато весьма преуспел в пропаганде идей коммунизма. Нончилось тем, что класс, где учился Берг, Юлиус записал (в полном составе!) в партию. Самые способные студенты колледжа охотно верили, что советский человек – человек будущего. Они запоем читали агитки и ходили на советские фильмы, шедшие в Нью-Йорке.

В 1938 году Берг закончил колледж и стал безработным. Но через

Иосиф БЕРГ. 1996 г.

год началась война, и появилось много новых рабочих мест.

Вскоре Берг получает работу в исследовательской лаборатории войск связи. Его там ценят, он легко сходится с коллегами, быстро растёт круг друзей. Среди них появляется человек, с которым тесно переплетется его, Берга, жизнь. В России этот человек станет известен как Филипп Старос. Старос и Берг были не только коллегами, не только друзьями – они оба состояли в одной коммунистической ячейке. В этой же ячейке работал и Юлиус Розенберг.

Хотя подпольную работу они вели скрытно, но Берг однажды попался – подписал коммунистическое воззвание. Его увольняют, но вскоре он находит новую работу в «Вестерн Электрик Компани». Здесь Берг разрабатывает радарную систему, используемую бомбардировщиком B-29, в частности – вычислительный блок для системы. Это фантически первая попытка использовать компьютер в военных целях, причем компьютер малого размера и веса. Однако и в этой компании Берг не остается надолго. В другой фирме он разрабатывает длинноволновые радары, но и здесь долго не задерживается...

Берг бросает работу и объявляет, что уезжает за границу. Официальная цель поездки – подготовка и защита докторской диссертации в Голландии и Швеции.

В 1948 году Иосиф Берг переплывает океан и объявляется в Париже. Работать над докторской диссертацией он не спешит, а в основном музицирует – совершенствует свою игру на пианино, пробует себя в композиции, берет уроки у известных мастеров.

Но тут в США происходит событие, от которого вздрогнули в МГБ

и ГРУ: американцам удалось раскрыть шифр радиogramм, которыми обменивались резиденты советской разведки в США и Центр в Москве. В одной из радиogramм упоминается имя Берга в связи с необычайной, как отмечается в дозвещениях ФБР, «активностью, которую он проявлял как посредник между агентами МГБ и американскими участниками по исследованиям ядерного деления».

ФБР немедленно дает указание посольству США во Франции найти Берга и срочно допросить его. Однако атташе, который разыскал шикарные апартаменты Берга под Парижем, обнаружил, что тот накануне исчез, бросив свою одежду, книги и последнюю его страсть и гордость – мотоцикл. А дешифровка радиogramм советской разведки, которые были перехвачены, успешно продолжалась...

Дешифровка и последующие расследования показали, что в засекреченном и строго охраняемом местечке под названием Лос-Аламос, где американцы создавали атомную бомбу, работали (независимо друг от друга) информаторы, которые самые важные секреты передавали в Нью-Йоркское генконсульство СССР – Анатолию Яковлеву, координировавшему действия всех атомных шпионов в США.

Среди этих информаторов был молодой солдат Дэвид Гринглас, попавший в Лос-Аламос случайно: его призвали в армию и зачислили в войска, которые обслуживали американских атомщиков. Но почти невероятным совпадением оназлось то, что Гринглас был родным братом Этель Розенберг, жены Юлиуса.

Юлиус втянул в борьбу за мировую революцию не только жену, но и ее брата. Молодой солдат чуть ли не добровольно стал собирать секретную информацию – тем более что работал он в мастерских, где изготов-

ливался корпус атомной бомбы и все ее детали.

Когда ФБР арестовало связника, через которого Грингласс передавал краденые секреты, всполошился Юлиус Розенберг. Срочно встретившись с солдатом, Юлиус стал совать ему деньги, упрасывая немедленно покинуть США, иначе Дэвида арестуют, ибо контрразведка уже наверняка вышла на него.

«Я стал говорить Юлиусу, – вспоминал впоследствии на допросах Грингласс, – что ФБР не позволит мне пересечь границу.

– Глупости, – отмахнулся Юлиус. – Они ведь не помешали уехать более важной птице – Иосифу Бергу».

Розенберг стал объяснять Гринглассу, что тому нужно пробраться через неохраняемую южную границу в Мексику и обратиться там в советское посольство. Из Мексики его отправят в Швейцарию, а оттуда – в Чехословакию. В Праге он должен явиться к советскому послу и сказать условную фразу: «Я – здесь». Но жена Грингласса, слышавшая правду о «счастливом» житье в СССР, ехать отказалась, предпочитая американскую тюрьму социалистическому раю. Во всяком случае, так об этом рассказывается в американских источниках...

Вскоре Грингласса допросили агенты ФБР, и на первом же допросе он «раскололся». Затем «взяли» Юлиуса и его жену Этель. В 1950 году суд приговорил супругов к смертной казни.

Проверка знакомых Розенберга привела к тому, что часть из них была арестована и предана суду за шпионаж. Сразу же после первого допроса Юлиуса, в июле 1950 года, агенты ФБР явились к другу Берга – Филиппу Старосу.

Расследование, по результатам которого появилось множество публикаций в США, показало, что ярые коммунисты – Розенберг, Ста-

рос и Берг, состоявшие в одной партийке индустриального подразделения компартии США, одновременно вышли из партии, после чего ячейка была закрыта. Следователи знали, что если коммунист становится советским шпионом, то он обязан выйти из партии, чтобы не скомпрометировать ее в случае провала. Это правило свято выполнялось во всех национальных компартиях.

Стало известно, что Берг и Старос снимали в Нью-Йорке квартиру, которую оба использовали как прибежище для амурных свиданий. В этой квартире оназалась хорошо оборудованная фотолаборатория, а свидетели по делу Розенберга показали, что фотолаборатория использовалась Юлиусом для микрофильмирования секретных донесений.

Сам Старос, получивший звание бакалавра в области элентротехники в 1941 году, работал с Бергом в оборонных фирмах, а после принимал участие в создании циклотрона в Корнельском университете. Хотя циклотрон не считался секретным, полученные на нем данные использовались разработчиками ядерного оружия, некоторые из которых попали в число знакомых Староса.

К сидевшему в камере смертников Розенбергу ФБР внедрило «подсадную утку» и получило от доверчивого Юлиуса много информации, по которой была арестована еще куча народа.

В частности, Юлиус проболтался, что существовали две шпионские организации: одну возглавлял он сам, а другую – двое мужчин, один из которых «сейчас находится в Европе».

Хотя Берг скрылся из Парижа неожиданно, он все равно был под наблюдением. Везде, где он появлялся – в Голландии, Швеции, Финляндии, Швейцарии, за ним неустанно присматривали. Бдительный

страж доносил, что Иосиф «живет на средства, которые ему кто-то присылает из Нью-Йорка, а также подрабатывает игрой на пианино».

Еще до отъезда из США Берг предлагал Юлиусу уехать в СССР вместе, чтобы пожить в чудесной коммунистической стране, но тот твердо сказал: «Я буду работать на коммунизм здесь». Бергу попасть в Россию все не удавалось, хотя он был рядом. Наконец Берг пробрался в советское посольство в Швейцарии и получил «добро» на выезд в Чехословакию.

А допросы Староса становились все жестче. Он путался, давал противоречивые показания, был уличен в обмане. И в августе 1950 года, сказав сыщикам, что поедет навестить родственников, Старос, прихватив с собой жену соседа, отправляется с ней по наезженной тропе – через открытую границу в Мексину, а оттуда в Швейцарию.

...Иосиф Берг уже много месяцев работал в Чехословакии, в лаборатории всемирно известной фирмы «Тесла». Он принял чешское гражданство, женился там и поступил в докторантуру.

Однажды ему велели срочно выехать в командировку в Москву. В гостинице «Москва» он постучал в дверь указанного номера, и дверь ему открыл... Старос. С ним – женщина, которую называли Анна Петровна.

Теперь они оба, Берг и Старос, работали в Чехословакии. Более жесткий и требовательный Старос настоял на самостоятельности, и ему предоставили лабораторию со штатом в 26 человек в одной военной фирме. Они разрабатывали новое направление – вычислительные машины для управления стрельбой по воздушным целям. Оригинальность новых компьютеров состояла в том, что они де-

лались не на базе двоичного кода, а на основе потенциометров, которые изготавливались с фантастической точностью – до 0,1 процента.

На госиспытаниях самолет тянул за собой мишень, огонь по которой координировали с помощью новых компьютеров. Результаты были таковы, что, как говорит сегодня Иосиф Берг, эти идеи применяются до нынешнего дня (хотя, конечно, элементная база теперь совсем другая).

Несмотря на успешные испытания, американцам все же не доверяли, подозревая их в хитроумном шпионаже. Им отказали в приеме в партию, что было, пожалуй, для них самым страшным ударом. Берг рассказывает, что и жениться ему удалось с большим трудом – всех женщин, с которыми он знакомился, предупреждали, что это – американский шпион и лучше с ним не связываться.

Особенно тяжело стало после смерти Сталина. В Чехии начались репрессии. Остаться там было небезопасно. Американцы написали письмо Хрущеву, в котором рассказали о перспективах своей работы – сделать на базе микроэлектроники миниатюрную вычислительную машину весом до 100 килограммов, которую можно применять и в военных целях, и в народном хозяйстве. Предложение более чем заманчивое, ибо приличные ЭВМ в те времена (да и гораздо позже!) занимали несколько комнат.

Несмотря на то, что в такой ЭВМ оказались заинтересованы и «авиационный» министр Дементьев, и министр оборонной промышленности Устинов, американцев все-таки решили держать на расстоянии – в буквальном смысле этого слова. Их внимательно выслушали в Москве и... отправили в Ленинград.

Хотя Берг стал крупной величиной в электронике, он всю жизнь мечтал стать композитором.

А вот у Староса, как рассказывает сегодня Берг, было фантастическое, честолюбивое желание стать выдающимся ученым и организатором. Он был сильным человеком, достаточно жестким и самоуверенным, чтобы управлять большим коллективом ученых (а со временем коллектив разросся до 2000 человек). Он обладал верным чутьем, умел ставить цели и строить программу по их реализации, мог и увлечь подчиненных, и ладить с людьми из ВПК, от которых зависело финансирование его работ.

И Устинов, и Дементьев, похоже, сразу оценили достоинства Староса, и ему дали лабораторию в одном ленинградском военном НИИ. Жалованье, которое получал он, было 700 рублей, что вызывало удивление у окружающих, ибо замминистра, например, платили тогда всего 550.

Тот факт, что иностранцы участвовали в военных советских разработках, кажется необыкновенным. Был всего один похожий случай – в 1950 году через Финляндию бежал в СССР итальянский коммунист Бруно Понтенорво. Он был участником разработки ядерного оружия США, а затем и Англии, передавал оттуда нужную нам информацию, а потом занимался в Дубне исследованиями по ядру. «Секретчики» унасались при виде американцев в недрах советских военных учреждений и неоднократно сигнализировали, что в нашем стане – лазутчики. Но их, похоже, оберегал кто-то очень сильный...

Но на остальных уровнях, где никто не знал об их подноготной¹, отношение к ним было очень неоднозначным.

О прибытии в СССР двух американцев Хрущеву доложили соответ-

ствующие органы, сопроводив это сообщение информацией о прошлом Берга и Староса, в том числе и о том, что они – друзья Розенберга и его соратники по компартии. Это не могло не импонировать партийному лидеру, и режим наибольшего благоприятствования был вроде бы обеспечен.

В одном из интервью Хрущев сказал о супругах Розенбергах: «Я не могу точно объяснить, какую именно помощь они нам оказали, но я слышал и от Сталина, и от Молотова, что Розенберги оказали нам очень важную помощь в ускорении создания нашей атомной бомбы».

Это было первое официальное признание роли Розенбергов в разведывании атомных секретов США. Старос и Берг в СССР всегда считались друзьями страны. Все подозрения ФБР в их нелегальной деятельности остались лишь подозрениями, прокуратура отказалась возбуждать против них уголовное дело, считая оперативные разработки ФБР, на которые идут ссылки в данной публикации, «явно недостаточными для судебного преследования».

С самого начала не сложились у «американцев» отношения с руководством Минвиапрома. В спецлаборатории, принадлежавшей МАПУ, Старос возглавил коллектив, который стал работать над вторым вариантом вычислительной машины на потенциометрах. Срок был поставлен предельно жесткий – полгода.

Потенциометры были сделаны, но к тому же ученым удалось построить станок, который управлял намоткой потенциометров. Вычислительное приспособление для стрельбы получилось в 10 раз меньше обычного. Его точность оказалась невероятной – 0,1 процента. Точность лучших американских образцов была в пять раз хуже.

¹ Им сочинили «легенды» – липовые биографии, по которым трудно было «вычислить» прошлое беглецов.

«Я уверен, – говорит Иосиф Берг, – что наши устройства и сегодня применяются в «Аэрофлоте». Вообще все поразились, как мы таким малым коллективом сделали столь сложное устройство за такой малый срок. Правда, в полгода мы не уложились, опоздали на месяц. Опоздание нам поставили в вину, а в сути наших предложений не разобрались. Нам стало ясно, что в МА-Пе делать нечего...»

Кажется невероятным, чтобы высшие чиновники отрасли отозвались от нововведений, в которых так нуждались военные. Но так было...

А они уже делали фактически настольный компьютер УМ-1, управляющую машину. Это была – по словам Берга – первая машина, использующая изделия микроэлектроники. Получился, как считают создатели, по существу, первый персональный компьютер с первым в мире интегральным кубом памяти.

Он помещался на столе и мог быть помощником инженера, ученого, бизнесмена. Он управлял технологическими процессами на протатном стане, АЭС, в энергетической, стекольной, электронной промышленности. По мнению Берга, аналогичные машины в США были тогда очень громоздки из-за больших плат и печатных схем.

За разработку УМ-1 Иосиф Берг и Филипп Старос получили Государственную премию. Из сообщения об этом наконец стали известны их имена; точнее – придуманные спецслужбами псевдонимы. До того даже псевдонимы были секретными: Филиппа Староса называли «товарищем Филипповым».

К тому времени Берг и Старос работали в системе Министерства радиопромышленности. Это было странное ведомство. Его как бы не существовало, настолько оно было засекречено. В телефонных справоч-

никах можно было найти Министерство оборонной промышленности, Министерство обороны, но никак не МРП. И в то же время на всю страну публикуется сообщение о назначении министра МРП Калмыкова... «Министр без портфеля» – этим никого не удивишь, но министр министерства, которого нет, – это было что-то новое...

Первым заместителем у Калмыкова был Шонин, отвечавший в «призрачном министерстве» за электронику. Эпоха требовала создания электронных устройств чрезвычайно малого веса и габаритов, чтобы размещать их на ракетах с ядерным зарядом, где ценился каждый грамм и каждый миллиметр. Поэтому Шонин с интересом отнесся к разработкам советских «американцев» и по совету Устинова взял их под свою «крышу». Более того, Старос уже начал развивать идеи по созданию совершенно новой отрасли, которая бы готовила элементную базу для микроэлектроники – термин, который впервые ввел в практику Старос.

А новая отрасль – это и новая министерская должность, которая светила в случае успеха Шонину. «Американцы» оказались под рукой очень кстати. Они не только миниатюризировали компьютер, но и настойчиво внедряли его.

Но с этим возникли непредвиденные препятствия...

Сначала новый компьютер предложили Туполеву – для сверхзвукового пассажирского самолета. Вмешался его сын, который, как рассказывает Берг, ничего не понял, – договор расстроился.

Потом начался «роман» с Королевым, переговоры шли сложно, и пришлось разработчикам ехать к самому Главному конструктору, чтобы объяснить – как машина весом всего 20 килограммов может управлять космической навигацией.

Королеву это понравилось, и он решил, что после грозящей на днях

«Высокие гости» в Ленинградском конструкторском бюро. 1962 г. (На переднем плане крайний слева Филипп Старос).

операции он подпишет приказ о запуске ракеты с компьютером на борту.

Не успел, скончался...

Но вернемся на несколько лет назад.

В 1962 году в Ленинград собрался приехать Хрущев и посетить по совету Устинова лабораторию Староса. «Америнанцам» срочно позвонил Шонин, он интересовался – не сами ли они напросились на визит? К подобным вещам он относился чрезвычайно ревниво.

Никита Сергеевич появился в лаборатории в сопровождении большой свиты министров (в их числе был и Шонин), генералов и партийных бонз. Об этой свите он сказал ученым так: «Все это – говно! Вы этим жуликам не верьте, если что будет нужно, обращайтесь прямо ко мне».

Осмотрев разработки лаборатории, их технологические линии, Хру-

щев с вниманием выслушал часовой доклад Староса, в котором тот обрисовал перспективы развития микроэлектроники. Но особенно его поразил микроприемник, который Берг сунул ему прямо в ухо. В течение всего визита он слушал это мини-радио, не вынимая его из уха и радуясь, как ребенок.

«Вы – золотые самородки, – сказал он на прощанье, – за вами – будущее». Он предложил им обратиться к нему за помощью и прислать письменные предложения по дальнейшему развитию микроэлектроники.

Перед отъездом Хрущева Старос вручил ему один лист, на котором сжато были изложены перспективные предложения.

При демонстрации своего компьютера разработчики посетовали, что их лаборатория не в силах наладить массовый выпуск изделий. Никита Сергеевич обещал помочь.

Вскоре один из ленинградских заводов, принадлежащий Министерству средств связи, сумел наладить серийный выпуск новых машин. Всего их сделали около 200 штук.

Через три месяца после отъезда Хрущева вышло постановление о создании Центра микроэлектроники и о размещении его в городе-спутнике под Москвой – нынешнем Зеленограде.

Предусматривалось строительство целого комплекса НИИ, начиная от исследования материалов для микроэлектроники и собственного машиностроения, кончая производством интегральных схем, а также изделий из них. Каждому НИИ придавался завод, на котором изготавливались бы опытные образцы. Серийные партии предполагалось выпускать на тридцати двух заводах. Центру также придавалось пять филиалов в Минске, Киеве, Риге и других местах. Он должен был стать уникальным. (У американского IBM, например, нет своего машиностроения. У IBM нет и своего института, готовящего кадры, в Зеленограде же был запроектирован МИЭТ – Московский институт электронной техники, где станут обучаться студенты и аспиранты по всем необходимым Центру специальностям...)

А разработка новых идей, новых направлений поручалась Институту физических проблем.

Старос был назначен первым директором строящегося Центра. К тому времени он возглавлял ЛНБ – Ленинградское конструкторское бюро МЭП. Берг был главным инженером. А Филипп Старос разрывался теперь между Ленинградом, Москвой и будущим Зеленоградом...

Он организовал из своих сотрудников бригаду, которая готовила техпроект Центра. У Берга родилась идея – поставить там два небоскреба в 50 этажей; для них он разработал систему лифтов, которая позво-

ляла из любого угла здания добираться до кабинета директора за 5 минут. Это понравилось министру Шонину, и он доложил Хрущеву. Но тот вдруг занеапризначал – зачем, мол, среди лесов небоскребы?

В конце концов небоскребы «положили» на бок, слегка изогнув в некое подобие клюшки. Ни о каких пяти минутах уже не было и речи. Берг и Старос решили строить коттеджи в Зеленограде, подготовили список специалистов, которых собирались перевести в растущий на глазах Центр...

На американцев неоднократно сигнализировали «куда положено». Скажите, вопрошали доносчики, как настоящий коммунист-руководитель принимает на работу? Он смотрит прежде всего анкету и советуется с партийными органами. А «буржуины» устраивают поступающему настоящий экзамен по специальности, будто сомневаются, что человек с благонадежной анкетой сумеет возглавить любое дело.

Когда ленинградская партийная организация и лично товарищ Романов предлагали на руководящие должности в ЛНБ проверенных людей – своих родственников и знакомых, то их, о ужас, не брали!..

Староса вызвали куда надо, урочая слить лабораторию с какой-либо фирмой, например «Светланой», и дать им твердый производственный план.

В Зеленограде невиданными темпами строилось жилье, ценным работникам отдельную квартиру давали сразу же с началом трудовой деятельности, а то и раньше. В городе было московское снабжение (за колбасой не нужно ездить в метрополию!) и московская прописка. Руководителям светили приличные отклады и солидные премии за новую технику и внедрение.

Старос был требователен к подчиненным: он вышколил их так, что никто не рискнул бы прийти к нему на прием, не полистав последних зарубежных журналов. (Журнальчики, конечно, технические, но, несомненно, творческие!)

А дух единомышленников Берга, американский торгашеский дух был просто непереносим. В свое время он предлагал наладить производство микрорадиоприемников, которые разработало ЛНБ, и, пока никто в мире их еще не выпускал, продавать миллионами за рубеж. И считал при том, что за идею, изобретение и организацию выпуска ему положен процент от прибыли. А это, если посчитать, – миллионы долларов. Скажите, возможно ли, чтобы человек в СССР имел миллионы?

И Колесников, заместитель Шокина, прижал высочек – он им дал план по выпуску калькуляторов: сначала 10 штук в месяц, потом 100... И все это без малейшего намека на производственную базу. А потом вызывал в Москву и издевался: «Где калькуляторы? Где план?..» Но гадить по-крупному боялся, понимал – к т о может заступиться. Однако...

Неожиданно в Ленинград прибыл приказ Шокина, в котором новый человек – Луин – назначался директором Центра.

Старос как бы не существовало, он вроде ничего не предлагал, не строил, не организовывал. (Уже после стало известно, что инициатором этой интриги был «цэковский» аппаратчик Сербин.)

И Берг, и Старос решили, что пора обратиться к Хрущеву. Они написали ему письмо-жалобу на министра и его присных. Письмо решили отвезти сами. Его передали помощнику, поскольку самого Хрущева в Москве не было – он находился в отпуске.

Помощник вскоре сообщил им, что Никита Сергеевич уже в курсе, через пару дней будет в Москве и во всем разберется. На радостях «американцы» пошли в ресторан, где распили бутылку коньяку и впусно пообедали. Даже собрались поехать в Зеленоград, чтобы посмотреть место, где будут стоять их личные коттеджи. А наутро раскрыли «Правду» и прочитали, что Хрущев снят со всех постов «по состоянию здоровья».

Они знали, что в СССР принято жаловаться, апеллировать к самым «верхам», и отправили письмо Брежневу. Но не знали, что в этой стране жалобы попадают тем, на кого жалуются. У Шокина оказалось и их первое письмо – из сейфа Хрущева. Министр был в ярости, он топал ногами и обещал посадить «американцев» как растратчиков многомиллионных средств. Однако хитрый Устинов понимал, что новую разработку – для подводных лодок – никто вместо Староса и Берга не доведет до конца. «Пусть пока работают в Ленинграде», – посоветовал он Шокину. Расправу с «преступниками» отложили, но Старос решил уехать во Владивосток.

Он давно мечтал о создании искусственного интеллекта и обдумывал, как разместить миллиард элементов в объеме всего один кубический дециметр...

Тогда было модным среди ученых ехать работать в Сибирь и на Дальний Восток, за это обещали академические звания и прочие блага.

Пообещали «академика» и Старосу, а также институт и квартиру во Владивостоке. Однако, как рассказывает главный конструктор Олег Грицкевич, хорошо знавший Староса, ни квартиры, ни института там не оказалось. Военные моряки, которые хорошо

помнили заслуги «американца», выделили ему квартиру. В одной из школ нашлись пустые подвалы. Их отремонтировали, и там под руководством Староса занялась работа.

Три раза Староса выдвигали на выборах в Академию наук СССР – и все три раза отказывали. Когда отказали в третий раз, он умер от сердечного приступа – в Москве, прямо в машине.

17 марта 1979 года «Известия» сообщили:

«Советская наука понесла тяжелую утрату. На 63-м году жизни скоропостижно скончался член президиума Дальневосточного отделения АН СССР, лауреат Государственной премии, доктор технических наук, профессор Филипп Георгиевич Старос...»

Несмотря на то, что Старос «внес большой вклад», Шокин, как рассказывает Берг, на похороны не пришел...

Ни происки номенклатуры, ни поглощение ЛКБ «Светланой» Берга не смутили. У него появляются новые идеи. Берг разрабатывает «намерную» технологию, которая позволяет изготавливать микросхемы в любом небольшом помещении – чуть ли не в гараже или квартире.

Доклад об этой технологии на конференции в США вызвал огромный интерес – появилась возмож-

ность получать разнообразные изделия малыми партиями. Это оказалось очень выгодным. «Намерная» технология успешно развивалась во многих странах. А единственный советский экземпляр до сих пор пылится где-то на задворках «Светланы». Чтобы запустить эту технологию, нужны совсем небольшие средства, но...

Несмотря на свои 80 лет, сегодня Иосиф Берг по-прежнему энергичный, живой и увлеченный человек. Мечтает, чтобы ожили его разработки и задумки, что он заработает кучу денег...

В своей петербургской квартире Берг сломал перегородки и создал большой зал. Сам его отделал, сам сконструировал мебель и светильники. Квартира полна усовершенствований – собственной конструкции холодильник и даже унитаз.

В зале стоит концертный рояль. Сюда часто приходят известные певцы, композиторы, музыканты.

Он считает Розенбергов невинными и уверяет, что их осудили несправедливо.

«Я верю, что коммунизм еще восторжествует, – говорит Берг. – Но верю и в то, что стану очень богатым человеком...»

Он во многом сохранил американскую наивность и американское упорство...

✓
Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине – только один.

Ж.-Ж. Руссо.

Выбор судьбы: Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб.: Царское Село, 1996. – 290 стр. – (Духовное возрождение Отечества).

ЗИНОВЬЕВ А.А. Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991-1995 гг. – М.: Республика, 1996. – 368 стр.

ЛАТЫШЕВ А.Г. Рассекреченный Ленин. – М.: Март, 1996. – 336 стр. с ил.

ЛАУТ Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. /Пер. с нем. – М.: Республика, 1996. – 447 стр.

Добровольцы и партизаны. – М.: Голос, 1996. – 368 стр. – (Белое дело).

ГАСПАРОВ М.Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 380 стр.

ФУНС Э. Иллюстрированная история нравов: В 3-х томах. /Пер. с нем. – М.: ТЕРРА, Республика, 1996. – Т.1 – 479 стр., с ил., т.2 – 511 стр. с ил., т.3 – 442 стр. с ил.

ОСЕТРОВ Е.И. Святая Русь: Мир древних городов. – М.: Вербо, 1996. – 192 стр. с ил. – (История раскрывает тайны)

ПАВЛЕНКО Ю.Е. Страсти у трона: История дворцовых переворотов. – М.: Родина, 1996. – 320 стр. с ил.

ТЮЛАР Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» /Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 1996. – 382 стр. с ил. (НЗЛ).

УХАНОВ И. Рычков. – М.: Молодая гвардия, 1996. – 236 стр. с ил. (НЗЛ).

ПЛУГИН В. Алехан, или Человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. – М.: Международные отношения, 1996. – 416 стр.

ХЕЧИНОВ Ю.Е. Ангелы-хранители: Страницы истории Отечества. Крутые дороги Александры Толстой. – М.: РИА ДЮМ, 1996. – 464 стр. с ил.

ШИТАРЕВ В.С. Паруса над океаном: Из глубины веков – до наших дней. – М.: ИЛБИ, 1996. – 288 стр. с ил. – (Глуб фанатов техники).

Умелец в доме: Энциклопедия для всех. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. – 368 стр. с ил. Подарочное издание.

БАРКАН А.И. Его величество Ребенок каной он есть: Тайны и загадки. – М.: Столетие, 1996. – 368 стр. с ил.

МАКХЭТТИ Г. Кошки от «А» до «Я»: Энциклопедия. – М.: Вагриус, 1996. – 230 стр. с ил.

БОЛОТОВ Б.В., ЛЮБЕЦКИЙ А.Е., СНАКОВ С.Н. Живу не болея. – М.: Природа и человек, 1996. – 430 стр. с ил.

ГАЗДАНОВ Г. Собрание сочинений: В 3-х томах – М.: Согласие, 1996. – т.1 – 720 стр., т.2 – 800 стр., т.3 – 848 стр.

ГОЛОВАЧЕВ В.В. Заповедник смерти: Повести. – М.: Центрполиграф, 1996. – 506 стр. – (Классическая библиотека приключений и научной фантастики).

ЖЖЕНОВ Г. Я послал тебе черную розу... М.: Книга. Просвещение. Милосердие, 1996. – 352 стр. с ил. – (Международный детектив-глуб). Малоформатное издание.

ЗАДОРНОВ М. Кофточка: Веселая пьеса для грустного кино. – М.: Яуза, 1996. – 172 стр.

МАРИНИНА А. Смерть и немного любви: Роман, повесть. – М.: ЭНСМО, 1996. – 420 стр.

КОСТИН Б.А. Царевна Софья. – М.: Фонд имени И.Д.Сытина, 1996. – 190 стр. с ил. Малоформатное издание.

МАМИН-СИБИРЯК Д.Н. Собрание сочинений: в 3-х томах. М.: Полигран, 1996. т.1 – 384 стр., т.2 – 480 стр., т.3 – 412 стр.

ПАРНОВ Е.И. Кольца змея: Боги, герои и жрецы Древнего мира. Астральные таинства и сокровенные знаки. Великие провиденья и позабытая мудрость. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 стр. с ил.

ВУЛФ В. Избранное: Романы. Повесть. Биография. /Пер. с англ. – М.: ТЕРРА, 1996. – 480 стр. (Сокровища мировой литературы.)

КИПЛИНГ Р. Пак с волшебных холмов. /Пер. с англ. – М.: ТЕРРА, 1996. – 368 стр. с ил.)

КОНАН ДОЙЛ А. ХАРР Д. Шерлок Холмс... возвращается. Пер. с англ. – М.: Природа и человек, 1996. – 238 стр. (Сокровища мировой литературы).

СТАУТ Р. Избранные произведения: Романы Пер. с англ. – М.: Литература, 1996. – 528 стр. – (Библиотека классического детектива).

КОРЖИКОВ В.Т. Веселое мореплавание Солнышкина: Повесть. – М.: Столетие, 1996. – 144 стр. с ил.

Книжный базар

ИВАН ЗЮЗЮКИН

Брат мой...

Теодор Ван Гог.

*"Если бы мы не отваживались
на некоторые поступки, мы, право,
были бы недостойны жить".*

Винсент Ван Гог

Брат... Кто это?.. При всей простоте и очевидности понятие это емко и многозначно. Братом, бывает, называют лучшего друга. Но этим званием могут также удостоить (чаще всего – с пренебрежительным оттенком) случайного знакомого. И даже такой смысл может иметь это слово: брат мой – враг мой. Увы, жизнь полна примеров, когда самые ужасные преступления, самые низкие предательства совершаются родными братьями по отношению друг к другу – чем ближе тебе человек, тем неожиданнее и страшнее он способен ударить... Нет, нет! Наша история – совсем иного рода. Но и она подтверждает, что брат брату – не обязательно только брат...

В семье лютеранского пастора Ван Гога растут шестеро детей. Все они не отличаются особой жизнерадостностью и общительным характером, но самый из них замкнутый и непредсказуемый, несомненно, старший сын Винсент. Он много читает, любит рисовать, часами в одиночку бродит по безлюдным пустошам и торфяникам Брабанта (провинция Голландии), но часто бывает неприветлив и груб. Лишь младшего брата Теодора (Тео)

Драма великих сестер

он допускает в тайники своей души, берет с собой на рыбалку, своими необычными рассуждениями о жизни и людях вызывает у мальчика удивление и интерес. Их дружба — загадка для родителей. Сыновья так непохожи: Винсент с его взрывным темпераментом, упрямством и вредностью; Тео — добрый, послушный, склонный, как почти все голландцы, больше слушать, чем говорить...

В общем, у пастора и его благонравной супруги все дети как дети. А вот с Винсентом они лишь мучаются. Да, он неглуп, любознателен, но не знает, что ему надо в жизни. Некоторое время он работает торговцем картинами в Лондоне, затем — в Париже, однако из-за нерадивого отношения к делу и невежливого обращения с покупателями хозяева фирмы увольняют его. Он пробует себя также в роли воспитателя детей, христианского проповедника. Но за что ни возьмется, все делает с каким-то надрывом, без должного чувства меры. К примеру, проповедуя Евангелие среди углекопов, он попутно раздает самым бедным из них свои деньги, имущество (вплоть до кровати!), устраивает хозяевам копейки скандалы из-за того, что они плохо заботятся о своих рабочих. Этим он вызывает недовольство церковных властей, и его снова увольняют. ...И вот еще чем он озадачивает и возмущает родных: не имея никакого специального образования, вдруг занялся живописью. Причем и сведущим, и несведущим в вопросах искусства людям ясно: у пасторского сынка нет ни таланта, ни чувства красоты. У него что ни рисунок, что ни картина — все какая-то грубятина: стоптанные башмаки, бугристые картофелины, сломанное бурей дерево...

Рыжеволосый, с нелюдимым колючим взглядом, скуластым асимметричным лицом, сам весь словно топором сколоченный, неуклюжий, он не нравится девушкам. Работая в Англии, влюбляется в дочь хозяйки квартиры. Но ужасно надоедает ей излишними своими чувствами, она выходит замуж, но за другого. Вернувшись в отчий дом, он не находит ничего лучшего, как влюбиться в свою кузину Кее. Но ей он (и тоже безумно) не нравится. Чтобы избавиться от его назойливых ухаживаний, она уезжает в другой город. Но Винсент осаждает ее и там. Когда Кее, не желая его видеть и слышать, выбегает из дома, упрямец подносит руку к пламени керосиновой лампы и просит родителей Кее дать ему побыть с любимой ровно столько, сколько он вытерпит, держа руку над пламенем...

Вся семья в ужасе от его поведения. И его образа жизни: спит, когда и сколько хочет, давно не стриженный и небритый, ходит, позоря родных, в чем попало. К тому же родители и сестры подозревают, что Винсент, малюющий свои картинки, попросту бьет баклуши. «Если ты художник, то почему живешь за чужой счет? — допытываются они. — Если ты талантлив, то почему никто не покупает твою мазню?» А он в ответ даже ухом не поведет или угрюмо посоветует не соваться не в свое дело.

Сначала в хоре осуждающих слышен и голос Тео. В то же время младший брат внимательно присматривается ко всеми ругаемому Винсенту, словно догадывается, что своими колючками

старший брат лишь защищается, не собираясь ни на кого нападать. И картины его младшему чем-то нравятся... А когда Тео уезжает в Париж и становится торговцем картинами в той самой фирме, из которой когда-то уволили Винсента, он в своих письмах домой выступает в роли третейского судьи и пытается если не оправдать вызывающие поступки старшего брата, то, по крайней мере, как-то объяснить их. Но тщетны его усилия. Родители требуют, чтобы непутевый сын покинул их дом. И Винсент с дьявольской ухмылкой, захватив с собой краски, кисти и немного еды, уходит куда глаза глядят, становится бродячим художником...

Между тем жизнь и работа в фирме помогают Тео глубже понять своего брата. Конечно, Винсент опрометчиво поступил, бросив торговлю картинами. Но он, Тео, уже по себе знает, что эта работа – не сахар. Надо постоянно пригибаться, угождать покупателям. А среди них столько спесивых невежд, не умеющих отличить искусство от подделки. И не дай Бог, если хозяева фирмы узнают, что у тебя в живописи есть свои пристрастия. Ты должен оставить их при себе. Хозяев интересует прибыль и еще раз прибыль. А будешь им возражать, как когда-то Винсент, окажешься на улице... Что касается Кее, преследование которой братом стало последней каплей в чаше родительского терпения, то и тут не надо спешить с выводами. Как еще может вести себя молодой человек, полный сил и жажды кого-то любить, если ему постоянно дают от ворот поворот да еще смеются над его чувствами? Это нестерпимо больно и обидно. И он, Тео, это тоже уже испытал на себе. Ничего, кроме службы в фирме, у него в жизни нет...

Настоящий перелом в отношениях братьев происходит, когда Тео через родителей посылает бедствующему старшему брату пятьдесят франков. Для Винсента, странствующего по городам и весям Голландии, Бельгии, Франции, полуголодного, полурадетого, малыми неразумными детьми и самодовольными обывателями осыпаемого насмешками, эти деньги – намного больше, чем деньги! Это для него прежде всего светлый знак того, что в безжалостном мире он не одинок. Впрочем, пусть о своих чувствах поведаст нам сам Винсент, после долгого перерыва в их переписке пославший брату Тео большое письмо:

«Я узнал, что ты послал мне пятьдесят франков. Ну что ж, я принял их, – нехотя, конечно, с довольно горьким чувством, но я в тупике, все у меня перепуталось и другого выхода нет... Я человек одержимый, способный и обреченный на более или менее безрассудные поступки, в которых мне потом приходится раскаиваться... Но раз так, что же делать? Следует ли мне считать себя человеком опасным и ни на что не способным? Не думаю. Надо просто попробовать любыми средствами извлечь пользу из своих страстей. Назову, например, одну – у меня почти непреодолимая тяга к книгам... Находясь в окружении картин и произведений искусства я... восплаал к ним неистовой, доходящей до иступления любовью... Вдали от родины я тоскую по ней именно потому, что она – страна картин...» Зная, что о нем думают родители и сестры, он пишет далее: «Есть... бездельники понево-

ле, которые сгорают от жажды действовать, но ничего не делают, потому что они как бы заключены в тюрьму... такие люди не всегда знают, на что они способны, но инстинктивно испытывают такое чувство: «И я кое на что годен, и я имею право на существование!» ...Во мне есть нечто, но что? ...А знаешь ли ты, что может разрушить тюрьму? Любая глубокая и серьезная привязанность. Дружба, братство – вот верховная сила, вот могущественные чары, отворяющие дверь темницы. Тот, кто этого лишен, мертв. Там, где есть привязанность, возрождается жизнь». На случай, если Тео откажет ему в дружбе и братстве, Винсент просит его и родителей «считать, что меня нет».

Следует отдать должное Винсенту: в жизни он умеет довольствоваться малым, стойко переносит холод, сырость, аппетит отбивает непрерывным посасыванием трубки с табаком. Но от чего он может заболеть и умереть, так это от ощущения своей ненужности. Тяжелее и невыносимее чувства для него не существует. И стоило бы Тео хоть в чем-то обмануть ожидания старшего брата, Винсент, по его собственному признанию, не задумываясь покончил бы с собой... Но нет, Тео и сам-то не очень счастливый, не слишком-то хорошо устроенный в жизни, отныне берет старшего брата под свою защиту. Сообщит ли он об этом Винсенту в ответном письме, мы не знаем. Но знаем другое: этой цели Тео посвятит всю оставшуюся жизнь...

Кстати, о переписке братьев. Она продолжалась восемнадцать лет. В иные периоды жизни Винсент посылает брату по одному, а то и по два письма в день, причем по многу страниц каждое. (Он пишет их, как и свои картины, воспользуемся его же выражением, «с быстротою молнии».) И что это за письма! Написанные, как правило, под настроение, в состоянии беспредельной тоски или, наоборот, беспредельной радости, они потрясают неподдельной искренностью чувств и поразительной глубиной суждений о жизни и искусстве, а собранные вместе с письмами другим адресатам составляют большую книгу.

Наглядности ради приведем несколько коротких, взятых, что называется, наугад, отрывков из его писем, адресованных Тео.

«Дома меня побаиваются, как побаиваются пустить в комнаты большого лохматого пса. Он войдет, наследит мокрыми лапами, а потом – он такой лохматый...» «В твоём письме была фра-

- Натюрморт. Ваза с ирисами. 1890 г.
- Дом Винсента в Арле. (Желтый дом). 1888 г.
- Портрет Арманда Рулена. 1888 г.
- Сад больницы Святого Павла. 1889 г.
- Ирисы. 1889 г.
- Церковь в Овере. 1890 г.
- Огастина Сегатори, сидящая в кафе «Тамбурин». 1887 г.
- Улица Сен-Мари. 1888 г.
- Рыбная ловля весной. Мост д'Юлиши. 1887 г.
- Ваза с маками, пионами и хризантемами. 1886 г.
- Сморблящий старик. (На пороге вечности). 1890 г.

за, поразившая меня: «Я хотел бы уйти от всего, я сам причина всего и доставляю другим лишь неприятности». Эти слова поразили меня, потому что точно такое чувство, точно то же самое... испытываю и я...» «Ищи света и свободы и не погружайся слишком глубоко в грязь этого мира». «Полюбить всерьез – это все равно, что открыть новую часть света». «Я склонен историю человечества отождествлять с историей хлеба: если не посеять в землю, что же тогда молотить?» «Надо ее написать так, – пишет Винсент про буковую рощу, – чтобы в ней можно было дышать и прогуливаться, чтобы она источала аромат». «Крестьянин, который видит, что я битый час сижу перед старым деревом и рисую его ствол, считает, что я рехнулся». «Средиземное море точно макрель, его цвет все время меняется, оно то зеленое, то лиловое, а может, синее...» «Ах, дорогой мой брат!... Картинами я хотел бы выразить нечто утешительное, подобное музыке. Мне хотелось бы писать мужчин и женщин, на которых бы лежала печать вечности... Портрет, в котором мысль, душа модели, – вот к чему, мне кажется, надо стремиться... Выразить нежность двух влюбленных сочетанием двух дополнительных цветов, их смешением и противопоставлением, таинственными переливами близких тонов. Выразить мысль, скрытую под выпуклостью лба, светлым тоном на темном фоне. Звездой выразить надежду. Пламень души – сиянием закатного солнца...»

Мы еще вернемся к письмам Винсента. Что же касается писем его младшего брата, то, увы, почти все они безвозвратно утеряны. Этому способствовала кочевая рассеянная жизнь Винсента. Да и полностью сосредоточенный на живописи, он не проявлял заботы о своем архиве... Но можно ли тогда говорить о *переписке* братьев? В переносном смысле – да. Ведь многие письма Винсента написаны в ответ на письма Тео. В них он, как мы убедились выше, иногда цитирует брата. Но главное все же не в этом. Людям ограниченным и самодовольным, какими были многие его сородичи, Винсент вообще не пишет. А письма, адресованные Тео, занимают чуть ли не четыре пятых всей книги «Ван Гог. Письма»! Разочаровавшись в кровном родстве как таковом, Винсент воспринимает своего брата как самого большого друга на свете, свое второе «я». И это дает нам право все письма Винсента Тео уподобить зеркалу, в котором чудесным образом сохранилось отражение адресата, сыгравшего в жизни великого художника незаменимую роль. Да, из чистой глубины этого зеркала на нас печально и умно смотрит симпатичный молодой человек, светловолосый, с орлиным носом, с модными в ту пору усами и бородкой а-ля Наполеон II, одетый просто и элегантно – парижский торговец картинами Теодор Ван Гог...

Говорят, природа ничего просто так не дает – обязательно при этом что-нибудь отнимет... Природа дает Винсенту могучий дар живописца, наделяет его пронзительным умом, железной силой воли, словом, всем, что потом заставит весь мир произносить его имя с трепетом и уважением. Но она начисто обделяет его смекалкой и житейской хитростью, умением «зашибать деньги». Вот один из его дальних родственников, желая поддержать молодого

художника, заказывает ему серию рисунков с видами Гааги. Винсент с воодушевлением берется за эту работу, воображая, что отныне он сам будет зарабатывать себе на хлеб, краски, холсты... Но вместо чистенькой добропорядочной Гааги он рисует Гаагу бедных кварталов, Гаагу замшелых черепичных крыш, Гаагу мрачных фабричных труб, чем сильно разочаровывает заказчика... Или такой пример. Одному богачу вдруг приглянулась картина Винсента, он готов дать за нее хорошие деньги. Нет, отвечает полунищий художник, эта картина слишком дорога ему самому, чтобы делать ее предметом торга. И... дарит ее богачу.

Таких примеров можно привести много. Из них, можно сказать, и состоит «деловая» жизнь художника Ван Гога. За те десять лет, что он полностью посвятил живописи, Винсент создал свыше 800 полотен, сотни и тысячи рисунков и копий своих же работ. (Он даже некоторые письма брату сопровождает мастерскими набросками!) Сегодня все музеи мира, обладающие работами Ван Гога, гордятся этим так же, как монархи количеством и величиной алмазов в своей короне. Картины Ван Гога, если они выставляются на аукцион, идут с молотка за десятки, а то и сотни миллионов долларов. Сам же художник на своих картинах не заработал ни цента!.. На что же, спросите, он живет целых десять лет? Чем расплачивается за жилье, еду, одежду, холсты? Ответ: расплачивается деньгами, которые ему каждый месяц посылает Тео, который в придачу шлет еще книги, краски, литографии...

Если верно, что природа ничего просто так не дает, тогда верно и другое: она ничего просто так не отнимает, а что-то дает взамен. Тео, как и Винсент, еще в детстве пробует рисовать. Став respectable торговцем картинами, он иногда подумывает, не бросить ли ему это ремесло и, подобно Винсенту, стать вольным художником. (И старший брат, как видно из его писем, бурно приветствует это стремление Тео, делится с ним мечтой, как они вдвоем, подобно знаменитым братьям Ван Эйкам, будут писать картины, делить кусок хлеба пополам.) Но Тео так до конца жизни и останется торговцем. Судя по переписке братьев, ему не хватает решимости круто повернуть штурвал своей судьбы. Он не так сильно, как его старший брат, верит в свое призвание... Зато другие качества в нем явно преобладают. В отличие от Винсента, он управляет своими страстями, корректен в отношениях с людьми, экономен в своих тратах, деловит, чего не скажешь про Винсента. Иначе говоря, Тео наделен тем, чего у Винсента, как, например, умения «зашибать деньги», нет напрочь, и все это выглядит так, словно природа (если уж ее умение уравновешивать достоинства и недостатки принять за истину) поручает Тео опекать и поддерживать гениального старшего брата в том, в чем тот совершенно беспомощен и несостоятелен...

Верно, все эти десять лет Винсент страшно мучается тем, что находится на полном содержании у брата. Умный, не понаслышке знающий, как достается хлеб торговцу картинами, художник отчетливо сознает, что Тео, помогая ему, отрывает от себя. Но и при всем своем уме и жизненном опыте Винсент настолько наивен, что верит: когда-нибудь придет день, он враз разбогатеет, вернет Тео все, что задолжал — и даже больше! (Чтобы старшему брату было легче на душе, Тео как может поддерживает в нем

эту веру.) Но временами Винсент впадает в отчаяние, понимая, что в этой жизни он уже не рассчитается с долгами. И однажды предлагает на создаваемых им полотнах, рядом со своим именем (а он и подписывал картины только так – Винсент) ставить также имя брата.

Винсент, Винсент!..

«...Я не намерен щадить себя... мне довольно безразлично, сколько я проживу, – пишет он Тео. – Одно я твердо знаю – я должен за несколько лет выполнить определенную работу. Я нужен миру лишь постольку, поскольку должен рассчитаться с долгами и выполнить свою задачу, коль скоро тридцать лет я скитаюсь в нем...» Что же написал ему в ответ Тео? Дал совет, чуть потрафив вкусам обывателей, сделать свои картины «продажными», сколотить на этом капиталец, а уж потом всласть поработать в своей творческой манере? Выражаясь иначе, предложил брату пойти на тот самый временный компромисс, который, как показывает опыт многих художников, становится постоянной изменой искусству и причиной их творческого упадка? Нет, «зеркало» их переписки показывает: таких советов Тео брату не давал – иначе неподкупный Винсент с негодованием поставил бы его на место и, не исключено, отказался от помощи...

Не следует, однако, думать, что взаимоотношения братьев складываются всегда гладко. Серьезным (и, может, самым серьезным) испытанием для них становится Син – так ласково называет Винсент в своих письмах женщину сомнительного поведения по имени Христина, ставшую его сожительницей. Он подберет ее, больную, на последних неделях беременности, на одной из улиц Гааги, приютит на своей квартире, которая одновременно служит ему мастерской. Все деньги, какие у него были, он потратит на то, чтобы поместить Син в хорошую больницу, спасти от смерти ее и ребенка. Позже узнает, что у нее есть еще дети (живут у ее матери), что она старше его и что уже не может жить без табака и вина. Все равно – Винсент счастлив. Впервые в жизни ему на любовь отвечают любовью! Благодаря Син он наконец-то освобождается от тоски по Кее – женщине, которая могла стать его счастьем и звездой, а стала причиной горя и ожесточения души. Сообщая брату о Син все как есть, Винсент пишет: «...любая женщина в любом возрасте, если она любит и если в ней есть доброта, может дать мужчине если не бесконечность мгновения, то мгновение бесконечности...» Причем он влюблен не только в Син, но и в ее детей, считает, что один из них (хотя не очень уверен в этом), родившийся во время их сожительства – его сын...

Когда Тео узнает, что Винсент намерен жениться на Син, он бросает все дела в Париже и приезжает в Гаагу. Син превзойдет его ожидания. В том смысле, что на вид она окажется еще старше, чем он представлял, и не такой милой и обаятельной, какой ее описывал Винсент. Таких, как она, Тео видит всякий раз, когда проходит через площадь Пигаль – самое значное место в Париже. Он знает, что таких женщин уже не исправить, они не годятся ни в жены, ни в матери. (И он еще не знает, что из-за нее Винсент переболеет сифилисом.) Тео с тревогой и недоумением

смотрит на брата: неужели тот не видит, с кем он хочет связать свою жизнь?.. А Винсент на самом деле не видит. Вернее, эту худую, нервно покуривающую, с явными следами порока на лице женщину он видит такой, какой *он* ее видит. Да и не глазами видит, а сердцем, изголодавшимся по любви и счастью. И будет защищать ее до последнего как свою последнюю надежду. Еще до приезда Тео он напишет брату: «Если я стану тебе перечить, — тогда можно сказать, пропала моя голова. Но молчать только для того, чтобы не лишиться... помощи, представляется мне омерзительным». Так — и не иначе. И в этом весь Винсент.

С тяжелым сердцем Тео возвращается в Париж... Как ему быть с братом дальше? Положа руку на сердце, скажем: никто бы его в то время (да и в наше — тоже) не осудил, скажи он брату твердо и недвусмысленно: или ты оставляешь эту женщину, или отныне рассчитывай только на себя... Но так мог сказать кто угодно, но не Тео. Он понимает: если «перекроет кислород» брату, тот пойдет работать грузчиком в порт, подметальщиком улиц, кем угодно, но Син по своей воле не бросит. А вот живопись оставит. И уже не сможет никогда больше заниматься ею. Так устроены все истинные художники. Невозможно отделить их талант от их необузданных страстей, странных причуд, экстравагантных поступков. Вернее, отделить можно. Но тогда в человеке погибнет художник... И Тео по возвращении в Париж как ни в чем не бывало продолжает высылать деньги, на которые, кроме брата, живут Син, ее дети, ее мать...

Тео. Тео!..

Расставшись наконец-то с Син (ее потянуло к прежней профессии) Винсент с истерзанной душой покидает Гаагу. Он снова становится бродячим художником. Очередная неудача в личной жизни озлобляет его. Чего не было прежде, он начинает выговаривать брату за то, за другое. «Да, деньги ты можешь мне дать, — словно бы испытывая терпение Тео, пишет он ему. — Но ты не дашь мне жену, ребенка, работу...»

А что из перечисленного Винсентом есть у Тео? Только работа. Причем такая утомительная, что он возвращается домой совершенно без сил. А ведь ему еще нет тридцати... Тео еще не знает, что такой упадок сил в его годы — симптом болезни, о которой ему вскоре сообщит один из парижских врачей. (Вылечить не вылечат, но книгу «От какой болезни погиб Теодор Ван Гог?» — напишет.)

Отношения с хозяевами фирмы у него складываются не лучшим образом. По их мнению, господин Ван Гог слишком много внимания (и места в салоне-галерее на Монмартре) уделяет художникам, картины которых не пользуются спросом у почтенной публики. Например, этим... как их? ...импрессионистам... Да, больших денег на этих художниках не сделаешь. Время их еще не пришло. Но Тео предчувствует: оно вот-вот придет и тогда богатые коллекционеры произведений искусства будут чуть не в буквальном смысле вырывать друг у друга полотна Сезанна, Моне, Сёра, Писарро... А пока Тео, несмотря на недовольство хозяев, выставляет на продажу картины художников, которым впервые в истории живописи удалось на своих холстах с помощью прихотливо рассыпанных мазков запечатлеть зыбкую красоту бытия: прохладу летней воды, густой аромат спелых плодов, полдневный

шум парижских улиц, чарующее лукавство красивых женщин – все то, что прежде считалось невозможным передать с помощью красок и было монополией литературы и музыки. ...Но, восхищенный искусством импрессионистов, Тео превыше всех других ставит и ценит одного художника – Винсента Ван Гога. Он еще не готов сказать, в чем именно, но чутьем угадывает, что его брат продвинулся дальше импрессионистов, что грядет время, когда о нем заговорят как о великом художнике. Он выставляет несколько полотен брата на продажу. Увы! Посетители салона, еще не зная, что картины Ван Гога не стоит рассматривать вблизи, ничего, кроме хаотического нагромождения ярких, точно вспышки зарниц, красок до странности вывернутого мира и бесконечно одиноких людей в них не находят, и проходят дальше, не поинтересовавшись даже, кто такой «Винсент»... Да что посетители-дилетанты! Кое-кто из знакомых художников – люди вовсе не без таланта и вкуса – откровенно говорят Ван Гог-младшему: «Не сердитесь, Тео, но ваш брат не умеет рисовать...»

А Винсент? Он еще не знает, как в мировой столице искусств воспринимается его работы. И однажды обрушивается на Тео с горьким упреком: «Ты не продал еще ни одной моей картины!»

Винсент, Винсент... Тео, Тео...

Снедаемый ревнивым желанием увидеть, чего добились французские художники – законодатели мод в живописи, голландец Ван Гог рвется в Париж. Тео советует ему не делать этого. Он опасается – и не без оснований, – что с приездом брата кончится его спокойная жизнь... Но нет, ранней весной 1886 года ему в салон приносят записку от Винсента. Старший брат назначает ему встречу и не где-нибудь, а в Лувре, куда он, приехав в Париж, направился напрямик с вокзала. Как Тео и предвидел, у него прибавляется хлопот. Сотрясаемый великой жизненной энергией, стремясь поскорее увидеть Париж у своих ног, Винсент лихорадочно пишет одно полотно за другим, вытесняя бедного Тео из квартиры на улицу. Приходится снять площадь побольше и, соответственно, подороже. И все равно у замкнутого неразговорчивого Тео нет покоя. «Домашняя жизнь стала для меня невыносимой, – жалуется он в письме одной из своих сестер. – Я надеюсь, он поселится отдельно. В нем уживаются как бы два человека: один на редкость одаренный, чуткий, добрый, другой – эгоистичный и жестокий». Едва появившись в Париже, Винсент начинает браться с такими же голодными и непризнанными, как и он, художниками. Он носит с планами создания школы новой живописи и хочет во главе ее поставить Поля Гогена, художника, поразившего его необычной манерой живописи. Одновременно он заводит роман с ресторанной дивой и, пока Тео гостит в Голландии, любвеобильному Винсенту чуть не проламывают на почве ревности череп. Стремясь поскорее получить заслуженное признание, он выставляет свои полотна то там, то там, но везде – без успеха. Тогда он заводит привычку подолгу сидеть в каком-нибудь кафе на Монмартре с выставленной для всеобщего обозрения картиной. Часами ждет, когда к нему, наконец, кто-то подойдет и спросит: «Не вы ли, месье, на-

писали эту гениальную картину?» Но никто к нему так и не подойдет. И тогда он, полный ярости и отчаяния, идет к старьевщику и продает ему свои полотна как холсты, бывшие в употреблении. (Возможно, где-то и сегодня висят полотна, скорее всего, посредственно выполненные, под грунтовкой которых кипят и плавятся солнечные краски великого и в свое время непонятого Ван Гога.) Короче говоря, Париж, великий, сказочно красивый и безжалостный город, окончательно убедит Винсента, что никому на этом свете, кроме Тео, он не нужен. Он хочет уехать от всего куда-нибудь подальше. Например, в Арль, что на юге Франции. Говорят, там и земля, и небо, и люди, и цвета – все другое...

Тео, смиренный терпеливый брат Тео, раньше ему ни в чем не отказывал – не откажет и на этот раз. На прощанье Винсент горячо и виновато обнимет его, заверит, что уж там-то, в Арле, все будет в порядке: работа, работа – и никаких приключений. И с приподнятым чувством поедет в те края, где, выражаясь словами Бодлера, «для любви века, где даже смерть легка», где он достигнет пика в своем мастерстве и где безвозвратно надорвет душу в попытках достучаться до ума и сердец современных ему людей...

Нет, нельзя сказать, что в Арле, красивом, уютном, но насквозь провинциальном городке, Винсент совсем одинок. К нему, человеку странноватому, но безобидному и доброму, с большим почтением относятся местный почтальон, хозяйка кафе, врач – все те, кого он своей кистью обессмертит на своих полотнах. (Правда, никто из них не узнает себя на его портретах. Но потом происходит загадочная, в чем-то схожая с уайльдовским «Портретом Дориана Грея» история: к концу жизни кое-кто из них становится именно таким, каким его когда-то изобразил Ван Гог...) Но Винсенту в Арле нужен – до галлюцинаций нужен! – Поль Гоген, великий, как и он, художник, в отличие от него, весьма уверенный в себе, но такой же, как Винсент, нестроенный, бедствующий и почти никем не признанный. Он нужен Винсенту как друг и интересный собеседник. Вместе, мечтает Ван Гог, они создадут здесь братство художников и в окружении красных виноградников, благоуханных роц, в соседстве с лазурным Средиземным морем будут творить во славу жизни, правды и искусства...

Винсент умоляет Тео способствовать приезду Гогена в Арль. И младший брат догадывается: это не пустой каприз Винсента, Поль нужен его мятущейся тоскующей душе. Ван Гог-младший готов дать денег Гогену на проезд в Арль и выплачивать ему небольшое ежемесячное пособие, пока он будет жить в этом городке. Но Гоген долго колеблется. Бывший биржевой маклер, он не понимает, что стоит за приглашением братьев Ван Гогов, иногда ему кажется, что они хотят нажиться на его картинах. Когда же, наконец, приезжает в Арль, то сразу же берет бразды правления художнической коммуной в свои уверенные руки, со всем присущим ему темпераментом и красноречием пытается обратить друга Винсента в свою эстетическую веру – к картинам же Ван Гога относится, за исключением одной-двух, весьма прохладно. Правда, это не мешает им много и плодотворно рабо-

тать (одни и те же люди и окрестности Арля на их картинах выходят такими же разными, какими были они как художники). Они сами себе готовят пищу, один раз в неделю в «гигиенических целях» посещают местный публичный дом... Но в конце концов между ними происходит разрыв. Гоген объявляет, что он покидает Арль. С Винсентом на этой почве происходит сильнейший нервно-психический срыв. Словно бы в знак протеста против решения Поля он обрезает себе часть уха. Напуганный Гоген вызывает в Арль Тео. С этого времени начинаются странствия Винсента по местным лечебницам для душевнобольных...

Все это происходит в то время, когда у Тео завязывается счастливый роман с прелестной голландкой по имени Иоханна (Ио). Они решают пожениться. Да, Ио все знает про брата своего жениха: и то, что он человек редкого таланта, и что там, на юге, с ним стряслась беда. Когда невеста впервые переступает порог дома Тео, она с удивлением обнаруживает, что в квартире ее любимого стены всех комнат от потолка до пола увешаны диковинными картинами, а те полотна, которым не хватило места на стенах, лежат свернутыми в рулоны под кроватью, диваном, шкафом... Через некоторое время, когда на свете не будет уже ни Винсента, ни Тео, она увезет эти полотна в Голландию, «страну картин», страну, давшую миру Винсента. И – давшую Тео. Ведь если нельзя его считать соавтором картин брата в прямом смысле, то уж их ангелом-хранителем – по полному праву. К сожалению, Винсент не умел хранить не только письма. Кочуя с места на место, он иногда оставлял свои гениальные полотна где попало. Случалось, из чувства симпатии он дарил написанные им портреты моделям. Однако его щедрыми дарами часто пользовались не по прямому назначению. Так, всемирно известным «Портретом доктора Рея» (находится в Москве, в «Пушкинке») один арлезианец затыкал дыру в курятнике. Другое полотно Винсента служило мишенью для стрельбы из пистолета. Третье... Словом, до нас из сотен картин Ван Гога дошла лишь малая часть. И она-то дошла, главным образом, благодаря Тео.

Тяжелая болезнь донимает Винсента. Придя в себя после очередного приступа, он лихорадочно много работает, оживленно переписывается с Тео, Гогеном (которого быстро простил), по-прежнему много читает. И может, вдруг потеряв над собой контроль, броситься с ножом на надзирателя лечебницы... И вот что поразительно: в его письмах нет и следа болезни. Его мозг работает четко, в своих суждениях Винсент, как всегда, глубок и свеж. И что ни картина, то – шедевр. Одно заметно: мир на его полотнах покачнулся и пришел в движение. Золотые хлебные поля, оливковые рощи, хижины крестьян, повозки, проселочные дороги, кругообразно вращаясь, на наших глазах медленно, нехотя уплывают в какую-то, лишь художнику видимую даль, небо Ван Гога теперь состоит как бы из одних воронок звездных бездн. Кажется, Винсент нам хочет сказать, что все сильнее и быстрее раскручивается вселенский смерч, который, точно вор, скоро унесет от него эти до слез прекрасные и любимые им по-

ля, рощи, хижины, повозки, небо... Но, наверное, верхом всего, что он создал в эти свои самые горькие годы, является его «Стая ворон над хлебным полем» – великая и страшная картина, по которой видно, как на могучий и, словно солнце, яркий разум несчастного художника неотвратимо надвигается каркающая тьма полного безумия...

В мае 1890 года Винсент почувствует себя настолько хорошо, что, выписавшись из лечебницы, рискнет самостоятельно поехать в Париж, где его радушно встретят и приветят Тео и Ио. Но долго оставаться у них он не может. У молодоженов появился маленький Винсент, названный так, конечно, в честь своего дяди. Винсент-большой не хочет отягощать жизнь молодой семьи своим присутствием. Он поселяется в Овере, неподалеку от Парижа, вновь много и искусно работает. Болезнь – так кажется ему самому и наблюдающему его врачу – понемногу, но отступает. Время от времени он приезжает в Париж к молодым Ван Гогам, и Ио с удивлением отмечает: больной старший брат выглядит крепче и здоровее младшего...

А к Винсенту судьба, кажется, наконец-то поворачивается лицом. Одна из ценительниц живописи покупает его картину за 400 франков. Незадолго до приезда Винсента в Париж известный французский критик пишет о его живописи прямо-таки восторженную статью. В ней, например, говорится, что Винсент Ван Гог, «этот могучий, неподдельный и чистокровный художник с грубыми руками титана, с нервами истерической женщины и душой ясновидца, совершенно самобытен и стоит особняком в жалком искусстве нашего времени». Письмо с лестными словами приходит от Гогена, его поздравляют блистательные мастера живописи Тулуз-Лотрек, Синьяк... Винсент смущен, подавлен, благодарит за похвалы, но совершенно искренне считает, что все сказанное о нем, скорее относится к Гогену...

Винсент, Винсент...

У Тео же, наоборот, дела идут неважно. До предела обостряются его отношения с хозяевами фирмы. Он становится мрачным, раздражительным, умопомрачительно много курит и слабеет день ото дня. Непокойна и Ио. Болеет, не спит по ночам, кричит ребенок. У нее нервы тоже на пределе... Приехав к ним в очередной раз, Винсент внезапно и молча покидает их дом. «Чем я могу помочь, вернее, что мне сделать, чтобы вас это устроило?» – пишет он из Овера, и эта строчка из его предпоследнего письма звучит леденяще спокойно, в ней затаилось обещание младшему брату пойти ради него на все. Но что именно произошло в тот день? Это осталось тайной. Возможно, в разговоре с издерганными Тео и Ио Винсенту послышалось что-то такое, что ножом полоснуло по его легко ранимому сердцу. Возможно, с уст кого-то из супругов нечаянно сорвалось резкое слово. Кто знает?.. И если бы Тео, бросив все, помчался следом за братом в Овер. Или если бы Винсент, поостыв, еще раз приехал в Париж и объяснился с братом... Но свершившаяся судьба, как и история, не знает сослагательного наклонения. Винсент изберет другое решение: в жаркий июльский день, одиноко бродя по живописным окрестностям Овера, под однообразное пение цикад и уго-

варивающий шелест листвы, не снеся страданий, он вдруг... выстрелит в себя! И через два дня, навзрыд оплакиваемый младшим братом, сказав напоследок: «Тоска не пройдет никогда» — он скончается... Полуослепшими от слез и горя глазами Тео прочитает найденное в пиджаке брата его последнее неотправленное письмо. Своей простотой, величием и скорбью оно напоминает и предсмертную молитву и реквием по самому себе:

«Да, дорогой мой брат, я всегда твердил тебе и повторяю еще раз... никогда я не считал тебя обычным торговцем картинами... Через меня ты принимал участие в создании кое-каких полотен, которые даже в бурю сохраняют спокойствие...

Мы создали их, и они существуют, а это главное, что я хотел сказать тебе. ... Что ж, я заплатил жизнью за свою работу, и она стояла мне половины моего рассудка, это так... Но что поделаешь?»

У Тео после смерти брата на время помутится разум. Он вдруг вообразит себе, что Ио и маленький сын виновны в гибели его безмерно любимого брата... Жена увезет его в Голландию — подальше от шумного, тревожного Парижа, от Овера, где раздался роковой выстрел. Но это не поможет Тео. Меньше, чем через полгода после смерти Винсента, тридцати трех лет от роду (в возрасте Иисуса Христа) Тео умрет. Официально — от нефрита почек и уремии. Неофициально...

Тео, Тео...

Со временем Ио перевезет останки мужа во Францию и захоронит в Овере рядом с могилой Винсента. Так они, братья, и по сей день лежат на высоком холме, находясь чутьточку ближе, чем жители Овера, к Богу, солнцу и вечной тишине. Что примечательно: оба они, такие при жизни непохожие друг на друга, разные, неодинаково согретые посмертной славой, лежат под совершенно одинаковыми надгробными памятниками. Тот, кому в голову пришла эта простая и поразительно справедливая мысль воздать братьям в равной мере, наверное, тоже обладал, как Винсент и Тео, великим сердцем...

И напоследок вернемся к вопросу, поставленному в начале нашего рассказа: брат... кто это?.. Применительно к Винсенту и Теодору Ван Гогам ни один расхожий ответ не годится. Их отношения были куда выше и значительнее кровного родства и обычной братской дружбы. Как противоположности, что составляют целое, Винсент и Тео не смогли бы порознь выполнить свое предназначение, но вместе они взаимно и щедро дополняли друг друга. Да, два существа (а может, одно в двух лицах?) были хоть и неравновеликими, но нерасторжимыми в духовной ипостаси половинками друг друга... Но возможны и другие версии. Исследователи жизни Винсента Ван Гога с недоумением и растерянностью отмечают тот факт, что он, неутомимый рисовальщик, горячо любивший своего младшего брата, не написал портрета Тео. Почему? Может, Винсент не хотел, чтобы его провидческая кисть показала брату, каким тот станет через много лет? А может, Винсент боялся, что, изучая брата как модель, заглядывая в его душу, он вдруг увидит... самого себя?..

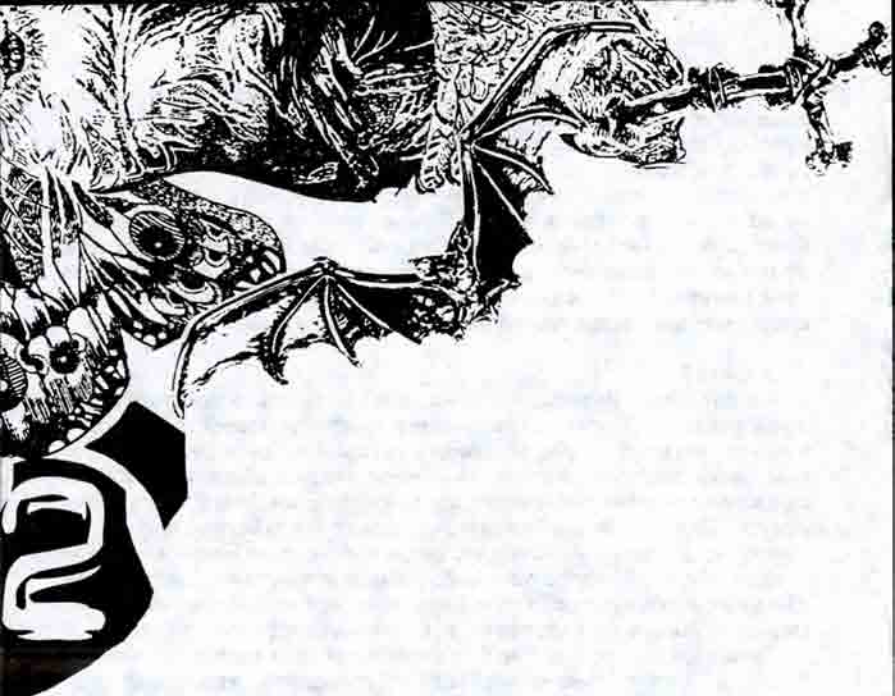
ALCHEMY
battle-dress ©

P. 21

me

3
1321

РОБЕРТ ДЭВИС

ЖЕНСКАЯ ПОРОДА

Апрель 22

Ну вот! Наконец-то я решил взяться за дело и открыл дневник. Только не стоит обвинять себя. Дневник был идеей Виолы. Она думала, что он поможет мне убить время в ее отсутствие. К тому же с помощью дневника я не буду так сильно скучать по ней. А так как вести дневник можно только в одиночестве, то подозреваю, она подумала, что он заставит меня сидеть дома по вечерам. Стоит мне выбраться вечером в паб, я всегда трачу слишком много денег. С помощью дневника Виола хотела хоть как-то ограничить мою расточительность. И, конечно, она абсолютно права. Виола всегда права. Похоже, я просто не умею обращаться с деньгами.

Дорогая Виола! Ее беспокоит только мое благополучие. Только ради меня самого она хочет, чтобы я сидел дома. Нет, она не ревнует, слишком уверена во мне, чтобы ревновать.

Итак, я попытаюсь стать настоящим домоседом и буду вести дневник. Кто знает, чем все это обернется? А вдруг придет день, когда я смогу написать книгу! Почему же мне не написать автобиографию или даже какой-нибудь бестселлер? Потом продам права на экранизацию и заработаю кучу денег! Вот так-то! На этой приятной мысли я завершил свою первую запись. Сейчас закрою дневник, выпью виски с содовой и отправлюсь спать.

Апрель 23

Наша миссис Перкинс – легендарная личность, в некотором роде ей цены нет. После потрясающего ужина, приготовленного ею, я сейчас отдыхаю перед камином с сигарой в одной руке и стаканом виски в другой. На колене у меня открыт дневник, который слегка покачивается и может упасть в любую минуту. Я всегда стараюсь создать себе максимальные удобства, что бы ни делал. Следуя этому правилу, я сейчас и сижу в кресле, а не за письменным столом. Строгий стул с твердой спинкой и жестким сиденьем не для меня, особенно после того пира, который мне устроила миссис Перкинс! Желаю ей успехов на кулинарном поприще и дальше!

Виола, да благословит ее Бог, на каждый день составила вместе с миссис Перкинс меню, чтобы быть уверенной, что я буду нормально питаться. Она прекрасно знает, что если меня предоставить самому себе, то каждый день я буду заканчивать в «Собаке и утке» пирогом со свининой и пинтой горького пива. А с такой едой днем много не поработаешь!

172

Каким опустевшим кажется дом без Виолы! Я должен быть поаккуратнее со своими записями, поскольку она наверняка захочет посмотреть дневник, когда вернется. Но у нас с ней нет секретов. Когда люди любят друг друга, в секретах просто нет необходимости.

Да, забавная пришла ей в голову мысль – подарить мне этот дневник. В детстве, еще в школе, я тоже пытался вести дневник, записывал свои мнения обо всех несчастных, кому не посчастливилось оказаться у меня на дороге. Нет нужды говорить, что львиная доля этих мнений была отрицательной. Однажды дневник исчез, и я никак не мог его найти. В конце концов меня вызвали к директору, перед которым все дрожали... вот только имя его я позабыл. Мой дневник, чтоб ему провалиться, каким-то образом попал в руки директору, и он полчаса изучал мое мнение о себе. Понятно, что настроение у него было не из лучших, несмотря на то, что я не написал о нем ни одного лживого слова. В общем, задал он мне тогда жару! Я так и не выяснил, кто оказался предателем, но мой энтузиазм следовать примеру Сэмюэля Пепса* после этого случая изрядно поостыл.

Со временем я решил вернуться к дневнику и пообещал, если позволят обстоятельства, заставить себя посвящать ему ежеднев-

* Сэмюэль Пепс /1833–1903/, английский государственный деятель, прославившийся своими напитками.

но не меньше получаса. Однако из этого благого желания, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Дни летели слишком быстро, и мне постоянно не хватало времени сесть за стол и взяться за дневник.

До этой поездки мы с Виолой никогда не расставались больше чем на пару дней. Ее чертов брат всегда ухитряется найти какие-нибудь неприятности. Хотя, пожалуй, сейчас напрасно я на него так накинулся. Разве можно винить человека в том, что он заболел? Но всякий раз, когда ему нужна помощь — финансовая или медицинская, Робин просто садится на зад и громко зовет Виолу. Хоть бы раз попробовал что-нибудь сделать сам. Ненавижу таких людей! Бедной Виоле пришлось помчаться к нему на выручку, а ведь ей очень не хотелось покинуть меня. Моя милая супруга пообещала вернуться как можно быстрее. Однако пневмония неприятная болезнь, а если возникнут какие-нибудь осложнения, то ей придется задержаться на несколько недель.

Было бы здорово, если бы Робин нашел себе какую-нибудь хорошую девушку и женился! Но вся беда в том, что этой несчастной придется больше цацкаться с ним, чем быть женой. Кроме Виолы у него никого нет, но он даже не пытается встать на ноги. В свои тридцать два года Робин еще ни разу не добился успеха, за что бы ни взялся, и сомневаюсь, что когда-нибудь добьется.

О, Господи, я просто не могу позволить, чтобы Виола узнала, что я думаю о ее дорогом братце. Если она прочитает эти строки, то ужасно обидится. Она считает, что я люблю Робина, и мне меньше всего на свете хотелось бы разочаровывать ее. Может, вообще не показывать ей дневник? Ведь при ведении дневника следует быть предельно честным, иначе это будет только пустой тратой времени.

Апрель 24

Еще один восхитительный ужин «а ля Перкинс». Видимо, на Рождество надо сделать ей роскошный подарок, хотя одному Богу известно, где взять деньги. Придется попросить у Старика прибавки: в конце концов я вот-вот проверну для него большое дело... я имею в виду контракт с «Уилкинсоном».

Интересно, смирилась ли Виола с разочарованием, которое я ей доставил, когда поступил на работу в «Стэнли и партнеры». Она знала, что я не один месяц стремился устроиться к ним, но отбор был очень строгим, и у меня не было особых шансов пройти его. Виола удивилась не меньше меня, когда я получил письмо, в котором сообщалось, что я принят. Она вела себя очень спокойно, когда я показал ей письмо. Не сказала ни слова. Только сильно побледнела, а ее поразительные зеленые глаза вспыхнули.

После смерти родителей Виола надеялась, что я передумаю и займусь семейным бизнесом. Однако я твердо заявил, что хотя и готов рекламировать сельскохозяйственную технику и орудия, но категорически не согласен заниматься их изготовлением. Я указал ей, что для этого у нее всегда есть Робин, хотя даже мне тогда была очевидна вся неуклюжесть моих доводов. Едва ли Робина можно назвать человеком, который способен возглавлять такую большую фирму, как «Уолсон».

Кроме моего абсолютного безразличия к сельскохозяйственной технике и ее производству существовал еще один сильный аргумент в пользу моего упорного нежелания перейти на работу в «Уолсон». Я не хотел находиться на содержании у родителей жены. Виола назвала этот мой довод полной чужью, но я твердо держался своего мнения.

Конечно, я не был настолько глуп, чтобы считать, будто получить место в одном из самых известных рекламных агентств в стране мне помогли обаяние и ум. Меня взяли в «Стэнли и партнеры» только потому, что я пришел с уже практически готовым контрактом на рекламу «Уолсона».

Чаще всего выгодные места достаются благодаря знакомству с нужными людьми. Ну и кто я такой, чтобы возражать? Я получил место в «Стэнли», и это главное. Я получил возможность доказать свои способности и показать «Стэнли», что он не сделал ошибки, взяв меня. После увольнения из армии я какое-то время протирал штаны в паре мелких рекламных агентств, так что реклама не была для меня незнакомым делом. Еще я понял, что смогу многому научиться, если с умом воспользуюсь такой возможностью. Потом совершенно неожиданно подвернулся контракт с «Замороженными продуктами Уилкинсона». Эта небольшая фирма пыталась проникнуть на рынок через крошечную щель, оставленную крупными концернами-монополистами. «Стэнли» решил поддержать «Уилкинсона». Он согласился рекламировать их продукцию и поручил мне заняться контрактом.

Со временем Виола поняла мои доводы и смирилась. Она согласилась, что я прав и что мне нужно самоутвердиться, хотя я и боялся, что про себя она посмеивалась над моими высокопарными аргументами. Может, я со своей гордостью и казался смешным таким умным людям, как она, но для меня стоять на своих ногах было очень важно.

Жаль, что Робин вдолбил в свою пустую голову, будто ему необходимо отправиться в Осло. Даже дома, где можно рассчитывать на помощь сестры, которая бросит все, включая мужа, и будет ухаживать за вами, пневмония переносится нелегко, но когда такое происходит за границей, все в десять раз хуже. Робин притворился, будто полетел на какую-то сельскохозяйственную конференцию, но подозреваю, что его истинные мотивы не такие похвальные. Эта история кончилась тем, что бедняжке Виоле пришлось бросить все, полететь в Норвегию ухаживать за братом и привезти его домой.

Наберусь смелости и завтра первым же делом пойду к Стэнли выпрашивать прибавку.

Апрель 25

Произошло невероятное чудо! Стэнли согласился раскошелиться! Я получил прибавку, о которой просил. Беру назад все плохие мысли и слова о нем. Он самый лучший парень на свете!

Но и это еще не все. Утром получил письмо от Виолы, в котором она пишет, что Робину уже значительно лучше и что она надеется вернуться домой через несколько дней. Робин хочет остаться в Осло, поэтому скорее всего она прилетит одна.

Как только Виола вернется, мы весело отпразднуем ее возвращение.

Завтра суббота, и можно будет на время забыть о работе. Все-таки на небе есть Бог, а значит, и на земле порядок. Завтра утром собираюсь отправиться побродить на Портобелло Роуд. Все, закругляюсь. Сейчас я слишком взволнован, чтобы вести дневник.

Апрель 26

Когда у меня особенно удачно складываются дела, я всегда пытаюсь отметить это событие потворствованием одному из своих излюбленных грехов: иду бродить по антикварному рынку на Портобелло Роуд. Наверное, как и многие другие люди, втайне я надеюсь приобрести за пару шиллингов какую-нибудь потрясающую вещь, выгодно продать ее и уйти на пенсию.

Но сегодня утром я приобрел совсем не то, что ожидал. Я пробрался по рынку больше часа, но так и не нашел золотой жилы. У меня уже начали болеть ноги. День выдался на удивление душным, без малейшего намека на весну. Такие дни бывают только ранней осенью, а не в конце апреля. Неожиданно мне захотелось выбраться из толпы. Надвигалась гроза, и в воздухе чувствовалась какая-то неопределенная угроза. Настроение у меня быстро ухудшилось. Заходить в паб было еще слишком рано, и я в отчаянии огляделся по сторонам, надеясь найти какое-нибудь кафе. Я находился в самой гуще почти непроходимой толпы и изо всех сил старался держаться в основном потоке, но время от времени меня останавливали кучки зевак, собирающихся вокруг лотков. Стоит мне попасть в густую толпу, и почти всегда у меня начинается легкая клаустрофобия. Вот и сейчас мой мозг начал получать сигналы опасности, которые служили серьезным предупреждением беды. Все усугублялось угнетающим воздействием атмосферы. У меня было такое ощущение, что вот-вот разразится гроза, не только вне меня, но и внутри. Или я вывернусь из толпы, или у меня будет какой-нибудь приступ.

Я начал проталкиваться руками и локтями, не обращая внимания на сердитые возгласы вокруг себя. И неожиданно заметил между ног впереди крошечного перепуганного рыжего котенка, которому грозила неминуемая опасность быть раздавленным. Я остановился, и мне удалось быстро схватить котенка за заднюю лапу.

Мальшу было не больше шести-семи недель от роду. Когда я поднял его, над головой прозвучали первые раскаты грома, и с неба начали падать огромные капли дождя. Я спрятал крошечное создание под плащ, чтобы он не намок, и кое-как пробился к магазинчику, под навесом которого и переждал дождь.

Ливень был сильным, но недолгим. Минут через пятнадцать он начал ослабевать, хотя в небе продолжали непрерывно сверкать молнии. Я вышел на Лэдброук Гроув, продолжая держать котенка под плащом, и у Публичной библиотеки опустил его на тротуар. Через дорогу находилось кафе, и я все еще не отказался от мысли выпить кофе.

Я занял столик в углу и заказал «эспрессо». Сделав заказ, случайно посмотрел вниз и увидел знакомого рыжего котенка. Он си-

дел рядом с моим стулом и не сводил с меня взгляда. Наверное, малыш увязался за мной. Перешел через дорогу и незаметно пробрался в кафе. Я взял его на руки и начал гладить, а он громко замурлыкал от удовольствия. Когда официантка принесла кофе, я попросил принести и блюдо с молоком.

К счастью, попалась добрая официантка, которая любила домашних животных. С многочисленными восторженными возгласами по поводу ослепительной красоты рыжего котенка женщина принесла молоко. Котенок жадно вылакал его и вновь запрыгнул ко мне на колени.

— Ну и что мне с тобой делать? — осведомился я, поглаживая крошечное шелковистое ушко. — Почему ты не бежишь домой к своим хозяевам? Они будут о тебе беспокоиться.

Котенок довольно замурлыкал.

Когда я вышел из кафе, котенок продолжал идти за мной. Мы подошли к автобусной остановке.

— Уходи, брысь! — велел я и махнул рукой.

Но рыжий котенок продолжал пристально смотреть на меня.

Когда к остановке подошел мой автобус, я принял быстрое решение. Котенок несомненно потерялся и по непонятной причине привязался ко мне. Поэтому я взял его и отвез домой.

Миссис Перкинс мой поступок удивил не меньше меня самого, но через несколько минут она уже души не чаяла в рыжем котенке. Я же решил в понедельник дать объявление в газету о его находке.

Апрель 28

Большую часть вчерашнего дня я провел за играми с моим новым другом. Миссис Перкинс уверяет, что это «она», и что если я намерен оставить ее дома, то необходимо показать кошку ветеринару. Я покачал головой и подумал, что необходимо обсудить этот вопрос с Виолой.

Виола всегда любила кошек, и я уверен, что когда она увидит этого малыша, то несомненно захочет его оставить. Надеюсь на это, поскольку сам полюбил его... вернее «ее», как теперь следует говорить. В субботу после обеда я принес ей теннисный шарик, на который она набросилась с яростным восторгом ребенка, получившего свою первую в жизни игрушку.

Одно из самых больших заблуждений, передающихся из поколения в поколение и особенно любимых авторами страшных историй, то, что во всех кошках есть что-то зловещее. Ничто не могло быть дальше от истины в случае с моей малышкой.

Я пишу эти строки, а кошечка сидит на книжном шкафу и пристально разглядывает меня. Думаю, для успокоения совести следует дать объявление о находке, но искренне надеюсь, что никто на него не откликнется.

Апрель 29

Утром принесли длинную телеграмму от Виолы. Состояние Робина настолько улучшилось, что она не может больше оставаться без меня ни минуты и немедленно вылетает домой. Я могу не беспокоиться и не встречать ее, потому что она сообщила в контору, и Билл Дженнингс приедет за ней в аэропорт.

Замечательные новости! Не могу поверить своему счастью, что скоро увижу любимую Виолу. Несколько дней, проведенные без нее, показались мне длинными, как годы. Когда Виолы нет со мной, у меня такое ощущение, что я живу только наполовину. Дом без нее тоже становится пустым.

Надеюсь, кошечка ей понравится. Очаровательное создание устроилось в доме так, словно родилось здесь. Сегодня я так и не позвонил в газету, но завтра обязательно позвоню. Неожиданно у меня мелькнула мысль, что я не переживу, если найдется хозяин. Конечно, все это ерунда. Ведь мы всегда можем купить другого котенка, если захотим. Должен отложить дневник, потому что звонит телефон.

Май 3

Последние несколько дней у меня не было желания открывать дневник. Весь мой мир рассыпался, как карточный домик. Виолы, моей дорогой Виолы, больше нет. Произошла авиакатастрофа, и никто из пассажиров не уцелел. Я не могу писать об этом. Я весь дрожу. Мне плохо.

Май 5

Вот и закончились похороны. Вчера меня возили на то место, где были найдены обломки. Виолу я опознал только по ее прекрасным рукам, которые благодаря какому-то чуду остались целыми. Все остальное было обожжено до неузнаваемости.

Миссис Перкинс согласилась остаться на какое-то время, но, конечно, на ночь она будет уходить к себе домой. Так что по ночам мне придется мучаться одному. Я еще не решил, остаться здесь или переехать.

Скоро нужно возвращаться на работу. Сейчас я чувствую себя слишком опустошенным, чтобы заниматься рекламными объявлениями, но начальство не станет долго держать меня в оплачиваемом отпуске. Дневник превратился для меня в отдушину, своего рода предохранительный клапан, хотя сейчас больше я писать ничего не могу.

После обеда позвонил Робин, попросил приехать в контору «Уолсона» и забрать из кабинета Виолы вещи. Знаю, что бесполезно и бессмысленно винить его за то, что произошло, но не могу не делать этого. Может, через несколько дней я хоть немного успокоюсь и стану смотреть на все иначе.

Май 11

Сегодня ездил в «Уолсон». Как и предполагал, поездка оказалась мучительной. В конторе присутствие Виолы почему-то чувствовалось сильнее, чем дома. У меня даже появилось жутковатое ощущение, будто она следила за мной, пока я собирал вещи. Домой я привез большую коробку.

Робин встретил меня и вел себя, конечно, очень тактично. Отношения между нами всегда были немного натянутыми, и в этом, я уверен, виноват не только он, но и я. Он, как положено, произнес слова, которые говорят в подобных случаях. И тем не менее у меня осталось сильное подозрение, что это всего лишь игра, притворство.

Еще у меня сложилось впечатление, что Робин прекрасно справляется с ситуацией в «Уолсоне». Наверное, придется взять обратно все слова насчет его неспособности занимать руководящий пост в большой фирме. Хотя сейчас, когда он остался без помощи Виолы, нужно подождать и посмотреть, что получится. Ведь политику фирмы определяла она. Буду с интересом наблюдать, чем все это закончится.

Пока я находился в кабинете Виолы, вошел Билл Дженнингс и спросил, не сможет ли чем-нибудь помочь? Он менеджер «Уолсона» по продажам и большой друг Виолы. Дженнингс должен был встретить Виолу в аэропорту, и он первый сообщил мне трагические новости по телефону. Произнес очень трогательную маленькую речь о восхищении, с которым относился к Виоле: и как к деловой женщине, и как к личности. Было очевидно, что для него ее гибель сильный удар. Его горе такое же искреннее, насколько притворное горе Робина. У меня даже возникли подозрения, что Билл немного любил ее. Попросил его завтра прийти вечером на коктейль.

Май 12

Билл Дженнингс недавно ушел. Сейчас я почти уверен, что он любил Виолу. Когда он огляделся в гостиной и увидел некоторые из ее вещей, мне показалось, что он не выдержит и разрыдается. Интересно, в скольких еще мужчинах Виола вызывала такие же чувства?

Билл с восторгом отозвался о моей маленькой кошке и встретил с ее стороны такую же реакцию. Она полюбила Дженнингса и терлась у его ног до тех пор, пока он не взял ее к себе на колени. Малышка удивила меня, потому что обычно не жалуется незнакомых людей и подчеркнуто игнорирует их присутствие с видом мученицы. Растет она с поразительной скоростью, и мне кажется, что я замечаю в ней изменения почти каждый день. Не знаю, какова нормальная скорость роста котят, но уверен, что моя растет быстрее. Нет нужды говорить, что, конечно, я забыла позвонить в газету и дать объявление. Это неудивительно, так как я уже не мыслю своей жизни без нее.

Она кажется безупречно чистой даже для кошки. Умываться может часами, движения отличаются особым изяществом. Как-то она прошла по камину, который был заставлен многочисленными безделушками и статуэтками, не задев ни одной. Кошечка элегантно поднимала лапки и шагала, как балерина.

Ну вот я и перехвалила ее! Только что на пол полетел стакан Би́ла и, конечно же, разбился. Так как миссис Перкинс ушла домой, то мне самому придется наводить порядок. Странно, но кошки нигде не видно. Наверное, выбежала из комнаты, как только поняла, что натворила.

Хотя как она могла выбежать, если дверь закрыта? Не иначе, как прячется за книжным шкафом.

Позже. Произошел совсем смешной случай. Я пошел на кухню за тряпкой и нашел там кошечку, которая спокойно заканчивала свой ужин. Выходит, она не могла находиться в гостиной десять минут назад. Но и стакан не мог сам по себе упасть на пол. Все окна плотно закрыты, и в доме нет сквозняков.

Трудно объяснить причину, но эта мелочь вызвала у меня совершенно неадекватную реакцию. Я испугался. Скорее всего шок после гибели Виолы еще не прошел. Пожалуй, сейчас лучше всего побыстрее вернуться к работе. Билл посоветовал сделать то же самое.

Мысль о бесконечном одиночестве и долгой пустой жизни пугает меня. Если бы только у нас были дети...

Это идея Виолы – повременить с детьми. Она говорила, что хочет еще несколько лет руководить «Уолсоном», чтобы ей ничто не мешало, пока Робин не наберется опыта и не сможет занять место отца. Но в последний раз, когда я видел Робина, он прекрасно управлялся с делами. По-моему, это касается не только дел фирмы, но и его личных дел. Так кто же кого водил за нос?

Ну вот! Неужели опять? С полки на пол неожиданно упала книга. Причем упала так... словно кто-то столкнул ее.

Май 13

Первый день на работе после перерыва, вызванного гибелью Виолы. Должен заметить, что все были ко мне добры и предупредительны. Конечно, я еще чувствую себя немного не в своей тарелке. Наверное, потребуется какое-то время, чтобы опять впрячься в упряжку.

Как это ни парадоксально звучит, но после смерти Виолы дом больше полон ею, чем при ее жизни. Когда она улетела в Норвегию, дом опустел. Сейчас же он наполнен какой-то таинственной деятельностью... откуда-то изнутри постоянно раздается странное жужжание. Уверен, кошка тоже чувствует его. Она сильно нервничает и испуганно вздрагивает при каждом шорохе. Сегодня утром я пришел на кухню и увидел, как она пристально смотрит на стену ниже подоконника и шипит. Я внимательно пригляделся, но не увидел ничего, кроме обычных крошечных пылинок, танцующих в солнечных лучах.

Однажды, вскоре после нашей женитьбы, мы с Виолой заключили шутилаевой договор: тот из нас, кто умрет первым, должен попытаться явиться к оставшемуся в живых. Наверное, мы хотели доказать существование жизни после жизни и то, что наша любовь сильнее смерти. Во многом мы мало чем отличались от остальных влюбленных и думали о разных глупостях. Странно, но сейчас мне не очень хочется, чтобы любовь была бессмертной.

Почему я написал это? Конечно, любовь должна быть бессмертной, человеку нужно иметь такое утешение. Но мысль о том, что Виола может сейчас жить в каком-то другом измерении и даже пытается в данную минуту вступить со мной в контакт, не вызывает у меня особого восторга. Напротив, мне становится страшно.

Май 14

Второй день на работе. Он прошел значительно легче, чем вчерашний. Работа с контрактом «Замороженных продуктов Уилкинсона» продвигается нормально. Стэнли, похоже, рад моему возвращению.

Позвонил Робин, чтобы уточнить какой-то вопрос относительно контракта «Уолсона», и во время разговора произнес любопытные

слова. Он заявил, что никогда не просил Виолу лететь в Осло ухаживать за ним. Это была ее идея. Она дала телеграмму, в которой сообщила о прилете. Но его вполне устраивал норвежский доктор. Правда, Робин не стал отрицать, что когда его состояние ухудшилось, он был рад ее приезду. Однако его беспокоило, что ей пришлось оставить мужа и дом в Лондоне, и очень может быть, что эти беспокойства задержали выздоровление. Слава Богу, дело закончилось без осложнений, но его выздоровление не было таким быстрым, каким могло быть.

Все это очень странно. Виола рассказывала мне совсем другое. По ее словам, Робин прислал паническую телеграмму, в которой умолял о помощи. Почему Робин так открыто солгал?.. Боюсь, я слишком резко положил трубку...

Чем больше думаю об этом, тем больше запутываюсь. К несчастью, Виола не сохранила телеграмму. Если говорить откровенно, то я вообще ее не видел и поверил жене на слово. Не может быть, чтобы она солгала. Она никогда в жизни не лгала мне.

Май 15

Утром проснулся от страшной головной боли и ощущения, будто задыхаюсь. В голове действительно было какое-то чувство сдавленности. Вечера становятся очень душными, и я решил отныне спать с открытыми окнами.

Никак не могу прогнать мысль, что Виола солгала мне по поводу поездки в Осло. Скорее всего здесь какое-то недоразумение, и должно существовать простое объяснение. Или же Робин играет в какую-то непонятную игру и старается настроить меня против покойной жены. Но зачем? В конце концов она была его сестрой. Вся эта история здорово расстроила меня и выбила из колеи.

У меня есть одно дело, но я никак не могу заставить себя взяться за него. Нужно перебрать вещи Виолы. Я еще не заглядывал в ее туалетный столик и гардероб. И у нее в комнате стоит маленький письменный стол, который она всегда запирала.

К счастью, в доме, кажется, стало тихо. Перестали раздаваться неожиданные звуки, больше ничто не падает и не разбивается. Ощущение беспокойства тоже прошло. Вероятно, оно плод моего богатого воображения, да и кошка, по-моему, тоже чувствует себя спокойнее.

Я никак не могу избавиться от мысли, что она растет с невероятной скоростью. Ей всего два месяца, а она уже выросла до размеров взрослого животного. Нужно проконсультироваться с ветеринаром, нормально ли это? И уж точно, ни одна из кошек, которые у меня были или о которых я слышал, не росли с такой быстротой.

Завтра займусь вещами Виолы.

Май 16

Второе утро просыпаюсь с сильной головной болью. Все окна в спальне открыты, но у меня опять ощущение нехватки воздуха, будто я тону. Горло болят, словно кто-то меня душил. Если это не прекратится, придется обратиться к доктору Гарретту.

День начался неудачно и так же закончился. Вечером меня ждало очень неприятное потрясение.

Придя с работы, я решил не откладывать то, что необходимо было сделать, и взялся за вещи жены.

Сначала я просмотрел гардероб Виолы, затем занялся маленьким письменным столом. Ключа нигде не было, поэтому пришлось сломать замок. Я думал, что она хранила внутри письма и бумаги, но то, что я увидел в столе, заставило меня произвольно сделать шаг назад. Когда я открыл стол, оттуда выпали небольшие картонные коробочки. С одной слетела крышка, и я увидел волосы, обрезки ногтей и прочую отвратительную и глупую ерунду. Самым страшным оказалось то, что с первого взгляда все это показалось абсолютно бессмысленным. Я стал открывать другие коробочки и во всех, за исключением одной, нашел то же самое. В одной хранилась высохшая жаба, в другой — что-то, похожее на маленькое сердце, скорее всего сердце горноста или ласки. В третьей лежало... кое-что настолько мерзкое и богохульное, что я не могу заставить себя написать, что это.

Одна коробка оказалась немного больше других. В ней находились крошечные обрывки бумаги. Я высыпал их на пол. Это были карты и диаграммы, заполненные бессмысленными знаками и символами. На одной я увидел пятиконечную звезду, на другой — восьмиконечную. Разглядывая рисунки, я заметил кошку, которая незаметно вошла в комнату, запрыгнула на туалетный столик и устроилась среди флаконов с духами и тюбиков с кремами, не сводя с меня пристального взгляда. Затем я заметил еще кое-что. Высыпав из коробки бумажки, я опустился на колени на небольшой коврик и немного сдвинул его с места. На полу виднелись полустертые фигуры, нарисованные мелом. Они, кажется, повторяли диаграммы. Особенно часто встречалась пятиконечная звезда. Когда я принялся разглядывать фигуры, кошка спрыгнула на пол, чтобы посмотреть, что я делаю.

Я подвинул ковер на место. Потом вновь заглянул в стол и увидел несколько книг. Стоило мне взглянуть на корешки, и я сразу понял, в чем дело. Виола баловалась колдовством.

Конечно, я и раньше знал, что ее интересовал оккультизм. Она часто пыталась уговорить меня прочитать книги, которые читала сама, но у меня не было времени для подобной ерунды. Да и ее вкусы к потустороннему казались мне нездоровыми. Однако я даже понятия не имел, что дело не ограничивалось только чтением книг и зашло так далеко. Перед моим мысленным взором возникла нелепая картина, на которой страшная Виола хриплым голосом читала отвратительные заклинания, склонившись над кипящим котлом. Неужели Виола, притаившаяся в углу спальни, рисующая на полу мелом пятиконечные звезды и окружающая себя высохшими внутренностями насекомых и животных, была той Виолой, элегантной и умной, которая занимала кресло председателя на заседаниях совета директоров «Уолсона» и обедала с влиятельными коллегами и клиентами в самых роскошных лондонских ресторанах?

Одна книга выделялась своей потрепанностью. Несомненно, Виола читала ее чаще других. Я открыл книгу и увидел, что в ней описывается совершенно непонятный для меня предмет: пересечение душ.

Сейчас, после смерти Виолы, у меня появилось непреодолимое желание выяснить, что же так привлекало ее во всей этой потусторонней галиматье. Я хотел разделить все ее увлечения, пусть даже косвенно. Поэтому взял книгу и решил прочитать ее, пообещав себе отнестись к ней как можно более беспристрастно.

Май 17

Вчера вечером начал читать книгу о переселении душ. Пока ра-
но говорить что-либо определенное, но она не производит на меня
особого впечатления. Во время всего чтения кошка не сводила с
меня пристального взгляда. Сейчас она все больше и больше вре-
мени проводит рядом со мной. Она очень любит меня, да благосло-
вит ее Бог, и ее общество – большое утешение по вечерам, когда
миссис Перкинс уходит домой и я остаюсь один.

Написал я о кошке и вспомнил еще кое-что. Я обнаружил причи-
ну моих утренних головных болей. Сегодня утром опять проснулся
со знакомым чувством удушения и увидел на себе кошку. Лапы она
положила мне на плечи, а головой как бы обвила шею. Придется не
пускать ее в спальню по ночам.

Я решил узнать у Робина всю правду о Виоле и об Осло и при-
гласил его завтра вечером на ужин.

Май 18

Вчера ночью выставил кошку из спальни и закрыл дверь. Она
очень жалобно мяукала под дверью, и мне стоило больших усилий
не впустить ее. Бедное животное так любит меня, а я абсолютно не
заслуживаю такой любви и преданности. На кухне у нее есть своя
корзина, в которой она и спала все время. Но несколько дней назад
почему-то перестала даже подходить к ней и повадилась спать у
меня в комнате. Кошки непостоянные создания!

Вчера я проявил твердость, так и не пустил ее в спальню. Зато
сегодня утром проснулся отдохнувшим и готовым к серьезному
разговору с Робинем.

Робин пришел ровно в половине восьмого, и миссис Перкинс
угостила нас одним из своих королевских ужинов. К счастью, ги-
бель Виолы никак не отразилась на ее гастрономическом мастер-
стве, и Робин, как положено, воздал по заслугам ее кулинарным
талантам. Сначала, естественно, в гостиной воцарилась напря-
женная атмосфера, но я сделал все, что мог, чтобы гость чувство-
вал себя непринужденно, как дома. Мне не хотелось злить Роби-
на и называть агуном, но нужно было заставить его рассказать
свою версию происшедшего. Поначалу Робин не хотел разгова-
ривать на эту тему.

– Какой смысл ворошить прошлое, Джим? – отнекивался он. –
Если честно, я не хочу даже говорить об этом.

– Но почему? – настаивал я. – Разве есть, что скрывать?

Он пожал плечами и уклончиво ответил:

– Виола мертва, Джим. Она была моей сестрой и твоей женой.
Давай обо всем забудем. Пожалуйста...

– Но я не понимаю. О чем надо забывать?

– Ты задал вопрос. Если я отвечу на него, ты обидишься и разо-
злишься.

Я пообещал не обижаться и не злиться.

Затем последовало долгое молчание, во время которого Робин, похоже, думал, с чего лучше начать.

— Хорошо. Если хочешь знать правду, то я сообщу ее тебе. А потом лучше выгони меня.

— Позволь мне самому решать, что лучше делать после того, как я услышу твою правду.

— Виола была злой женщиной, Джим.

На какое-то мгновение я опешил и едва мог поверить своим ушам. Мне удалось справиться с сильным желанием встать и набить этому прохвосту физиономию. Я сдержался и решил ему позволить закончить свой маленький рассказ.

— Продолжай.

— Извини, но это правда. Она была... злой.

— Злой? Это очень мелодраматическое слово.

— Возможно, но я не знаю иного.

— Хорошо. Что в ней было злого? Она ходила по улицам и колодила старух?

— Ну во-первых, чувство собственности. Оно было развито в Виоле почти до патологических размеров. Даже в раннем детстве она страшно злилась, когда отец уделял матери больше внимания, чем ей. Она никогда не могла заставить себя кому-нибудь подчиниться. Когда ей было около десяти лет, она как-то заявила матери, что ненавидит ее.

— Ну и что в этом такого страшного? Очень много детей говорят подобные вещи, когда злятся.

— Все дело в том, как это говорится. Тебя не было при том разговоре, а я был. Виола стояла перед матерью и проговорила эти слова спокойным негромким голосом, пристально глядя на нее своими зелеными глазами. Сам знаешь, какие удивительные у нее были глаза. Она могла так смотреть, что ее взгляд, казалось, прожигает насквозь.

Я вынужден был согласиться с гостем. Глаза Виолы на самом деле были поразительной красоты. Они сыграли немалую роль в том, что я полюбил ее.

— Если откровенно, у меня тогда мурашки забегали по спине, а ведь я был старше Виолы. Мать ничего не сказала. Она молча ушла к себе и легла в постель. Позже я услышал, как она плачет.

Робину удалось нарисовать мрачную картинку, но я не собирался идти у него на поводу и решил разрушить мелодраматический эффект.

— Нужно было задать Виоле хорошую трепку. Наказание пошло бы ей на пользу.

Робин покачал головой.

— Такое не исправить с помощью трепки. Это значительно глубже. — Он сделал паузу. — После смерти отца и матери Виола перенесла все свое внимание на меня. Она вбила себе в голову, что я должен возглавить «Уолсон», но при этом собиралась сама править, находясь за кулисами. Ты, наверное, помнишь, что сначала я не согласился и попытался заниматься другими делами...

— Да, помню.

— ...но ни в одном не добился успехов. Потом до меня начало доходить, что она, может быть, и права. Поэтому согласился возглавить «Уолсон». Я никогда не мог представить себя президентом крупной фирмы, но самое смешное, что мне это начало нравиться. В самом деле нравиться.

— Еще бы тебе это не нравилось, ведь Виола находилась за кулисами и помогала тебе. С такой помощью управлять фирмой было нетрудно. Виола делала это для твоего же блага.

— Я и сам сначала так думал, но скоро понял, что ошибался. Прошло немного времени, и до меня дошло, что я всего лишь марионетка в ее руках. На самом деле все решения принимала Виола, не советуясь со мной. Когда я высказал ей свои упреки, она просто рассмеялась мне в лицо и заявила, что я никогда не мог и никогда не смогу руководить «Уолсоном». Она считала, что я нуждаюсь в ней и всегда буду нуждаться.

— Ну, Робин, ты преувеличиваешь...

— Меня очень удивляет, что это говоришь именно ты.

— Я?

— Да, ты. Тобой она командовала ничуть не меньше, чем мной.

— Послушай, Робин...

— Джим, давай говорить начистоту и хотя бы раз перестанем препираться и спорить. В жизни Виола стремилась только к одному: подчинить себе душу каждого мужчины, с которым встречалась. Ей было нужно абсолютное подчинение.

— Да брось ты!

— Это правда, Джим. Я же говорил, что когда ты услышишь правду, то захочешь вышвырнуть меня.

Он нагнулся погладить кошку, которая ласково терлась о его ногу.

— Я вовсе не хочу вышвыривать тебя, — великодушно возразила я. — Просто мне кажется, что ты сильно заблуждаешься.

— Послушай, Джим. Я дважды хотел жениться, но каждый раз вмешивалась Виола и уговаривала девушку порвать со мной.

— Порвать? — удивился я. — Но как?

Робин пожал плечами.

— Для меня и сейчас эти истории остаются загадкой. Я знаю только одно: она приходила к ним, и они больше не хотели меня видеть.

— Даже если предположить, что в этом действительно была виновата Виола... в чем я очень сомневаюсь... почему ты не велел ей катиться ко всем чертям?

— Потому что... если откровенно... боялся я ее.

— Боялся, — глупо повторил я.

— Несмотря на то, что я был на два года старше Виолы, я боялся ее. В некотором смысле чувствовал себя беспомощным перед ней, как птица перед змеей. Ее воля...

— Да, у нее была большая сила воли, — прервал я его, пытаюсь вернуть разговор в нормальное русло.

— Дело не просто в сильном характере. Вся беда в том, что ее сила воли была направлена на злые цели... Черт побери!

Громкое восклицание разрушило эффект его слов. Робин вскрикнул, потому что кошка неожиданно выпустила когти и по-

царапала его правую ногу. Брюки мгновенно окрасились в красный цвет. Я вскочил на ноги и испуганно воскликнул:

— Робин, какой ужас! В ванной есть бинты... Надо же такому случиться!

Рана оказалась очень глубокой, и из нее текла кровь. Я попытался перевязать ногу, но выяснилось, что края намокшей в крови ткани уже успели прилипнуть к телу.

— Лучше всего поехать в больницу «Хаммерсмит», — посоветовал я. — Рана, по-моему, глубокая. Если ты доверишь мне свою машину, то я отвезу тебя.

Ему, несомненно, было очень больно. Мне так и не удалось остановить кровь, и я решил как можно быстрее отвезти его в больницу.

Мы вышли в прихожую, и я открыл входную дверь. Кошка юркнула у меня под ногами и скрылась в саду. Когда вернусь, решил я, то задам ей такую трепку, каких она еще не видела.

Доктор успокоил нас. Рана оказалась не такой серьезной, какой казалась. После больницы я отвез Робина домой.

Робин был немного бледен и потрясен случившимся. На прощание он пожал мне руку и сказал:

— Спасибо, Джим... Послушай, мне жаль, что все это наговорил. Наверное, я не имел права говорить такие слова.

— Но ты же веришь в то, что говорил?

— Боюсь, верю. И...

— Ну?

— Уезжай из того дома, Джим. Уезжай немедленно.

— Почему?..

— У Виолы была очень сильная воля. Поверь мне. Она действительно была очень сильная. — И с этими таинственными словами Робин закрыл дверь.

Я видел, что он сильно потрясен, поэтому решил не задавать ему вопросов. Всю дорогу домой размышлял над его словами, но так и не смог понять: прав он или нет. Я до сих пор не могу понять, является ли он молодым слабохарактерным человеком с заскоком, или в его бреде на самом деле что-то есть?

Если принять его рассказ за чистую монету и Виола действительно доминировала над ним так, как он говорил, тогда, конечно, она должна была ухватиться за возможность полететь за ним в Норвегию. Но неужели она и мной пыталась командовать? Робин считает, что командовала, но откуда он мог знать?

Конечно, она хотела, чтобы я проводил с ней как можно больше времени, когда не работал. Верно, после женитьбы я стал отдаляться от старых друзей, но я отнесся к этому, как к неизбежному. Мне казалось, что такое происходит со всеми мужьями, и считал вполне естественным для любящих супругов обходиться обществом друг друга.

Сейчас, однако, я понял, что с помощью множества маленьких хитростей Виола пыталась отбить у меня желание от всего, что не было связано с ней. Стоило пригласить кого-нибудь на ужин, как всегда находилась какая-нибудь причина, и я был вынужден отказаться от своей затеи. Стоило изъявить желание отправиться вечером в паб выпить пива, как Виола упрекала меня, что я трачу слишком много денег. Даже отправившись в Норвегию, она реши-

ла сыграть на моем детском увлечении и вручила дневник, чтобы по вечерам у меня не было свободного времени.

Она дала мне дневник, этот самый дневник! И ее идея сработала!

Май 19

Странно, как меняется отношение к домашним животным, если они неожиданно приходят в ярость. Любовь не проходит, но к ней примешивается легкий страх и некоторое уважение. Человек замечает, что подсознательно начинает следить за настроениями своего любимца, и с удивлением спрашивает себя: а на самом ли деле тот хочет, чтобы его гладили и ласкали?

Все это является просто вступлением к моему признанию. Несмотря ни на что, я так и не наказал рыжую кошку. Вместо этого вынужден признать, что в один вечер она, конечно же, преждевременно перестала быть кошечкой и превратилась во взрослую кошку. Только учтите, что речь идет о кошке, которой всего-то три месяца от роду!

Когда я вернулся от Робина, ее нигде не было. Я отправился на поиски в сад, собираясь задать ей сильную взбучку, но она не показывалась. Не видя особого смысла ползать в крошечной темноте по траве и зная, что у нее преимущество: она, в отличие от меня, видит в темноте, я вернулся в дом и отправился спать.

Вскоре, однако, послышалось знакомое жалобное мяуканье и царапанье в дверь спальни. Я сделал для нее специальный люк в нижнем углу входной двери. Она, наверное, дождалась, когда закончатся поиски, и отправилась вслед за мной в дом.

— Убирайся! — крикнул я. — Я все равно не впускаю тебя.

Но мяуканье не прекращалось... И тут произошла странная вещь. Даже сейчас я не в состоянии объяснить ее. Я почувствовал, как с моей головой что-то происходит. Возникло ощущение, будто кто-то пытается навязать мне свои мысли. Мне страшно захотелось встать и впустить это своевольное создание. Я не мог справиться с желанием и открыл дверь. Кошка немедленно запрыгнула на кровать, и никакие мои угрозы и мольбы не смогли заставить ее спрыгнуть на пол. Наконец она уютно устроилась на моем халате. Утром я, как и прежде, опять проснулся в почти человеческих объятиях. Посмотрев в зеркальце для бритья, заметил на шее царапины.

Сегодня я много думал над словами Робина. Все верно, Виола обладала сильно развитым чувством собственности. Против этого неоспоримого факта трудно было что-либо возразить. У меня словно открылись глаза: много дней я бездельничал, никого не видел и только и делал, что играл с кошкой. Разве это жизнь для человека моего возраста и способностей? Так незаметно можно превратиться в старую деву и неврастеника. Необходимо менять образ жизни и возвращаться к друзьям, пока еще не поздно. Сегодня же вечером пойду в паб и напьюсь.

Май 20

Вчера вечером я напился, а вернувшись домой, увидел в спальне Виолу. Она сидела в моем кресле перед окном. Я пишу об этом, потому что действительно увидел ее. Открыл дверь спальни и...

увидел покойную жену. Виола сидела в кресле и с улыбкой смотрела мне в глаза. О, только бы комната перестала качаться, подумал я, тогда можно будет повнимательнее ее разглядеть. Но комната не успокаивалась и продолжала качаться. Я был единственным устойчивым предметом в бешено раскачивающейся вселенной. Пары выпитых виски и пива грозили вырваться на поверхность и поглотить меня, как волны бурного моря. Я быстро замигал и схватился за дверь, чтобы не упасть. Когда снова посмотрел в сторону окна, то, как и следовало ожидать, увидел не Виолу, а кошку, которая сидела на подоконнике и пристально смотрела на меня своими зелеными глазами. Я завопил: «О, Господи, убирайся отсюда!». Наверное, я здорово ее напугал, потому что она всю ночь не показывалась на глаза.

Проснулся я с диким похмельем и страшной головной болью, но, несмотря на это, вчерашняя галлюцинация оставалась на удивление ясной и не покидала меня весь день. В конце концов я набрался смелости, встал с постели и подумал, что будет справедливо и по отношению ко мне, и к «Стэнли и партнерам», если я не пойду сегодня на работу. Поэтому остался дома и принялся читать книгу Виолы.

Один или два раза за день у меня возникало то же самое странное ощущение, которое я испытывал вечером два дня назад: будто кто-то старается внушить мне свои мысли. И каждая мысль так или иначе была связана с кошкой. Например, около трех часов дня между моими глазами и книгой внезапно появилась четкая картина блюда с молоком! Я поднял голову и сразу увидел кошку. «Так ты хочешь пить?» – пробормотал я. До сих пор для меня остается загадкой, почему я встал и поплелся на кухню за блюдом с молоком. Кошка вылизала молоко до последней капли и неторопливо вышла из комнаты. Я вернулся к книге, а пустое блюдо осталось стоять посреди комнаты, как немое доказательство этого странно-го маленького происшествия.

Если бы я записывал то, что, по моему мнению, происходит на самом деле, и если бы кто-то нашел этот дневник, то я бы не удивился, быстренько очутившись в ближайшей лечебнице для умалишенных!

Май 21

Сегодня развел в саду костер и сжег все омерзительные вещи Виолы. Кошка сидела на стене и не сводила с меня пристального взгляда. Когда я бросил на огонь последнюю картонную коробку, она подошла к краю стены и зашипела на меня. Этот эпизод ознаменовал начало нового этапа в наших отношениях. Если подобное повторится еще раз, я или отдам ее кому-нибудь, или, если ее никто не возьмет, убью.

Еще один день отлынивал от работы.

Май 22

Сегодня – утром – пришло письмо от Робина, в котором он настоятельно просил меня покинуть дом, но опять не объяснял причину. Он также советовал убить кошку, потому что она представляла опасность.

Май 23

Собирался сегодня пойти на работу, но так и не сумел заставить себя встать. Я сказал миссис Перкинс, что чувствую себя плохо, а она ответила, что я уже не первый день выгляжу очень плохо. Еду она приносила на подносе в постель, и я наконец дочитал книгу Виолы.

Трудно высказаться объективно по поводу этой книги, поскольку я ни на минуту не могу поверить в правильность псевдомистических догматов, на которых она построена. Если в двух словах, то дело обстоит так. Теория переселения душ утверждает, что в момент смерти душа переходит в какую-то другую «материальную субстанцию» или, проще, тело и действует оттуда. То, куда она попадет, во многом зависит от самой души. В большинстве случаев выбор места нового пристанища является очень сложным и продуманным процессом. Эта теория, пользующаяся большой популярностью в некоторых современных восточных культах, появляется в истории снова и снова с незначительными изменениями. Автор книги пишет, что во времена завоевания Юлием Цезарем Галлии вера в переселение душ была широко распространена среди друидов. Гораций тоже останавливается на этом вопросе в одной из своих од.

Разница, насколько я понял, между этой теорией и значительно более широко распространенной верой в перевоплощение душ заключается в том, что в первом случае изменение происходит практически мгновенно, а материальная душа может вселиться только в уже существующее тело, тогда как во втором случае душа должна пройти через все стадии, каждый раз рождаясь заново, и она может оставаться неопределенно долгое время в состоянии забвения или неопределенности между нашим и потусторонним миром.

Вот такую книгу Виола читала за несколько дней до своей смерти.

Май 24

Никак не удастся прогнать вялость и бездеятельность. За что бы я ни взялся, повсюду вижу большие неприятности. И кажется, они растут и растут...

Сейчас кошка очень редко оставляет меня одного. Судя по всему, короткая вспышка враждебности прошла, и она чаще, чем обычно, ходит за мной по пятам. Неужели следит за мной?

Что могло заставить меня подумать об этом? В мой мозг в последние дни намного чаще, чем раньше, вторгается какая-то внешняя сила, и мне кажется, будто постепенно я теряю контроль над своими мыслительными процессами. Сегодня утром в голове у меня промелькнула очень странная мысль. Неожиданно я подумал: вот бы преодолеть смешное желание пойти и убить птицу. Но у меня никогда не было желания убить не только птицу, но и вообще никого я не хотел убивать!

Вчера ночью приснился кошмар, будто какое-то страшное существо вошло в комнату. Я включил свет и увидел, что это на-

половину кошка, наполовину женщина. Проснулся в холодном поту.

Наверное, я слишком много думаю о проклятой книге Виолы. Нужно бы посоветоваться с доктором Гарреттом или купить какое-нибудь успокаивающее лекарство. Нужно что-нибудь сделать.

Май 25

Я больше не могу впускать кошку в свою комнату. Хотя и запираю дверь, она все равно каким-то непостижимым образом оказывается в спальне. Сегодня утром кошка вновь лежала на мне, так что головная боль объяснима. Но я не могу никак объяснить слуховую галлюцинацию. Правым ухом я отчетливо слышала тихое жужжание, очень похожее на напевание вполголоса. Мне хватило того небольшого времени в самом конце сна, чтобы услышать голос. Это пела Виола. Проснувшись, я с ужасом сбросил с себя кошку, потому что голос, или то, что так сильно напоминало человеческий голос, раздавался из кошачьей пасти.

Кошка запрыгнула на подоконник и принялась оттуда насмешливо разглядывать меня, не мигая.

Я взял дневник и сейчас пишу в постели. Весь день кошка царапается, царапается и царапается под дверь. Пыталась пробраться в спальню.

Позже. Я должен встать и впустить ее. Не могу больше выносить это царапанье.

Кошка немедленно запрыгнула на кровать и попыталась занять свое прежнее положение. И прежде чем я мог понять, что ей нужно, она поцеловала меня в губы. Именно поцеловала, как женщина, а не лизнула, как обычно лизнут животные. Не могу передать отвращение, которое вызвал этот поцелуй. Меня замутило. Я сбросил ее на пол и долго тер лицо платком. В этом поцелуе я почувствовал острую тоску и нерастраченную страсть тоскующей по любви женщины. И я твердо знал, что этой женщиной является не кто иная, как моя мертвая жена Виола.

189

Май 26

Я просмотрел сегодня последнюю вчерашнюю запись, и моим первым желанием было вырвать страницу. Если этот дневник когда-нибудь попадет в чужие руки, то мои слова, несомненно, будут неправильно истолкованы. А я не хочу доживать свой век в психиатрической лечебнице!

Но с другой стороны, конечно же, если я перенесу на бумагу свои самые мрачные мысли, то это поможет мне прогнать их.

А что, если доказательства, приведенные в книге Виолы, правильные? Что, если Виола и кошка одна и та же... но что? Душа? Дух? Существо? Это создание, кем бы оно ни было, изо всех сил цепляется за жизнь... Разве я не почувствовал присутствие Виолы в тот день в «Уолсоне», когда забирал из кабинета ее вещи? А потом вечером, после того, как ушел Билл Дженнингс, начались странные и необъяснимые происшествия типа бьющихся стаканов, падающих книг и жуткого ощущения какой-то скрытой активности... Она вернулась в виде бестелесного духа, привязанно-

го к земле и не знающего, как дать выход своей энергии, не видящего перед собой цели. Она знала единственное – ей изо всех сил нужно было держаться за... меня. Да, за меня. Она должна вцепиться в меня мертвой хваткой. Даже мертвая, Виола хотела обладать мной так же, как живая. Но как это сделать? И тут, на ее счастье, на сцене появилась кошка. Решение найдено!

У меня такое ощущение, что вот-вот лопнет голова.

Июнь 5

Я проboleл последние несколько дней. Только что ушел доктор. Он заявил, что мне не угрожает никакая опасность, но он ошибается. Он не понимает. Никто не понимает того, что происходит. Опасность вовсе не исчезла.

Кошка сейчас находится со мной практически все время. Сколько бы я ни просил миссис Перкинс убрать ее, она все равно как-то пробирается в спальню. Когда бы я ни проснулся, все время вижу ее то на стуле, то на камине, то на подоконнике. Она сидит и пристально смотрит на меня... с улыбкой. О да, сейчас моя кошечка научилась улыбаться. И улыбается она улыбкой Виолы.

Может, она попросила миссис Перкинс выпустить ее в комнату? Дело в том, что киска заговорила. Разговаривает она довольно часто, причем не только внутри моей головы. Конечно, одного того факта, что я слышу ее голос внутри своей головы, было достаточно, чтобы перепугаться насмерть, но сейчас все стало в десять раз хуже. Теперь она говорит открыто, как будто так и должно быть. И говорит голосом Виолы.

Впервые это случилось вечером, сразу после того, как я сделал последнюю запись в дневнике. Помните, я написал, что у меня вот-вот лопнет голова? Потом я неожиданно услышала четкий и ясный голос Виолы: «Все в порядке, мой дорогой. Ждать осталось совсем недолго. Потерпи еще немного. Сначала будет трудно, но скоро я буду с тобой. Я вернусь такой, какой ты меня знал. И мы снова будем вместе. Навсегда».

Я поднял голову и увидел кошку. Глаза ее сверкали, но теперь это были не кошачьи глаза, а глаза Виолы.

Так моя кошечка заговорила. После того вечера она говорила со мной много раз. Странно, но миссис Перкинс ничего не слышит... Знаете, как кошки обычно поворачивают головы? Очень резкими движениями. Ну так вот, теперь моя кошка не совершает резких движений. Она двигает головой вверх-вниз и из стороны в сторону легко, ловко и плавно, как человек. У меня такое ощущение, словно я вплотную подошел к какому-то огромному откровению.

Июнь 6

Не знаю, откуда, но неожиданно мне в голову пришла мысль, что я до сих пор не придумал тебе имени. Я назову тебя, моя красавица киска, Виолой. Теперь ты будешь Виола, потому что тебя ведь так и зовут.

Впервые заметил, что она начала менять цвет. Вместо рыжеватого ее шерсть стала приобретать светловато-медный оттенок. Такого же цвета были волосы у Виолы. Сегодня вечером я незаметно подкрался к ней и увидел, что она учится ходить на зад-

них лапах. Интересно, что бы сказали члены Зоологического общества, если бы я рассказал им о такой умной кошке?

Мне показалось, что постучали в дверь. Но миссис Перкинс ушла домой еще полчаса назад.

/Позже/. Кажется, я писал, будто подошел вплотную к огромному откровению? О, Господи, наконец оно пришло. Но это невероятное святотатство. Произошли физические изменения.

Полчаса назад я оторвался от дневника, потому что в дверь постучали. Это был человеческий стук. Ручка повернулась. Дверь открылась, и в комнату вошла Виола. Только на конце лап, там где у нее должны были быть когти, у нее были кисти, как у людей. У нее были человеческие руки. Это были те же самые руки, которые я видел на обгоревшем теле Виолы после авиакатастрофы. Неужели сила воли, эта слепая стихийная энергия, в состоянии осуществить такое страшное превращение?

Сейчас я пишу, а она сидит напротив. Чешется, как кошка, но руками. Человеческие пальцы скользят по светловато-медной шерсти вверх-вниз, и она мурлыкает от удовольствия...

/Позже/. Который сейчас час? А какой день? Я потерял счет времени...

А вот и миссис Перкинс...

/Позже/. Неужели подобное возможно? Неужели миссис Перкинс ничего не замечает? Она прошла рядом с креслом, где сидит это существо, и рассеянно погладила его на ходу, даже не остановившись. Миссис Перкинс принесла мне завтрак, но я не смог ничего съесть. Сейчас скорее всего утро, но я не помню, чтобы прошлой ночью хотя бы закрыл глаза. Естественно, миссис Перкинс потряс мой внешний вид. Но почему она не заметила кошмара, который творит это создание? А может, давно заметила и сошла с ума?

Я должен убить это существо. Робин был прав. Я должен оставить этот дом, но сначала необходимо уничтожить мерзкое чудовище, пока изменения не зашли чересчур далеко.

/Позже/. Я не могу убить его. Не могу убить мою Виолу. Если я трону ее, то превращусь в убийцу. А если я не могу убить это существо, тогда необходимо убить себя самого. Но будет ли моя смерть выходом? Спасет ли она меня от Виолы? Ведь она уже мертва. Придется попросить Бога, чтобы он на небе не подпущал ее ко мне близко.

Но Виола не мертва. Она сейчас здесь, со мной... В шкафчике в ванной стоит пузырек с аспирином.

/Позже/. Ну вот и все, я принял аспирин. Проглотил все таблетки. Уже пришло сладкое сонное состояние. Пройдет совсем немного времени, и я не смогу писать. Она хотела помешать мне. Прыгнула на спину и попыталась отнять пузырек. У меня все еще звучат в ушах ее слова. Они эхом отражаются от стен комнаты, будто это не спальня, а склеп. «Черт бы тебя побрал! – крикнула она. – Черт бы тебя побрал!». Очертания предметов начинают расплываться... Ну вот и все, Виола, я освободился от тебя.

Катись ко всем чертям, Виола!

АЛЕКСАНДР ЗБРУЕВ:

"театр пока держится, НО..."

Популярность пришла к нему вместе с первой киноролью: в начале 60-х сыграл Димку Денисова в фильме «Мой младший брат» – экранизации аксеновского «Звездного билета». Тогда в театр и кинематограф стремительно входило новое поколение артистов, которым удалось не только выразить время, но – в огромной степени – сформировать его, сколь иронично, а порой и зло ни звучали бы сегодня упреки в адрес битых-перебитых «шестидесят-

ников». В автопортрет поколения (теперь уже «отцов», а тогда «детей») Збруев внес свои краски, и от времени они не потускнели, даже «усилились по цвету». Его персонаж тех лет – молодой парень с естественной, не исковерканной человеческой натурой, с незапрограммированными, живыми реакциями на фальшь, ложь, зло и добро, по сути, сломал канон образцового советского «положительного героя», не расстреляв при этом действительных, а

не мнимых достоинств. И позже, во времена пресловутого застоя, играя, скажем, в непритязательной, но до сих пор любимой зрителями «Большой перемене» обаятельного Григория Ганжу, актер оставался верен теме «естественного человека», «неподдающегося» по определению.

– Александр Викторович, не так давно в одной из телепередач вы сказали, что, несмотря на внешнее благополучие вашей актерской судьбы, ощущаете себя «номером вторым». Меня эта фраза «зацепила» – я, то, как зритель, с этим совершенно не согласна...

– Актерская профессия, как известно, предполагает зависимость от режиссера, и при этом должны складываться – помимо творческих – чисто человеческие отношения. Возможно, я в чем-то неудобный человек, не пытаюсь особенно скрывать то, что на самом деле думаю и чувствую. А, по всей вероятности, удобнее иметь дело с теми, кто более дипломатичен, контактен, кто лишний раз умеет улыбнуться и не позволит себе колючего взгляда. Поймите меня правильно, я вообще-то люблю, когда люди улыбаются, и сам стараюсь встречать людей с улыбкой, но не люблю быть зависимым. Вот здесь моя «хитрость» и заканчивается. А ведь неплохо было бы слегка схитрить, уметь не поддаться даже, просто что-то не заметить, пропустить мимо ушей – ради чего-то большего, может быть, даже главного: возможности сыграть хорошую, интересную роль. Некоторые очень умело это делают и очень многого добились... Тут зависти с моей стороны никакой нет. Я каждому, в том числе себе, знаю цену, и это мое знание для меня важнее общепринятой оценки. Удачам радуюсь, неудачи меня огорчают, но и в том и в другом случае мне понятны причины, которые приводят к успеху или провалу. Иногда вижу несправедливость «раздутости» какого-то имени, и это меня

беспокоит. Потому что происходит некое снижение планки, а это плохо, и не только для того, кого искусственно «раздули». Беда для всех – ведь нарушаются критерии настоящего и поддельного в искусстве... И когда «моя» роль уходит к другому исполнителю, от чувства сожаления отделаться нелегко. Но ведь, в конечном счете дело во мне самом в моем характере, в том, как я строю отношения с людьми. Сам я иду навстречу людям, от которых мне, что называется, никакой выгоды нет, мне очень легко с такими людьми – не надо ставить себя в ложное положение, можно оставаться самим собой... Может быть, именно поэтому мне нередко приходилось оставаться на вторых, третьих ролях. Но все равно, каню бы ты роль ни играл, относишься к ней как к главной, если ты действительно профессионал. Сцена ведь очень много говорит об актере, о его таланте или его бездарности, о его понимании жизни вообще и ощущении ее секундного момента. Сцена «раздевает» актера, здесь не крошечная никакая удачно найденная характеристика. Это в кино тебя могут снять так, что ты только ресничками хлопнул, а зрители уже рыдают. На сцене такой номер не проходит. Здесь и ощущение правды иное, чем на экране. И несмотря на то, что спектакль «сочиняет» режиссер, наступает момент, когда ты остаешься один на один со зрительным залом, и либо им повелеваешь, либо он тебя ни во что не ставит. При том, что нет такой задачи – повелевать, все должно происходить само собой.

– Вы уже более 30 лет работаете в театре имени Ленинского комсомола. Сегодняшний Ленком, разумеется, совсем не тот театр, в котором в начале 60-х вы сыграли свою первую роль в спектакле «До свидания, мальчики» по повести Балтера, а позже памятные роли в арбузовском «Моем бедном Марате», в инсценировке повести Хемингуэя «Прощай, оружие». То

гда вы были одним из тех, на ком держался репертуар. Два последних десятилетия в этом смысле оказались не столь щедрыми – да, были удачи, скажем, Боркин в «Иванове», Клавдий в «Гамлете», но по-настоящему крупная и интересная работа в театре – роль Сержа в «Школе для эмигрантов» – случилась относительно недавно...

– В те времена, о которых вы вспомнили, в Ленкоме работал Анатолий Эфрос, и у нас не было премьеров. Просто команда артистов, собранных Эфросом, и я входил в ту команду. Анатолий Васильевич Эфрос научил меня главному – идти к материалу от себя, не пытаться отгонять свое «я», наоборот – мансимально проявлять свою позицию, в том числе и гражданскую. Не в политическом, а в человеческом смысле. Тогда это было особенно важно, да и теперь тоже. Имею в виду именно творчество, а не сегодняшнее хождение в политику моих коллег. Я иногда думаю – ты же прекрасный актер, режиссер, ну и занимайся своим прямым делом. В театре можешь достичь гораздо большего, чем бросать на ветер дурацкие слова, причем часто не вполне искренние.

– Но ведь и раньше ваши коллеги использовались власти предрешающими...

– Да, но раньше их не «растаскивали» по разным углам, а, наоборот, собирали. Были прекрасные актеры советского кино и театра – да, власть, преследуя собственные цели, их опенала, «взращивала», «поливала», чтобы они «цвели». Но кто оспорит очевидное: несмотря на жесточайший прессинг, наше искусство было по-настоящему мощным и эту силу сохранило до сих пор. Я слежу за зрительскими рейтингами и вижу, что у молодежи пользуются успехом и старые фильмы. Это ведь не ностальгия – им нечего вспоминать, просто есть что-то в генетической

памяти – может быть, тоска по тому, чего они не находят в теперешнем кино. Сегодня многие и талантливые наши режиссеры запутались. Нудато подевалось их понимание красоты, возвышенных поэтических чувств, романтизма. Все опустилось низко, все не над землей, а по колению в грязи – даже если фильм не «чернушный» и герои в приличных костюмах. Поймите, я вовсе не за возвращение старых сказок, хотя иногда думаю – какие счастливые были люди, как они верили в эту сказку, не зная ничего другого, и сколь многого они при этом добились...

– Вы, по нынешним временам, снимаетесь весьма удачно. Скажем, фильм «Ты у меня одна», за роль в котором вы получили приз сочинского кинофестиваля, имеет большой успех у зрителей.

– О каком успехе вы говорите? Вот если бы эта картина прошла по всем кинотеатрам страны и первым экраном, тогда успех, а так – она замечена только кинематографистами и теми, кто еще не разлюбил наше кино. Мое удовлетворение только в том, чтобы встретиться на съемочной площадке с хорошими артистами и проявить на экране свои чувства – любви или ненависти к чему-либо – сполна. Да, герой картины Дмитрия Астрахана «Ты у меня одна» вызывал симпатии у зрителей, но по причинам скорее сентиментальным – кто-то вспоминал свою молодость, а кто-то, возможно, еще хочет верить, что с «милой рай и в шалаше». Хотя каной там рай? Ситуация, в которой пребывает мой персонаж Женя Тимошин, унижительна: мужчина не в состоянии обеспечить нормального существования семье, вынужден по ночам разгружать ящики, чтобы хоть что-то подзаработать. Полная нереализованность, комплексы и отсутствие каких-либо перспектив.

– Тот же Дмитрий Астрахан предложил вам другой вариант судьбы Жени Тимошина, который решил-таки «сделать шаг», причем, как теперь у нас водится, криминальный, – и добился успеха. Я имею в виду фильм «Все будет хорошо». Вот уж где навороты, на мой взгляд, перебор, даже для «сказки для взрослых».

– Да, этому фильму уже досталось от критики. Но вот что любопытно. Мы возили эту картину в Париж, показывали и нашим соотечественникам. Странно, но именно от французов получили такую признательность, которая меня самого удивила. А причина, думаю, в том, что мы совершенно по-разному смотрим на жизнь. Для нас герой фильма бизнесмен Смирнов – из новых русских, с непременно уголовным прошлым. Однако причины, толкнувшие его на антизаконный поступок, мы как бы не хотим брать в расчет. А для западного зрителя важно прежде всего то, что человек занимается реальным делом, пытается что-то построить, помочь людям. Они видят другую биографию – биографию человека, «сделавшего самого себя». И это вызывает у них уважение.

– В перспективе есть новые роли в кино?

– Сейчас у меня, например, остановились две картины из-за отсутствия денег на постановку (по той же причине – отсутствия денег – не выходит передача «Фабрика грез», которую я вел на ОРТ). Наш кинематограф рухнул, и во многом по нашей же собственной вине. Театр пока держится, но и его ждут большие изменения. Постоянно идут разговоры о контрактной системе, а ведь, снажем, Запад всегда мечтал о репертуарном театре, к которому мы пришли давным-давно: когда труппа собрана один к одному, когда в репертуаре не меньше 15 названий. Да, будут собираться актеры на один, пусть

даже замечательный спектакль, но это будет уже просто спектакль, а не театр.

– В чем же тогда искать опору?

– В любви: к театру, к кино – искусство все равно ведь не умрет. Вот есть холодный, потухший костер, а есть – с тлеющими углями. Подуешь – он затеплится, а то и разгорится, подлонишь дровишек – еще и руки можно согреть. И надо быть постоянно готовым к тому, что колесо снова закрутится. Хотя в последнее время жадного желанья все время играть нет. Иногда думаю: кому сегодня нужно то, чем мы занимаемся? Зал ведь очень изменился. Мы сами изменились. Мы разучились жить жизнью другого человека, сосредоточены только на своем собственном существовании. Я не утверждаю, что это плохо, – нам действительно уже давно пора уметь выстраивать свою жизнь самостоятельно, рассчитывая только на собственные силы. Вопрос только в том, чтобы не ушли из этой жизни понятия совести, порядочности, бескорыстия в человеческих отношениях.

– Между прочим, и в ваших поздних героях появилась некая трещина, двойственность, растерянность и ушло ощущение надежности, так привлекавшее в героях прошлых лет. И все-таки каждый раз, когда я смотрю ваши работы, ловлю себя на мысли, что, кого бы вы ни играли – стивающегося боксера, бывшего когда-то цирковым артистом, в фильме «Одинокая женщина желает познакомиться», неприкаянного интеллигента, которого случай свел с шальной девицей в «Доме на Рождественском бульваре», или, наконец, талантливого художника-кописта, ради спасения сына идущего на воровство и подмену в недавней картине «Мастро-вор», и какие бы чувства ни вызывали ваши персонажи – от симпатии до омерзения, я, за редким исключением, им со-

переживаю. Тут есть какой-то ваш личный профессиональный секрет?

– Секрет в том, что я любого героя меряю собой – своей совестью, своим пониманием ситуации, характера, линии поведения. Все остальное для меня неправда. Да, я могу сочинить краски, которые добавят выразительности персонажу, но я все равно должен пропустить его через свое нутро. Тут есть то, что называется исповедальностью. Даже в Сталине, роль которого я сыграл в фильме Кончаловского «Ближний круг», есть мое «я» – оно проявляется в моем вполне определенном отношении к этой персоне. Возможно, оно не прочитывается зрителем, но те или иные детали, снажем, смех – гадостливый, отталнивающий – рождены, повторяю, моим личным восприятием этого человека. По большому же счету не хочется сегодня ничего придумывать – зацепиться бы за то, что болит и чему можно порадоваться, и донести свои чувства до зрителя.

– Сейчас вы играете Николая Второго в спектакле «Последняя ночь последнего царя» по пьесе Э.Радзинского. Насколько я понимаю, это один из ваших первых опытов работы в антрепризе, вне стен родного театра. Насколько слов о спектакле хотелось бы услышать.

– Ставит спектакль Валерий Фокин, один из интереснейших наших режиссеров, причем на такой необычной площадке, как Манеж. Поскольку спектакль готовится в рамках программы, посвященной 850-летию Москвы, деньги на постановку нашлись. В спектакле заняты Ира Нупченко, Михаил Ульянов, Женя Миронов. Что касается моей роли, то она не проста – и сама по себе, потому что изображать историческую личность, тем более с такой судьбой, дело нелегкое, и потому, что характер, написанный Радзинским, абсолютно статичен. Я много читал о Николае, пытался

понять его по-человечески прежде всего. Ведь до сих пор некоторые видят в нем Николая Кровавого, а Православная церковь собирается канонизировать царя-мученика. Опять буду в себе искать то, что позволит зрителям в чем-то, возможно, по-новому взглянуть на эту личность, всем вроде бы известную и в то же время мало кем разгаданную.

– И последний вопрос: что привело вас к мысли заняться достаточно необычным для себя делом – организовать актерский ресторан ТРАМ?

– Тут все произошло само собой – совершенно случайно я услышал, что кто-то со стороны хочет открыть ресторан в помещении нашего актерского буфета. Я решил взяться за дело сам, помогли друзья, вложил деньги, и теперь у нас вместо грязного обшарпанного буфета с мышами и тараканами уютный ресторан-клуб, где собираются актеры, музыканты, писатели и люди, не имеющие отношения к искусству, но которым нравится наша атмосфера – спокойная, интеллигентная, без грохочущей музыки. Правда, за то время, пока ТРАМ (а это первое название Ленкома – Театр рабочей молодежи) открылся, у меня появилось такое количество врагов, какого я не нажил за всю жизнь. Причем в самом театре. Некоторым моим коллегам кажется, что я что-то у них отобрал, – видимо, поэтому им не нравится, что их обслуживают официанты, что обед и вечерний кофе с сэндвичем стоят копейки, им, похоже, милее та помойка, нуда противно было заходить... Но я не виню этих людей, их так научили жить. Одно утешает – их гораздо меньше, чем тех, кому моя затея пришлась по душе.

Беседу вел
ТАТЬЯНА ГОРБАЧЕВА.
Фото **ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

ИГОРЬ ЦИКУНОВ

В
КОЛДОВОСТВО —
ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО.
И ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО
ТЕМ БОЛЕЕ
ПОДЛОЕ,
ЧТО ОНО
УСКОЛЬЗАЕТ
ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ЗАКОНА,
ЖЕРТВА
НЕ МОЖЕТ
ЗАЩИЩАТЬСЯ...

АКОЛД

Посредник

Место встречи меня несколько удивило.

Гостиница «Рэдиссон-Славянская» – обычное место журналистских тусовок, деловых переговоров. Но как-то странно себе представить, что именно тут меня ожидает Посредник, которому я должен заказать убийство.

Да, Посредник киллера. Впрочем, киллер – не совсем точно сказано. Мне обещали не пошлое убийство в полутемном подъезде с пороховой гарью и кровью на лестничной площадке, а совсем тихое: неожиданный сердечный приступ, долгая изнуряющая болезнь или несчастный случай... Словом, что душа пожелает. Куда интереснее было другое: исполнителем, как заверяли, должен был стать не профессиональный убийца, а колдун.

(Колдуном Исполнителя назвал я. В своих кругах его почтительно величают парапсихологом. Только это я о нем и знаю. Но, согласитесь, совсем недавно ремесло этого человека обозначалось не иначе как колдовство...)

ОВАННЫЕ

Посредник меня, признаюсь, несколько разочаровал. Ничего демонического в его облике не наблюдалось. По виду – менеджер средней руни, клетчатый костюмчик, стильный галстук и, конечно же, неизменная улыбка. Вполне по деловому раскрыл свой кейс, достал папочку и нацелил в чистый лист дорогую перьевую ручку.

Со стороны, наверное, могло показаться, что два человека задумали обсудить некий деловой проект. Все просто, обыденно, если, конечно, не знать, что на кончике ручки «менеджера» балансирует чья-то жизнь.

Моего собеседника интересовали подробности. Кто клиент, возраст, состояние здоровья, привычки, где лечится, что пьет.

Будто не «убрать» его хотели, а завербовать во вражескую разведку.

– Чем больше у нас информации, тем меньше у вас проблем, – лаконично пояснил Посредник, – мы еще все перепроверим, и тогда вы будете точно знать, каким маршрутом он отправится на заслуженный отдых. Можем учесть и ва-

ши предложения – но это будет дороже. Фотографию не забыли?

Вместе с поляроидным снимком я вытащил мятый носовой платок.

– Что это? – изумился Посредник.

– Я слышал, что нужна какая-нибудь вещь, которую он долго носил, – смутился я.

Посредник улыбнулся.

– Что за средневековые представления! А волосы с его головы вы slučajем не остригли? Лучше скажите, заханивает ли он в ночные клубы?

Тут уж я забеспокоился: а не скрывается ли под видом парапсихологических услуг нечто более криминальное. Ведь не проблема без всякого шаманства подсыпать клиенту что-нибудь в бокал и отправить его к праотцам более естественным путем.

Посредник тут же понял мои сомнения.

– Криминалом мы не занимаемся, для этого другие специалисты есть. А наши методы к закону не пришьешь. Однако к делу у нас специфические требования. К ка-

кому времени должен быть выполнен заказ? Определимся и с суммой. Наше правило простое – сначала аванс, после дела – полная оплата.

...Больше поддерживать инкогнито не было смысла, и я признался Посреднику, что заказа никакого нет, на поляроидном снимке случайный человек и вся эта инсценировка была лишь поводом к разговору. В подтверждение своих слов показал журналистское удостоверение.

Посредник тут же убрал папку в свой кейс и, не скрывая иронической улыбки, сказал:

– Не стоило морочить голову.

Несмотря на явное раздражение, мой собеседник согласился ответить на вопросы, но только без записи на диктофон. Сказал, что в «сфере услуг» недавно и занимается только посредничеством. Раньше работал научным работником в одном НИИ. В своей новой деятельности он не видит ничего странного и уж тем более аморального.

– Есть люди с проблемами и есть люди, которые берутся их решить. Не найдут меня, найдут кого-нибудь другого – но при этом никто не даст гарантии «чистой» случайности, а мы ее даем.

По словам Посредника, «заказывают» чаще всего родственники, соседи или товарищи по службе, в тех случаях, когда лишний шум и подозрения ни к чему. Живет, к примеру, старушка-божий одуванчик, к огорчению наследников, в квартире со всеми удобствами. Спрашивается, кого будут подозревать, если отдаст она Богу душу насильственным путем? А если со старушкой случится сердечный приступ или она неловко подвернет ногу со смертельным исходом?.. Или создали два бизнесмена-компаньона крупное дело, а потом один из них стал мешать другому.

Куда спокойнее решится дело, если опостылевший соратник попадет в автомобильную катастрофу. Только случай – не повезло. Кому придет в голову, что «случай» можно просто заказать, а если и придет, то обнаружить состав уголовного преступления не удастся: нет в Уголовном кодексе статьи о преследовании за колдовство или, как это сейчас называют, парапсихологическое возмездие.

– Методы работы вполне научные. Исполнитель не стоит в полночь на перекрестке с котелком кипящего зелья. Немного физики, немного психологии и хорошее оборудование, вполне лабораторная обстановка. Основная подготовка – сбор информации. И тут медицинская карта клиента важнее, чем фотография или клон его волос. С заказчиками проблем нет, материала вполне хватит на докторскую диссертацию по некоторым неортодоксальным теориям. Деньги, между прочим, вкладываются в исследования. Технология, как вы понимаете, дорогого стоит.

Об оплате заказа Посредник распространяться не стал. Сказал только, что основная сумма в случае успеха сделки оплачивается потом.

– А были случаи, когда кто-то ограничивался авансом? – почему-то спросил я.

– А вы бы стали так шутить? – улыбнулся Посредник.

– А не боитесь все это говорить журналисту?

– Чем же я рискую? Не рассказал бы я, то вы бы что-нибудь несуразное сочинили. Да и какая у вас гарантия, что я говорил правду? Считайте, что наша встреча не состоялась. Нет меня, я призрак.

Посредник и в самом деле растворился в разноликой толпе, спешащей в метро. Но я в призраки не верю, особенно такие, как этот. И, надо признаться, удивлен. Они-

дал увидеть некоего бородача, обвешанного талисманами и навешанного свихнувшегося, а встретил такого вот самоуверенного «призрака».

Материал о жуликах пришлось отложить и заняться иными поисками.

Песнь смерти

Древние пожелтевшие книги полны свидетельств о таинственных смертях, вызванных злыми чарами. Было бы просто списать их на впечатлительность и суеверность предков, если бы не история новейших времен, нет-нет да подбрасывающая древние сюжеты.

Секреты магического убийства были известны колдунам Индии, Вавилона и Египта, равно как Греции и Рима.

Поэт Овидий описал чувства человека, заподозрившего, что он жертва черной магии: «Неужели мое тело чхнет из-за того, что меня опоили фессалонийским дурманом? Может, чары или пряные травы убивают меня, о горе мне? Или ведьма нацарапала мое имя на пуническом воске или вонзила тонкие иглы прямо мне в печень?»

И древние народы, и современные африканские и австралийские племена пользуются и пользовались магическими средствами для избавления от врагов, применяя частенько чрезвычайно похожие методы. Много свидетельств тому можно найти в знаменитой «Золотой ветви» Джеймса Фрэзера.

Сохранившийся до сих пор у многих народов обычай тщательно прятать выпавшие молочные зубы ребенка, остриженные волосы и ногти, остатки пищи – из тех времен; ибо велик был страх перед заклинателем, способным через эти предметы нанести вред их бывшему владельцу. Индейцы Северной Америки расправлялись с врагом, нарисовав его фигуру на песке, зо-

ле, глине или, приняв за человеческое тело какой-либо предмет, протыкали его острой палкой.

Когда индеец племени одживбеов хочет навлечь на кого-то напасть, он вонзает в деревянное изображение своего врага иглу, метя в голову и сердце, в полной уверенности, что это вызывает у его жертвы ужасные боли. Если же индеец желает убить врага на месте, он сжигает и хоронит куклу, произнося при этом магические заклинания. Перуанские индейцы изготавливали из жира, перемешанного с мукой, изображения людей, которые им не нравились, а затем сжигали эти изображения на дороге, по которой должна была пройти жертва. Это называлось «сжечь душу».

Малайские колдуны собирают обрезки ногтей, волосы, ресницы или слюну намеченной жертвы – так, чтобы была представлена нужная часть тела. Затем из воска, добытого на заброшенных пчелиных сотах, изготавливается кукла. В течение семи ночей колдун медленно сжигает куклу, пришепывая: «О, я не воск, не воск растапливаю тут, а сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то...»

После седьмого раза куклу окончательно растапливают, и жертва «умирает».

По сию пору знающие люди могут вам рассказать о дурном влиянии узлов. Колдун госсос из Западной Африки, проклиная врага, затягивает на стебельке травы узел со словами: «Этим узлом я завязываю такого-то. Пусть на него обрушатся все беды! Пусть змея укусит его, когда он идет по полю! Пусть на охоте набросится на него прожорливый зверь! Пусть вода смоеет его, когда он ступит в реку! Пусть во время грозы молния поразит его! Пусть кошмары мучают его по ночам!» Считается, что в этот узел колдун завязывает жизнь своего

врага. Подобный прием и в наши дни используют деревенские колдуны.

Но самый известный вид аборигенской магии – кость, направленная на невидимого врага, сопровождаемая Песней Смерти. По свидетельству антропологов, этот прием может быть очень эффективным. Доктор Джейс Си Барнер в своей нашумевшей работе «Напуганные до смерти» вспоминает случай, когда жертва такого ритуала смертельно заболела, несмотря на отсутствие каких-либо симптомов. Для аборигена оказалось достаточно узнать, что о нем спели Песнь Смерти, и он заполз в хижину, где в судорогах скончался. Сила колдуна в древние времена была неоспорима. Его Песнь Смерти не давала промаха – жертва погибала в муках. Исследователи охотно объясняют это особенностями первобытного сознания, исключительной верой людей в колдовство. Нельзя с этим не согласиться, но... Боюсь впасть в суеверие, однако приведу один исключительно странный факт.

Дело происходило в 1994 году в общениии МГУ. Знакомая студентка, далекая от суеверных представлений, пожаловалась друзьям: как только она заходила к себе в комнату, начинался панический страх. Казалось, что кто-то следит за ней: по ночам снились нутные сны, после которых на теле оставались какие-то болезненные царапины. Вне пределов комнаты все признаки «сумасшествия» исчезали. Дошло до того, что напуганная девушка стала ночевать у подруг. Сначала все подсмеивались над ее странностями, потом поняли, что дело серьезное.

Студентка рассказала, что как-то при уборке нашла под кроватью странную мерзость – илعيное вещество с перьями, клочками волос. Тут же выяснилось, что все ее

предшественницы по комнате выезжали через месяц после поселения. И только их соседна гаитянка, весьма склочная по натуре девушка, умудрялась жить одна в весьма скученной обстановке общениия. От знакомого афринанца я узнал, что гаитянка не раз хвалилась в узком кругу, что «делала соседнам магию». Знакомая студентка в конце концов переселилась в другую комнату и преннее свое местожительство обходила стороной.

Энвольтация на смерть

«Энвольтование или заговор на кого-нибудь есть, в сущности, влияние одного человека на астральное тело другого, и обыкновенно употреблялось колдунами с целью причинения смерти избранной ими жертвы. Заговоренный человек умирал или от беспричинного ослабления, или от несчастного случая». Эту цитату я выписал из труда оккультиста С.Тухолки «Оккультизм и магия».

Энвольтование на смерть – один из самых омерзительных магических ритуалов. Суть почти не отличается от приемов колдунов древности: все те же волосы, фигурки, иголки, огонь, разве что изменилось название и время действия – XIX век.

С.Тухолка повествует о смерти герцога Орлеанского, сына Луи Филиппа. Известно, что в 1836 году герцог Орлеанский расстался с любовницей, которую муж увез на юг Франции. Герцог недолго грустил о любимой и вскоре женился на принцессе Менленбург-Шверинской. Любовница поклялась ему отомстить и сделала это вполне в духе того времени. Она долго искала с герцогом встречи и в 1842 году последнем просила назначить ей последнее свидание. Герцог согласился. Во время свидания новар-

ная женщина предложила ему стакан прохладительного напитка и как бы невзначай разбила стакан, слегка поранив руку бывшего любовника. Сама промыла и перевязала ему рану и при расставании попросила оставить ей на память платок, пропитанный кровью герцога. Узнав об этом случае, Луи Филипп, во время изгнания занимавшийся оккультизмом, приказал сделать обыск у госпожи, дабы отобрать платок. Но было поздно, она немедленно уехала в Англию и поиски полиции оказались безрезультатными.

В Англии любовница с помощью одного из адептов черной магии совершила смертельное зельеварение крови. Вскоре после этого герцог Орлеанский ехал в Нельи и его понесли лошади. И хотя нучер предупредил герцога, что опасности нет и через минуту остановил лошадей, тот высочил из коляски и убится насмерть.

В тот же день и тот же час госпожа, заказавшая его смерть, рассказала подробности смерти герцога своему мужу. Как тут не вспомнить слова известного оккультиста того времени Элифаса Леви, который, повествуя от ужасах черной магии, писал: «От дурного знакомства умирают так же, как и от заразной болезни».

Подтвердить достоверность этой истории вряд ли представляется возможным. Но есть момент, который хотелось бы отметить. Злоумышленники обращались не просто к наемному убийце, а к оккультисту с полной верой в его могущество. Мотивы же таких обращений не меняются столетиями – все та же мстительность, претензии на имущество или власть. И самым лучшим подспорьем в их делах оказывается магия, а точнее, возможность без следов и видимых причин убивать врагов. Будь у них другая возможность сделать

это, скажем, силами современной науки, они бы этим тотчас воспользовались.

А вот и более свежий пример. В 1975 году в Чаде по приказу президента страны Томбалбая было арестовано тридцать человек, которые обвинялись в... совершении политического колдовства. Был громкий процесс, в который были вовлечены жители всей страны. Суд в феврале 1975 года приговорил одну из заговорщиц Г. Генборг к смертной казни. В ходе разбирательства выяснилось, что она и ее сообщники, среди которых был и генерал Маллум, живьем закопали черную овцу, которую они предварительно ослепили. Суд постановил, что колдовской ритуал имел целью уничтожить президента страны. Что к этому добавить? Пожалуй, только то, что генерал Маллум все же стал правителем Чада.

Заговорила бабка насмерть...

203

Что-то мы все о чужих, да о чужих. Будто в России своих ведунов не было. Тут и в книги заглядывать не надо, поезжай в ближайшую деревеньку, и если хозяева примут за своего, под вечерок, когда с хлопотами по хозяйству будет закончено, расскажут о таких чудесах!.. Где от себя прибавят, а где и правду скажут.

Раньше в деревнях жили люди – чаще бабка или старик, – к которым соседи ходили по крайней нужде за советом или травной ленарственной. Ходили в сумерки, чтобы меньше любопытных глаз, и говорить о том остерегались...

Способности у знахарей всегда разные: кто вылечит, кто мужа в семью вернет, кто супруга непутевого от бутылки отвадит или порчу отведет. А есть такие, что могут ту же порчу навести на скотину или

хозяина, женщину заговорить на бесплодие или выкидыш, мужиков на несчастный случай. Тех, кто обладал зловредными способностями, звали ведьмами и колдунами. К ним по вечерам никто не ходил, разве что лихой человек.

Может, и суеверия все это, но спросите районных врачей. Они, бывает, сталниваются при лечении жителей деревень, небольших городов со странными аномалиями. Самые эффективные лекарства, сложнейшие операции не помогают. И диагноз поставлен правильно, а спасти человека не удается.

Колдуны особым многообразием не отличаются. Используют «чары на след» – вырезают след широким ножом и в полночь сжигают его в бане. Наводят заговор через еду и питье, чаще всего подмешивая в них воду, которой обмывали покойника. Любят делать подклад, или, как это еще называется, подмет, подкидка, завитки – специально наговоренные предметы подбрасывают на порог дома, в дом, рядом с ним. Наиболее распространенные подклады – деньги, волосы, яичная скорлупа, горелые спички, свечки, мешочки с сухой землей или песком, иголки, порченые фотографии. Вяжут узлы с заклятиями. Словом, арсенал, известный с глубочайшей древности.

И в наше время есть люди, которые профессионально занимаются колдовством. Загляните ради интереса в газетные объявления. Там всякого рода маги и «сенсы» предлагают полный реестр услуг. Я не поленился, позвонил. Мое желание отправить на тот свет соседа восприняли без эмоций, занесли в какой-то невидимый мне кондуит и назначили время встречи. Я не пошел, посчитал жульничеством. Да и соседа было жалко...

Парапсихологи-антикиллеры

В человеческом обществе все уравновешено. Если есть колдуны-киллеры, то обязательно найдутся и те, кто с ними борется. Столкнувшись с проявлениями черной магии, люди прибегали к услугам белых ведьм, однако в большинстве случаев обходились своими силами.

Известно, что в XVII веке было изобретено специальное устройство – «колдовская бутылка», которая якобы отражала колдовские чары и сжигала наславшего их колдуна. Это довольно мрачное устройство, в которое помещали волосы, ногти, кровь и мочу жертвы. В полночь «бутылку» нагревали на огне... Однако нередко предпочитали сжечь саму ведьму, чем нейтрализовать ее чары. В ходу были иголки, ножи, втыкаемые в притолоку, и специальные иконы. Но все это считалось средствами скорой помощи. Если подозревали, что сделан заговор на смерть, шли искать бабку, и бабку посылнее.

В Москве бабку-ведунью не сыскать, зато можно запросто обратиться в парапсихологический салон. В одном из них я побывал. Уютный особнячок на Гоголевском бульваре с рестораном в подвале, на втором этаже стрелки с номером комнаты. Заблудиться сложно. Комната у парапсихологов одна, но просторная. На широком столе свечки, стеклянный шар – вот, пожалуй, и вся амуниция. За столом милые молодые люди. Сидят рядком, настроены благожелательно. Имена, правда, просили не упоминать, видно, есть на то у них причины. Все они входят в научную группу «Сириус», занимающуюся парапсихологическими исследованиями.

С попытками магического убийства парапсихологи в своей прак-

тике встречались, но считают их большой редкостью.

— Все дело в том, что магом-ниллером может стать только человек со способностями, а таких в Москве единицы. Но в том, что есть специалисты, работающие по заказу, не сомневаемся. Был просто экзотический случай. К нам обратился за помощью мужчина — постоянные спазмы в горле, удушье... Во время обследования «пошла» информация. Мы его спрашиваем: «Жили ли вы двадцать лет назад в Сибири?» Была такая картинка — тайга, старательские вагончики. Зеленый камень в его руках. Мужчина говорит, что был в партии, добывающей алмазы. Мы попросили его вспомнить бурята, над которым смеялись, обижали. Мужчина подтвердил. Тут мы и вышли на женщину-шаманку. Порча была наведена на уничтожение, через тот самый зеленый камень. Человек не умер, но стал инвалидом. Мы сняли с него программу уничтожения, но вылечить его уже было нельзя, в организме произошли необратимые изменения.

Мне было любопытно, каким образом снимается заговор на смерть. Мне ответили, что главное «увидеть» человека, сделавшего заговор, и понять причину.

— Всегда убивают за что-то. И когда «видно», кто заложил негативную программу — ее можно убрать. В том случае это было безумно интересно. Как шаманка готовилась, каких духов вызывала — мы уже этого не знаем. Правда, ритуал знать далеко не всегда обязательно. Действия — это только антураж, важно, какой смысл вкладывается в них. Вот этот смысл нам и следует найти...

Впрочем, как признают сами парапсихологи, следы шаманства — величайшая редкость. Гораздо чаще бывают случаи иного рода.

— К нам приехала девушка. У нее в квартире стало происходить самовозгорание вещей, проводки. Возникли проблемы со здоровьем. К нам она решила обратиться после того, как обнаружила под дверью собачью шерсть и пентограмму — кусочек пластилина со звездой из спичек. Выяснилось, что девушка недавно вышла замуж. Супруг — довольно состоятельный ювелир, на 20 лет старше ее. Бывшая жена ювелира обратилась к известному в Москве колдуну, который и решил за соответствующее вознаграждение сделать заговор на смерть...

Методы магического воздействия индивидуальны, каждый раз разрабатывает свое. Специалисты из группы «Сириус» утверждают, что у некоторых магов появилось даже специфическое оборудование, позволяющее на расстоянии производить значительные изменения в организме. Есть люди, которым помогают избавиться от магического удара — они выживают, но есть и такие, спасти которых уже не удается.

Наталья Берестова, руководитель группы «Парацельс», рассказала, как такое происходит.

— Случай, подтвердить который не составит труда, — есть телефоны, имена. Мужчина — медик, его убийство заказала жена. Причины банальны — квартира, машина. Он имел неосторожность найти себе новую женщину. Три раза подряд — реанимация. Сначала инфаркт, потом диабетическая кома и в конце концов — инсульт, закончившийся смертью. Представьте себе — здоровый пятидесятилетний мужчина, никогда не болевший и... сошедший в могилу. Два раза я успела помочь, в третий — нет...

Магическое убийство — с точки зрения здравого смысла полнейший бред. Можно этому не верить, но... Я разговаривал со многими

людьми, специалистами и неспециалистами. Это особый мир, в котором есть черные маги, готовые за деньги убить человека и его душу; есть люди, которые заказывают весь этот ужас в злости или алчности; есть те, кто борется с темными силами, снимая заклятья.

Это особый мир, но принадлежит он нашей реальности. Как и тысячи лет назад, поет свою Песнь Смерти наемный колдун...

Секреты колдовских гримуаров

Колдовские гримуары – это варенные книги доморощенных магов. В них рецепты самых разнообразных чар.

Книжные издательства сделали огромные состояния на публикации оккультной литературы – ныне на любом лотке можно найти руководство по разнообразным приемам черной магии, вплоть до магического убийства. И раскупаются такие руководства довольно хорошо. И, судя по беседам с завсегдатями оккультных магазинов, находится немало любителей опробовать магические рецепты на деле. Парапсихологи утверждают, что иногда подобные опыты любителей удаются, если, конечно, у них есть природные способности.

Велик соблазн ответить на вопрос о природе магических воздействий так – это, дескать, всего лишь шарлатанство, тысячелетиями обеспечивающее доходы лживых людей. Но... не стоит торопиться. Отрицание в любом случае не довод. Давайте лучше признаем, что такое явление существует и имеет психологические и физические причины. Тут невольно вспоминается Посредник с его «немного физионой, немного психологией».

Вспомним, что антропологи отмечают исключительную эффективность магических приемов аба-

ригенов: как только становился известен фант колдовства – жертву было невозможно спасти. Причину смерти антропологи определяют четко – вера в могущество колдуна. Великая сила веры, несущей исцеление и смерть. При этом ученые замечают, что современному человеку магия не страшна, его спасает привычный для века техники материализм. Но вряд ли стоит быть столь категоричным.

Страх перед магией вовсе не исчез у современного человека; он лишь перекочевал в отдаленные уголки подсознания и время от времени напоминает о себе. Страх этот иррационален и существует вне зависимости от ваших знаний и убеждений. Будь вы атеист, кандидат или доктор самых серьезных наук, все же вряд ли согласитесь совершить ночную экскурсию на кладбище. А если сможете, то скорее всего будете чувствовать себя если не героем, то, во всяком случае, человеком отважным.

...В одной компании собрались милые люди, зашел разговор о новомодном увлечении оккультизмом. Посмеялись над примитивностью воззрений доморощенных гуров. И когда присутствующие сошлись на том, что магия – чистейший бред, опиум для легковверного народа, встал один из них и сказал, что он помощник сильного оккультиста и готов продемонстрировать реальность таинственной силы. Для этого предложил кому-нибудь из собравшихся отрезать три волоска. Охотников не нашлось. Мало того, на некоторых лицах был замечен старательно скрываемый страх.

Человек этот не был оккультистом, но таким образом он доказал, что помимо веры сознательной есть вера неосознаваемая.

Другой раз ко мне примчался взволнованный разоблачитель разного рода оккультных мошенни-

честв. Он обнаружил под дверью своей квартиры кучку горелых спичек, иголок и шерсти. От своих убеждений, по его словам, он отказываться не собирался, но хотел бы встретиться с каким-нибудь «честным экстрасенсом» на «всякий случай». В конце концов признался, что сознательно ему смешно, но, увы, это не спасает от иррационального, подсознательного страха.

Наталья Берестова поделилась «секретами» современных специалистов по черной магии: «Для того чтобы убить человека, маг старается определить его психологический настрой. Если жертва внушаема и верит в магию, то это сильно облегчает задачу. Если нет, то надо найти брешь в ее психологической защите. Чтобы магический удар сработал, следует расшатать психику человека. Идет психологическая подготовка. Сначала звонки домой и на работу. Молчат в трубку. Потом начинают ругаться, говорить ужасные вещи. Все это идет на концентрированной мысли, желании смерти жертвы. Чтобы эта сила сработала, нужна ответная эмоция – страх. Очень важно, чтобы в человеке жил страх. Заказы на магическое убийство поступают, как правило, на людей, имеющих деньги и власть, а они – более всего уязвимы. У них есть страх потери; страх за свою жизнь и состояние. Когда начинаются «темные» звонки, жертва активизирует свою охрану, подключает дополнительных людей – идет нагнетание обстановки, и человек «открывается для воздействия». Далее и происходит это энергоинформационное воздействие – пучок концентрированной энергии, заряженной определенной мыслью, направляется в подсознание человека.

Мы отличаемся от животных тем, что у нас есть духовная программа развития, а в ней – код

жизни и код смерти. Код смерти предполагает условия, при которых он срабатывает. Задача мага включить этот код. А для этого надо знать, чем человек болеет, чего боится; знать его психотип. Хороший маг всю необходимую информацию может считать с фотографии и ее же использовать в качестве магического мостика для концентрации».

После разговора с Натальей Берестовой я, кажется, сообразил, для чего Посреднику была нужна медицинская карта клиента. Представьте себе зловецкий голос, перечисляющий ваши болезни и грозящий новыми. Такое воздействие не для слаборевных...

Не секрет и то, что в наше время грамотный психолог может таким образом сконструировать и «закодировать» свои формулы воздействия, что сознательно человек их не воспримет, но зафиксирует подсознательно. Известный гипнотизер, экстрасенс и руководитель Московской школы гипноза Геннадий Гончаров рассказал, что есть в России специалисты, осуществляющие магическое убийство через подключение так называемого центра наказания: «...мозг человека имеет участки, которые мы называем центрами наказания. Дело в том, что наши несправедливые поступки фиксируются в подсознании. Желает того человек или нет, он бессознательно сам назначает себе вину за содеянное, его палач в нем самом. Центр наказания может быть не «подключен» к психической жизни человека, и тогда он вполне спокойно совершает свои грехи. Но при определенных жизненных обстоятельствах центр подключается и тогда осуществляется программа наказания – человек попадает в обстоятельства, чрезвычайно опасные для него, это своего рода программа самоуничтожения. Есть люди, способные

подключить центр вины с помощью фиксации своего сознания, телепатически, во время сновидения. И тогда вина разрушает жертву воздействия. Из истории известно, что один индийский раджа держал у себя на службе йога-палача, который назнил людей взглядом. Если человек был виновен — он умирал, кровь отливала от головы и его уже нельзя было спасти. Если же вины не было, то человек просто терял сознание, но был жив. Самое любопытное, что психологи вполне допускают возможность такого воздействия. Психика человека разнообразна, удивительна и скрывает великое множество тайн. Не здесь ли секрет воздаяния за грехи?

Теперь ступим на весьма зыбкую платформу — попытаемся объяснить физическую сторону явления. Практика показывает, что иногда магические приемы срабатывали даже тогда, когда жертва не знала о нападении, то есть отсутствовала психологическая причина.

Вспомним рассказ Натальи Берестовой о некой концентрированной энергии, заряженной злонамеренной мыслью. Есть ли объяснение природы этой энергии? Только гипотезы...

Не секрет, что всякого рода оккультная литература довольно тщательно изучена в специализированных научных центрах. Мало того, проводились и еще проводятся тысячи экспериментов с целью изучения дистанционного воздействия человека-оператора на различные живые и неживые системы. В частности, известен эксперимент Москва—Новосибирск, в котором оператор из Москвы воздействовал на экранированный микрокалориметр, установленный в Новосибирске. Проводился эксперимент при участии Института клинической и экспериментальной ме-

дицины Сибирского отделения АМН СССР осенью 1988 года и весной 1989 года. Для контроля за «чистотой» серии экспериментов была создана комиссия, возглавляемая профессором, доктором физико-математических наук Г.Н. Петровой, представляющей Институт физики Земли АН СССР.

Воздействия осуществлял Е.А. Дубицкий. Оператор мысленно переносил прибор из Новосибирска на стол перед собой и создавал яркий образ события, которое, по его мнению, могло сильно изменить свойства объекта воздействия. (Тут можно вспомнить отрывок из книги «Свидетель колдовства» Гарри Райта, где приведены подлинные слова колдуна о том, как он убивает на расстоянии свою ни о чем не подозревающую жертву: «Я мысленно посылаю стрелу, и она убивает»).

Не будем описывать подробности эксперимента, сосредоточимся лучше на результатах. Исследования подтвердили возможность человека воздействовать на объекты, изменяя их свойства вне зависимости от расстояния. Мало того, выяснилось, что так называемые «аномальные сигналы» проявляются за 15 минут до начала воздействия и продолжаются еще час после его окончания. Ученые это объяснили тем, что подсознание оператора начинало воздействовать на объект уже при настройке на него и не «отпускало» позже. В отчете организаторы эксперимента написали: «Можно ожидать, что дальнейшие исследования энергоинформационных воздействий на больших расстояниях приблизят нас к пониманию явлений, сущность которых с точки зрения естествознания до сих пор остается загадкой». Стоит к этому добавить, что ряд последующих экспериментов выявил: «...человек может воздействовать на ин-

формационные параметры живых систем». (Надо полагать – и на человека в том числе. Впрочем, найти отчеты об экспериментах с человеком довольно сложно по причинам, которые вряд ли стоит объяснять...)

Руководитель московской школы гипноза Геннадий Гончаров рассказал, что некоторые психониллеры убивают свои жертвы, дистанционно сжимая сердце. Не так это фантастично, как может показаться на первый взгляд.

Известный экстрасенс В.И. Сафонов, не раз участвовавший в экспериментах, вспоминает: ему удавалось в краснодарской больнице воздействовать на человека, который не подозревал об этом. Электроэнцефалограф зарегистрировал глубинные импульсы в мозгу пациента. В своей книге «Невероятное» Сафонов пишет: «...история и живые свидетели, даже наши современники, указывают на действенность некоторых колдовских приемов, что не может быть объяснено только одним – психовоздействием. Совершенно очевидно: кроме пустопорожней мути в колдовском котле на дне его следует искать крупницы истины, требующие изучения». От себя заметим – ищут, причем под пристальным контролем спецслужб.

Исследования ученых о дистанционном воздействии оператора заставляют вспомнить один странный древний церковный ритуал – способ смертной казни провинившихся перед церковью: все верующие соединяются в молитве о гибели намеченного человека, и в момент поднятия святого причастия священник произносит заклинания против него. Как утверждается, в ту же минуту жертва вне зависимости от своего нахождения умирала. Вероятно, были правы древние, утверждавшие, что сила мысли материальна.

Колдуны-киллеры

Мы установили, что колдуны-киллеры в наше время вовсе не мифические фигуры. Они есть, их услугами пользуются. Но пока нет ответа на вопрос, откуда все же они появились.

По нашим наблюдениям, первую группу исполнителей магических убийств составляет многочисленный отряд мошенников. Это в основном люди, которые, пользуясь интересом к теме и спросом, насоздавали разного рода оккультные организации; открыли свои школы и выдают «международные дипломы» по магии и экстрасенсорике. Парасихологическими способностями они не обладают, но зато имеют прекрасный коммерческий талант и делают деньги, надувая заказчиков.

Ко второй, не менее многочисленной, группе Геннадий Гончаров относит людей психически больных и уже потому социально опасных. Они, закончив «магические» школы, уверены, что действительно могут управлять жизнью и смертью людей. Большинство газетных объявлений о предоставлении черномagicеских услуг принадлежит им. Толку от таких специалистов мало, но вреда достаточно.

Третья, весьма малочисленная группа – люди, наделенные определенными природными способностями. В основном это деревенские ворожеи, передающие свои знания и талант по наследству. Попадаются и горожане, часто даже не подозревающие о своих способностях. Впрочем, есть и такие, кто пользуется своим даром явно в криминальных целях.

Послушаем Геннадия Гончарова: «В Москве есть так называемые черные колдуны. Я об этом точно знаю, так как принадлежу к кругу людей, занимающихся паранормальными явлениями. Меня воспринимают как

гипнотизера, мы общаемся. Иногда идет психическая борьба, но я против зла, считаю, что оно возвращается к своим носителям. Но не все так думают... Мне показывали фотографии людей, которые лежат лицом вниз с пробитым игой сердцем. При этом заявляли, что человек лежит в больнице с инфарктом сердца и через неделю умрет. Заказ будет выполнен. Их метод – передача отрицательной энергии на расстояние – довольно эффективен. Впрочем, для этого сверхспособности не нужны. Я считаю, что добро делать сложнее, чем зло».

Любопытно то, что колдуны-киллеры работают не только в одиночку. Мне рассказали, что в Подольске уже несколько лет действует магическая группа, выполняющая заказы на онкульное убийство. Делают они это коллективно, с помощью магического круга. Заказчикам, обращающимся к ним за помощью, вряд ли позавидуешь. Деньги с них просят немалые, а в случае отказа обещают сделать жертвой самого заказчика – за то, что слишком много знает и это знание не оплатил. Еще в 1991 году они считали: неделя прошла зря, если заработано не менее ста тысяч рублей. А это, согласитесь, по тем временам было суммой внушительной. О сегодняшних их доходах ничего не известно – группа хорошо законспирирована.

И, наконец, существует, на наш взгляд, самое опасное магическое киллерство – людей от науки, хотя тут вроде бы слово «магическое» лишается смысла, но вряд ли стоит переименовывать их род деятельности по-другому. Черная магия меняет обличия, но от этого не перестает быть черной магией.

...Мы мало представляем себе, какие ужаснейшие вещи наработаны в секретных и полусекретных лабораториях. Насколько серьезно в Советском Союзе занимались пара-

психологическими исследованиями, говорит сам фант задержания корреспондента газеты «Лос-Анджелес таймс» в Москве Роберта Тота, который в 1977 году составил список институтов, занимающихся парапсихологическими исследованиями. В общей сложности 29 лабораторий в СССР, по оценке ЦРУ, принимали участие в «сверхъестественной гонке вооружений». Большинство из них находилось в Москве, другие в Алма-Ате, Харькове, Киеве, Новосибирске, Краснодаре, Ленинграде, Одессе, Пушкино, Тбилиси.

Советский перебежчик Август Штерн свидетельствовал, что в Институте автоматики и электрометрии в Новосибирске до 1969 года более 60 ученых занимались выяснением, как можно воздействовать на поведение людей и оказывать влияние на принимаемые ими решения. Особое внимание уделялось возможности контролировать физические функции тела – дыхание или сердцебиение, и, находясь на расстоянии, как бы приостанавливать их. (Той же проблематикой занимались в США. ВМС США заказали подобное исследование по приостановке жизненных функций ряду научных институтов в Калифорнии...)

А вот что поведал нам Геннадий Гончаров: «В НГБ занимались парапсихологическими исследованиями – я это знаю точно. У меня был знакомый – майор медслужбы, который профессионально занимался гипнозом и экстрасенсорикой и возглавлял соответствующий отдел в органах госбезопасности. Нан-то мы с ним делились профессиональными секретами и он показал мне «фокус». Майор достаточно похоже изобразил на листке мою фигурку. Ткнул туда, где была изображена моя рука, и я сразу почувствовал боль в своей руке. Потом он ткнул в изображение другой руки, ноги, и всякий раз я ощущал вполне реальную

боль. Когда майор занес кончик ручки над областью сердца, я не выдержал и закричал: «Не надо!» Гончаров также рассказал об успешных экспериментах по дистанционному отключению сознания у человека на 2–3 секунды. По его мнению, этого достаточно, чтобы устроить заказную автостастрофу.

Интересно то, что все специалисты по паранормальным явлениям, с какими приходилось говорить, в один голос утверждали: магическое киллерство весьма острая тема. Уж слишком много поя-

вилось заинтересованных в этой области людей, что настораживает и даже пугает специалистов...

Очень интересно, куда делись парапсихологические лаборатории советских времен. Сомневаюсь, что канули в Лету... Стоит ли говорить, что их наработки имеют вполне определенную коммерческую ценность. Вот и пляшите от этой печки.

Мне кажется, я знаю, из наковских вышли тот Посредник и его Исполнитель. Виднеется краешек белого лабораторного халата.

✓
*Изобретения людей подвигаются вперед из века в век.
Доброта же и злость людская в общем остается та же.*

Б. Паскаль.

Игорь Демарин известен как исполнитель собственных песен и как композитор, написавший немало шлягеров для таких звезд, как Ирина Шведова, Лайма Вайкуле, Николай Караченцов. Получивший признание еще на юрмальском фестивале молодых исполнителей, победивший в других престижных конкурсах, Игорь Демарин в то же время стоит особняком в эстрадной обойме, при этом его никто не затмевает, не за-

ДЕМАРИН

НЕСУЕТЛИВЫЙ

нимает его место, его нишу. Он всегда узнаваем, ни на кого не похож, несуетлив и, что наиболее ценно для эстрады, артистичен и выгодно отличается от других хорошим музыкальным вкусом. Забытое на отечественной эстраде слово «культура» для Игоря Демарина не пустой звук, а внутренняя составная часть его личности, его артистического образа, та планка, которой определяется высота отношений со зрителем, уважения к себе, к своему творческому пути. Вот уже несколько лет как Игорь Демарин переехал в Москву, в Россию – теперь уже из-за границы, из столицы Украины.

– И все-таки, Игорь, назовите свою географическую Родину, откуда начался ваш путь?

– Это город Изюм Харьковской области, где у меня по сей день живет вся родня...

– Каким запомнилось детство?

– Как самая прекрасная пора. У нас был гараж – большой, просторный, и в нем куча всяких велосипедов, которые я сам собирал. У меня был замечательный отец, красавец – моряк Тихоокеанского флота, его, к сожалению, сейчас уже нет в живых. Он меня научил играть в футбол, плавать, за руль я сел благодаря ему, наверное, лет в семь... С тех пор люблю технику, обожаю копаться в машине, но на это, конечно, теперь уже нет времени...

– Нет времени, значит, дела идут неплохо, так это следует понимать?

– Сейчас действительно я не только сам исполняю свои песни, их берут и артисты с большими именами – начал работать с Иосифом Кобзоном, записал песни с Лаймой Вайкуле, с Николаем Караченцовым. В общем, заметно продвинулась моя композиторская деятельность...

– Это как раз после паузы, которую ваши поклонники не могли не заметить, когда вы на какое-то время исчезли из поля зрения?

– Честно сказать, у меня года три была депрессия страшная, мучила неопределенность...

– Может, это связано с моментом переезда в Москву, когда вы внезапно оказались на перепутье?

– Нет, гораздо позже. Сначала все складывалось удачно. Просто много сил и времени я отдавал одной исполнительнице, невосполнимые творческие силы расходовались, но она оказалась сама себе на уме, и мне пришлось потом долго отходить от всего, многое переосмысливать... Но, слава Богу, жизнь куда интересней оказалась, качественней творчески, не столь зацикленной на одной какой-то персоне, что и научило меня шире смотреть на мир, на тех, с кем я могу сотрудничать... 96-й год стал для меня поворотным, я начал по-настоящему понимать механику современного шоу-бизнеса...

– Хотите сказать, что прежде не разбирались в этом?

– Меня можно назвать представителем той, старой формации, хотя и отмеченной появлением каких-то перемен, возникших на фестивале «Юрмала-86». И все равно это был Советский Союз, иные правила игры, иной ритм, иная история... Тогда же я получил звание в Киеве – заслуженный артист Украины. Это произошло в 1988 году, сразу после окончания консерватории... Но к тому времени я уже победил в «Юрмале» очень ярко, заметно, и была убедительная победа в Ялте в 88-м году, ялтинский конкурс тогда уже имел статус международного. Я там пел две свои песни «Донтор Время» и «Фокусник», и они, как катапульта, выстрелили меня, выделив из большинства конкурсантов...

– Насколько мне помнится, там среди участников был и Филипп Киркоров...

– Но я не считаю, что одержал победу над ним. Он еще был слиш-

ном молод, восемнадцатилетний начинающий певец, не имеющий опыта работы с оркестром, сценического опыта...

– А может ли талантливый человек – в силу каких-то обстоятельств – проиграть на конкурсе, быть не приспособленным к соревнованию?

– Главная задача для любого артиста, участвующего в соревновании, – стать звездой. А что такое звезда? У тебя должны быть блестящие вокальные данные, внешность, ум и воля. Ты обязан побеждать!

– Когда вы пели в Юрмале свою «Ивану», зал, помнится, был весь наэлектризован – первая, пронзительная песня, первое, на обнаженном чувстве исполнение, необыкновенная по красоте мелодического рисунка песня, и еще вы – красивый, юный, тонкий, весь натянутый, как струна...

– Я закончил в Артемовске музыкальное училище по классу фортепьяно. Потом два года служил в ансамбле песни и пляски Черноморского флота, два года пел в хоре. За это время ансамбль исполнил три моих песни. А после армии – нивская консерватория, класс композиции, о котором я давно мечтал, хотя серьезность отношения к музыке пришла еще в музыкальном училище. Достаточно сказать, что в какой-то период я занимался у Регины Самойловны Горовец – это сестра знаменитого пианиста нашего времени Владимира Горовца. Я только сейчас по-настоящему оценил все значение той преемственности, той атмосферы, которая соединяла меня с великим музыкантом через его сестру. У нее даже руки были очень похожи на руки брата. И она учила меня совершенно иначе, у нее было свое представление о пианизме, совсем не такое, как обычно преподают. Учила понимать музыку и быть больше артистом, таким, как сам Горовец.

Ведь помимо того, что у него блестящая, или, как говорят, «бриллиантовая техника», он еще и потрясающий артист!..

– Когда же были написаны первые песни?

– Лет в двенадцать-тринадцать. Тогда была такая волна душещипательная, часто пел брат Батыра Закирова – Фарух, Тухманов поддавал жару своими шлягерами, всюду звучала «Восточная песня» в исполнении Валерия Ободзинского. А я впервые взял в руки гитару. Так все и произошло...

– В консерватории вы писали серьезную музыку?

– За пять лет мы должны были пройти все жанры и закончить самым совершенным – или симфонией, или произведением симфонического жанра – кантатой, ораторией.

– Игорь, признайтесь, эти серьезные музыкальные произведения, написанные в годы учебы в консерватории, они для вас сегодня всего лишь часть учебного процесса, обязательные задания, или нечто большее?

– Конечно, нечто большее. Возьмем Первую симфонию Шостаковича, считающуюся одной из гениальных, – а ведь это его студенческая работа... Я давно собираюсь записать свою студенческую симфонию хотя бы на компьютере, там все инструменты есть, может получиться интересная вещь, такой демонстрационный вариант. Я бы занимался по-настоящему серьезной музыкой, но... ведь надо на что-то жить, а симфония не принесет ни копейки... Одной жизни мало на все, нужно довести до конца хотя бы одно какое-то дело.

– Вы сами исполняете большинство своих песен, а довелось специально обучаться вокалу?

– Еще в юности я столкнулся с тем, что мои песни меня опережали вокально, были гораздо сложнее моего голоса. Чувствовал, что не могу

передать весь драматизм собственных песен. Голосочек-то маленький, мучил свои связки, а доползти до «ля» не мог. В музыкальном училище был класс хоровиков, с прекрасными преподавателями, бывшими оперными певцами. И вот я попал к Александру Мыцику, певшему когда-то в Донецкой опере. Он показал мне всю анатомию – откуда берется голос, как правильно говорить, петь, чтобы не сорвать связки. Неважно, какой у тебя голос, – пой в опере, в роке, в джазе, но техника для всех одинакова.

– *Тяжелым был разрыв с Киевом?*

– Просто я вовремя переехал в Москву, где вздохнул от мелких передряг, интриг, требований типа: «Пой только на украинском!..» Я вырос с русской культурой, и ее у меня не отнять, так же как не отнять у меня культуру украинскую. Но, уезжая, я был уверен, что меня там еще услышат. И, надо сказать, уже слышат, хотя российского телевидения почти совсем не осталось, но и по тем кусочкам, что доходят, многие увидели мои сегодняшние успехи.

– *Вы пишете такие песни, которые легко запоминаются, хотя они отнюдь не просты. Работая над песней, думаете о ее дальнейшей судьбе, о том, чтобы она не осталась однодневкой?*

– Даже темы Прокофьева, который считается очень современным композитором, можно повторить, любую тему из «Ромео и Джульетты» наиграть, у Шостаковича есть «Романс» из фильма «Овод», который легко напеть, вспомнить... У меня старая школа в этом смысле. Должен сделать песню так, чтобы перекрыть всех. Премьера ее обязана пройти на «ура», а не с целью, чтобы потом ее раскручивать... Потому что яркие песни никогда не надоедают...

**Беседу вел
ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ.**

И какой же русский не

Наши пытливые соотечественники, кажется, уже не оставили на Земле места, не истоптанного их подошвами, не исплаванного в мясах и анвалагах, не объезженного на верблюдах, слонах и в джипах. А вот горные вершины и склоны Альп, куда надо ступать исключительно в специальных ботинках с лыжами, пока еще нашей массовостью не охвачены. Хотя многие российские турфирмы и предлагают любителям лыжного спорта заманчивые поездки на зимние курорты Австрии, Франции, Италии, Швейцарии.

Одна из таких фирм в Москве – «**ВОРМОС-ТРАВЕЛ**» разработала особый тур – горнолыжный спорт и лечение в термальных источниках и грязях. В середине декабря «**ВОРМОС-ТРАВЕЛ**» организовала недельную поездку в Австрию и Италию небольшой группы турагентов и журналиста, и я хочу, чтобы читатели «Смены» узнали, как можно интересно, полезно и сравнительно недорого провести зимой часть своего отпуска.

Итак, поехали. Мы прилетели в столицу Словении – Люблян, и уже через 30 минут пути без проблем пересекли словенско-австрийскую границу, а еще через час прибыли на классный горнолыжный курорт Бад Клайнкирхейм. Это, поверьте, настоящая Мекка для горнолыжников. Причем, любого уровня подготовки – как для начинающих любителей, которых, кстати, безобидно называют «чайниками», так и для профессионалов. В нашей группе были тандем «чайники», которые, встав на горные лыжи впервые в жизни, очень скоро, не переломав ни ног, ни рук, освоились на склонах Бад Клайнкирхейма, и через два дня, приехав уже на итальянский горный курорт Бормио, «оттягивались» там не хуже местных профи.

От «Дорфотеля», где мы жили, к трассам каждые 15 минут отходит автобус, который везет лыжников бесплатно. Трассы, естественно, разной длины – от 1100 до 2800 метров. Подъемники – всюду, разных типов – от подвесных кабин до бугельных, они буквально опутывают Альпы, и потому тут, конечно, никто не стоит в очереди, чтобы подняться к вершине, как это бывает у нас. Можно даже подняться на самый верх, скатиться, пересечь на другой подъемник и снова – если хватает сил! – отправиться вверх (или вбок) на соседний склон.

Наш читатель, который любит лыжи и, я уверен, уже решил провести зимний отпуск в австрийских или итальянских Альпах, спросит: «И сколько же все это удовольствие стоит?»

Чтобы недельку покататься с гор, советую сразу по приезде приобрести «Ski Pass» – пластиковый жетон, дающий право пользоваться подъемниками. Стоит он по-разному: от 75 до 250 долларов, в зависимости от времени катания и количества подъемов, продается везде, для детей, естественно, со значительной скидкой. Имея у себя на груди такой «Ski Pass», вы садитесь в кабинку подъемника, и можете запросто оназаться лицом к лицу с наной-нибудь знаменитостью – их здесь полно, а в горах, как в бане, все равны.

Таких курортов, как австрийский Бад Клайнкирхейм, в Альпах много – и в Швейцарии, и в Италии, и во Франции. Но вот чего там нет – так это такого уникального по своим лечебным свойствам термального комплекса, как в Бад Клайнкирхейме. Не беда, если после многочасового катания по горам силы вот-вот покинут вас – в 75 метрах от подъемника шинарный комплекс с двумя термальными бассейнами – закрытым и открытым, где температура воды от 31 до 37° Цельсия, с сауной и турецкой баней, джакузи и водопадами, солярием и массажем. Конечно, за все удовольствия надо платить. Сами термы стоят не дорого: входной билет для купания в бассейнах, в сауну и баню – 17 долларов, а за специальные лечебные процедуры вам придется платить отдельно, к примеру, полный массаж (40 минут) стоит 36 долларов. Ублажив и умиротворив таким образом свое тело, вы идете в ресторанчик или бар, что под одной крышей с термами, там можете поймать удивительный найф с кружкой настоящего «Гессера» или бокалом вина. Неплохо к этим напиткам идут тирольские колбасы и знаменитый австрийский яблочный пирог.

любим быстрой жизни?

Н вечеру вы возвращаетесь домой, в свой отель. Я не ошибся: именно дом, ибо «Дорфотель» представляет собой несколько деревянных изб-шалей, что создает неповторимый колорит австрийской деревушки. Собрав после обильного ужина своих друзей в каминном зале, вы чудесно посидите у огня (дрова сложены у крыльца и входят в стоимость апартаментов!), вспоминая все прелести и удовольствия уходящего дня. А утром – снова в горы, на трассу, чтобы ощутить скорость и насладиться чистейшим горным воздухом.

Наша же группа, проведя 3 чудесных дня в австрийских Альпах, отправилась в Альпы итальянские – 500 км. пути отделяют шинкарный (с не высоким, а уже сверхвысоким уровнем жизни, и потому достаточно дорогой) Бад Клайнкирхейм от Бормио, не менее престижного, но не такого обременительного для русского туриста лыжного курорта. Кстати, привлекательность Бормио еще и в том, что рядом, в 40 км, уже на границе со Швейцарией, находится местечко Ливиньо, где можно без налога приобрести любые товары – скидны, между прочим, равна 30%. Согласитесь, для нашего туриста, не чурающегося и на отдыхе пробенкен по магазинам, это настоящий подарок.

И все-таки мы с вами, дорогой читатель, приехали в горы. А горы, как известно, это наркотин. Однажды ощутив притягательность скорости и насладившись властью над ней, вас будет тянуть на вершину склона снова и снова. В смысле организации натания с гор в Бормио все так же, как и в Бад Клайнкирхейме. Может быть, здесь более демократичны отношения между отдыхающими – итальянцы ведь гораздо более раскованны, чем немцы или австрийцы, – что и привлекает сюда больше молодежи, студентов, спортсменов. Мы, например, живя в славенском отеле «Маргарита», вместе с итальянцами до 3 утра отплясывали «Манарену», и расходились по номерам с большим сожалением. Они, между прочим, тоже.

Вобщем, русскому туристу здесь истинно рады – наверное, потому, что нас тут пока еще мало. Доброжелательностью вас встречают всюду – на улице и в бассейне, в кафе и магазинах. Такое впечатление, что они вообще не знают, что такое высокомерие и гордыня. Интересно, будем ли мы такими когда-нибудь?

Местечко Ливиньо лежит в долине на высоте 1810 метров выше уровня моря, над ним всегда сияет ослепительное горное солнце, здесь можно загорать прямо на снегу, и загорашь мгновенно.

Большое оживление вызвало у нас сообщение гида о том, что мы проезжаем деревню Трепало, что в переводе на наш могучий означает всего лишь «три яичка», к тому же, как выяснилось, куриных. Эх, куда нас занесло, посмеялись мы, и поехали дальше, в Милан, откуда три раза в неделю самолеты «Аэрофлота» вылетают в Москву.

В столице автомобильной промышленности Италии, кроме знаменитого театра Ла Скала и Домского Собора, смотреть в общем-то нечего. Да и Ла Скала в 1997 году закрывается на 5 лет для капитальной реконструкции. Так что русскому туристу, спустившемуся с альпийских лыжных трасс, остается только одна, но приятная забава – шопинг. Очень это интересное занятие: ходить по здешним магазинам, натыкаясь то на Армани, то на Версаче, а все равно ничему не завидуешь. Потому что в наших супермаркетах можно купить сегодня все примерно то же самое, но по ценам куда ниже.

Ну, а в целом сколько же стоит такая поездка на горные курорты Австрии или Италии? Об этом со всеми подробностями (учитывая ваши пожелания и финансовые возможности) вам расскажут сотрудники московской турфирмы «ВОРМОС-ТРАВЕЛ».

Звоните им и – авант! – то есть по-итальянски «вперед!»

**Телефоны «ВОРМОС-ТРАВЕЛ» в Москве:
(095) 912-73-60, 912-39-79, 149-90-24**

Дополнительную информацию можно получить по телефону: (095) 251-03-51

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ

ШАРЛЬ
ЭКСБРАЙЯ

ЛЛУУ

H D M

Если у комиссара Оноре Сервиона не было воскресного дежурства, он проводил вечера в свое удовольствие. После ужина, который его жена Анжелина готовила с особым старанием, Сервион надевал тапочки и с трубкой в зубах усаживался в кресло перед телевизором. Им с женой очень нравилось смотреть фильмы о Корсике. Жизнь на континенте ничуть не притупила их любви к родине, все отпуска они проводили именно там. Кроме того, потихоньку выплачивали кредит за домик в Кортэ, где собирались жить, выйдя на пенсию.

Оноре занял свое место у телевизора. Анжелина мыла посуду на кухне, как вдруг позвонили. Она пошла открывать, а вернувшись, сообщила:

— Это месье Кастелле.

Кастелле, офицер полиции, был подчиненным Сервиона.

— Какого черта он притащился действовать на нервы в мой законный выходной? — возмутился Оноре. И когда гость появился на пороге, обратился уже к нему: — Неужели существует закон, согласно которому меня нельзя оставить в покое? Что случилось?

— Патрон, это настолько безобразно, что я не мог говорить по телефону и пришел лично.

— Говорите же, ради Бога!

— Резня, патрон! Настоящая резня! Отец, сын и невестка в Обани.

— Дело рук любителя?

— Нет, профессионалов... — Инспектор с трудом сглотнул слюну. — Речь идет о Пьетрапьяна, его жене и отце...

— Что?! Они убили Антуана?

— Да...

— ... и Анну, и дедушку Доминика?..

— Да, только бабушке и троим ребятишкам удалось спастись.

— Каким образом?

— Не знаю.

— Кто сообщил в полицию?

— Туристы услышали выстрелы. Комиссар Мюрэз с бригадой выехал на место преступления.

— Хорошо... Едем. Кто же они, подонки, сотворившие такое?

— Пока не знаем, но...

— Но?

— Полгода назад Пьетрапьяна посадил жену Кабри Анаис за мошенничество и шантаж. А Кабри поклялся отомстить за нее.

— Кабри — человек из банды Консегюда?

— Его правая рука, если можно так выразиться.

— Отлично. Немедленно позвоните, чтобы этих двух проходивших как можно скорее доставили ко мне в кабинет.

Пока Кастелле звонил, Оноре говорил Анжелине:

— Не жди меня, мать. Буду не раньше завтрашнего утра, но клянусь, даже если Кабри и Консегюд косвенно замешаны в

убийстве наших друзей, я заставляю их пожалеть об этом! Поехали, Кастелле!

Комиссар Мюраз объяснил коллеге:

— Похоже, головорезы пришли, когда Пьетрапьяна играли в шары.

— Вы уверены, что их было несколько?

— Судя по следам, не меньше трех... Они приехали на машине. Признаков сопротивления нет. Их мгновенно убили. Скорее всего из автоматов, пули уже найдены...

— Нет ничего, что наводило бы на след убийц?

— Увы...

— А бабушка?

— Она с детьми в доме.

— Как ее самочувствие? Она не видела убийц?

— Говорит, что нет.

— Говорит?

— Мне кажется, она что-то скрывает.

— Понимаю. Если они заподозрят...

— Естественно...

— Ладно. Я сам поговорю с ней.

Бабушка неподвижно сидела на стуле у печи. Малышка Роза играла с куклой у ее ног. Жозеф и Мария, старшие, занимались конструктором.

Когда вошел комиссар, Базилия подняла глаза, и по ее морщинистым щекам покатились слезы.

— Моя бедная Базилия... — приглушенно произнес Оноре.

Вместо ответа она лишь покачала головой. Сервион сел напротив, взяв ее старые морщинистые руки, и прошептал:

— Расскажите обо всем!

— Зачем?

— Я должен знать все, Базилия, чтобы привлечь их к ответу...

— Это не воскресит моих близких.

— Конечно. Но я не хочу, чтобы они остались неотмщенными! Вы ведь знаете, как я их любил.

— Знаю...

— Значит, надо рассказать...

Помолчав, она начала:

— Антуан, Доминик и Анна играли в шары. А я с детишками отправилась в лес за травами. Вдруг затрещали автоматные очереди... Я сразу смекнула, в чем дело. Но и подумать не могла, что это касается нас. Я бы поверила во что угодно... И поняла все, увидав их троих, лежавших на земле, и кровь... Ах, эта кровь! Она будет стоять у меня перед глазами до самой смерти.

— Что вы сделали?

— Прежде всего завела детей в дом и заперла дверь на ключ. Я не хотела, чтобы они помнили об этом. После я подошла к бедняжкам. Они были мертвы... повсюду кровь. Не понимаю, как это я не сошла с ума... Думаю, только благодаря детям. Ведь у них кроме меня никого нет. Это и удержало меня от самоубийства. Прибежали люди. Они кричали... Тела

накрыли простынями, женщины увели меня в дом. Славные люди... Они занимались детьми, пока не приехала полиция. Вот и все.

– Базилия, – тихо сказал Сервион, – мне кажется, вы не договариваете...

– Почему?

– Я давно знаю вас.

– Не понимаю...

– О! Напротив, отлично все понимаете. Вы ведь видели этих подонков, да?

– Нет!

– Я убежден в обратном. А если я скажу, что в банде был Фред Кабри?

Она вздрогнула, и полицейский это заметил. Теперь он знал наверняка имя одного из убийц.

– Тогда вам известно об этом деле значительно больше, чем мне.

– Нет, Базилия, ведь вы, если захотите, можете назвать имена остальных, и я немедленно упрячу их за решетку!

– Повторяю...

– Ладно, не горячитесь, ослиная голова! – Он указал на детей. – Вы упорствуете из-за них, правда?

– У меня больше никого нет.

– А вы отдаете себе отчет, что своим утаиванием предаете Антуана, Доминика и Анну?

– Я ничего не видела, – настойчиво повторяла Базилия.

– Ладно, но впервые в жизни вижу корсиканку, которая не хотела бы отомстить за своих!

Глаза старухи сверкнули, но она не проронила ни слова. Оноре вздохнул:

– Идемте, отвезу вас с малышами домой.

Фред был просто красавчиком. Высокий, худощавый, с темными вьющимися волосами и голубыми глазами. Он спокойно сидел в кресле в кабинете Сервиона. Кастелле разместился на стуле. Поскольку полицейские молчали, бандит перешел в наступление:

– Зачем вы послали за мной, месье комиссар?

– Если еще раз откроешь рот, когда тебя не спрашивают, схопочешь по морде так, что надолго запомнишь, – произнес Оноре.

Фред замолчал. Спустя минуту Сервион приглушенно продолжил:

– Наконец-то тебе удалось отомстить Антуану Пьетрапьяна за жену. Но зачем понадобилось убивать старика Доминика и жену Антуана?

– Уверяю вас, месье комиссар, вы ошибаетесь! Я не имею никакого отношения к этому делу. Впрочем, у меня алиби. Мы с друзьями ездили на рыбалку в Антиб. Отправились утром. Можете спросить у Губера, хозяина ресторана «Веселый матрос» в Гольф-Жуане.

– Кто это мы?

– Аскрос, Пелиссани, Бандежен, Бероль...

– Короче говоря, ты перечисляешь фамилии сообщников?

– Сообщников по рыбалке, да.

Оноре залепил бандиту звонкую оплеуху и обратился к инспектору:

– Кастелле, вам придется разузнать все об этом Губере, который столь охотно подтверждает алиби убийц.

– Но почему вы любой ценой хотите навесить на меня убийства? – возмутился Кабри. – У вас нет свидетелей!

Комиссар колебался. Если сказать о Базилии, Фред может расколотся, но если он не струсит, старуха и дети подвергнутся смертельной опасности. Кабри – твердый орешек, и Оноре это знал. Поэтому решил закончить допрос.

– Пошел вон!

– Мне... можно?

– Я сказал, катись! Но в ближайшие дни постарайся как следует насладиться жизнью. Фред! Отныне я буду заниматься только тобой и твоими дружками, и я вас достану. Твоя карьера близится к концу, Фред. Постарайся поразвлечься, прежде чем попадешь в тюрьму.

– Пока я не в тюрьме, – окрылся тот, – если не начнут сажать невиновных!

– Пока ты не в тюрьме, но я отправлю тебя туда надолго. Думаю, на всю жизнь, если только у палача не возникнет желания однажды на рассвете встретиться с тобой для сокровенного разговора.

После того, как Кабри ушел, Кастелле заметил:

– Придется попынтеть, патрон.

– Ну и что? Пошлите за Консегюдом.

Гастон Консегюд считался преуспевающим человеком в воровском мире побережья и давно отошел от дел. Вместе с женой Жозеттой они жили на уютной вилле в Мон-Бороне. Семейная пара вела тихое буржуазное существование, в котором не было места скандалам. Соседи не подозревали, что на совести этих внешне миролюбивых людей множество преступлений, и полагали, что имеют дело с отошедшими от дел коммерсантами. Кабри и «сотоварищи» никогда не появлялись на вилле. В условленный день все члены банды встречались в задней комнате кафе на улице Гарибальди.

Консегюд с самого начала был против расправы, считая, что нет грубее ошибки, чем убийство полицейского. Но Гастон старел, и многие поговаривали, будто звезда его закатывается. Поэтому он согласился, а позже и организовал дело, которого требовал Кабри, жаждавший отомстить за жену. Фред был не умней своих приятелей Эспри, Мариуса и Барнабе. Ему не хватало хладнокровия, необходимого главарю. Чувства всегда брали верх над разумом. Только один из тупоголовых убийц пользовался уважением Гастона – Полен Кастанье, хитрец, наверняка уже чувствовавший себя во главе банды. К тому же ему немислимо фартило... У него внезапно заболела мать, и он не принимал участия в деле. А после позвонил па-

трону и сообщил о безумном результате воскресной прогулки головорезов.

Консегюды уже собирались укладываться спать, когда за Гастоном прибыли полицейские, заявив, что у комиссара Сервиона появилось желание поболтать с ним.

Когда случались серьезные неприятности, старый разбойник становился тем человеком, которым бывал раньше. Он изобразил вполне естественное в таких случаях изумление и попытался – хотя отлично знал, что на вопросы никто не станет отвечать, – выяснить у «ангелов-хранителей», чем вызвано столь внезапное вторжение в дом порядочного гражданина, уже давно отошедшего от дел.

Консегюда заперли в карцер, а часа через два, около полуночи, за ним пришел Кастелле.

Оба превосходно знали друг друга. Консегюду было хорошо известно, если Сервион как следует брался за кого-нибудь, то не выпускал, не добившись результата. Комиссар, в свою очередь, знал, что Гастон – самый ловкий бандит из всех, кого ему приходилось встречать. Противники приготовились к тяжелой схватке.

– Позвольте, месье комиссар, выразить свое недоумение по поводу вашего отношения ко мне... – вежливо произнес Консегюд.

– Позволю.

– ... и объяснить, по какой причине послали за мной в тот момент, когда я уже почти лег спать?

– Вы, вероятно, страшно устали, раз решили лечь в столь ранний час?

– Нам с Жозеттой не понравилась телепрограмма, и мы решили почитать в постели... а потом, должен вам сказать, мы и впрямь утомились, так как весь день провели, играя в белот с нашими соседями и друзьями Мюгронами, ювелирами из Ниццы, сейчас они на пенсии.

Оноре оценил умело сделанный ход. Лаконично и, казалось, совершенно бессознательно Гастон сообщил о безупречном алиби на весь трагический день. Ведь его свидетелями являются весьма почтенные люди. Довольно недурно!

– Консегюд, вы, конечно, не знаете о том, какая трагедия произошла сегодня днем возле ущелья Виальфранш?

– Ей-Богу, нет.

– Убили моего сотрудника, его жену и отца.

– О! Поверьте, я изумлен, месье комиссар.

– Не сомневаюсь. Фред Кабри – один из ваших друзей, если не ошибаюсь?

– Друг – чересчур громко сказано... признаюсь, раньше, когда я еще не был добропорядочным гражданином, я был знаком с ним...

– А также с Аскросом, Пелиссанном, Бандеженом и Беролем?

– Признаюсь, когда-то я слышал эти имена, хоть они мало о чем мне говорят...

– Похоже, Консегюд, вы теряете память, ведь эти люди были членами вашей банды.

Тот передернул плечами.

— Скажем, я предпочитаю не вспоминать, и потом, все было так давно...

— Я придерживаюсь другого мнения.

— Позвольте, месье комиссар, заверить вас, что вы ошибаетесь. Но уверен, меня сюда пригласили не для того, чтобы говорить об этом.

— Фред Кабри и его дружки совершили сегодня днем три убийства.

— О! Не может быть! Фред никогда не совершил бы подобной гнусности! Вопреки вашим утверждениям, уж вы меня простите, месье комиссар, я не могу поверить... но, если он признался...

— Он еще не признался.

— Да? В таком случае... Есть свидетели?

— К сожалению, нет.

— Выходит, вы не так уж убеждены в виновности Фреда?

— Нет... напротив... Он хотел отомстить за свою жену Анаис, которую Антуан Пьетрапьяна отправил за решетку!

— Месье комиссар, в мое время мужчина, настоящий мужчина, не стал бы убивать полицейского из-за того, что жена его попала в тюрьму!

— Надо думать, нравы изменились. Консегюд, запомните как следует то, что я вам скажу. — Тон комиссара изменился, и Гастон почувствовал влажность своих рук. — Я очень любил Антуана Пьетрапьяна... его жену и отца... Пьетрапьяна — корсиканцы, я тоже... А мы, корсиканцы, не привыкли подставлять левую щеку, получив удар по правой. Клянусь, если удастся доказать вашу причастность к убийству, вам не придется провести старость в Мон-Бороне...

— Месье комиссар, я протестую...

— Еще один совет, Консегюд: если с Базилией Пьетрапьяна или с сиротами что-нибудь случится, ответственным я буду считать вас.

— То есть?

— Убью собственными руками... или сделаю так, чтобы вас убили.

— Но вы... не имеете права!

— Можете не сомневаться, оно у меня будет.

Хотя на похороны пришли все жители «малой Корсики», кортеж получился не особенно пышным. Посторонние люди, глядя на всех этих стариков, думали, что умер кто-то из обитателей дома престарелых, им неведомек было, почему хоронят сразу троих. За гробами, которые корсиканцы несли на плечах, тем самым отдавая последний долг родине-острову, в глубоком трауре шла Базилия. Детей она оставила у приятельницы. За ней на правах самых старших шли Поггио, за ними — Прато, Пасторечchia и, наконец, Мюрато — единственная пара, где муж и жена не должны были поддерживать друг друга, чтобы передвигаться. Были там и Сервион, и Кастелле с женами.

Панихиду отслужили в церкви Иисуса на улице Друат, куда эти славные люди неизменно ходили к службе. Сервион любил всегда полутемный храм. Там ему было уютно в те минуты, когда возникало желание побыть наедине с самим собой. Будучи глубоко верующим человеком, он часто посещал храм и молил Бога помочь ему разрешить трудную задачу. Старики жались друг к другу, как испуганные животные, которых успокаивает присутствие других таких же животных. Комиссар стоял в стороне, видя лишь профили своих друзей. Он любил их — свидетелей других времен и других событий. Ну уж нет! Он не позволит головорезам Консегюда обижать их!

Пожимая руки старикам, стоявшим у кладбищенских ворот рядом с Базилией, Сервион предложил развезти их по домам, но старики не согласились — так приказала Базилия, после смерти мужа она возглавила клан. Огорченный и опечаленный, вернулся комиссар к себе в кабинет: он не понимал, почему друзья повели себя так по отношению к нему.

Они приготовили липовый отвар, подогрели остатки обеда и уложили супругов, уставших от посещения кладбища. Теперь они были свободны и могли действовать по своему усмотрению.

К счастью, дом Базилии находился в пятидесяти метрах от дома посетительницы, жившей дальше всех, — в данном случае Барберины Поггио, и вскоре старухи стучали в дверь своей приятельницы, которая пригласила их к себе тайком от мужей.

Когда каждая входила, Базилия прижимала палец к губам, призывая к тишине. Нельзя будить троих сироток, спавших в соседней комнате. Потом она целовала гостью и приглашала ее сесть за большой обеденный стол, посреди которого стояла керосиновая лампа. Последней пришла Антония Мюрато.

— Едва уговорила Жана-Батиста лечь спать, — оправдывалась она.

Прежде чем приступить к разговору, Базилия предложила каждой гостье по чашечке настойки, в которую они добавили по несколько капель апельсинового сока.

— Я попросила вас прийти из-за моих усопших...

Гостьи тяжело вздохнули. Вздох этот был больше похож на стон.

—...и если я не захотела, чтобы вы пришли с мужьями, то только потому, что мы должны уладить это дело между собой, а мужья могут испугаться.

Они увлеченно слушали, Барберина даже приставила ладонь к уху, чтобы не пропустить ни слова.

— Вы вовсе не обязаны следовать за мной... Если не пожелаете, то можете вернуться домой и никогда больше не вспоминать об этом... Я все сделаю сама... Это займет больше времени, но уверена, что Господь Милосердный не даст мне умереть раньше, чем я кончу...

Они запротестовали, правда, вполголоса. Ободренная Базилия продолжила:

— Мы, корсиканцы, не привыкли прощать обиды. Око за око, зуб за зуб... Так требует закон чести. Покойник, за которого не отомстили, мертвей всех остальных... и кто станет после этого уважать его родню? Я рассчитываю, что вы можете мне наказать проклятых убийц Антуана, Анны и Доминика.

— Но мы же их не знаем! — перебила ее Барберина.

— Я знаю всех!

— Почему же ты не донесла на них?

— Потому что я сама должна отомстить за своих умерших. Я не доверяю полиции. Она чересчур снисходительна к этим подонкам. А ведь есть еще судьи, адвокаты. Нет, думаю, мои усопшие смогут спать спокойно только после того, как мы уничтожим их убийц.

— Откуда ты знаешь, кто они, эти бандиты? — спросила Антония.

— Мой Антуан занимался делом некоей Анаис Кабри... потаскухи, которая приставала к приличным мужчинам, а после требовала у них деньги, угрожая рассказать обо всем их семьям. Однажды вечером Антуан положил на стол фотографии и сказал: «Вот банда, за которой я охочусь... банда Гастона Консегюда, вот Анаис Кабри, которую я упрятал в тюрьму, она жена Фреда Кабри — правой руки Консегюда...» Он показал нам лица этого человека и его дружков. Назвал все фамилии. Я видела, как они убили Доминика, Антуана и Анну... Фред Кабри, Эспри Аскрос, Барнабе Пелиссани, Мариус Бандежен и Жозе Бероль.

— Что мы должны делать? — спросила Коломба.

— Помочь убить их так, как они убили моих близких!

— Ты с ума сошла, Базилия! — воскликнула Антония. — Разве не видишь, все мы уже одной ногой в могиле. Эти типы одним щелчком убьют нас!

— Они сильней, а мы будем хитрей. Если вы доверяете мне и обещаете подчиняться... Мы убьем их всех, одного за другим.

— Дело в том, что мы ни разу не видели твоих убийц — проворчала Барберина.

— Вы еще познакомитесь с ними, потому что они будут шастать здесь...

— Господи Иисусе! — воскликнула Альма.

— Зачем им здесь околачиваться? — спросила рассудительная Антония.

— Потому что рано или поздно они начнут спрашивать себя, где была я, когда убивали моих мужчин? Они будут расспрашивать всех жителей, и кто бы ни спрашивал вас об этом, вы должны говорить, что не знаете...

— А почему их будет интересовать, где была ты, Базилия? — наивно спросила Коломба.

— Если они дознаются, что и я была за городом, то будут вынуждены убить меня, а может, и детей...

— Зачем ты говоришь о таких ужасах, Базилия? — возразила Коломба.

— Попробуйся понять, они не могут оставить в живых свидетеля преступления! Достаточно мне обратиться к комиссару Сервиону, и эти окающие закончат свои дни на каторге!

— Так почему же ты не делаешь этого?

Базилия резко встала и устремила на бедную Коломбу испепеляющий взгляд:

— Где это ты видела, Коломба Пасторечча, чтобы корсиканцы поручали полиции отомстить за своих близких?

Пятеро старушек расстались поздней ночью. Выходя, они прыскали со смеху и подталкивали друг друга локтями. Предложенная «игра» вносила увлекательное разнообразие в их унылое существование, и потом мужья ни о чем не должны догадаться — это будет маленькая месть всегда покорных жен. Их нисколько не волновало, что «игра», задуманная Базилией, повлечет за собой смерть людей. Почтенный возраст позволял им балансировать на грани между жизнью и смертью. Почему они должны заботиться об одной стороне больше, чем о другой?

Глава 2

В течение двух последующих недель ничего не произошло. Сервион с болью в сердце был вынужден почти отказать от дальнейших поисков. По горло заваленные делами, офицеры полиции не могли позволить себе роскоши заниматься бесплодными поисками. Анжелина Сервион частенько заходила к Базилии, которой приходилось жить с тремя внуками на пенсию и страховку Антуана. К тому же старушка выполняла мелкую портняжную работу, которую ей давали другие портные старого города. Анжелина восхищалась мужеством Базилии. Она спрашивала себя, смогла бы она дальше жить, оказавшись в таком положении, пусть даже ради детей. Но подобные раздумья вовсе не приносили облегчения Оноре, терзавшемуся при упоминании о вынужденном прекращении дела, участники которого, в этом он нисколько не сомневался, были убийцами!

Гастона Консегюда, напротив, радовало бездействие полиции, хоть он не чувствовал себя в полной безопасности. В самом ли деле у Сервиона нет улик против него и его сообщников, или он задумал, усыпив их бдительность, неожиданно напасть? Знает ли Базилия Пьетрапьяна убийц, и если да, почему молчит? А если она заговорила, почему Сервион ничего не предпринимает?

Прошло две недели, и Консегюд решил, что опасность миновала. Он велел своим людям собраться в специально снимаемом для этих целей помещении в кафе на площади Гарибальди.

Гастон вглядывался в их лица, стараясь определить, кого следует опасаться: толстяка Мариуса Бандежена, единственное удовольствие которого состояло в том, чтобы накачаться вином, эlegantного Барнабе Пелиссанна, франта и дамского угодника, или Жозе Бероля, загорелого великана, тупого, но безоглядно преданного. Гастон не сомневался,

что, даже если все покинут его, Жозе, как верный пес, останется рядом. А вот Эспри Аскрос, пожалуй, наиболее опасен. У Эспри расчётливый ум, он единственный возражал против дела, затеянного Фредом, но подчинился приказу. Его жена Мирей, парикмахер, славилась алчностью и была неглупа. Вдвоем они представляли весьма существенную угрозу. А Фред? Консегюд с каждым днем все больше рассказывался, что назначил Кабри своей правой рукой. Смелый, сильный, преданный Фред был глуп так же, как и Анаис, избранная им в спутницы жизни и рискующая свободой ради мелких делишек, унижающих жену человека, удостоившегося доверия Гастона Консегюда. Больше всего патрон верил самому младшему, новичку в банде, Полену Кастанье. Гастона не проведешь простеньким предлогом вроде того, что придумал этот птенец, отказываясь от поездки к ущелью Вильфранш. Во всяком случае парню не откажешь в интуиции и здравом смысле, а Консегюд ценил здравомыслящих людей.

Он грузно опустился на стул, вздохнул и тихо произнес:

— Вы, вероятно, догадываетесь, что я не особенно доволен вами?

Ответа не последовало. Гастон обратился к Аскросу:

— Ты удивил меня, Эспри... Фред никогда ничего не понимал, но ты...

Тот повел плечами.

— Кабри заменяет вас, патрон, мне оставалось лишь повиноваться.

Задетый за живое, Фред окрысился:

— Но ведь вы же одобрили план, шеф!

— Я одобрил одну смерть, а не три!

— Я не мог оставить в живых двух свидетелей!

— Значит, нужно было повременить! Самая грубая ошибка в нашем деле — бесполезное убийство! Ты не обнаружил качеств, необходимых главарю, Фред.

— Я поклялся Анаис...

Консегюд в ярости стукнул кулаком по столу:

— Плевать на Анаис, слышал? А когда она выйдет из тюрьги, передашь ей, чтобы она не попадалась мне на глаза!

— Это моя жена, — проворчал Фред.

— Ну и что? С каких пор добропорядочные женщины вступают в конфликт с законом? Из-за нее ты втравил всех нас в опасную историю, которая может дорого обойтись!

Кабри тупо уставился на него:

— Дорого?

— Кретин! Неужели ты думаешь, Сервион оставит нас в покое?

— Губер нас не продаст.

— Возможно, Сервиону и не понадобится Губер, чтобы упечь куда следует тебя и твоих балбесов-помощников, Фред.

— Свидетелей нет!

Повисла пауза. Гастон нарочно выдерживал ее дольше, чем обычно, а потом деланно-наивно спросил:

– Тебе, может, и неизвестно, что у Доминика Пьетрапьяна была жена, у Антуана – мать, а у Анны – свекровь, и все эти роли достались женщине по имени Базилия?

– Конечно, известно, но ее, к счастью, там не было.

– Ты в этом уверен?

– Мы обыскали дом – ни старухи, ни детей.

– Идиот!

– Но, патрон...

– А тебе не приходило в голову, что пока мужчины и невестка играли в шары, старуха могла пойти погулять с детьми?

– Мы бы заметили ее!

– Где?

– Ну... ну...

– А мне кажется, Базилия (я пожелал бы всем вам иметь такую жену) видела вас. Она спряталась где-то и не вышла лишь потому, что с ней были дети...

Фред растерянно пробормотал:

– Если бы она видела нас, мы давно были бы в лапах легавых.

– Это не доказательство!

– Послушайте!

– У тебя нет мозгов, Фред! С этой минуты ты уступаешь место Эспри.

– Это несправедливо!

– Тут я решаю, что справедливо, а что – нет!

Поверженный Кабри замолчал. Консегюд обратился к Аскросу:

– Ты понимаешь, почему Сервион нас не трогает?

– Выждет, когда мы явимся кончать старуху.

– Совершенно верно, и попадем в ловушку.

– Если позволите, патрон, – робко вмешался Полен, – у меня есть другое объяснение.

– Слушаю.

– Не исключаю, что старухи и в самом деле в тот день в лагуне не было.

– Верно, малыш, но есть и еще одно объяснение: она все видела, но молчит, потому что боится за детей.

– Точно!

– Прежде всего нужно выяснить, была ли Базилия за городом в тот день, когда месье Кабри счел целесообразным избраться Джека-потрошителя. Для этого ежедневно кто-нибудь из вас будет отправляться в старый город и, не особенно настаивая, расспрашивать то одного, то другого. А после этого примем решение. С кого начнем?

Никто не выказал должного энтузиазма. Наконец вызвался Мариус Бандежен, он всегда вызывал огонь на себя:

– Я, я люблю старый город. Там можно неплохо закусить и выпить отличного вина...

Прямо с площади Гарибальди Мариус направился в старый город. Он шел по улице Нев, окликая прохожих, приветствуя стариков в полосатых тельняшках, стоявших у кафе, в кото-

рых царил прохлад. Бандежен родился в этом районе, его тут хорошо знали. Ни для кого не было секретом, что он вел не самую праведную жизнь, но жители юга лишены предрассудков, свойственных северянам.

– Привет, Мариус! Гуляешь?

– Время от времени можно и передохнуть, а?

– О! Не думаю, что день, когда ты переутомишься, настанет в обозримом будущем!

– Зачем ты говоришь так, Анжелен? Желаешь мне смерти?

На улице Круа Мариус вошел в темную хибару своего приятеля Фане, несравненная заслуга которого заключалась в том, что у него всегда имелось превосходное вино. Они знали друг друга с тех пор, когда еще мальчишками покупали на последние гроши пирожки с горохом или маслинами у бродячих торговцев. Фане превратился в толстого белокожего мужчину.

– Неужели это ты, Мариус? Ей-Богу, ты что, с кровати свалился? Сейчас ведь всего одиннадцать часов!

Бандежен широко улыбнулся.

– Жизнь пошла такая... Скоро издохну... Налей-ка стаканчик. Чертовски надобно поднять настроение...

Фане пошел за бутылкой.

– А что ты тут делаешь? – полюбопытствовал он.

– Слушаю... собираю информацию...

– По какому поводу?

– Об убийстве тех несчастных. Тебе, конечно, известно, что с ними случилось?

– Как и всем другим.

– Лично мне в этой истории не все ясно...

– Что же?

– Почему убийцы не тронули старуху и детей? Ведь они – нежелательные свидетели.

– Я думаю, их там не было.

– Фреду очень хотелось бы знать, видела ли старуха, что произошло у ущелья Виальфранш. Если видела, то сможет подтвердить, что Фреда там не было. Улавливаешь?

– Конечно! Может, тебе повезет узнать кое-что у друзей Пьетрапьяна? «На малой Корсике» все всё друг про друга знают.

Сестра офицера полиции Арлетта вместе с мужем Пьером держала небольшой магазинчик по продаже масла, сыров и яиц. Магазинчик располагался в самом центре города, на улице Розетти. Когда позволяла служба, Кастелле не пропускала случая, чтобы заглянуть к ней и поцеловать племянников Мари-Аннес и Жоржа. В это утро, выйдя от сестры, Кастелле увидел Бандежена. Появление человека Консегюда в районе «малой Корсики» встревожило его, и он решил понаблюдать.

По правде говоря, Мариус, не блиставший сообразительностью, довольно туманно представлял себе, каким образом удастся получить сведения, интересующие патрона. Лучше всего не откладывая приступить к делу. Поколебавшись между колбасной и бакалеей, он выбрал вторую, вспомнив, что ему ну-

жен кофе. Бандежен толкнул дверь, на стекле которой было написано: «Жан-Батист Мюрато».

Мариусу показалось, что в лавке никого нет, но вдруг слышался девичий голосок:

– Что вам угодно, месье?

Клиент замер, удивленный тем, что голос этот принадлежал сторбленной старушке с не по возрасту живыми глазами на сморщенном лице.

Получив требуемую пачку кофе, Бандежен спросил:

– Скажите, мадам... это здесь жили те бедолаги, которых убили неподалеку от ущелья Виальфранш?

Антония насторожилась. Вероятно, один из убийц...

– Да! Какое несчастье! Такие милые люди...

– Похоже, что в живых остались только бабушка и дети?

После этих слов Антония уже не сомневалась – ее собеседник пришел сюда вовсе не за кофе.

– Это правда. Базилия и детишки живы, благодарение Господу!

– Так она не ездила за город с другими членами семьи?

– Ничего не могу вам сказать. Понимаете, после этой трагедии мы не решаемся ее беспокоить, а она почти не выходит.

– Послушайте, мадам. Я журналист и хотел бы кое-что уточнить. Не могли бы вы узнать для меня, была ли мадам Пьетрапьяна за городом в тот день, когда произошло убийство?

Мадам Мюрато изобразила непонимание.

– Какое это может иметь значение?

– Мой репортаж станет сенсацией. Так я рассчитываю на вас?

– Ей-Богу...

Чтобы развеять последние сомнения бакалейщицы, Мариус вытащил из кармана две стофранковых купюры.

– Если вы поможете, даю слово, отблагодарю вас не только на словах.

Антония проворно сунула деньги в карман.

– Приходите сегодня вечером, часов в одиннадцать, я расскажу вам все, что смогу узнать. Пойду переговорю с Базилией.

– Почему к одиннадцати? Ведь это слишком поздно, вам не кажется?

Старуха сообщнически подмигнула ему и прошептала:

– Будет лучше, если мой муж ни о чем не догадается, а он раньше одиннадцати спать не ложится!

Весьма заинтригованный, офицер полиции Кастелле, дождавшись, когда Бандежен уйдет, тоже заглянул в лавку Антонии Мюрато.

Комиссар Сервион внимательно слушал рассказ своего помощника об утреннем приключении:

– Мадам Мюрато заявила, что незнакома с посетителем, который зашел в лавку купить пачку кофе. Я спросил, говорил ли он с ней об убийстве у ущелья Виальфранш. Она утверждает, что нет. Но, по-моему, эта женщина обманывает нас.

— Ладно. Интересно, зачем ей это?

— Как только я вышел, она отправилась к бабушке Пьетрапьяна.

— Это лишь доказывает, что она знает Бандежена или догадывается, кто он.

— Но к чему все эти тайны?

— Увы, как раз это меня и тревожит... Я уверен, Базилия видела убийц... Она отказывается назвать их из-за боязни... Но это совсем не похоже на нее... или она чего-то ждет, но до меня не доходит, чего именно.

— А может, стоит устроить засаду на «малой Корсике»?

— Бесполезно. И все же нужно охранять эту ослицу, хотя навряд ли Консегюд и компания — ведь у них есть все шансы и на этот раз выйти сухими из воды — рискнут пойти на убийство старухи, которую мы охраняем. Ограничьтесь круглосуточным наблюдением.

Весь день и часть ночи полицейские патрулировали в указанном районе, но все было спокойно. Они не заметили Бандежена, который в одиннадцать часов вечера тихонько постучался в дверь бакалейной лавки Мюрато.

Долго ждать не пришлось. Дверь тут же отворилась, и кто-то прошептал:

— Это вы?

— Да.

— Входите...

Он перешагнул порог лавки, и дверь за ним закрылась. В нос ударил резкий запах пряностей и круп. Сухая морщинистая рука коснулась его руки.

— Идемте.

Он подчинился и вслед за сопровождавшей его старушкой прошел через лавку в слабо освещенную комнату. На столе стояли два стакана. Один наполовину полный, другой — пустой. Антония пригласила гостя сесть и взяла грязный стакан со словами:

— Это муж пил. Мы с ним перед сном всегда пьем по стаканчику ратафии¹, я добавляю туда апельсиновую корку, хорошо влиет на пищеварение. Хотите попробовать?

Бандежен пил все без разбору. Кроме того, он считал, что, если выпьет со старухой, она проникнется к нему доверием.

— С удовольствием.

— Для такого мужчины, как вы, нужен большой стакан. Пойду принесу.

Она достала из буфета большой фужер, поставила его перед гостем и наполнила до краев со словами:

— Думаю, вы будете довольны. У меня есть интересующие вас сведения.

— Неужели?

¹ Личер, который готовят, настаивая фрукты, цветы и стебли растений. [Прим.переводчица].

Мариус внутренне ликовал. Вот теперь Консегюд и другие будут относиться к нему с большим уважением. Старуха подняла свой стакан, Бандежен последовал ее примеру.

— Базилия была у ущелья Вильфранш... Она видела, как совершается злодеяние, и тех, кто убивал ее родных.

— Но... где она была?

— Пряталась в леске вместе с детьми.

Бандит оцепенел от ужаса. Опомнившись, залпом осушил стакан и поморщился. Боже, какая горечь!

— И... что же она собирается делать? — спросил он.

— Базилия? Ждет своего часа, чтобы донести на всех, в том числе и на вас, месье Бандежен. У вас предостаточно шансов кончить жизнь на гильотине.

— У меня?

— Вы ведь тоже убийца.

Мариус хотел ответить, но его как будто парализовало. Он попытался встать. Антония, отпив гаюток, жестом остановила его:

— Не суетитесь... умирайте спокойно, мальчик мой.

Бандежен скончался раньше, чем она допила содержимое своего стакана. Старуха, как ни в чем не бывало, сидела за столом и ждала прихода подруг.

Полицейский Марсель Буттафоччи обожал свою мать и с нежностью относился ко всем пожилым женщинам. И в это утро сердце его сжалось от жалости, когда на улице Сен-Репарт он увидел четырех старушек, толкавших наполненную тележку зеленщика. Марсель помог им, пройдя метров сто, и, утирая слезы жалости, смотрел, как жалкая группка скрылась на улице Префектур. Без сомнения, старушки шли с рынка Пайон и везли продукты в овощные лавки, хозяева которых не любят рано вставать. Во всяком случае, Буттафоччи и в голову не пришло, что между этими горемычными и телом молодого мужчины, найденном в нише дома по улице Салейя, есть какая-то связь.

Комиссар Сервион не мог понять, зачем Бандежен заходил к Мюрато. Единственное тому объяснение — бандиту велели выведать, была ли Базилия у ущелья Вильфранш в момент совершения убийств. Прощаясь с женой, полицейский сказал:

— Пошлю Кастелле за Бандеженом, и, клянусь тебе, этот подонок выложит, какого черта он делал у Мюрато.

Войдя в кабинет, не сняв пальто и шляпы, Сервион вызвал Кастелле:

— Старина, бегите к Бандежену и тащите его сюда не мешкая, хоть в одних трусах!

— В трусах не получится, патрон, можно только в саване.

— Что?

— Бандежен свел счеты с жизнью, патрон. Он в морге.

— Вот это да! Сведение счетов?

— Пока неизвестно. Возможно, он умер естественной смертью. На трупе ни одной царапины. Как раз сейчас идет вскрытие. О результатах вам немедленно позвонят.

- Где его нашли?
- На улице Салейя... Торговцы цветами как раз шли на рынок.
- Улица Салейя, что на границе старого города? Когда его нашли?
- Около четырех часов утра.
- Странно, вам не кажется? Чего это он болтался в таком месте в четыре часа утра? Ведь про Бандежена болтают, что большую часть времени он проводит в постели.
- Ей-Богу...
- Поскорее бы получить результаты вскрытия.

Жозетта подала завтрак мужу прямо в постель. Читая «Утреннюю Ниццу», Консегюд поперхнулся рогаиком, наткнувшись на сообщение о том, что найден труп Мариуса. Он так разволновался, что едва не задохнулся, и жене пришлось долго колотить его по спине, прежде чем он пришел в себя.

- Что с тобой, Гастон?
- Смотри!

Он протянул ей газету, и она прочла несколько строк о Мариусе Бандежене. Жозетта по природе не отличалась особой чувствительностью, поэтому ограничилась замечанием:

- Конечно, ему рановато умирать... но не понимаю, чем ты так взволнован.
- По-твоему, эта смерть естественна? Не поверю до тех пор, пока не узнаю, какого черта делал Бандежен на улице Салейя в четыре часа утра. Он ведь всегда ложился спать с куриами!
- Послушай, если бы эта смерть была подозрительна, полицейские заметили бы! И газеты тоже не умолчали бы!
- Может, ты права! Позвони кое-куда! Я должен сегодня вечером встретиться с ребятами.

- Что?!

Комиссар Сервион взял себя в руки и сдержанно дослушал звонившего, который по телефону сообщал результаты вскрытия трупа с улицы Салейя. Положив трубку и пристально посмотрев на подчиненного, он сказал:

- Бандежена отравили. Цианистый калий. Он умер около полуночи... Вывод первый: тело было привезено, значит, самоубийство отпадает. В складках одежды нашли обрывки капутного листа, морковной ботвы и салата.
- Почему же на улице Салейя?
- По-видимому, это ближайшее место, где столь ценный груз можно было оставить, ни у кого не вызвав подозрений.
- Ближайшее к чему, патрон?
- К месту совершения убийства, и, поскольку я не совсем хорошо представляю, как убийца мог прогуливаться по Ницце со своей ношей, преступление произошло в старом городе.
- Но вы ведь не думаете, патрон, что старики...
- Напротив, Кастелле, именно так я и думаю, и прямо сейчас наведуся к Базилии Пьетрапьяна.

Базилия безо всякого смущения смотрела на комиссара, а тот не ведал, с чего начать, чтобы вынудить старуху рассказать о том, что ей известно.

— Чем обязана счастьем видеть вас? — невинным голосом спросила она.

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Вам что-нибудь говорит имя Мариус Бандежен?

— Кто это?

— Один из убийц...

— Да?

— Он умер сегодня ночью.

— Бог ему судья, раз Господь призвал его к себе.

— А не вы ли, Базилия, с друзьями отправили его на небеса?

— Не понимаю.

— Ну что вы! Отлично понимаете! Ума не приложу, как вам удалось, но я уверен, что Бандежена отравили вы или по вашему наущению!

— Я? В моем возрасте? У вас, наверное, временами не все в порядке с головой?

— Бандежен приходил сюда вчера днем.

— Думаю, не он один.

— Да, но у него имелись на то веские причины: он должен был выяснить, видели ли вы убийц и представляете ли для них опасность, Базилия. Вы были там, у ущелья Виальфранш, и все видели. Стоит вымолвить лишь слово, и я упеку всю банду.

— А потом?

— Что... потом?

— Они наймут адвокатов и выкрутятся.

— Значит, вы признаете, что все видели?

— Нет.

— Базилия, не мелите глупостей! Хотите, я скажу вам правду? Вы втемалили в свою дурную корсиканскую башку устроить вендетту и отомстить за своих близких! Но времена вендетты давно прошли, Базилия! Есть закон, представителем которого я являюсь, и заставляю вас его уважать! Бог свидетель, Базилия, я очень люблю вас, люблю Доминика, Антуана и Анну, но, клянусь честью, если дознаюсь, что вы причастны к смерти Бандежена, то упрячу вас в тюрьму!

Она улыбнулась.

— А как же дети?

— Поскольку их бабушка рехнулась, придется устроить их в приют.

— Анжелина не позволит вам этого сделать.

— Не впутывайте в эту историю мою жену!

В порыве ярости Сервион натянул шляпу и вышел, хлопнув дверью.

Поравнявшись с магазином Мюрато, комиссар, кипя от злости, вошел внутрь. Жан-Батист с мечтательным видом меланхолично перекаладывал в горшок горчицу. Приход полицейского был для него неожиданным развлечением.

— Здравствуйте, комиссар!

— Здравствуйте. В котором часу вы вчера отправились спать?

Мюрато, обескураженный этим вопросом, ненадолго задумался.

— В девять, как обычно.

— А ваша жена?

— Жена? Не знаю. Это важно?

— В некотором роде. Она дома?

— Конечно!

— Позовите ее, пожалуйста!

Жан-Батист прошел в глубь лавки и своим надтреснутым голосом позвал:

— Антония!

— Ты не мог бы дать мне возможность спокойно заниматься уборкой? — ворчливо спросила она, появаясь на пороге. — Смотри-ка, месье комиссар!

— Антония, вспомните, в котором часу вы легли спать вчера вечером?

— Какая вам разница?

— Я задал вопрос, Антония.

— Ладно, ладно, не сердитесь. Кажется, около десяти.

— А может, около полуночи?

— Тоже не исключено.

— А не было ли у вас гостей?

— Хм, странные мысли! Я уже вышла из того возраста, когда принимают гостей по ночам!

— Не шутите, Антония! Речь идет об убийстве человека.

— Ну и что? Вы придаете слишком большое значение смерти, комиссар. Когда вам будет столько лет, как нам, вы поймете, что это не так уж и важно.

— Антония, вы уверены, что не встречались прошлой ночью с Мариусом Бандеженом?

— Это кто?

— Он заходил к вам в магазин вчера утром.

— А! Но я не имею привычки спрашивать фамилии покупателей.

— Запомните, Антония, и вы, Жан-Батист, если с Базилией случится несчастье, виноваты будете вы!

Он вышел, не ответив ни на один из вопросов Мюрато, который явно ничего не понял.

Они хранили молчание, сидя в задней комнате кафе на улице Гарибальди, и старались не встречаться глазами. Консегюд своим приходом нарушил тишину.

— Ну?

Эспри Аскрос, приступивший к почетным обязанностям «правой руки» главаря, счел своим долгом ответить за всех:

— Что мы можем сказать, патрон? Мы знаем об этом не больше, чем вы!

— Именно в этом я вас упрекаю! Вы все читали вечернюю газету? Мариус скончался вовсе не от инфаркта! Его отравили! Кто и за что?

Эспри недоуменно передернул плечами.

– Неужели вы думаете, что мы до сих пор не отправили бы убийцу к праотцам, если бы знали, кто он?

– Черт возьми! – воскликнул Бероль. – Почему этот придурок Мариус болтался на улице Салея в четыре часа ночи? Фред вскочил с места:

– Говори поприличней о товарище, который еще не остыл!

– Кабри, предупреждаю, твои манеры начинают действовать мне на нервы! – взорвался Консегюд.

Тут вмешался молодой Кастанье:

– Не злитесь, патрон, Фреду страшно, как, впрочем, и всем нам.

– Объяснись, Полен, – велел Консегюд.

– Все довольно просто, патрон. Уже много месяцев мы не участвовали в делах, могущих повлечь серьезные последствия. Я имею в виду кровавые последствия. Потом эта грязная история у ущелья Вилльфранш. Мариус участвовал в ней. Так вот, вчера Мариус по приказу патрона отправился на разведку в старый город, и его нашли мертвым – где? – на границе старого города. Я не верю в такие совпадения.

Воцарилась гнетущая тишина.

– Так что же ты об этом думаешь?

– Убив Пьетрапьяна, Фред натравил на нас не только полицию, но и корсиканцев. Вероятно, Мариус – первая жертва. Кто следующий?

От этих слов всем стало не по себе.

– Идиот! – помолчав, возразил Фред. – Полиция не занимается убийствами, а на «малой Корсике» остались только глубокие старики!

– Чтобы плеснуть в стакан цианистого калия, вовсе не нужно быть тяжелоатлетом, – ухмыльнулся Кастанье.

– А что ты скажешь, Фред? – иронично спросил Консегюд.

– Думаю, вы должны отправить туда меня, и я вытрясу из этого старичья, кто повинен в смерти Мариуса, а после убью виновного!

– Кретин! Тебе бы только бить да убивать! Нет, ребята, действовать нужно осмотрительно. Никаких необдуманных поступков.

– Хотите, попробую очаровать ваших бабулек? – небрежно вставил Пелиссани. – Держу пари, все они влюбятся в меня и выболтают свои секреты. Я обо всем расскажу вам завтра...

Комиссар Сервион ворочался в постели. Анжелина, потеряв терпение, спросила:

– Тебе не спится?

– Никак не удается заснуть!

– Вышей снотворного!

– Спасибо! А завтра я целый день буду заспанный! И все из-за старых дур!

– Почему ты им не веришь?

– Потому что все они лгуны!

Держа за руки Марию и Розу и не выпуская из виду Жозефа, то и дело перебежавшего от витрины к витрине, Базилия вела детей из детского сада. Проходя по старой части Ниццы, которая в некоторой степени считалась ее владениями, она свысока отвечала на приветствия встречных, жалевших ее. Внезапно Базилия побледнела и инстинктивно прижала к себе детей. В двух-трех шагах от нее, болтая с размалеванной девицей, стоял тот, кто, убив ее родных, опустошил ее жизнь — Барнабе Пелиссани. Она знала наизусть не только их имена, адреса, но и пороки, которые делали их уязвимыми: этот слыл бабником. Когда взгляд Пелиссани скользнул по ней и детишкам, ей стоило огромных усилий ничем не выказать охватившего ее волнения. Она страстно молила небо сделать так, чтобы Пелиссани попал в сети так же, как Бандежен. Базилия ни на мгновение не сомневалась в том, что Бог одобряет затеянную ею вендетту. Она не испытывала ни жалости, ни угрызений совести.

Базилия поспешила увести детей домой, поручив их заботам соседки, девушки-портнихи. Мишель Гаро была лучшей подругой Анны Пьетрапьяна и часто приходила к вдове, оставаясь у нее, подолгу шила и присматривала за детьми.

Базилия из окна наблюдала за Пелиссанном. Бандит явно колебался, в какую дверь постучать. Некий корсиканский святой, наблюдавший за ним сверху, подтолкнул Барнабе к колбасной лавке Пастореччия. Невзирая на свои семьдесят пять лет, лицо Коломбы сохранило остатки былой красоты, ведь полвека назад она слыла первой красоткой Аяччо. Увидев, что убийца вошел к Пастореччия, Базилия удовлетворенно улыбнулась, черкнула записку и подозвала Мишель:

— Послушай, малышка, отнеси-ка эту записку к Пастореччия и вручи Коломбе. Подождешь ответа. Надеюсь, тебя это не затруднит?

— Конечно, нет, мадам Базилия.

Увидев Коломбу, Пелиссани поразился необычайной нежности и искристости глаз, столь неожиданных на морщинистом лице.

— Боже, какие же у вас глаза, мадам! — с места в карьер начал он.

На мгновение Коломба растерялась, но потом, погружившись в приятные мысли, улыбнулась симпатичному парню.

— Когда-то это и вправду было так, — пробормотала она.

— Как бы мне хотелось знать вас двадцатилетней!

Она смущенно засмеялась.

— Не говорите таких вещей!

— Почему?

— Потому что сейчас вы были бы таким же старым, как я.

— Женщина с такими глазами не может состариться.

Он был почти искренен.

— Как жаль, что Небо придерживается другого взгляда.

Появление Мишель прервало разговор. Взглянув на нее, Барнабе решил, что эта красивая, скромно одетая девушка ничуть не испортит коллекцию его жертв. Заметив выражение лица Мишель, Коломба поняла — что-то произошло.

— Тебе что-нибудь нужно, Мишель?

— У меня письмо.

— Письмо?

— Я должна получить ответ.

Мишель протянула записку изумленной колбаснице. Та взяла ее, извинившись перед Пелиссанном.

— Схожу за очками.

Молодому человеку только того и нужно было, чтобы остаться наедине с девушкой, поэтому он поспешил ответить:

— Не беспокойтесь, у меня есть время!

Коломба вышла, а Барнабе тут же приступил к делу:

— Представьте себе, мадемуазель, войдя сюда, я был потрясен красотой глаз этой пожилой дамы!

Из вежливости девушка сочла нужным ответить:

— Коломба Пасторечchia когда-то славилась своей красотой.

— По-моему, вам в этом плане тоже не на что сетовать. Такие красавицы, как вы, на улице не валяются!

— У меня нет привычки валяться на улицах!

— Тем лучше! Меня зовут Барнабе Пелиссанн, а вас?

— Мишель.

— Мишель и Барнабе... Барнабе и Мишель... хорошо звучит, не правда ли?

— Нет.

Он засмеялся. Малышка сопротивлялась, и это ему нравилось. В это время Коломба читала записку Базилия:

«Коломба, парень, который только что вошел к тебе в магазин, один из убийц. Прояви хитрость. Он попытается узнать, была ли я за городом в день убийства. Скажи ему: «Нет», скажи, что я оставалась дома с больными детьми. Ты обязательно должна узнать, где он живет. Пусть он подольше остается наедине с Мишель, после объясню, зачем.

Целую, твоя Базилия».

Жена Паскаля Пасторечchia не отличалась большим умом, хоть она и не совсем поняла, о чем ее просит подруга, но настолько привыкла беспрекословно слушать Базилию, что не колебалась ни минуты. Она сделает все, как надо.

Презрительное равнодушие Мишель все больше и больше распаляло Пелиссанна. Представляя, как эта кривляка со временем будет «есть у него из рук», он жмурился от удовольствия.

— У вас будет свободный вечерок?

— Зачем?

— Погулять со мной, конечно!

— Я никогда не гуляю с незнакомыми людьми!

— Так давайте познакомимся, я только этого и хочу.

— А я не хочу!

— Я вам не нравлюсь?

— Не особенно.

— Почему?

— Вы слишком самоуверенны.

Он приосанился.

— Не без оснований.

— Не сомневаюсь.

— Вы замужем?

— Полагаю, это вас не касается.

— А если с той минуты, как вы вошли, я могу думать только о вас?

— В таком случае, вам придется подождать, пока я выйду.

Барнабе занервничал. Впервые в жизни он терпел фиаско.

— Вы не очень любезны, малышка.

— Я вам не малышка, а если вам не нравится мой тон, замолчите, и я сделаю то же самое!

Коломба, сидя на кухне, сочиняла ответ Базилии.

«Дорогая Базилия!

Можем ли на меня рассчитывать. Я слышу, как этот человек общается с Мишель. Похоже, она приглянулась ему. Не знаю, что ты задумала, но уверена, это хорошо.

Твоя Коломба».

— Извините, месье, что заставила вас ждать, но мне нужно было написать ответ, а я не очень сильна в грамоте... Держи ответ, девочка, и передай мадам Пьетрапьяна, что я вскорости сама зайду к ней.

— Будьте уверены.

Мишель ушла, не заботясь о Пелиссанне, который был этим озадачен.

— Чем могу служить, месье?

— Ах, да! Я как раз относительно этой женщины, вы только что назвали ее фамилию.

— Базилия Пьетрапьяна?

— Да.

Коломба еще раз восхитилась прозорливостью своей подруги.

— Это самая обездоленная женщина из всех, кого я знаю, — притворно вздохнула она.

— Что вы говорите?

— У нее одновременно убили мужа, сына и невестку!

— Какой ужас!

— Бандиты разозлились на ее сына...

— И эта несчастная женщина присутствовала при резне?

Коломба едва сдержала улыбку при мысли о том, что этот бандит считает ее полной идиоткой.

— К счастью, нет! — довольно правдоподобно солгала она. — Они убили бы и ее, но Господь Бог этого не допустил. В тот день она осталась в городе, потому что один из внуков заболел... ветрянкой. Подумав, что и двое других тоже заразились, хоть болезнь еще и не проявилась, она решила оставить дома всех троих.

— И... ей известно, кто убийца?

— Откуда? Она не знала, чем занимался сын...

Барнабе просто-таки распирало от радости. Сегодня вечером он успокоит приятелей. Старухе Пьетрапьяна ничего не ведомо об убийстве. Поскольку все складывалось так удачно, он решил выудить еще кое-что.

- Кстати, эта девушка, которая только что была здесь...

- Мишель?

- Мишель, да. Вы хорошо с ней знакомы?

- Она выросла у меня на глазах. Если хотите, я почти ее бабушка.

- Она, по-видимому, серьезный человек.

- Да, вы совершенно правы.

- Не скрою, она произвела на меня сильное впечатление. Не могли бы вы оказать мне услугу?

- Смотря какую.

- Я хотел бы убедить малышку Мишель, что она превратно меня поняла, и извиниться за свою оплошность. Если вы пожелаете мне помочь... у меня как раз завалилась лишняя стофранковая купюра.

- Вы рассчитываете получить ответ?

- Естественно, в положительном случае вы принесете его мне, а пятисотфранковая купюра перекочет в вашу сумочку.

- Куда же принести ответ?

- Ко мне домой... улица Ласкари, 227, четвертый этаж.

Коломба сделала вид, что задумалась.

- Это выполнимо, но поклянитесь, что у вас серьезные намерения!

- Клянусь!

Пока Пелиссанн излагал на бумаге доводы, должны поколебать твердость его будущей жертвы, мадам Пасторечchia вздохнула:

- Я вам верю, потому что вы мне симпатичны!

Шагая по старому городу в направлении набережной Соединенных Штатов, Пелиссанн думал о том, что в течение считанных минут ему удалось разрешить вопрос, так мучивший патрона и остальных, все будут благодарны ему за это, а Консегюд, возможно, пожалеет, что вместо Фреда назначил Эспри, а не его, Барнабе... От этой мысли сердце Пелиссанна забилось чаще. Он родился для крупных дел и считал, что патрон ничуть не лучше его. Сегодня все ребята уберутся в этом.

Пока Барнабе раздумывал о будущем, пятеро старушек занимались его собственной судьбой.

Прочтя письмо, которое Пелиссанн написал Мишель, Базилия потеряла руки:

- Коломба, он попался! Малышка, сама того не подозревая, послужила приманкой!

- А если он действительно влюбился в Мишель?

- Бедная моя Коломба... тебе известно, чем занимается эта скотина?

- Нет.

- Он сутенер.

– Что это значит?

– Соблазняет девушек, а после отправляет их на панель и отбирает заработанные деньги.

– Какая низость!

– Теперь ясно, кем может стать Мишель, свяжись с таким типом?

– Хватит, Базилия! Стыдно даже думать об этом!

– Значит, мы должны очистить землю от этой гадины.

Если бы речь шла не об убийстве, то было бы нечто трогательное в том, как склонились над листом седые головы Базилии и Коломбы. Вспоминая далекую молодость, они сочиняли любовное письмо, которое должно было завлечь Пелиссанна в ловушку. Базилия, более серьезная, и романтичная Коломба никак не могли прийти к согласию. Первая предлагала чуть ли не деловой стиль, вторая же настаивала на фразеологических оборотах дешевых романов времен первой мировой войны.

– Ты совсем рехнулась, Коломба, – злилась Базилия, – ну где ты видела, чтобы девушка обращалась к парню со словами «мой венценосный орел»?

– Да я сама называла так Паскаля, когда мы были помолвлены.

Старушки убили более двух часов, пытаясь извлечь из памяти слова, когда-то волновавшие их, фразы, заставлявшие верить в то, что их любят так, как не любили до сих пор ни одну женщину. И вот что получилось:

«Месье Барнабе,

это письмо, бесспорно, удивит вас, поскольку не соответствует тому, как я вела себя днем. Я совершенно одинока, поэтому отношусь с недоверием ко всем, а к мужчинам особенно. Но, поразмыслив, я решила, что, возможно, вы говорили искренне... Вы мне нравитесь, и я спросила себя, не совершила ли глупость. Если и вы так считаете, давайте попробуем узнать друг друга получше. Если вы согласны, я буду ждать вас в парке Шато сегодня вечером, в шесть часов... Ответ, пожалуйста, передайте с женщиной, которая принесет эту записку.

Мишель».

– Не забудь у него это письмо, Коломба, мы не должны оставлять следов. Иначе малыш Сервион рано или поздно нас вычислит.

– У этого парня достанет ума!

– Он ведь родился в Кортеле! – приосанилась Базилия.

Консегюды пили кофе, сидя на террасе, залитой весенними солнечными лучами. В калитку сада позвонили, и Жозетта пошла встречать незваного гостя. Она вернулась в сопровождении Полена Кастанье. Гастон слегка удивился.

– Разве ты не знаешь, я не люблю, чтобы ко мне являлись без приглашения!

– Да, патрон, но мне не терпелось побыстрее рассказать вам, о чем я думал этой ночью.

- Это так важно?

- Думаю, да.

- Тогда давай, я слушаю.

Жозетта, видя, что в ее присутствии нет необходимости, удалилась.

- Патрон, я уверен, мы попались, просто платеж отсрочен.

- Да?

- Выслушайте меня, патрон... Фред и его дружки...

-... которые, кстати, и твои дружки.

- Нет! Они нестерпимо гаупы... я готов работать один, а с ними - ни за что, уж лучше сразу попроситься в пожизненную каторгу.

- К чему ты клонишь?

- Нужно разогнать их, патрон. Они вляпались в кошмарную историю! Боже мой, если у человека есть хоть капля мозгов, он не станет убивать полицейского и его семью! Сервион нас не выпустит, и вы это знаете!

- Он нас не возьмет, у него нет свидетелей!

- Неужели вы поверили тому, что напел этот придурок Пелиссани? А даже если свидетелей нет, почему убили Бандежена? Только для того, чтобы отомстить за Пьетрапьяна!

- Ты далеко заходишь... чересчур далеко...

- В самую глубь, патрон. Я уверен, вы думаете точно так же! Вот увидите, это не последняя жертва!

- Но почему, Боже мой?

- Если бы я знал... Патрон, давайте наберем новую команду, только отбирать будем тщательнее. Вы назначите меня заместителем...

- Нет. У тебя слишком много амбиций для твоих лет, Полен. Возможно, они не так уж умны, зато не раз доказали, что они - настоящие мужчины, а думать - это моя забота. Так вот, ущелье Вильфранш - ошибка, я согласен, но полагаю, нам удастся выпутаться. И я возвращаюсь в строй.

Мужчины в упор смотрели друг на друга.

- Вы удивляете меня, месье Консегюд.

Гастон отметил, что Кастанье уже не называет его патроном.

- Ты меня тоже, малыш. Похоже, забыл, что случается с теми, кто решил отвалить?

Полен не спеша встал.

- Я буду помнить.

- Мне жаль тебя, Полен.

- Не стоит, месье Консегюд. Сегодняшнее утро я посвятил описанию резни у ущелья Вильфранш и, если со мной случайно произойдет какая-либо неприятность, письмо немедленно попадет в руки комиссара Сервиона.

- Скотина!

- Не стоит, не стоит! К чему так грубо, месье Консегюд? Между нами все кончено. Вы не знаете меня, а я обещаю забыть вас, согласны?

- Только не воображай, что тебе удалось провести меня, гад!

- Дело сделано, месье Консегюд.
- Полен ушел. На террасе появилась Жозетта.
- Ты слышала? - спросил Гастон.
- Да.
- Ну?
- Ничего. Придется последовать его совету: забудь о нем.
- Мне подчиниться этому сопляку?
- Полен не сопляк, он опасный противник. К тому же, молоде тебя, а ты стареешь, мой толстяк. Каждому овощу свой срок. Тебе надо было послушаться его и все бросить.
- Никогда!

Полену Кастанье мозгов было не занимать. Провал Консегюда вовсе не подталкивал его к праведной жизни. Он есть и останется бандитом. Но он избрал другую дорогу и рассчитывал на помощь патрона. Его отказ вынуждал Кастанье действовать решительно в одиночку. Он знал, что, расскажи Гастон об этом остальным, ему не миновать серьезных неприятностей. Следовательно, нужно как можно скорей избавиться от тех, кто способен наказать его за дезертирство.

Покинув виллу Консегюда, Кастанье отправился на вокзал, сел в поезд на Монте-Карло. Там, войдя в первое попавшееся кафе, он позвонил комиссару Сервиону. Когда тот снял трубку, он сказал:

- Месье комиссар... до сегодняшнего дня я был человеком Консегюда, но в деле у ущелья Вильфранш не участвовал...

- Чем вы это докажете?

- Когда придет время, вы сможете устроить мне очную ставку с Базилей Пьетрапьяна, она меня опознает.

Полицейский едва удержался от ругательства. Выходит, им известно, что старуха была на месте преступления. Но Полен успокоил его.

- Не волнуйтесь, комиссар, только я догадался, что бабуся все видела и что она убила Мариуса Бандежена и убьет остальных, если сможет до них добраться.

- Кого остальных?

- Кабри, Аскроса, Бероля, может, самого Консегюда.

- У вас есть доказательства?

- Нет. Но, по-моему, они есть у мадам Пьетрапьяна. Пока она в безопасности, потому что некой Коломбе Пастореччия удалось провести Пелиссанна, убедив его в том, что старуха была в Ницце, когда убивали ее близких.

- Почему вы считаете, что она солгала?

- Потому что был убит Мариус Бандежен.

- Этого недостаточно.

- Пока да, согласен, но, если и Пелиссанна постигнет горькая участь, не покажется ли вам, комиссар, что люди, сующие нос в дела «малой Корсики», тем самым подписывают себе смертный приговор?

- Кто вы?

- К чему вам это, комиссар? Я хочу избежать любой нескромности. Если мне понадобится ваша помощь, я позвоню

вам от имени человека, однажды говорившего с вами из Монте-Карло. — Полен повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Сервион пересказал Кастелле содержание разговора. Тот вздохнул:

— Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки.

— Парень не сообщил ничего нового... У нас, как и раньше, нет никаких доказательств.

— Если бы Губер признался, что алиби убийц фальшиво...

— Он никогда не пойдет на это... Их он боится больше, чем нас. Кастелле, нужно взять на заметку, что Пелиссанн ходил на «малую Корсику» и что какой-то тип — явно не дурак — подозревает, что Бандежена убила Базилия.

— Послушайте, это невозможно!

— Вы и впрямь так считаете?

— Нет, — покачав головой, ответила Кастелле.

— С завтрашнего дня пошлите на «малую Корсику» еще двоих полицейских.

На следующее утро, еще до того, как полицейские заняли свой пост в старом городе, Коломба, завернувшись в свою большую черную шаль, поспешила на улицу Ласкари. Остановившись перед домом 227, она подняла голову и посмотрела на окна четвертого этажа, стараясь определить, за каким из них живет убийца семьи Пьетрапьяна. Всякий раз, когда Коломба думала о безвременной смерти друзей, ее охватывала мстительная ярость. И теперь она, женщина столь почтенного возраста, прямо-таки взлетела по лестнице.

Когда в дверь постучали, Барнабе, лежа в постели, просматривал программу парижских скачек. Тихонько встав с кровати и вооружившись пистолетом, он прокрался в прихожую и прижался к стене.

— Кто там?

— Я.

Голос успокоил его.

— Кто я?

— Я принесла вам ответ.

— Ах, да! Минутку!

Пелиссанн сунул пистолет в ящик, натянул халат и поспешил открыть Коломбе дверь.

— Ну?

— Письмо.

— Давайте сюда!

Старуха протянула письмо, которое Барнабе прочел с ребяческим удовольствием. Его радовала не нежность, сквозившая в строках, а победа, о которой она свидетельствовала. Пелиссанн опять победил! Малышка, такая недотрога, не смогла противостоять очарованию красивого парня.

— Вы вернете мне письмо?

— Зачем?

— Не знаю. Но Мишель сказала, что, если я не принесу письмо обратно, она и слышать о вас не захочет.

— Она любит командовать, ваша Мишель?

— Смотря кем.

— Ладно, вот ее писулька. Передайте на словах. Я согласен. Пусть будет в шесть часов, где она хочет.

— Передам.

— Как вам удалось ее убедить?

— За пятьсот франков и не такое сделаешь!

Барнабе расхохотался.

— Правда! Подождите-ка...

Порывшись в бумажнике, он достал пятисотфранковую купюру и протянул ее Коломбе. Это первый вклад, Мишель принесет раз в сто больше.

Агенты, в обязанность которых входило вести наблюдения за «малой Корсикой», не получили указаний следить за ее жителями. Поэтому и не обратили внимания на двух старух с хозяйственными сумками, которые, скорее всего, шли за покупками. Коломба и Базилия, лица которых по корсиканскому обычаю были наполовину прикрыты темной тканью, преспокойно прошли мимо.

В половине шестого подружки отправились к парку Шато. Около шести часов они добрались до вершины, возвышающейся над морем скалы, откуда открывался восхитительный вид, правда, совершенно не трогавший мстительниц. Коломба уселась на скамейку, а Базилия спряталась метрах в трех от нее, в густой траве. Они ждали, и ничто в этот миг не заставило бы их отказаться от зловещего замысла.

Барнабе Пелиссанн вошел в парк Шато с самодовольным видом провинциального донжуана. Конечно же, он и не догадывался о том, что истекают последние минуты. Впрочем, жизнь его была лишь вереницей всевозможных пако-стей. Приближался час расплаты. Но он об этом не подозревал. Близкая победа пьянила его. Поднимаясь по склону, он прикидывал, как повести себя с девушкой, чтобы уже на рассвете Мишель, дрожа от страсти, бросилась к нему в объятия.

Завидев на скамейке знакомую старуху, Барнабе решил, что его обманули, и, приблизившись к ней, проворчал:

— Она не придет?

— Придет! Придет! Задерживается на работе, поэтому чуть-чуть опоздает. Она послала меня извиниться перед вами.

— Я могу ждать не больше десяти минут.

Коломба улыбнулась.

— Не думаю, что ждать придется так долго!

— Тем лучше для нее.

Словно желая оправдать поведение Мишель, старуха пустилась в излишние относительно личной жизни девушки до встречи с Пелиссанном, а тот, слегка обалдевший от ее многословия, не расслышал тихий шорох позади.

Базилия выбралась из укрытия и вытащила из сумки дубину. Чтобы придать себе смелости, она представила мужа, сына и невестку, сраженных пулями убийц, вспомнила крик Анны... и направилась к скамейке.

Гастон Консегюд вышел на залитую солнцем террасу прямо в пижаме и сладко потянулся. Старый бандит хорошо отдохнул. Накануне, укладываясь спать, он сомневался, что сможет заснуть из-за ссоры с Поленом. Но этого, к счастью, не произошло. Полен, сделав ставку на панику, охватившую всех, решил отвоевать теплое местечко. Почесывая спину, Консегюд думал, что у нынешней молодежи острые зубы, и Жозетта, пожалуй, права: пришло время уйти со сцены. Приятный запах кофе отвлек его от невеселых мыслей. Он вошел в спальню, чтобы натянуть халат, но тут резко зазвонил телефон. Так рано? К телефону, шаркая тапочками, прошла Жозетта. Разговор был короток, слов он не разобрал, но жена уже стояла на пороге спальни:

— Это Фред...

— Что нужно этому кретину?

— Интересуется, читал ли ты утреннюю газету.

— Почему?

— Он не сказал.

— Очередные неприятности. Когда имеешь дело с таким идиотом, нужно быть готовым к самому худшему. Где газета?

— Пойду посмотрю, принесли ли ее.

Пройдя в сад, Жозетта вытащила газету из ящика на садовой калитке, развернула ее и замерла, увидев на первой полосе набранные жирным шрифтом заголовки. Жозетта была сильной женщиной, но в данный момент она вроде бы начала познавать то, чего до сих пор не ведала: страх.

На террасе Гастон уселся в белое полированное кресло с красной обивкой. Он нетерпеливо постукивал пальцами по подлокотнику. Ему хотелось выгладеть совершенно невозмутимым в глазах жены. Но не успела та переступить порог, как он воскликнул:

— Ну?

— Тут о Барнабе.

— Пелиссанне? Что еще он затеял?

— Он умер...

— Умер? Барнабе? Но... но от чего?

— Его стукнули молотком по затылку.

— Молотком... не может быть! Невероятно!

— Хочешь, прочту заметку?

— Да... давай...

Жозетта, усевшись в кресло напротив мужа, начала читать: «НОВОЕ СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ»

Вчера вечером месье Виллар, ответственный за поддержание порядка в парке Шато, осуществляя вечерний обход, чтобы разогнать чересчур пылких влюбленных, обратил внимание на человека, в странной позе сидевшего на скамейке, казалось, он заснул. Месье Виллар подошел ближе и тут же отпрянул — как он сам нам признался, испугавшись представшей взору картины. Лицо неизвестного залила кровь, из раздробленного черепа вытекал мозг. Месье Виллар, работав-

ший раньше в полиции, тут же позвонил в комиссариат. Покойного звали Барнабе Пелиссани, это имя хорошо известно полиции нравов нашего города. Пелиссани, неоднократно судимый за сутенерство, был замешан и в других сомнительных делах. Возможно, он был убит в результате ссоры с себе подобными молодчиками. Это прояснит следствие. Но в своем коротком интервью месье Виллар сообщил, что в этот день в парке было совсем малолюдно. Ему показалось, он видел, как жертва медленно поднималась по склону. Он так же помнит двух одетых в черное старушек, появление которых несколько озадачило его. Невзирая на личность пострадавшего, правосудие требует покарать убийцу. Естественно, мы будем держать наших читателей в курсе того, как расследуется это жуткое дело».

Жозетта неторопливо отложила газету и взглянула на мужа. Гастон облизнул пересохшие губы.

— Что ты об этом думаешь? — тихо спросила она.

— Ничего... — скорее простонал, чем произнес Консегюд. — Сначала Мариус, за ним Барнабе... Кто? По какой причине?

— Кто-то решил уничтожить наших людей...

— С какой целью?

— Гастон, единственное, что достоверно известно, — все началось после истории у ущелья Вильфранш.

— Думаешь, это месть за Пьетрапьяна?

— А ты думаешь иначе?

— Так что, это полиция?

— Ты с ума сошел!

— Но ведь на «малой Корсике» остались только старики?

Жозетта ответила не сразу.

— Я вот размышляю о том, что сказал Кастанье, — озабоченно произнесла она. — Вчера... он, кажется, предвидел смерть Пелиссанна...

— Его рассуждения, увы, оправдались!

— Но только ли рассуждения это?

— Ты хочешь сказать, он знал о готовящемся убийстве? Но откуда?

— Может, ему и не требовалось узнавать.

— Не понимаю!

— А что, если Полен убил Мариуса и Барнабе?

— Ты спятила!

— Подумай, Гастон... Ведь ты сам слышал вчера, о чем он мечтает. Он хотел бы остаться с тобой. Он умен и хитер. Воспользоваться этой дурацкой резней — напоминаю, только он один и не был в ней замешан — и постепенно уничтожить всех, кто мешает, а вину возложить на вымышленных лиц. Отлично задумано.

— Ты и вправду считаешь, что Полен...

— Утверждать, естественно, не берусь, но эту версию отбрасывать не стоит.

Гастон всегда доверял мнению супруги.

— Позвони Фреду и скажи, чтобы он немедленно связался с Эспри и Жозе.

Сервион влетел в свой кабинет. Вызвал Кастелле и, не успев тот переступить порог, закричал:

— Надеюсь, вы уже знаете?

— Об убийстве Пелиссанна? Да, патрон.

— Немедленно пошлите за сторожем из парка! Я хочу, чтобы он описал мне тех двух старух!

— Думаете...

— Вас не касается, о чем я думаю! Делайте, что приказано, больше я ни о чем не прошу!

Ожидая возвращения помощника, комиссар попытался было заняться служебными бумагами, лежавшими у него на столе. Но безуспешно. Он не сомневался, что Бандежена и Пелиссанна убили жители «малой Корсики». Кто-то хладнокровно и разумно ведет вендетту, и этот кто-то — агунья Базилия, утверждавшая, что не видела убийц. В душе Сервиона боролись два чувства: горечь от попрания законного правосудия, представителем которого он являлся, и ужас от необходимости арестовать людей, которых любил и уважал. Анжелина права: он обречет себя на позор, арестовав этих бабулек и дедулек; общественное мнение будет на стороне людей, которые, невзирая на преклонный возраст, ревматизм, артриты и физическую немощь, смогли наказать убийц.

В кабинет вошел Кастелле, подталкивая оробевшего сторожа. Предложив Луи Виллару сесть, комиссар Сервион приступил к допросу:

— Вы заявили, что незадолго до появления жертвы заметили двух старых женщин?

— Совершенно верно, месье комиссар.

— Можете ли вы их описать?

— Это довольно сложно, мне не удалось их разглядеть.

— Как это?

— Лица были закрыты шалями.

— А походка?

— Такая же, как у всех старух.

— Откуда вы знаете, что это были старухи, если лиц не разглядели?

— Ну... судя по походке... сторбленные плечи... и все!

— А может, это были молодые люди, переодетые старухами?

— Конечно, могло быть и так... но не думаю...

— Месье Виллар, вас не удивило, что их лица были скрыты шалями?

— Нет.

— Но ведь это необычно, чтобы женщины прятали лицо?

— О, месье комиссар, в некоторых местах существует такой обычай, на Корсике, например.

Комиссар Сервион с тревогой ждал этого замечания.

— Месье Виллар, не могли бы вы прийти ко мне в кабинет к трем часам дня?

— Если начальство позволит.

— Я это улажу.

— В таком случае, всегда к вашим услугам, месье комиссар.

— Благодарю вас, до скорой встречи.

Как только Кастелле закрыл дверь за посетителем, Оноре сдержанно произнес:

— Вскрытие показало, что череп Пелиссанна раскроили тупым предметом... По-видимому, дубиной. Для такого удара не нужно обладать особой силой.

— И Пелиссанн позволил с собой это проделать?

— А кто говорит, что он видел убийцу? Удар, скорее всего, нанесли сзади. В это время он, вероятно, разговаривал с сообщницей.

— Это всего лишь версия, патрон!

— А мы постараемся доказать ее. В два часа дня вы отправитесь на «малую Корсику» и доставите мне в кабинет их всех: Базилию, Поггио, Пастореччиа, Прато и Мюрато — всех! Слышите, всех!

Жозе Бероль был неотесанным мужланом, в его примитивном мозгу уместилось несколько принципов, которым он следовал всегда, чего бы это ему не стоило. Он был бандитом, хоть в глубине души оставался крестьянином. Убивал он так же старательно, как пахал бы землю. Основной принцип, из тех немногих, которые он соблюдал, — это верность клятве и тому, кому она дана. Этот принцип не терпел никаких компромиссов. Честность была для него главным человеческим достоинством, а предательство — самым тяжким грехом. Патрон назначил Эспри своим заместителем, значит, он, Жозе, должен подчиняться. Это его не задевало. Он родился исполнителем чьей-то воли, например Фреда Кабри, когда тот позвал его к ущелью Вильфранш. Выполняя приказ, он стрелял в женщину и мужчин, игравших в шары, не испытывая ни гордости, ни угрызений совести. Но предательство Кастенье возмутило его. После долгих часов мучительных раздумий Бероль решил убить Полена.

Увидев их, Сервион не смог побороть волнения. Морщинистые лица, глаза, глядящие из-под припухших век, согбенные плечи наполняли его сердце неосознанной нежностью. Тем не менее с напускной строгостью он сухо произнес:

— Ну и как, вы собой довольны?

Послышався какой-то шорох — старики взялись за руки, как делали это всегда.

— Уж не мните ли вы себя героями, достойными памяти предков? Садитесь!

Кастелле принес стулья и расставил их полукругом у стола патрона. Слева сели Шарль Поччио и Барберина, рядом с ними — Жан-Батист и Антония Мюрато, потом Базилия — одна. Ее одиночество было вызовом Сервиону. Она высокомерно смотрела на комиссара. Рядом с ней — Пастореччиа: Коломба, сохранившая молодую душу, и Паскаль, любовавшийся подружкой, за которой ухаживал полвека назад. Наконец Прато, самые угрюмые.

– Слушайте меня внимательно. То, что вы совершили, серьезно, очень серьезно. Если бы я не был корсиканцем, а вы не были бы стариками, я бы всех вас посадил за решетку до суда. Первым отреагировал Амеде Прато.

– Короче, месье комиссар, зачем вы притащили нас сюда? – ворчливо спросил он.

– Ну и наглец же вы, Прато!

– Возможно, но это не объяснение!

– Вы уже забыли об убийстве Бандежена и Пелиссанна?

– Во-первых, этих людей я не знаю, а во-вторых, какое отношение может иметь их убийство ко мне?

– Потому что и убили их вы, несчастный!

Амеде так неподдельно улыбнулся, что Сервион на мгновение засомневался в истинности своих подозрений.

– Ничего себе! – воскликнул Прато, поворачиваясь к своему соседу, Пастореччиа. – А ты знаком с этими типами?

– Нет!

Прато обратился к Мюрато:

– А ты, Жан-Батист?

– Впервые слышу эти имена, Амеде.

Не дожидаясь, пока обратятся к нему, Шарль Поггио сказал:

– Я тоже!

Комиссар не отличался ангельским терпением. Стукнув кулаком по столу, он вскричал:

– Прекратите ломать комедию! Это недостойно корсиканцев!

– Ты начинаешь действовать мне на нервы, малыш... – проворчал Амеде.

– Что?

– Повторяю: ты начинаешь действовать мне на нервы! Я дожил до таких лет не для того, чтобы позволять какому-то молодкососу разговаривать со мной таким тоном!

– А если я посажу вас в камеру, чтобы научить обращению с полицейским при исполнении служебных обязанностей?

Альма тихо всхлипнула, тем самым вызвав гнев мужа на свою голову.

– Не хватало, чтобы ты разревелась!

– Если он посадит тебя в тюрьму, кто будет давать тебе капли от печени?

– Состояние моей печени не касается полиции. Постыдилась бы при всех говорить о личной жизни! Вылитая мать-стерва! Впрочем, чего от тебя ждать! Мне не следовало жениться на дочери Бонифаччио!

Это замечание Мюрато просто не мог пропустить мимо ушей.

– Ты что-то имеешь против Бонифаччио?

– Только то, что они дали мне Альму!

– Лжешь, Амеде, – вмешалась Антония. – Никто не давал тебе Альму! Ты сам за ней пришел!

– Неправда! Откуда ты-то знаешь?

– Альма сказала!

Паскаль Пасторечchia попытался их утихомирить:

– Не ссорьтесь при постороннем! Это неприлично!

Амеде не внял мудрому совету.

– Не суйся, Паскаль! Ни я, ни Антония не нуждаемся в твоих советах!

– Жители Аяччо – все гордецы! – язвительно заметила Антония. – Они только и делают, что поучают других!

– Мнят себя Наполеонами! – высокомерно подтвердил Амеде.

– Вы скоро кончите? – взревел комиссар. – Пока что в интересующем меня деле вы все друг друга стоите! Жаль, что люди столь почтенного возраста ведут себя, как неразумные дети! Вы ссоритесь без всякой причины, а ведь речь идет об убийстве!

– Неужели ты думаешь, я могу забыть об этом, Оноре! – ответила за всех Базилия.

Столь фамильярное обращение, вполне естественное в разговоре старухи с мальчишкой, не достигшем пятидесяти лет, сбило с толку комиссара. Допрос превращался в фарс, а это недопустимо.

– Базилия Пьетрапьяна, – жестко произнес он, – напоминаю, мы не в Кортэ, а в Ницце, и прошу не обращаться ко мне на «ты».

– Как хочешь... Если тебе нравится чваниться, твое дело...

Сервион проглотил язвительное замечание.

– Давайте покончим с пустой болтовней и перейдем к теме нашего собрания: вы здесь для того, чтобы объяснить причину смерти Бандежена и Пелиссанна.

– Мы не знаем этих людей и плевать хотели на их смерть! – возразил Амеде.

– Амеде Прато, вы говорите неправду!

– Валяй, малыш! Сиди здесь и говори, что я лгу! Ты перестал уважать стариков, ты больше не наш!

– Не пытайтесь переменить тему! И вы, и я отлично помним, как погибли Доминик, Антуан и Анна... Правосудие давно бы привлекло виновных...

– Почему же вы этого не сделали? – оборвал полицейского Паскаль Пасторечchia.

– Нам необходимо свидетельство человека, могущего опознать виновных, того, кто видел их во время злодеяния! Но он предпочитает молчать...

– Почему?

– Потому что Базилия Пьетрапьяна – женщина из прошлого! Она ревнительница вендетты и, видите ли, не доверяет полиции!

– Что все это означает? – поинтересовался Шарль Поггио.

– Это значит, что все вы вместе решили уничтожить поочередно участников резни у ущелья Виальфранш Бандежена и Пелиссанна, кстати, у последнего проломлен череп, а вот как вы справились с первым, ума не приложу!

– Ну и дела! – изумленно воскликнул Поггио.

– Да, Поггио, это чудовищно, да еще и реально.

– Но почему именно мы?

Кастелло сообщил патрону, что явился Виллар. Оноре послал за ним. Когда сторож вошел, комиссар выстроил в ряд пятерых старух и попросил Виллара внимательно присмотреться к ним. Тот подчинился, а когда разглядел всех, Сервион нетерпеливо спросил:

— Ну?

— Что, ну?

— Узнаете женщин, которые вчера вечером были в парке Шато?

— Может быть... они похожи, но я не берусь утверждать... не могу... это было бы клеветой...

Полицейский в ярости отпустил его, отлично сознавая, что старики внутренне насмеваются над ним.

— Ну что ж, Базилия, вы опять выиграли, но, даю слово, так недолго будет продолжаться!

— Чертов упрямец, а? — сказала она, презрительно поглядев на него.

Он попытался убедить их еще раз.

— Я хочу, чтобы вы поняли: у вас нет права убивать, даже для отмщения невинных жертв! Если ваша вина будет доказана, вы закончите дни в тюрьме; если те, кого вы атакуете, вдруг сообразят, кто их противник, я не дам и гроша за ваши шкуры!

— И будете правы, — хмыкнул Амеде, — большего они не стоят!

Засмеялись все, кроме комиссара.

— Они впали в маразм, — буркнул он Кастелле. — Гоните всех к чертовой матери! Я не могу их больше видеть!

Базилия, едва сдерживая смех, простонала:

— Полицейского из тебя не вышло, Оноре...

Ее обступили старухи, а она продолжала:

—... раньше, когда ты был нашим, ты не позволил бы себе такого тона.

— Да, ведь тогда я не знал...

— Чего не знал?

— Что вы — агуньи!

Жозе Бероль отправился в Гольф-Жуан к Губеру в его «Веселый матрос» поесть ухи и немного развеселиться. Хозяин оказал ему радушный прием.

— Привет, Жозе! А Полен не сказал, что вы договорились встретиться у меня.

— Полен?

— Да, он здесь. Ты разве не знал?

— Нет. Он обедает?

— Еще нет.

— Ладно, накрывай на двоих!

После обеда Полен предложил прогуляться, это способствует пищеварению. Уже совсем стемнело, на прозрачном небе горели звезды, мужчины шли в направлении Валлери по благоухающей разнотравьем дороге. Молча шагая, они не знали, с чего начать обсуждение волновавших обоих вопросов.

Наконец Кастанье решился.

— Между нами говоря, Жозе, ты не находишь, что патрон начинает стареть?

Бероль удовлетворенно вздохнул:

— Наверное...

Оба раздумывали, тщательно подбирая слова, чтобы не раскрыться раньше времени. Это была настоящая дуэль, конца которой не мог предвидеть ни один, ни другой.

— По-моему, пора бы ему уступить место.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Я.

Жозе счел разумным изобразить изумление:

— А ты не боишься?

— С чего ты взял?

— Фред, Эспри и патрон не уйдут без сопротивления!

Кастанье пожал плечами:

— Консегюд не в счет. Он свое отыграл. Признаюсь, Фреда и Эспри убедить довольно трудно. Но после уцелья Вилльфранш они не станут особенно выпендриваться.

— Ты забываешь, что и я участвовал в деле.

— Полиции знать об этом не обязательно.

— А если ее уведомят?

— Кто?

— Ты.

Дыхание Поленя участилось:

— Почему я?

— Говорят, ты предупредил патрона, что написал письмо комиссару Сервиону.

Кастанье натянуто рассмеялся:

— Это сказал Консегюд?

— Да.

— Выходит, он поверил мне!

— Ты действительно сделал это?

— Конечно, нет! Я хотел подстраховаться на случай встречи с Фредом, Эспри или с тобой. Неужели ты поверил в то, что я действительно продал вас? — надтреснутым голосом произнес Полен.

— Нет, я думаю о Мариусе и Барнабе.

— Не вижу связи.

— Зачем ты убил их?

— Ты рехнулся?

— Это ты рехнулся, если решил, что сможешь заложить нас всех, а мы даже не пошевелимся.

Жозе заметил, как Полен сунул руку в карман. Он ударил изо всех сил, шейные позвонки хрустнули, и Кастанье рухнул на землю. Бероль прикончил его и дотасил тело до ограды.

Когда Жозе вошел в кафе, Губер, обслуживавший запоздавших посетителей, взволнованно спросил:

— Где Полен?

Бероль, подмигнув ему, кивком предложил выйти. Испуганный хозяин «Веселого матроса» вышел вслед за гостем и увел его в кухню, где в это время никого не было.

- Что случилось?
- Полен.
- Что с ним?
- Мертв.
- Что?!
- Я должен был его убить.
- Ты?
- Это он убил Мариуса и Барнабе.
- Не может быть!
- Может... или он, или мы.
- Где ты его оставил?
- На дороге... Пойду принесу тело сюда.
- Сюда?!
- Когда прикроешь лавочку, мы устроим небольшую морскую прогулку, поедем втроем.
- Втроем?
- Он и мы с тобой.

Нельзя сказать, чтобы такая перспектива улыбалась Губеру. Хозяин «Веселого матроса» проклинал день, когда согласился за солидную мзду подтвердить фиктивное алиби Фреда и его дружков. И вот теперь у него на руках труп. А если по дороге они встретят жандармов? От этой мысли мурашки забегали по спине.

Вопреки опасениям Губера все прошло без сучка, без задоринки. Амбициозного Полена Кастанье привязали к старой наковальне, валявшейся в сарае «Веселого матроса», и он навсегда успокоился на стометровой глубине, наказанный за преступления, которых не совершал.

Если настроение комиссара Сервиона ни на йоту не улучшилось, то на «малой Корсике», напротив, царил некоторая эйфория: старики загорелись желанием посоперничать с женами, которые сознались-таки в своих подвигах. По старым жилам заструилась вдруг помолодевшая кровь, уставшие сердца забились с новой силой. Поверженные жизнью люди, доживавшие в нищете свой век, предались прежним мечтам. По вечерам они допоздна просиживали то в одном, то в другом доме, строя планы уничтожения последних убийц, замешанных в деле у ущелья Вильфранш. Настал черед Эспри Аскроса, хладнокровного исполнителя преступлений. Теперь оставалось найти способ...

Базилия отправилась к Поггио и попросила Барберину ненадолго закрыть магазин. Поскольку туда все равно никто никогда не заходил, это не нанесло ущерба Поггио.

- Шарль, когда-то ты очень ловко изготавливал отличные часовые механизмы.

- Для чего?

- Для бомб.

Шарль и Барберина расхохотались. Их смех был так сух, что, казалось, в соседней комнате кто-то трясет мешком с орехами. Наконец Шарль, буквально задыхаясь от астмы, пере-

стал смеяться. Жена долго стучала по его спине, пока он смог перевести дух. Потом он вытер выступившие на глазах слезы и прокаркал:

- Ах, Базилия! Такое может прийти в голову только тебе! Кого задумала отправить на небеса?

- Эспри Аскроса.

- Я его знаю?

- Нет. Он член банды, действовавшей у ущелья Вилльфранш. Это он убил моего Доминико.

- В таком случае, можешь на меня положиться. Когда тебе нужна бомба?

Хозяин «Веселого матроса» заснул только на рассвете, а проснувшись, почувствовал, что совсем разбит. Настроение у него было просто ужасное. Он проклинал себя за проявленную слабость относительно алиби Фреда и компании... С тех пор он жил, как на вулкане. Смерть Бандежена и Пелиссанна не волновала его. Оба стали жертвами сведения каких-то счетов, и хорошо бы, если бы все они поскорей пропали, тем самым избавив его от постоянного страха. Появление офицера полиции Кастелле встревожило Губера. Он побледнел от догадки, что обнаружен труп Кастенье.

- Вы... вы пришли... по какому-то... определенному делу?

- Попросту решил отдохнуть часок-другой.

- А почему именно у меня?

- Мне здесь нравится.

- Говорят...

- Но что с вами, Губер? Если вы всех клиентов так принимаете... Или вы столь агрессивны только по отношению к полицейским?

- Не люблю легавых!

- По-вашему, я явился вынюхивать? А есть что?

- Откуда мне знать?

- Тогда чего вы дергаетесь?

- Я не дергаюсь!

- Неправда, но это вы зря... Нам не удастся доказать вашу ложь и лжесвидетельство.

- О... о чем вы хотите поговорить?

- Об алиби Фреда Кабри и его банды, - с видом простака ответил Кастелле.

- Не имеете права...

- Послушайте, Губер, я же сказал, доказать ничего не удалось. Заметьте, в вашем сообщничестве мы почти уверены... Впрочем, не мы одни.

- Что значит это замечание?

Полицейский изобразил изумление.

- Разве вы не слышали об убийстве Бандежена и Пелиссанна?

- Слышал, но не понимаю...

- Послушайте, Губер, этих людей убрали те, кто решил отомстить за Пьетрапьяна.

- Шутите!

— Думайте, как хотите... Я вам поражаюсь!

— Что вы говорите!

— Ну да... у полиции значительно меньше оптимизма, чем у вас. Мы полагаем, она ликвидирует всю банду Консегюда, а вы, предоставив фальшивое алиби, вольно или невольно тоже стали членом банды. В данной ситуации опасность угрожает и вам.

— И вы так спокойны?

— А что прикажете делать? Мы можем вмешаться только после... ведь защиты у нас никто не просит.

— А если я попрошу ее у вас?

— В каком качестве?

— Но...

— Повторяю, мы знаем, что вы солгали, но пока вы официально не признаетесь в этом мы не имеем никакого права вмешиваться в вашу личную жизнь. А теперь налейте-ка мне вина, да и себе тоже, чтобы показать, что вы на меня не сердитесь.

Эспри сделал карьеру в преступном мире, как любой средний француз сделал бы ее на службе. Начав с нуля, он благодаря своей серьезности, покладистости, пунктуальности к сорока двум годам стал достойным преемником Консегюда. У Эспри не было чрезмерных амбиций, это позволило ему не изведать горечи разочарования. Он крал и убивал столь методично и без угрызений совести, как если бы работал на государственной службе. Однако грабить и убивать было выгодней. Вот из-за этого он предпочел преступный путь честному. Аскрос никогда не ходил в кино. У него отсутствовало воображение, и он ненавидел кровавадно-романтических американских гангстеров. Реестры предпочитал пулеметам, а собственный счет в банке дешевой популярности. Новая должность в клане Консегюда не внесла никаких изменений в его поведение буржуа, с вниманием относящегося к переменам погоды и изменениям политического климата. Он продолжал вести размеренную жизнь законопослушного гражданина. Из дома неизменно выходил в десять часов утра в сопровождении жены и сообщницы Мирей. Обедали они в городе, как летом, так и зимой, домой возвращались не позднее восьми часов и все вечера проводили у телевизора.

Мирей Аскрос, несколько располневшая, не отличалась от любой торговки этого квартала Ниццы. На первый взгляд она казалась славной женщиной, но, как и муж, была не обременена совестью. Годы, проведенные в тюрьме, научили ее ценить комфорт больше шика, а обеспеченное будущее больше яркого настоящего. Она поддерживала Эспри во всех его начинаниях, она же и подтолкнула его к участию в деле Фреда Кабри, считая, что после этого его положение при Консегюде кардинально улучшится. Глазом не моргнув, она выслушала рассказ мужа об убийстве Пьетрапьяна. Мирей не ведала чувства жадности.

В это утро, подсчитав свои доходы, Мирей и Эспри решили, что, как только Эспри стукнет сорок пять, они, оставив дела, уедут со Средиземноморья, чтобы окончательно порвать с преступным миром Ниццы. Цифры привели их в приятное расположение духа. Еще три года, и их ждет прекрасная, безбедная жизнь рантье.

Аскросы жили в новом доме в районе Сен-Бартеlemi, где с легкостью можно раствориться в безликой толпе мелких чиновников и служащих, тешащих себя иллюзией загородной жизни.

Напротив дома, где жили Эспри и Мирей, стояла Барберина Поггио. Она держала в руках нечто, напоминавшее коробку с пирожными — коробка была обвязана золотистым бантиком, — и ожидала своего часа... Вот уже много дней они с Базилией приходили сюда, чтобы подробнее изучить расписание Аскросов. Они достали ключи, которыми можно открыть их машину, и, выбрав прекрасное солнечное утро, когда Аскросы просто не могли усидеть дома, Базилия решила судьбу Эспри и Мирей. Без четверти десять Барберина подозвала мальчишку лет двенадцати, без дела болтавшегося на улице. Когда мальчишка подбежал к ней, она спросила:

— У тебя есть бабушка?

— Да, мама моей мамы, но я не особенно часто вижусь с ней.

— Почему?

— Отец сказал, что если она переступит порог дома, он выбросит ее из окна... А мы живем на шестом этаже, — задумчиво добавил он.

— Вот и со мной почти то же самое.

— Вы живете на шестом этаже?

— Я хочу сказать, мой зять не позволяет мне видеться с дочерью, — она всхлипнула, — моей единственной девочкой...

Мальчишка не понимал, чего хочет эта бабуля.

— Ничем не могу вам помочь, — пробормотал он.

— Может быть, ты не откажешься оказать мне небольшую услугу? Я дам тебе за это десять франков.

— А что нужно?

— Моя дочь обожает пирожные, которые превосходно делают там, где я живу. В Рикье... вот я и купила их... моя девочка дала мне ключи от машины. Ты сможешь открыть машину?

— Ключом это сделать нетрудно!

— Значит, пойдешь, откроешь и положишь пирожные под сиденье водителя. Дочь привыкла, что они лежат именно там. Прикроешь коробку тряпкой, чтобы зять ничего не заметил.

— И вы заплатите десять франков?

— Держи, вот они.

Мальчишка сунул деньги в карман и сказал:

— Давайте сюда коробку!

Операция прошла гладко, а после старуха и мальчишка разошлись в разные стороны, очень довольные друг другом. Часовой механизм был установлен на пять минут одиннадцатого.

В десять часов Эспри и Мирей вышли из дома и сели в машину. Слегка попрепивавшись, супруги решили пообедать в

Болье. В четыре минуты одиннадцатого они отъехали от дома в направлении бульвара Сессоль, а в пять минут одиннадцатого взлетели в небо, распрощавшись с жизнью посредством взрыва, от которого содрогнулся весь квартал.

Глава 5

Анжелина Сервион испугалась, что может стать вдовой, когда, положив трубку, ее муж смертельно побледнел, поднес руку к горлу так, словно задыхался, дернул воротничок, пуговица отскочила, а он только широко, как рыба, вытаскивая из воды, открывал рот. Ее дедушка умер точно так же.

— Оноре, ты...

Жестом он велел ей замолчать, кровь постепенно прилила к его щекам.

— Мне остается лишь подать в отставку, — глухо прохрипел он.

— Но...

— Стоило расслабиться на один день...

— Может, ты все-таки скажешь...

— Эспри и его жена убиты.

— Убиты? Ты уверен, что это убийство?

— Если только не он сам подложил в свою машину бомбу, отправившую его на небеса!

— Больше ничего не известно?

— А по-твоему, этого недостаточно? После Мариуса Банде-жена и Пелиссанна убрали Эспри... вендетта продолжается!

— Ты не находишь, что слишком далеко зашел в своих предположениях?

— В одном я абсолютно убежден: сейчас позвонят из Марселя, из префектуры, и поинтересуются, не расцениваю ли я свое пребывание в Ницце как отпуск за счет правительства. Если в ближайшее время я не положу конец этой веренице убийств, то нам придется собирать пожитки!

— Ну-ну, с этой задачей ты справишься, Оноре!

— Если бы полицейский Бог тебя услышал! Позвони Каstellе и передай, что я жду его в Сен-Бартелеми.

Когда дверь за мужем закрылась, Анжелина позвонила инспектору:

— Каstellе? Это Анжелина... Муж выехал в Сен-Бартелеми и просил, чтобы и вы, не мешкая, отправились туда.

— Еду. А как самочувствие патрона?

— Жуткое. Говорит об отставке.

— Печально...

— Каstellе, вы кого-нибудь подозреваете?

— Не подозреваю, а точно знаю, кто совершил убийство, но ни за что не расскажу вашему мужу. У него и так хватает неприятностей...

— Но ведь он обязан положить конец кровавой резне, иначе ему придется дорого заплатить за нее.

— Успокойтесь, мадам. Похоже, развязка не за горами. У меня есть кое-какие соображения.

Сервион разглядывал остатки машины, разнесенной взрывом. Районный комиссар пояснил, что лишь благодаря какому-то чуду не пострадал никто, кроме самих жертв.

— Тела?

— Останки отправили в морг.

— Личности установлены?

— Да, многие соседи из окон видели, как чета Аскрос, хорошо известная в этом районе, садилась в машину.

— Бомба?

— То, что удалось найти, отправлено в лабораторию, эксперты уже работают.

— Что еще?

— Вроде... а! Есть один старик, утверждающий, что знает кое-что о человеке, подложившем бомбу, но, по-моему, бедняга того... не в себе... В комиссариат я его все-таки отправил, и он должен там ждать.

— Едемте.

Кастелле подоспел как раз вовремя, и шефу не пришлось пользоваться полицейским автобусом.

Свидетель сразу же понравился Сервиону. Высокий, худой старик представился по-военному:

— Жюль Фалькон, семьдесят один год, старший сержант, на пенсии...

— Садитесь, друг мой. Говорят, вы видели убийцу?

— Очевидно.

— Итак...

Бывший сержант объяснил, что привык часами сидеть у окна — так ему легче переносить бремя одиночества. Вид из окна так хорошо знаком ему, что внимание привлекают любые перемены, даже самые мельчайшие. Так вот, дней шесть назад он заметил странное поведение двух старых женщин (сердце Сервиона учащенно забилось), обе в одно и то же время останавливались напротив дома, где жили Аскросы, поглядывали на часы и что-то записывали.

— И сегодня утром?

— Сегодня была только одна, та, что поменьше ростом.

— Вы могли бы описать женщин?

— Это сложно. Расстояние приличное, я не разглядел их лиц, к тому же закрытых вуалью.

— Черной?

— По-моему, да.

— Вы знаете, как обычно одеваются корсиканские крестьянки?

— Точно! Я два года прослужил в гарнизоне Бастии.

— Спасибо.

Выйдя из комиссариата, Сервион уже не выглядел подавленным.

— Не стоит вдаваться в подробности, а, Кастелле?

— Нет, шеф.

— Они спятили, старина, окончательно спятили! Я их отправлю в психиатрическую лечебницу!

— Шеф, нам нужны неопровержимые доказательства!

— О, Господи! Кастелле, не хватало еще, чтобы вы меня учили!

— Извините, шеф!

— Вы думаете, я не понимаю, к чему вы клоните?

— Простите?

— Как и моя жена, вы готовы на все, чтобы избавить этих старых дураков от необходимости провести остаток дней в тюрьме! И вам, конечно же, наплевать, что они умертвили четверых людей!

— Нет, шеф, но...

— Что... но?

— Я очень любил Антуана Пьетрапьяна и Анну...

— А вы думаете, я их не любил? Но это еще не повод изменять долгу! Суд решит, правомерна ли вендетта!

— Шеф, не будет ли вас мучить совесть, если вы отправите на скамью подсудимых стариков, пожелавших отомстить за близких?

— Понятия не имею, и вас это не касается! — в ярости закричал комиссар. — Прекратите задавать мне idiotские вопросы, Кастелле!

Досадуя друг на друга, они молчали всю дорогу. Из своего кабинета Сервион сразу же позвонил в лабораторию: довольно примитивная бомба была сделана кустарным способом и, к счастью для мастера, изготовившего ее, снабжена безупречным часовым механизмом.

— Безупречным часовым механизмом... — повторил комиссар и добавил: — Кастелле, я знаю, кто убийца.

— Кто?

— Шарль Поггио.

Гастон Консегюд не сомневался, что если так и дальше пойдет, он умрет от инфаркта миокарда или язвы желудка. С огромным удовольствием он лакомился пельменями, превосходно приготовленными Жозеттой, но тут по радио объявили о кончине Аскроса. Сначала Гастон ничего не сказал. Жозетта замерла на месте, позабыв поставить на стол поднос, хоть он и жег ей пальцы. Потом Консегюд, испуганно взглянув на жену, проговорил:

— Эспри...

— И Мирей...

— Когда наша очередь?

Но паника улеглась, и Жозетта вновь стала той властной женщиной, какой была всегда и на которую можно было положиться в трудную минуту.

— Мы должны опередить его!

— Что ты имеешь в виду?

— Нужно убить Кастанье до того, как он перережет нас всех!

— А что делать с письмом, которое, с его слов, адресовано полиции?

— Тем хуже! Письмо еще не доказательство, к тому же можно слегка поработать с этим славным Поленом, заставив его сказать, у кого он оставил письмо, взамен пообещав сохра-

нить ему жизнь... А заполучив письмо, никто не помешает вам отправить его к праотцам.

Как восхитительно самообладание Жозетты! Она никогда не позволяла обстоятельствам взять верх!

— Хорошо! Я позвоню Фреду и Жозе, посоветуемся, что можно предпринять.

— Нет, Гастон, это я скажу им, что надо делать.

Консегюд полностью доверял Жозетте, но есть вещи, вынести которые мужчина не может.

— Ты часом не свихнулась, Жозетта?

— Сам ты свихнулся!

— Хочешь, я как следует поколочу тебя, чтобы научить почтительности?

— Попробуй только поднять на меня руку, болтун, и я велю ребятам прикончить тебя, Гастон...

Гнев Консегюда улетучился. Он давно все о себе знал, но не думал, что и для других это не тайна. Съездившись в кресле, он простонал:

— И ты против меня?

Она подошла и ласково положила руку на его плечо:

— Нет. Мы с тобой будем идти вместе до конца. Но позволь сделать то, что у тебя уже не получится.

Сервион и Кастелле вошли к Поггио. Шарль с лупой сидел за столом и ремонтировал часы. Барберина вслух читала газету. Не дав им возможности опомниться, Сервион, встав возле Поггио, сказал:

— Шарль, вы уже стоите одной ногой в могиле, а все еще играете в анархистов?

Часовщик снял лупу и спокойно повернулся к полицейскому:

— Что вы имеете в виду?

— Я обвиняю вас в том, что вы сделали бомбу, от которой погибли Эспри и Мирей Аскросы.

— Странная мысль! С чего вы это взяли?

— Признаете ли вы, что сделали бомбу?

— Нет! Я никогда не любил развлечения такого рода.

Сервион повернулся к старухе:

— Что вы делали сегодня утром, около десяти часов на проспекте Сирно?

— Я даже не знаю, где это находится.

— Ну и лжецы, — проворчал Сервион. — Почему вы упорствуете? Только вы на «малой Корсике» способны собрать часовой механизм так, чтобы бомба взорвалась точно в назначенное время. Барберина же может отнекиваться сколько угодно, но мне достоверно известно, что в десять часов утра она была на проспекте Сирно. Как вам удалось подложить бомбу в машину Аскросов?

Наклонившись к мужу, Барберина прошептала:

— Тебе не кажется, что он сошел с ума?

Кастелле едва сдерживал смех.

— Нет! Я не сошел с ума! — в ярости закричал комиссар. — И докажу это, арестовав вас!

— Как же вы нас арестуете? — поинтересовался Шарль.
— Вначале отведу к себе в кабинет, потом — в тюрьму.
— В тюрьму! — Старая Барберина беззвучно заплакала.
Ситуация складывалась безвыходная, но тут дверь отворилась, и кто-то произнес:

— Ну и орете же вы! На улице слышно!

— Ах! Вы очень кстати, Базилия! По вашей милости они отправятся в тюрьму! — воскликнул Оноре.

— Что они сделали?

— О! Пустяки! Просто разорвали на клочки Эспри и Мирей Аскросов, да так, что не все клочки удалось собрать.

— Но ведь они были гнусными людьми.

— Это не ваше дело!

— У меня другое мнение!

— Довольно, Базилия! Из-за вас и ваших глупостей я рискую потерять место!

— Ну вот, видите, можем ли мы доверять властям, которые не в состоянии оценить вас по заслугам?

Кастелле отдал должное ее ответу и с интересом ждал реакции шефа. После короткой паузы тот изменившимся голосом произнес:

— Базилия! Неужели вы потеряли всякую совесть? Эти покойники... У меня нет прямых улик. Но косвенных предостаточно для того, чтобы вас изолировать.

— Вы и меня собираетесь упереть в тюрьму?

— Для начала в больницу.

— А внуки?

— Я уверен, наши друзья позаботятся о них.

— То, что вы делаете, плохо...

— Послушайте, Базилия, даю вам сутки на завершение всех дел, завтра в это же время я приду за вами. Что же до вас, Шарль, я попытаюсь доказать вашу причастность к этой истории с бомбой, и, если удастся, можете проститься с Барбериной.

В то утро еще одному человеку было не по себе. Когда, сидя за утренним кофе, Губер развернул газету, чашка выпала у него из рук, и, к большому недовольству жены, кофе залил брюки, но он не заметил этого.

— Губер, ты заболел?

Он лишь ткнул пальцем в статью на первой полосе.

— Вот это да! Пройдоха Мирей... Ну и конец! — коротко высказала она свое мнение.

— Вероятно, такой конец будет завтра и у нас.

— У нас?

— Ты разве не помнишь? Кто-то мстит за корсиканцев, которых Фред убил у ущелья Виальфранш.

— Ну и что?

— Бандежен, Пелиссани, Аскрос и его жена... Они никого не пропустят.

— А мы-то тут при чем?

— Мы — сообщники!

- Ты, но не я.
- Ошибаешься, малышка! Рыльце и у тебя в пушку!
- Скотина!
- Все очень просто. Ты ведь с удовольствием получила пятьдесят штук, которые Фред отвалил за фальшивое алиби.
- Я не думала о такой опасности.
- Честно говоря, я тоже. Да и они. Все думали, что дело пройдет как по маслу...
- Все вы шельмы! Но я не желаю совершить такой же полет, как Мирей!
- Ты знаешь какой-нибудь выход?
- Что за легавый иногда заходит к тебе?
- Кастелле?
- Да. Он вроде бы неплохой парень?
- Как знать? Легавый и есть легавый.
- Согласна. Ты должен прозондировать почву, Губер.
- Прозондировать?
- И выведать, что тебе будет, если сознаться во лжи.

Губер, казалось, понял не сразу, но когда до него дошло, что имела в виду жена, он взорвался:

- И ты осмеливаешься говорить со мной об этом?! Умница! Да что это с тобой?

- Ничего особенного!
- Конечно, ничего особенного! Ты всего-навсего подстрекаешь меня заложить людей, которые доверились мне и заплатили за молчание! Ты советуешь мне зное количество лет посидеть за решеткой! Довольно мило! Думаю, не будет нескромно поинтересоваться, что ты будешь делать во время моего отсутствия?

- Буду вести дела.

- Ага! А когда тебе это надоест, решив, что бабок достаточно, ты продашь все и смоешься! Нет, милая, меня это не устраивает! Вместе либо выкрутимся, либо пропадем!

- Как хочешь!

- И не думай проявлять инициативу, милая! Например, поболтать немного с легавым, иначе я заткну тебе рот навсегда. Вспомни беднягу По... - Слова застыли у него на губах и, стукнув кулаком по столу, он завопил: - Черт возьми! Черт возьми! Это не он! Жозе убил его ни за что!

- Ты хочешь сказать, что Полен...
- Мертв! Мертвее не бывает. Жозе свел с ним счеты.
- Но почему?
- Он думал, это Полен уколошила остальных.
- Губер, ведь ты не замешан в этом убийстве?
- Косвенно...
- Косвенно?

И хозяину «Веселого матроса» пришлось сознаться в участии в преступлении, совершенном Жозе Беролем, и в том, что бедняга Кастанье лежит на дне морском.

- Ну ты и влип, но на этот раз я не имею к делу никакого отношения!
- Слабое утешение!

- Что ты собираешься делать?
- Не знаю... впрочем, нет... я напьюсь!

Губер заперся в погребе - единственном месте, где он мог быть абсолютно спокоен.

У Консегюда всем было не до смеха. На лицах Фреда Кабри и самого Гастона читалось смятение. Жозе был в ярости.

- Бедный Эспри, - сказала Жозетта, - ни он, ни Мирей этого не заслужили...

- Да.

Вот и вся надгробная проповедь погибшим супругам. Когда хозяйка дома подала выпивку, Гастон, взяв виски, заговорил:

- Теперь, ребята, нам придется рискнуть. Мы не можем позволить этой скотине Кастанье перерезать нас всех. Нужно кончать с ним, если он и вправду нацарапал «телегу» в полицию, после разберемся. Когда Полен окажется в морге, мы вздохнем свободней. Кто возьмет на себя это дело? Ты, Фред?

- Вам не кажется, что я и так увяз по уши?

- Конечно, но ведь ты же втянул нас в эту грязную историю с корсиканцами. Не думаю, что гордость Анаис требовала таких жертв! Тогда ты, Жозе?

Жозе опустил глаза.

Они непонимающе посмотрели на него.

- Вы хотите сказать, что... - спросила Жозетта.

- Да, я убил Кастанье.

- Как, уже?

- И не спросил нашего мнения? - возмутился Консегюд. - А ведь ты знал о существовании письма.

- Его не существует.

- Ты уверен?

- Он сам сказал это. А уж потом я его прикончил.

- Где он?

- В море. Губер помог сбросить туда тело.

Жозетта подлила Беролою.

- Вы это заслужили!

Атмосфера разрядилась, лица стали спокойнее. Смерть Кастанье освобождала их. Общее мнение высказал Консегюд:

- Вот мы и вышли из туннеля, ребята! Теперь, когда Полен заплатил, нам нечего бояться. Спасибо, Жозе!

- Нет.

Гастон медленно поставил стакан.

- Что значит «нет»?

- Мы не вышли из туннеля, потому что... потому что, когда Эспри с Мирей взлетели на воздух, Кастанье был уже мертв.

Воцарилось молчание. Все смотрели друг на друга, пытались определить, какова будет реакция присутствующих на столь неожиданное заявление.

Первой из оцепенения вышла Жозетта:

- Но тогда?

Жозе глубоко вздохнул, прежде чем ответить на вопрос жены патрона.

- Полен не виновен в смерти наших друзей, и я зря убил его.

— В таком случае...

— В таком случае, мадам Жозетта, мы ничуть не продвинулись вперед и можем по-прежнему дрожать за свои шкуры.

— Есть идея! — заявил Фред.

Ни у кого не было иллюзий относительно умственных способностей Фреда, но бандитов охватила такая паника, что они были готовы воспользоваться любой идеей, лишь бы сорвать маску с неизвестных убийц, которые ненавидели их.

— Слушаем вас, Кабри.

— Так вот... Бандежен скончался после посещения «малой Корсики»; сторож парка видел двух старух, одетых в черное, по-корсикански. Сегодня утром я побывал в Сен-Бартелеми и навел кое-какие справки. В кафе какой-то тип рассказывал, что в течение нескольких дней наблюдал за подозрительным поведением одетых в черное женщин, часами стоявших напротив дома Аскросов.

— И какой же следует вывод?

— Мы, вероятно, с самого начала ошибались.

— То есть?

— Мы искали вдали то, что лежало под носом.

Консегюд подскочил.

— Ты ведь не думаешь, что эти старухи...

— Думаю!

— Ну и ну! Жозетта!

— Возможно, Фред прав. Как знать!

— Но самым юным из них не меньше семидесяти лет!

— Ну и что?

— Не забывайте, Гастон, в их краях вендетта — дело священное.

— И Сервион не арестовывает их только потому, что и он из тех краев, — добавил Кабри.

Все смолкли, потом Консегюд сказал:

— Если ты прав, Фред, нужно признать, что эти стервы помели нас, и что Базилия была-таки у ущелья Вильфранш, когда ты проделывал свой номер, и засекала всех вас.

— По-видимому...

— Может, в таком случае, у тебя есть еще какая-нибудь идея, как успокоить этих старух, чтобы они отцепились от нас?

— Единственный выход, — грубо вмешался Жозе, — пойти туда и побеседовать с бабульками! Клянусь, после этого они угомонятся!

— Ты доставишь мне огромное удовольствие, если сам оставишь меня в покое! Неужели не понимаешь, что Сервион и его легавые только того и ждут, чтобы нас сцапать?

По правде говоря, Сервион опасался Базилии значительно больше, чем Консегюда: второй настолько же труслив, насколько тверда первая. Он приказал неусыпно следить за жителями «малой Корсики». И когда Кастелле посетил Базилию Пьетрапьяна, за ним следили два агента в штатском. Они изрядно удивились, увидев коллегу, усаживающего в свою машину одетых в черное старых женщин с лицами, закрытыми

классической вуалью, и сочли это исполнением приказа комиссара Сервиона.

Однако идея совместной поездки принадлежала Каstellе, который убедил Базилию в правильности своего плана. В Гольф-Жуане полицейский высадил пассажира у кафе, заказал для них кофе, а сам отправился в «Веселый матрос».

Когда инспектор вошел в зал, к нему поспешила жена Губера.

— Ах, месье Каstellе! Мне очень нужно с вами поговорить...

Прежде чем полицейский успел ответить, показался Губер.

— О чем это тебе нужно с ним говорить? — закричал он.

— Ну, просто так...

— Просто так? Удивительно, не правда ли, мусорок?

— Вы скользкий, как рыба, Губер.

— Может, я и скользкий, как рыба, но глотать морскую воду, как Кастанье... — Внезапно Губер разрыдался: — Он не заслужил этого, Полен. Клянусь, он этого не заслужил!

— Чего не заслужил?

— Вас это не касается, хитрец! Видишь, моя курочка, он все время задает вопросы... Не о Полене ли ты хотела с ним поговорить?

— Да ты спятил!

— Заткнись, малышка! Если еще раз пикнешь, я навсегда заткну тебе рот!

Каstellе брякнул наобум:

— Значит, убили некоего Кастанье?

Губер округлившимися глазами уставился на него:

— Черт! Кто вам сказал?

— Ты сам, придурок! — в отчаянии воскликнула его жена.

Полицейский поспешил воспользоваться оплошностью хозяина «Веселого матроса».

— Сожалею, но вынужден арестовать вас за убийство, старина.

— Меня?

— Пресвятая Дева! Ведь вы почти признались!

— Ложь! — Страх мгновенно отрезвил Губера.

— В таком случае, почему вы его жалели?

— Потому что он заболел.

— Наглотался морской воды?

— Да, так... чересчур наглотался соленой воды.

— И где же он, этот бедняга Полен Кастанье?

— Я... Я не знаю... откуда мне знать?

— Но ведь он же ваш друг, как и парни Консегюда, которым вы дали фальшивое алиби.

— Опять завелся!

— Губер, что бы вы там ни думали, вы мне симпатичны.

— Шутите.

— И мне будет очень прискорбно узнать, что вас постигла участь Бандежена, Пелиссанна, Аскроса и, вероятно, Кастанье...

— Не понимаю...

— Я уже объяснял вам, Губер. В глазах мстителя вы виноваты так же, как и они. Ведь именно благодаря вам они ускольз-

нули от правосудия. В подтверждение моих благих намерений доверю вам один секрет. Мы знаем, кто убил ваших друзей.

— Не может быть! Почему тогда вы не арестовали их?

— Нет доказательств... они изворотливы, эти чертовки!

— Чертовки?

— Да, это корсиканские старухи, одетые во все черное. В их возрасте уже нечего терять, и они живут только ради того, чтобы отомстить за Пьетрапьяна.

— Старухи?

— Бандежен умер, когда возвращался от них. Двоих из них видели в парке, когда убили Пелиссанна. Их же видели возле дома Аскросов. Мы называем их «черными колдуньями». Желаю вам никогда не встречаться с ними, старина, иначе можете читать молитвы...

Губер провел языком по пересохшим губам.

— Шутите?

— Понимайте, как хотите. Я предупредил вас, точка. Это вас убедило, Губер? Доверьтесь нам пока не поздно.

— Не понимаю...

— Тем хуже для вас.

Кастелле встал.

— До свидания, Губер, а может, и прощайте.

— На вашем месте я бы не говорил так.

Уход полицейского совершенно сбил Губера с толку. Не очень хорошо соображая, не оправившись от похмелья, он решил выпить еще. Час спустя, когда Губер вышел из своей комнаты, он был уже в полном порядке. Пройдя в кухню, где у плиты сутилась жена, спросил:

— Много людей, куколка?

— Завсегдатаи и еще пятеро славных женщин, заказавших уху с клецками. Они захотели сесть на свежем воздухе. Пойди взгляни, что они делают.

— Я займусь этим.

Профессионально улыбаясь, Губер направился в сад, но улыбка сползла с его губ при виде пятерых женщин в черном, трещавших как сороки. Вначале, увидев головы, покрытые шальями, он принял их за монахинь, но монахини не посещают подобных заведений. Неужели это те, о которых говорил полицейский? Когда он подошел к столику, старухи повернули к нему морщинистые лица.

— Я... я хотел спросить... — пробормотал Губер, — не нуждаетесь ли вы... в чем-либо?

Они молчали, пристально разглядывая его. Совершенно растерявшись, Губер не знал, что делать. Он хотел уйти, когда одна из старух (он не знал, что это была Базилия Пьетрапьяна) спросила:

— Так значит, хозяин — вы?

— Да... да.

— Друг Фреда Кабри?

— То есть... я... скорее...

— А у вас миленькая жена.

— Моя... моя жена?

- Из нее выйдет славная вдовушка.

Он с трудом сглотнул слюну.

- Но я... я не хочу...

- Мы не сомневаемся, но платить придется... не так ли, как вы считаете? - обратилась она к подругам.

Они ответили междометиями, которые, как ему показалось, напоминали карканье.

- Вообще говоря, милые дамы, по-моему, вы надо мной шутите...

- Вам недолго осталось. Скоро сможете заснуть вечным сном. - Они прыснули, как школьницы.

- Если я правильно понял, вы мне угрожаете?

- Мы? Ни в коем случае! Мы не угрожаем, а сообщаем, что вы скоро умрете.

- Откуда вы знаете?

- Мы решили убить вас... Но еще не выбрали способ.

Та, что говорила от имени всех, медленно встала:

- Меня зовут Базилия Пьетрапьяна. Я вдова, мать и свекровь тех, кого ваши дружки у ущелья убили с вашей помощью!

- Но... но меня там не было!

- Вы присягнули, что весь день они провели у вас, а я своими глазами видела, как они убивали моих.

В эту минуту он все понял: перед ним - «черные колдуньи», и часы его сочтены. Он попытался взять их на испуг.

- А если я вызову полицию?

- И что же вы скажете?

- Что вы покушаетесь на мою жизнь.

- Такая старуха, как я? Это лишь позабавит полицейских!

- Вон!

- Принесите счет.

- Мне не нужны ваши деньги! Убирайтесь!

В их тихом смехе, похожем на шорох листьев, угадывалась какая-то скрытая ужасающая сила.

Старухи исчезли, а Губер, обалдев от ужаса, замер. Слова Кастелле подтвердили сами старухи. От предчувствия близкой смерти он задыхался. С трудом Губер дотащился до кухни. Жена нервно спросила:

- Ну и ну! Тебя за смертью хорошо посылать! Все? Подавать счет?

- Нет.

- Бабульки не торопятся!

- Отвалили восwoяси.

- Как отвалили?

- Я вышвырнул их!

- Старушек?

- Да, этих тварей, старых ведьм!

- Послушай, Губер, когда ты доживешь до их лет...

- Доживу до их лет? Мало шансов!

- Глупая мысль! Почему?

- Потому что эти славные симпатичные старушки - убийцы!

- Ты рехнулся!

— Это они отравили Бандежена, проломили голову Пелисанну, по их милости Эспри и Мирей Аскросы взлетели на воздух. Милые дамы, сама видишь!

Жена Губера, ничего не понимая, машинально выключила плитку. Все это так немыслимо и смешно. Но смертельная бледность мужа свидетельствовала о правдивости его слов.

— Послушай, старина, вероятно, мы чего-то не понимаем, не улавливаем мотивов поведения этих дур.

— Если бы дур. Их цели и средства ясны. И полиции, кстати, тоже, но из-за отсутствия улик они ничего не могут поделать.

— Но почему, черт возьми?!

— Потому что их предводительница — мать, вдова и свекровь тех, кого порешили у ущелья Вилльфранш.

— Ты здесь ни при чем!

— У них другое мнение. Старухи явились за моей шкурой.

— Но ведь ты не допустишь этого!

— А что я могу? Может, посоветуешь?

— Я предлагала, но ты отказался.

— Я не желаю сесть в тюрьму!

— Предпочтительнее отправиться на кладбище? Как знаешь!

С этими словами жена ушла из кухни, а муж, обливаясь слезами, повалился на стул.

— Сотворить со мной такое! — стонал он. — Со мной, который не обидит и мухи!

Удивительнее всего, что он и сам в это верил.

В этот вечер Жозе Бероль напился до чертиков, чтобы забыться... Жозе, по природе грубый и бесчувственный, иногда, как ни странно, становился невероятно сентиментальным. Он рыдал, читая о трагической любви, переживал при виде потерявшейся собаки, а жестокие родители вызывали такое возмущение, что он с наслаждением представлял, как медленно душил бы их, чтобы продлить страдания. Он угрожал Кастанье по собственной инициативе и теперь ужасно терзался угрызениями совести, поэтому изрядно надрался. Около одиннадцати часов вечера он стоял у стойки бара на улице Дюфи. Вдруг в его затуманенном мозгу мелькнула мысль: его положение, смерть Полена и остальных — все по вине старух с «малой Корсики»! Так вот, стоит их проучить! Он поклялся, что они не скоро забудут урок, который он собирался им преподать, и тот, кто окажется жертвой, пенять сможет лишь на себя!

Когда Жозе, слегка покачиваясь, покинул бар, хозяин ворчливо сказал двум последним клиентам:

— Не пойму, как он еще держится на ногах...

Свернув с улицы Дельфи, Жозе под влиянием алкоголя забыл о своей цели. Но привычный вид древних кварталов вернул память и злобу: он здесь для того, чтобы наказать тех, из-за кого убил Полена Кастанье. Стараясь как можно меньше шуметь, Бероль проскользнул на «малую Корсику», у окон Базили вытащил револьвер и заорал:

— Эй ты, старая сова! Высунь свой клюв, и я скажу тебе все, что думаю! Я тебе покажу, как уничтожить моих друзей, корсиканская вошь! Ты выйдешь, или хочешь, чтобы я задал тебе хорошую взбучку, скотина?!

Жители «малой Корсики» проснулись и приоткрыли ставни, чтобы посмотреть, в чем дело. Базилия тоже наблюдала за Беролом.

— Ну, чертова корсиканская кукла, покажешь ли ты свою рожу? Или хочешь, чтобы я пришепнула тебя, как твоего легавого сыночка?

Старики содрогались, прислушиваясь к вспышкам звериной ярости. Только один Амеде Прато не испытывал страха. Он обладал холерическим темпераментом и не переносил, когда его будили среди ночи, к тому же при нем оскорбили корсиканку. А когда Жозе похвастал, что убил Антуана Пьетрапьяна, Прато пошел за мушкетонем, полученным в наследство от прадеда, подаренного ему итальянским полицейским, который, в свою очередь, отобрал этот мушкетон у застреленного бандита. Мушкетон, к ужасу Альмы, всегда был заряжен свинцом, кусочками железа, гайками — короче говоря, весьма разнообразными снарядами, которые в случае выстрела могли пролететь довольно приличное расстояние и поразить одновременно множество людей. Теперь это старинное оружие, висевшее на стене в домике Прато, напоминало ушедшие времена, по которым оба тосковали, и уже одним своим видом свидетельствовало, что еще не все узы с родиной утрачены. Сжимая в руке мушкетон и не обращая внимания на причитания Альмы, Амеде вышел на улицу. Бероль стоял к нему спиной. Вдоль облупившейся стены старик скользнул к небольшому крытому переходу, по которому — если не обращать внимания на вонь — можно было пройти к улице Салейя.

В ответ на оскорбления Жозе Базилия вылила ему на голову содержимое ночного горшка. Вне себя от ярости Жозе начал палить наугад. Услышав выстрелы, полицейские помчались в сторону «малой Корсики».

Вбежав туда, один из них крикнул:

— Именем закона, прекратить стрельбу!

Но Бероль так разъярился, что ничего не слышал... и два раза выстрелил в полицейских, те быстро отреагировали ответными выстрелами.

— Сдавайтесь!

— Попробуйте меня взять!

Жозе, пятясь, отступал во мрак, его противники осторожно наступали. Внезапно протрезвев от стрельбы, Бероль понял, что влип по-настоящему, и не знал, как выпутаться. Он швырнул оружие в кучу мусора и хотел уже броситься наутек, но замер на месте. Путь преграждал какой-то тип, похожий на мумию из саркофага, в руках он держал диковинную штуковину, очень напоминавшую горн.

Жозе на какой-то миг подумал, что ему все это привиделось.

- Пошел вон, старая калоша!
- Тебе не следовало... - тихо прошептал Амеде.
- Чего не следовало, старый дурень?
- Убивать наших друзей...
- Ну и что?
- Сейчас я рассчитаюсь с тобой.

Бероль от изумления вытаращил глаза.

- Ну, дедулька, ты даешь! Вали отсюда, да побыстрей, мне недосуг, за мной гонятся легавые!

- Это уже не имеет значения.
- Предупреждаю, дедулька, ты отваливаешься, или я тебя пристукну!
- Не успеешь...
- Посмотрим!
- Смотреть нечего.

Бандиту вдруг показалось, что его разрезали пополам. Он умер, не успев осознать, что произошло. Прогрохотавший выстрел мушкетона напоминал звук рухнувшего дома. Полицейские кинулись к переходу, но, наткнувшись в темноте на тело Бероля, были вынуждены остановиться. Один включил фонарик, другой опустился на колени возле трупа. Расстегнув на нем куртку, он прямо-таки остоленел, увидев, что под ней, и дрожащим голосом сказал коллеге:

- Невероятно... такое впечатление, что он нарвался на мину...

Комиссар Сервион остался безучастен к сообщению об убийстве Бероля на «малой Корсике».

- Мы можем лишь ждать, когда всех их перебьют, - только и сказал он.

- На сей раз, патрон, - заметил Кастелле, - это непредумышленное убийство. Агенты сообщили...

- Представьте себе, Кастелле, я умею и читать... Жозе за что боролся, на то и напоролся, но, позвольте заметить, мы получаем деньги не только за фиксирование ударов, наносимых друг другу двумя противоборствующими группировками...

- Мне провести расследование?

Сервион, смирившись, пожал плечами.

- К чему? Зачем снова соваться к этим агунам? Человека убивают на участке размером с носовой платок, и мы не знаем, кто убийца и каким оружием он пользовался! Совершенно невозможно определить, чем нанесено смертельное ранение. Самые скептически настроенные эксперты утверждают, что такой выстрел можно произвести разве что из пушки, подите отыщите ее!

- Но, патрон, это оружие бесспорно где-то на «малой Корсике»! Дайте ордер на обыск и...

- И вы не найдете его, старина. Неужели вы полагаете, оно до сих пор не уничтожено? Да его занесли черт знает куда...

- Выходит, мы будем сидеть сложа руки?

- Да, будем ждать.

Но был человек, вовсе не намеренный ждать, — Фред Кабри. Смерть Бероля убедила его в том, что вендетта осуществляется в иерархической последовательности. Следовательно, следующая жертва — он. Ему вовсе не хотелось покидать Ниццу и жену Анаис, все еще сидевшую в тюрьме, но личная безопасность превыше всего, а посему необходимо в самое короткое время убраться как можно дальше от столицы Лазурного берега. Не собираясь навещать Консегюда, он решил сообщить о своем решении звонком. Трубку сняла Жозетта.

— Алло, мадам Жозетта?

— Да, здравствуйте, Фред.

— Вы знаете о случившемся?

— Да... просто кошмар.

— Главное — опасно. Я смываюсь, мадам Жозетта.

— Вы оставляете нас, Фред?

— Понимаете, следующий по списку — я...

— Конечно...

— До свиданья, мадам Жозетта... передайте привет патрону.

«Патронау кого, чего?» — спрашивала себя Жозетта, входя в комнату, в которой Консегюд, сидевший в кресле, на глазах превращался в старика.

— Это Фред.

— Что он хотел?

— Попрощаться.

— По...

— Драпаает. Ему страшно.

— А? А если и нам последовать его примеру?

Жозетта передернула плечами.

— Мы уже не так молоды, чтобы начинать жизнь сначала, Гастон. — Она оглядела комнату. — И потом, бросить все, нет! Слишком много труда пришлось положить, чтобы получить это. Все, что мы сделали, на что шли, что вынесли. Нет, я не уеду, если мне суждено сдохнуть, пусть это произойдет дома! Но ты, если хочешь, можешь ехать, — уже тише добавила она.

Он мотнул головой.

— Мы с тобой в одной упряжке. Будем тянуть пока сможем, а потом...

— Что потом, не имеет значения...

Губер еще спал после утомительного вчерашнего дня, когда его разбудила жена:

— Губер... Губер, вставай!

Глаза у него заплаыли, во рту ощущался неприятный привкус. Еле разлепив губы, он прошамкал:

— Что? Что случилось?

— Жозе!

— Жозе! Какой Жозе?

— Да Бероль!

— Он тут? Меня нет! Не могу больше его видеть!

— Ты его больше никогда не увидишь!

Тон жены заставил Губера насторожиться.

— Почему это я его больше никогда не увижу?

— Он мертв. Его убили сегодня ночью...

Хозяин «Веселого матроса» не отвечал. Смертельно побледнев, он зарылся в подушки и натянул на голову простыню, как ребенок, который думает, что можно спрятаться, закрыв глаза и не видя преследователя.

Сев на край кровати, жена властно сказала:

— С меня довольно, Губер... Ты можешь делать, что хочешь, но предупреждаю тебя: я ухожу.

— Ты...

— Я вернусь, когда все будет кончено. Я не хочу участи Аскросов.

— Я боюсь.

— Я тоже... и мне это не нравится...

— Ну?

— Что ну? Решать тебе!

— Что решать?

— Ты знаешь это не хуже меня.

— Невозможно.

— Подумай, Губер... остался один Кабри... он стоит недорого...

— Это еще не повод для предательства.

— Ну как хочешь.

— А если продать кафе?

— Не знаю, есть ли у нас время!

С этими словами она вышла из комнаты. Оставшись один, Губер огляделся. Он так всполошился, что даже знакомая обстановка не успокаивала. От щемящей тоски все выглядело чужим. Над домом пролетел реактивный самолет, услышав гул его двигателей, Губер с воплем выскочил из комнаты. На пороге показалась жена:

— Что случилось?

— Я... я подумал... это бомба...

Она презрительно посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что постепенно двигаешься мозгами?

— Ты и вправду считаешь, что... я должен пойти к Сервиону?..

— Это единственный способ выкрутиться. Собирать вещи?

— Ну и предложения у тебя...

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет... у меня пропадет вся решительность.

Несмотря ни на что, ее слегка взволновала предстоящая разлука.

— Ты любишь меня?

— Да, хоть ты никогда не хотел признавать этого.

Она взъерошила его волосы.

— Милый... Надеюсь, тебя не будут судить слишком строго. В любом случае я буду ждать тебя, будь уверен!

— Но я и так уверен. А теперь я еще чуточку отдохну. Пойду сегодня вечером или завтра утром.

— Тогда я съезжу в Кани, нужно кое-что купить. Я возьму машину?

— Теперь только ты и будешь ею пользоваться.

Губер вслушивался в шорох отъезжающей машины. Спустя некоторое время, достав два больших чемодана, он принялся собирать вещи. Затем открыл тайник, устроенный в стене погребца, и достал деньги «на черный день», который, похоже, уже пришел: пару тысяч долларов, пятьдесят тысяч французских франков в пятисотфранковых купюрах и тысячу швейцарских франков. Этих денег хватит надолго. Губер вовсе не собирался садиться в тюрьму. Эту комедию он разыграл специально для жены, чтобы усыпить ее подозрения. Он не питал никаких иллюзий относительно ее чувств. Пара хищников.

Даже не взглянув на свое заведение, с которым, вероятно, расставался навсегда, и не подумав о той, которую бросал, Губер сел в автобус, курсировавший между Сен-Рафаэлем и Ниццей. Выйдя из автобуса у казино, он, совсем оправившись от страха, поставил чемоданы, вытаскивая сигарету, закурил, наклонился за чемоданами, да так и замер в этой нелепой позе. Сигарета выпала изо рта. Перед ним, сверля его глазами, стояли две старухи в черном. Беглец впал в неопишуемый ужас и, оставив чемоданы, помчался, как ненормальный. Двое или трое прохожих кинулись вдогонку, думая, будто он что-то украл, но Губер, подстегиваемый безумным страхом, прямо-таки летел и не останавливался пока не добежал до кабинета Сервиона.

Услышав возню и крики на лестнице, Сервион и Кастелле, изумленные, выглянули из кабинета.

— Что там? С ума, что ли, посходили? Пойдите взгляните. Кас...

Дверь распахнулась, прервав Сервиона на полуслове. В комнату, задыхаясь, ворвался Губер. За ним ввалились полицейские. Хозяин «Веселого матроса» взмолился, обращаясь к инспектору:

— Спасите! Они меня ищут! Они меня убьют!

— Кто?

— Черные колдуньи!

Кастелле сделал полицейским знак выйти, а затем произнес:

— Патрон, думаю, мой друг Губер решил облегчить свою совесть, давая нам возможность защитить его.

Сервион с некоторой долей симпатии взглянул на беглеца.

— Я вас слушаю, старина.

И Губер заговорил. Он рассказал и о фальшивом алиби, и о смерти Кастанье. Допрос был коротким, подписав показания, Губер в сопровождении полицейских отправился в тюрьму. Когда его увели, Кастелле весело сказал:

— Я был уверен, что он расколется и с его помощью мы возьмем остальных.

— Но почему такой неопишуемый ужас?

— Старушки навестили его.

- В Гольф-Жуане?
- В Гольф-Жуане.
- Зачем?
- Нагнать на него страху... Я сам отвез их туда.
- Наглости вам не занимать, Кастелле!
- Я не хотел, чтобы, ожесточившись, они расправились с Губером, Фредом и Консегюдом.

Не хватило считанных минут. Фред Кабри хотел навестить жену, сидевшую в тюрьме, и осторожно объяснить ей вынужденную причину отъезда. Ведь все из-за нее. Если бы Антуан Пьетрапьяна не арестовал Анаис, ее мужу не надо было бы мстить. Фред по-своему был неплохим человеком. К несчастью, людям, живущим вне закона, противопоказана сентиментальность. Кабри полагал, что успеет зайти домой за чемоданами прежде, чем мстители за Пьетрапьяна предпримут поиски.

В последний раз окинув взором квартиру, где прожил пару лет, Фред Кабри готов был уже уйти, но тут в дверь постучали. Он замер, поскольку никого не ждал. Страх — решение уехать почти развеяло его — снова овладел бандитом. Возможно, это старые ведьмы с «малой Корсики». Осмелятся ли они напасть прямо в его доме? Он глухо спросил:

- Кто там?
- Я, Кастелле. Открывай быстрее, Кабри, у меня нет времени!

Фред вздохнул с облегчением. Приставучие легавые хотят получить еще какие-то сведения. Надоедливые типы. Он открыл дверь.

- Привет, инспектор!
- Кастелле указал на чемоданы.
- Собрался сваливать?
- Как видите. Извините, я невероятно спешу.
- Уже нет.
- Простите?
- Я хочу сказать, только что вы спешили, но теперь спешить некуда.

- По причине?
- Вот по этой.

Фред не успел глазом моргнуть, как полицейский надел на него наручники. Круглыми от изумления глазами бандит уставился на стальные браслеты.

- Но... Почему?
- А сам не догадываешься?
- Фред вздрогнул от неожиданной фамильярности полицейского.

- Опять история с ущельем Вильфранш?
- По-твоему, мы позволим тебе убивать наших людей?
- Но ведь я уже говорил, что...
- Не трудись. Губер рассказал обо всем.
- Я не...
- Он рассказал все, и ты представить себе не можешь, до чего он оказался словоохотлив! Фальшивое алиби, подготовка

к нападению, разрешение Консегюда, который как патрон лично все организовал, короче, все, понял? Теперь ясно, почему спешить больше некуда?

— Скотина!

Кабри уже не имел сил сопротивляться. К чему борьба, если заведомо известен плачевный исход? Предательство Губера угнетало его не меньше, чем разлука с Анаис, разлука скорее всего навеки...

— Мы могли бы позволить, — продолжал Каstellе, — чтобы тебя уюкали, как и дружков, но, по-моему, это недостаточно строгое наказание... Ты должен сгнить в тюрьме, чувствовать себя оторванным от мира, медленно подыхать... если, конечно, тебя не приговорят к смерти, ну что ж, тогда ты сможешь насладиться последними перед встречей с палачом часами. — И уже другим тоном полицейский закончил: — Антуан Пьетрапьяна был моим другом, понял?

Открыв дверь и увидев лицо Сервиона, Жозетта поняла, что к ним в дом пришло несчастье.

— В чем дело? — тихо спросила она.

— Баста, для вас обоих все кончено.

— А? По какой причине?

— Убийство Пьетрапьяна.

— Мы тут ни при чем, и вы отлично это знаете.

— Вы не только знали об этом деле, но и одобрили резню. Где муж?

Не отвечая, она проводила его в гостиную. Походка ее вдруг отяжелела. В течение каких-то минут Жозетта Консегюд превратилась в постаревшую усталую женщину. Она сложила оружие. Гастон нервно вздрогнул, когда жена сказала:

— Это комиссар...

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое!

Сервион встал перед старым бандитом.

— В тюрьме у вас будет достаточно времени для отдыха.

— В тюрьме?

— Да, и надолго. Я ведь предупреждал вас, Консегюд. Дело сделано. Я вычеркиваю вас из жизни.

— Но вы не можете...

— Конечно! Этим займется суд. Я арестовываю вас. Губер сознался. На вас имеется целое досье, Консегюд. Его блестящим завершением станет совершенное с вашего благословения убийство семьи Пьетрапьяна. Ваша жена — сообщница, ее будут судить за сокрытие преступления. В вашем возрасте и с вашим опытом пора бы знать, что человеку не выкрутиться, если он нападает на полицейских. Пойдете сами или позвать водителя?

— Мы идем, — ответила Жозетта. — Вы позволите уложить вещи?

— Да.

Базилия Пьетрапьяна в конце концов созналась, что она вместе с детьми присутствовала при убийстве родных. Оpoz-

нав Фреда Кабри, она указала на него, как на убийцу сына. После того, как бандитов увезли в машине с зарешеченными окнами, Базилия осталась наедине с Сервионом и Кастелле.

– Вам нечего рассказать мне о смерти Бандежена, Пелиссанна и Аскросов, Базилия? – спросил комиссар.

– А что бы вы хотели услышать?

– Каким образом вам удалось убить их, например.

Она посмотрела ему в глаза с самым невинным видом, на какой только была способна.

– Честно говоря, комиссар, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. А сейчас мне пора. Я нужна внукам.

Сервион вздохнул.

– Ладно, идите домой... но я никогда не думал, что вы такая лгунья, Базилия.

У двери старуха обернулась:

– Во-первых, в твоём возрасте неприлично обзывать лгуньей почтенного человека, и, будь я твоей матерью, ты получила бы приличную взбучку, а во-вторых, почему ты так говоришь?

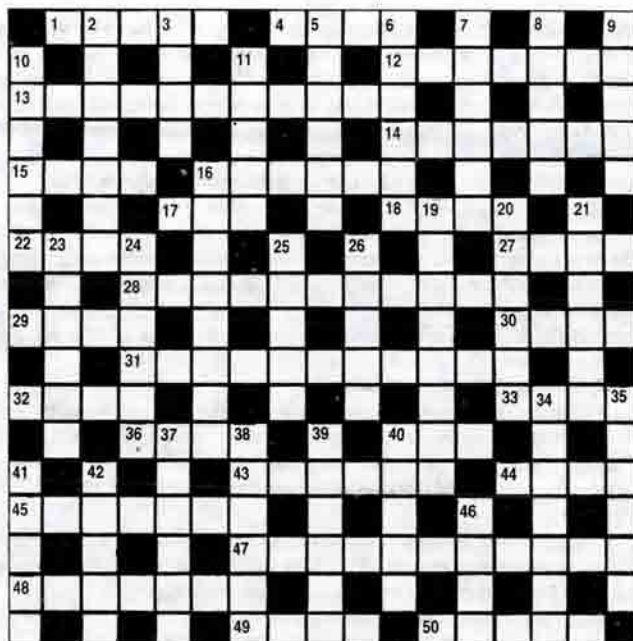
Комиссар в негодовании стукнул кулаком по столу и воскликнул:

– Вы слышали, Кастелле? Она осмеливается спрашивать, почему я назвал её лгуньей! – Он подошел к старухе. – Боже мой, да просто потому, что вы не говорите правду!

Она презрительно пожала плечами.

– Это еще не повод! Если хочешь знать мое мнение, Оноре, с тех пор, как ты живешь на континенте, у тебя появились странные манеры...

Перевод с французского ЭЛЕОНОРЫ СИЛАЕВОЙ.

По горизонтали.

1. Династия, при которой Китай стал единым государством, но лишь на пятьдесят лет. 4. Город, где апостол Павел основал одну из первых христианских общин. 12. «Сибирский металл» русской старины. 13. Состояние, приходившее к С. Дали через лоноть. 14. Самая маневренная жительница тайги. 15. Постель нарася. 16. Человек, которого раздевает убеждение. 17. Легендарный родоначальник полянов. 18. Всем нурам нурочна. 22. Новбой в Венгрии. 27. Граф, уполномоченный Наполеона при заключении мира в Пресбурге, Тильзите и Вене. 28. Лесная перепись. 29. Джон Леннон как музыкант. 30. Насекомое с ультразвуковыми локаторами. 31. Территориально-политическая единица ордена иезуитов. 32. Русский физик, раскрывший смысл многих сложных формул Гаусса в теории земного магнетизма. 33. Представитель дальневосточного народа, очень любящего шиншу, смешанную с рыбьими молоками. 36. Голос детства и отрочества. 40. Персидский царь. По легенде, его воспитала волчица. 43. Участок рени с множеством проток вместо основного русла. 44. «Трясучий» танец. 45. Жертва удовлетворения. 47. Способ рекламы ловлей журналистов на удочку баннета. 48. Бобовая трава, содержащая сильнейшее стимулирующее вещество. Удобренные им культуры растут даже ночью. 49. Убийца, нагих еще свет не видел. 50. Папоротник, из

чьих корневищ на Канарских островах получают хлебную муку.

По вертикали.

2. Работник со студенческим билетом. 3. Гроссмейстер, бывший самым юным студентом Оксфордского университета за четыреста лет. 5. Бумажный нулен, обычный еще в тридцатые годы. 6. Семицветье по-научному. 7. «Захватническое» дерево из «Маленького принца» Экзюпери. 8. Город, где на постоялом дворе И. Тургенев встретил прототипа одного из героев «Записок охотника». 9. Напиток, какой у ацтеков был холодным, соленым и наперченным. 10. Русское название фанела. 11. Нандый из кастратов, чье придворное влияние погубило Ханьскую династию в Китае. 16. «Воздух» любви. 19. Писатель, издавший в 1910 году «Историческое похвальное слово Суворову». 20. Антер, первым сыгравший Гамлета на армянском языке. 21. Баснописец, любивший после изысканнейшей трапезы восклицать с мнимым смирением: «Много ли надо человеку!». 23. Узань, где собака зарыта (тип фразы). 24. Распорядитель и его помощники, загонщики и стрелки (действие). 25. Бревно, доска, тщательно обработанная топором. 26. Антер, созданный в 1918 году в Петрограде «Театр Трагедии». 34. Пусть все идет, как идет (состояние). 35. Жанр повествовательных произведений на Востоке, чьи авторы неизвестны. 37. Художник «шнылы Ватто», который у него не учился. 38. Танец, описанный Н. Гоголем в повести «Вий». 39. Среднеазиатский народ, ведущий родословную от волна. 40. Широний отложной воротник в средневековой одежде. 41. Подмосновное село, где в 1802 году крестьянин Нуликов основал известный фарфоровый завод. 42. Воспитывает тех, кого плохо воспитывают. 46. Компонент воды в Марокко, причина массового поражения зубов и костей.

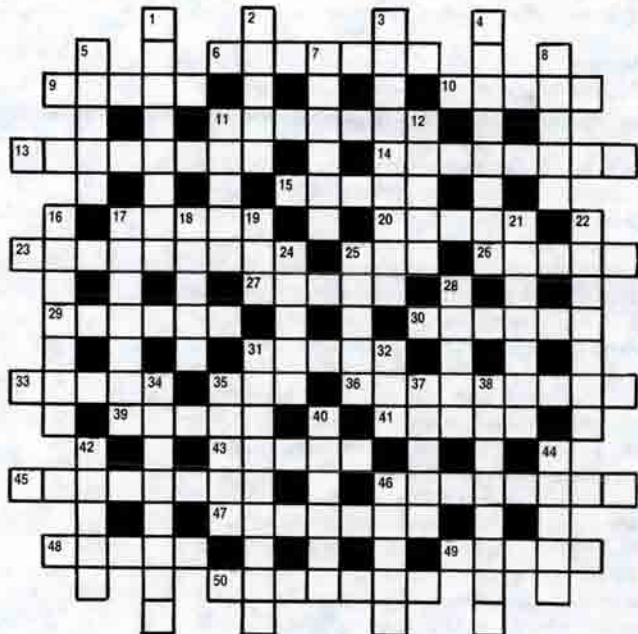
**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1**

По горизонтали.

3. Днаун. 9. Матра. 10. Охотник... 11. Гуанано. 12. Бисвит. 13. Гоцци. 15. Лонжон. 16. Стефенсон. 19. Чечевица. 21. Шенспир. 22. Хлев. 25. Рана. 28. Нолонал. 29. Дилетант. 31. Истерична. 33. ... мотив... 34. Шелон. 36. Волович. 37. Миколог. 38. Франций. 39. Укроп. 40. ... щепни.

По вертикали.

1. Зависть. 2. Прокофьев. 4. Жгут. 5. Урна. 6. Эхо. 7. Отрон. 8. Ницца. 10. Октоген. 11. Гиннесс. 13. Горец. 14. Фокин. 17. Цинал. 18. Табак. 20. Ехида. 21. Шелли. 23. Фосса. 24. Нозерог. 25. Рокировка. 26. Атман. 27. Янсений. 30. Снлизон. 32. Перро. 33. Норна. 35. Доре. 36. Волк. 37. Мий.

КРОССВОРД

Составила Г. ФИЛИНА,
Сасово Рязанской обл.

По горизонтали.

6. Старинное название изумруда. 9. Нулик, по которому названа мелкая дробь. 10. Место боевых действий. 11. Козел или Осел как музыкант в басне И. Крылова «Квартет». 13. Самая трудная часть шахматной партии. 14. Русский портретист, учитель В. Боровиновского. 15. Тулуп из жеребьячьих шнур. 17. Диалог Платона. 20. Быстрое вставание. 23. Искусство, изученное Г. Хазановым в «техникуме». 25. Доспех, наной воин держал в руке. 26. «Привычное» умение. 27. Непристойная пирушка. 29. Поэма С. Есенина. 30. Общество ничтожных, дрянных людей. 31. Сорняк, скреживаемый с пшеницей. 33. Замечательный художник Серебряного века, у которого В. Стасов не находил ничего, кроме «наранулей, раскоряк и смехотворных боснетов». 35. Пианист, закончивший аспирантуру под руководством Г. Нейгауза. 36. Прозрачная пластмасса. 39. Веление, зов внутреннего чувства. 41. Злая волшебница в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила». 43. Серебряный гюльден богемской чеканки. 45. Машина со всеми ведущими колесами. 46. Французский авантюрист, служивший у Бориса Годунова и обоих Лжедмитриев. 47. Советский гимнаст, многократный чемпион мира и Олимпийских игр. 48. Жирное тесто. 49. Поле после уборки хлеба. 50. Спинная деталь одежды.

По вертикали.

1. Прыжковое спортивное устройство. 2. Тяжелый медосборщик. 3. Государство на Балканах. 4. Войска, расквартированные в крепости или населенном пункте. 5. Композитор, основавший в 1897 году близ Милана «Убежище для престарелых музыкантов». 7. Украинская эстрадная певица. 8. Самоцвет, «камень вождей» древности. 11. Приток Везера (Германия), 12. Словесная часть кроссворда. 16. Поэт, написавший слова песни «Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...» 17. Ученый, изучающий культуру через письменные памятники. 18. Красное виноградное вино, популярное на Руси. 19. Французский физик, награжденный медалью Б. Румфорда. 21. Чернов в замке или дворце. 22. Пожар лица от стыда. 24. Наклейка на товаре. 25. Морда собаки на языке охотников. 28. Музыкальный инструмент Садно. 31. Танец, по неизвестной причине исключенный из советских музыкальных словарей. 32. Немецкий космонавт. 34. Спортивная игра. 35. Дьяк, учитель Петра Первого. 37. Смола для церковного курения. 38. Выпячивание своих достоинств, властных возможностей перед подчиненным или слабым человеком. 40. Трава, способствующая заболачиванию лугов, но закрепляющая пески. 42. Спортивная борьба. 44. «...Парижа» – роман Э. Золя. 46. Сподвижник князя Пожарского в борьбе с польской интервенцией.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1**

По горизонтали.

5. Ингуш. 6. Щипец. 8. Хальнопирит. 13. Ансон. 14. Собанин. 17. Ерник. 19. Газон. 21. Кларнет. 23. Варзуга. 24. Разрядник. 25. Отдел. 26. «Лаура». 28. Мартенсит. 30. Утконос. 31. Яковлев. 32. Цокор. 35. Жесть. 36. Денарий. 37. Чирок. 40. Ультрамарин. 41. Эйлер. 42. Шимми.

По вертикали.

1. Ангар. 2. ...бульдог. 3. Нинитин. 4. Петит. 7. Поназ. 9. Юкола. 10. Добротность. 11. Фрезеровщик. 12. Шингу. 15. Багратион. 16. Конденсор. 18. «Теремок». 20. Накатна. 22. Талас. 23. Вилия. 27. Штрек. 29. Щегол. 32. Центнер. 33. Казан. 34. Ризалит. 38. Слайд. 39. Фирма.

Шахматная этиграмма

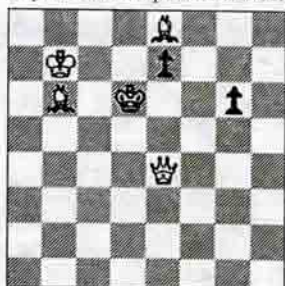
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Публикуем оригинальные композиции VI международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр, а также решения задач, опубликованных в №№ 1–4 «Смены» за 1996 год. Правильные ответы прислали **И. Бедрин** (пос. Пинега Архангельской обл.), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **Г. Попов** (Якутск), **Г. Садовский** (Москва), **В. Симонов** (Самара).

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

16. В. ПИЛЬЧЕНКО

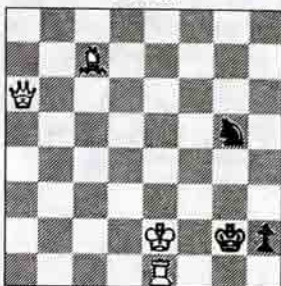
г. Сухой Лог Свердловской обл.

Мат в 2 хода

17. В. ЖЕЛТОНОЖКО, В. КОВАЛЕНКО

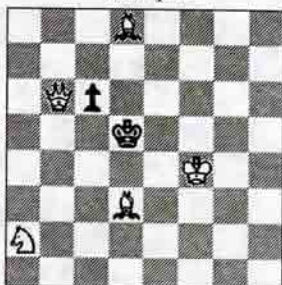
Россия

Мат в 2 хода

18. В. ЛУКАШОВ

Таганрог

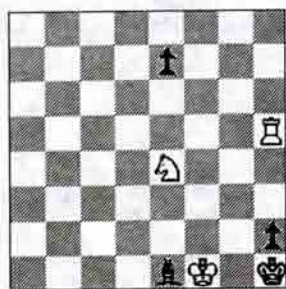

Мат в 2 хода

б) Kpf4 – e3

19. Ю. СЕРЕЖКИН

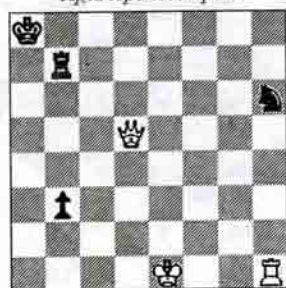
Саранск

Мат в 3 хода

20. В. НОВАЛЕНКО

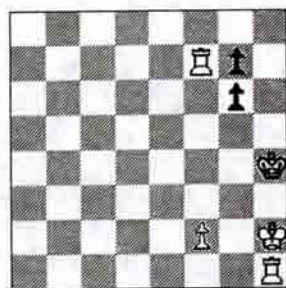
*г. Большой Камень
Приморского края*

Мат в 3 хода

21. Л. ЛЕБЕДЕВ

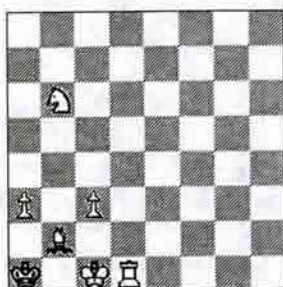
г. Бобруйск, Беларусь

Мат в 3 хода

22. В. ИВАНОВ

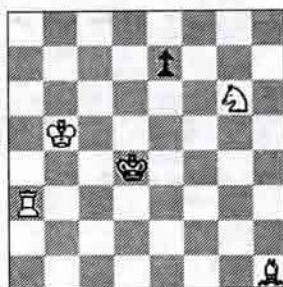
пос. Повенец, Карелия

Мат в 4 хода

23. Ю. СУШКОВ

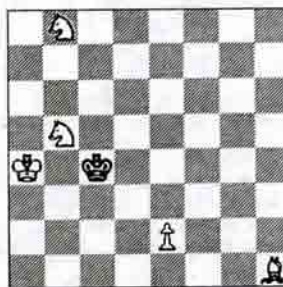
Санкт-Петербург

Мат в 6 ходов

24. Н. ЗИНОВЬЕВ

Усть-Каменогорск, Казахстан

Мат в 8 ходов

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ**«Смена» № 1, 1996**

1. В. Антипов. а) 1. Кс6, 1. Кд7? а6!; б) 1. Кс6. *Побочное решение:* 1. Нрб7
2. Р. Линкольн. 1. Фf4
3. В. Дячун. 1. Нf4? Ле8!, 1. Кс1? Cf3!, 1. Кс5!
4. Л. Ларсен. 1. Се7
5. В. Марковций. 1. Фf3
6. Н. Зиновьев. 1. Фа3? Кс5!, 1. Фс2?, Нг7!, 1. Фс3? Нд4!, 1. Фс4!
7. С. Демидюк. (бел. Фе7) 1. Нд7 Нрб7 2. Фс5, 1... Кра7 2. Фб5
8. Н. Кралин. 1. Сс7 Сс8 2. Сд6 Нре8 3. Фе7х, 1... Нре8 2. Фг8 Нре7 3. Сд6х; 1. Нрд6? Сс8 2. Сс5, 1... Сс8!
9. А. Скрипкин. 1. Лд5! Кра6 2. Ла5 ба 3. б5х, 1... Нрб8 2. Сб6 Нрс8 3. Лд8х
10. В. Кожанин. 1. Сс2 Нрх3 2. Не5, 1... Нрх5 2. Нрг3; 1. Сс4? Нрх5!, 1. Cf4? Нрх3!

11. Н. Зиновьев. 1. с3! Кра5 2. Нб3 Нрб5 3. а4х, 1... Нрс5 2. Сб4 Нрб5 3. а4х; 1. а3? Нрс5 2. Св4 Нрд4!

12. Л. Ларсен. 1. d8C! Нрд7 2. Нд4 Нрд8 3. Небх

13. Р. Упстрем. 1. d8C! Нрд2 3. Сг5 Нре1 3. Лf4 Нрд2 4. Лf1х

14. М. Нормильцев. 1. Фг8 Нрд7 2. Фд5 Нрс 7 3. Лс3 Нрб6 4. Лс6х

15. Ю. Овчинников и Г. Нурбанов. 1. Сс6 Нрх7 2. Ла8 ф3 Се8, 2... ф6 3. Се8 (3. Ла7 - дуаль), 1... Нрf6 2. Ла8 Нрб6 3. Лh8, 2... Нре6 3. Ла6 (3. Лд8, 3. Се8 - дуали)

«Смена» № 2, 1996

16. М. Марандюк. а) 1. Фh6; б) Нрд7; в) 1. Нд7

17. З. Гнат. 1. Фд8

18. Л. Ларсен. 1. Лf4!, 1. Лf5? Нг4!, 1. Лг2? г4!

19. Р. Линкольн. 1. Сд1

20. Л. Ларсен. 1. Нр7 Лг7 2. Нре6, 1... Нрг8 2. Се6, 1. Нре6? Лh6!

- Побочное решение:* 1. Се6 Лг7 2. Cf7

21. В. Морозов. 1. Нег5! Нрг2 2. Нh3

22. В. Кожанин. 1. ф5 Нрг3 2. Сд6, 1... Нрг1 2. Ле1; 1. Нрг5? Нрг3 2. Нг4, 1... Нрг1!, 1. Нг4? Нрг3 2. Нрг5, 1... Нрх1!, 1. Не4? Нрх1, Нрг1 2. Нг3, Сс5, 1... Нрх3!; 1. Cf3? Нрг1 2. Нд3, 1... Нрг3!; 1. Сд6? Нрг3 2. ф5, 1... Нрг1!; 1. Сс5? Нрг1 2. Не4, 1... Нрг3!

23. М. Чернушно. 1. Сд2! Нрг4 2. Сг5 Нрх5 3. Нf2 е5 4. г4х, 1... Нрх4 2. Нрf5 Нрх5 3. Нf6

24. В. Антипов. 1... б4 2. Фб2х; 1. Фс2! Нрб4 2. Кра2 Кра5 3. Фс6 Нрб4 4. Фс1 Кра5 5. Фа3х

«Смена» № 3, 1996

25. В. Мельничено. 1. Са3? Нрд5 2. Фе4х, 1... d5!; 1. Сд4? d5 2. Фб6х, 1... Нрд5!; 1. Сд3?, ∞ Нрд5 2. Фб5, Фс4х, 1... d5!; 1. Cf5! Нрд5, d5 2. Фб5, Сд7х

26. Р. Линкольн. 1. Фb8? Сд4!, 1. Фа5? е5!, 1. Фh8!

27. М. Марандюк. а) 1. е5! Нрс6, с6 2.

- Фб5, е6х; б) 1. Фb7! Нрд6, Нре8 2. Фд5, Фс8х; в) 1. Са6! Нрс6, с6 2. Фд5, Фс8х
28. Л. Ларсен. 1. Фе8

29. В. Симонов. (черн. Крб7) 1. Ле7 Кра7 2. Нб5 Кра6 (а8) 3. Ла7х, 1... Нрс8 2. Нрс6

30. Х. Фреберг. 1. Нб4 ∞ 2. Кс6 Кра7 3. б7х, 1... Нб6 2. Кс6 Кра8 3. Ла7х, 1... Не7 2. На6 Кра8 3. Ла7х. *Дуаль на 1... На7 - 2. Ла7 и 2. б7.*

31. С. Демидюк. 1. Фh8! Нрх8 2. ф8Ф, 1... Нрf7 2. Нрд7 (дуаль на 1... Нрf8 - 2. Нрд7 и 2. Нh6); 1. Фh7? Нрх7 2. ф8Ф Не4!

32. В. Антипов. 1. Cf8 Лf8 2. gfc (дуаль - 2. gff!) Нрб8 3. Са6 Кра7 4. Нрб5 Нрв8 5. Нрб6 Нрв8 6. Сд6 Нрв8 7. Сб7х

33. В. Морозов. 1. Нf1 Нрх4 2. Нг3 ф6 3. Нрf4 ф5 4. Нf5 Нрх5 5. Не7 Нрх4 6. Нрf5 Нрх5 7. Нд5 Нрх4 8. Нf4 h5 9. Нг6х

«Смена» № 4, 1996

34. В. Сурнов. 1. Фг1

35. Р. Линкольн. 1. Фс3

36. В. Новаленко. 1. б4 ∞, Нрс4, Нре4 2. Фf4, Фс5, Фf4х, 1. Cf4? ∞, Нре4 2. Фб4, Фе5х, 1... Нрс4!, 1. Сд2? Нрс4, Нре4 2. Фб4, Фf4х, 1... f2!

37. С. Милевский. 1. Фб5

38. Ю. Сушнов и Ю. Фочин. 1. Фг2? Нрд4!; 1. Фс4? Нрf3!; 1. Нрс3? (2. Фг2х) Нрf3!; 1. Нре2? (2. Фс4х) Нрд4!; 1. Не3 Нрf3, Нрд4 2. Фг2, Фс4х

39. Л. Грольман. 1. Лд4 б1Ф 2. Лд3 Фб2 3. Лд1х, 1... Нрб1 2. Сб3 Нра1 3. Лд1х

40. Ю. Гордиан и В. Желтоножко. 1. Фе1 б1Ф 2. Фс3 Кра2 3. Фа5х, 1... б1Н 2. Кс2 Кра2 3. Фе6х, 1... Кра2 2. Кс3 Кра3 3. Фе7х

41. З. Гнат. 1. Сс4! Нрс2 2. Фе3 Нрб2 3. Фс1х, 1... Нрс3 2. Лс1 Нрд2 3. Фh6х, 1... Нре1 2. Фе3 Нрд1 3. Сб3х, 1... г1Ф 2. Фб2 Нре1 3. Фе2х

42. М. Марандюк. а) 1. Ла4! Нрf3 2. Сг1 Нрг3 3. Ла3х; б) 1. Сс3! Нре3 2. Ла1 Нрf2 3. Сд4х

43. С. Демидюк. (черн. Крf5) 1. Сh6 Нрг6 2. Нf8, 1... Нрf6 2. Нрг4, 1... Нре5 2. Кс7

44. Ю. Сушнов. 1. Фс1 Нрд3 2. Сб5 Нрд4 3. Фс7, 1... Нре5 2. Фf4 Нре6 3. Нрг5, 1... Нрд4 2. Нрf4 Нрд3 3. Сб5

45. В. Кожанин. а) 1. е3 Нрб6 2. Лб3 Нрв7 3. Лб7; б) 1. с4 Нрб6 2. Нрб4 Нрв7 3. Ла3. *Побочные решения:* 1. Лд4 (d2, d1)

46. В. Сурнов. 1. f3 Нре6 2. Нрс6 Нре5 3. Фh6 Нрf5 4. Нрд7 Нре5 5. Фг5х 1... Нрд5 2. Фh6 Нре5 3. Нрс6 Нрf5 4. Нрд7 Нре5 5. Фг5х

47. В. Новаленко. 1. Фд8 Лб8 2. Фд7 Нрв8 3. Фс6 Лb7 4. Фд5, 3... Л7b7 4. Кра6

48. В. Шильников. 1. Нрх4 Нрf2 2. Нрг4 Нрг1 3. Нрf3 Нрх2 4. Нf4 Нрг1 5. Сг2 Нрх2 6. Нf1 Нрг1 7. Нh3х

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Лет шесть назад Костя Беляшин продавал свои картины на ярмарке в Измайлово. Мальчик с копной каштановых волос, с усами и смешной бородкой, закончивший Художественное училище 1905 года, очень неохотно расставался со своими картинами. Уже тогда у него появились поклонники: физик-ядерщик, каждое воскресенье покупавший у Кости по картине, известный архитектор – один из авторов высотки МГУ, и, конечно, иностранцы.

Их, как и наших любителей живописи, притягивал сработанный романтизмом грустный беляшинский романтизм: на сказочно-реалистических холстах жили странные, но узнаваемые звери, животные, растения, насекомые, и среди них сам художник в образе задумчивого, неизменно грустящего юноши.

Кто-то из иностранцев вывез уличного художника Беляшина в Европу, где с 1989 года у него состоялось уже с десятком выставок – в

Германии, Дании, Швеции, Норвегии....

Я пришел в галерею «Рама-Арт» и с первого же взгляда на картины Беляшина понял, что взгляд на мир за прошедшие годы у него остался прежним. Только сам он на своих полотнах, точнее его герой, явно повзрослел, и я невольно вспомнил слова знаменитого Таирова: «Человек взрослеет – это драма». Драма ощущалась во всем: и картины были уже не столь яркими (зато подсвечивались изнутри каким-то загадочным светом), и героев теперь, казалось, было сразу двое, как бывает во сне: один, что на картине, – наяву, другой, невидимый, словно глядит на него откуда-то со стороны. Из прежних работ на выставке была только одна – «Двор моего детства», с которой Беляшин не расстанется.

– Двор детства... Что означает он для вас?

– У Александра Грина есть такие слова: «Детское живет в человеке до седых волос». Двора, в котором прошло мое детство, давно уже нет. И вот однажды я написал картину, которая напоминает о нем, сохраняя во мне веру, надежду и любовь. Она прошла со мной через все мои мятарства. Благодаря ей, когда бывало особенно трудно, или, напротив, когда одолевали дьявольские соблазны, я возвращался в лучшие свои времена, в те, что, взрослея, люди забывают и тогда они, по сути, перестают жить.

Константина Беляшина порой называют «последним романтиком». И в самом деле, по своей чистоте и убеждениям он представляет собой тот «исчезающий вид» художника, которого уже не встретишь на многочисленных московских вернисажах. И, понимая, что стоит особняком, Беляшин вовсе не стремится выставляться с другими художниками. Вот и здесь, в

«Рама-Арт», он снова в гордом одиночестве. И вновь картины его пронзительно чисты. За исключением главного героя, мальчика-рыцаря, покровителя всех живущих на земле животных, насекомых и растений, все остальные персонажи – «Трубочист», «Старый мастер», «Ловец бабочек» – явились из сназон, из воспоминаний о прошлом и, конечно, из глубочайших снов.

– Я заметил, что у вас множество крылатых образов: пчелы, бабочки, кузнечики, даже люди, у которых, как у ангелов, крылья за плечами. Считаете, все должны летать? Или, по крайней мере, взлетать?

– Ощущение полета – это же счастье! Впрочем, я предпочитаю летать во сне, а не на дельтаплане. Нинаной техники – все только от Бога.

Некоторые персонажи пришли в беляшинские картины прямо из детства. Например, «Паучок». До сих пор я слышал только о хмурых и агрессивных пауках – таних, как в «Мухе-Цокотухе». Но от Паучка Ности Беляшина можно ждать только добра, и я невольно догадываюсь: вероятно, это тот, что носит письма. Что касается «Кузнечика Генриха»...

– Я ведь родился в Абрикосовском переулке, что рядом с Ново-Девичьим монастырем. Часто ходил с сачком в Ново-Девичий, на территории которого летом цвели настоящие луга с густыми травами и цветами, с бабочками и кузнечиками. Из бабочек я создал неплохую коллекцию, а «пленные» кузнечики жили со мной, мамой и бабушкой. Один, по имени Генрих, прожил у нас с августа по февраль! Я кормил его хлебом, сахаром... А теперь он живет на картине, в некотором царстве-некотором государстве, опять под своим именем, и нинаная смерть ему не страшна – никто его у меня не отнимет.

– Ваш Генрих, по крайней мере, похож сам на себя, то есть на кузнечика. А вот на картине «Мой муравьед» действительно – ваш муравьед, ведь такого нет в природе.

– Я его не придумывал, такой уж вышел. Но иногда мне кажется: если его у меня вдруг отнимут, то отнимут сразу все.

– Чудная философия. Интересно, кто из художников вам всего ближе? А может, и вовсе нет таких?

– Почему же? Из далекого прошлого – Эль-Греко, из недавнего – Марк Шагал. А вот из нынешних...

Беляшин не договаривает. Затем грустно вздыхает, устремив взор в какую-то даль – быть может, во Двор Своего Детства, где я когда-то впервые увидел его Мальчика.

– О чем грустил тот мальчик? – спрашиваю я.

– Помните, как у Хемингуэя? «Я лежу на африканской траве и грущу по Африке». Этот мальчик грустил о том, что детство скоро пройдет. Как в стихах Роберта Фроста:

Новорожденный лист не зелен – золотист.

И первыми листьями, как райскими цветами,

Природа тешит нас.

Но только лишь на час.

– Итак, детство кончилось. О чем же вы грустите сейчас?

И я показываю на одну из последних картин – «Воспоминание о Лете».

– Я писал ее, томясь прошлым, но в предвзвешении предстоящего Лета. Для меня ведь не существует настоящего – только прошлое и будущее.

Впрочем, тут Ностя немного лукавит. Есть и настоящее. И я долго стою перед удивительной картиной. На ней изображены самые настоящие «Лев, Водолей и Скорпион» – автопортрет художника с женой и сыном.

Константин БЕЛЯШИН. Красная кошка

Ожидание

Сизиф

Уроло Демарин

